

Годъ

XX.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
четыре руб., съ пересылкою пять № 18.
рублей сереб.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при кievской
семинаріи.

1879 года. Апрѣля 29-го.

Содержаніе. Посильный отвѣтъ современному обвинителю православнаго русскаго духовенства.—Къ вопросу объ улучшеніи матеріальнаго быта православнаго духовенства.—Богомольцы.—Трудъ и бережливость (стихотворенія).—*Въ приложеніи:* Рѣчь къ поселянамъ предъ благодарственнымъ молебномъ за спасеніе жизни Государя во 2-е апрѣля (окончаніе).—Катихизическія бесѣды на десять заповѣдей Божиихъ.—Поученіе предъ браковѣчаніемъ.

Посильный отвѣтъ современному обвинителю православнаго русскаго духовенства.

Въ журналѣ »Прав. Обзор.« за 1878 г. въ окт. кн. напечатана статья подъ заглавіемъ »По поводу жалобъ на духовенство« И. Архипова. Мы считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ этой статьи, потому что она касается всего нашего духовенства—пастырей церкви. Можетъ быть, статья эта, по своему содержанію, не понравится нѣкоторымъ духовнымъ пастырямъ; въ ней заключаются въ свою очередь жалобы и притомъ серьезныя жалобы на пастырскую дѣятельность нашего духовенства. Она можетъ не понравиться однимъ потому, что частію содержитъ въ себѣ и правду, а другимъ потому, что отзывается неправдиво-

стію и рѣзкостью. Но мы имѣемъ въ виду сколько напомнить о правдѣ, столько и еще болѣе заградить уста неправымъ. Мы изложимъ сущность жалобъ, содержащихся въ названной статьѣ г. Архипова и выскажемъ свои powerful сужденія по этому поводу, въ ожиданіи болѣе серьезнаго и компетентнаго отвѣта.

Авторъ начинаетъ статью свою указаніемъ мотива для написанія ея. Въ № 3-мъ »Церковнаго Вѣстника« за 1877 годъ прот. І. Я—мъ помѣщена была замѣтка подъ заглавіемъ: »Нѣчто изъ современной религіозной жизни протестантскихъ общинъ въ С.-Петербургѣ«. По поводу этой замѣтки вѣкто Ѳ. Т. обратился въ редакцію названнаго Вѣстника съ письмомъ, озаглавленнымъ словами: »Жалобы на духовенство« и помѣщеннымъ въ № 5 того-же Вѣстника за тотъ же годъ. Въ письмѣ этомъ онъ, относясь съ полнымъ сочувствіемъ къ заботамъ, прилагаемымъ въ протестантствѣ къ облегченію духовныхъ недуговъ каждаго, ищущаго духовной помощи и опоры, сѣтуетъ на то, что у насъ ничего подобнаго нѣтъ. Противъ такихъ сѣтованій возвысилъ голосъ составитель помянутой замѣтки въ своемъ »Отвѣтѣ на жалобы«, занявшемъ мѣсто вслѣдъ за письмомъ Ѳ. Т. Но отвѣтъ этотъ самъ І. Я. находитъ недостаточнымъ, говоря: »лучше всего могъ бы дать отвѣтъ кто-нибудь изъ приходскихъ священниковъ столицы« (№ 5 Ц. Вѣст.).

»Уже къ концу минувшаго года, говоритъ г. Архиповъ, появился въ »Правосл. Обзорѣніи« разборъ книги »Кругъ поученій« прот. Бѣлоцвѣтова, написанный П. Лебедевымъ, подъ названіемъ »Современное русское проповѣдничество«, въ которомъ послѣдній указываетъ нашему духовенству, сверхъ »требо« и »обрядо-исправленій«, на другую дѣятельность—проповѣдническую. Тамъ же помѣщена статья Н. Лѣскова »Дикія фантазіи«, направленная

уже противъ порицающихъ духовенство за его невниманіе къ духовнымъ нуждамъ мірянъ. Затѣмъ преосвященный Амвросій, новый викарій московской епархіи, въ рѣчи, произнесенной имъ 13 янв. въ Святѣйшемъ Синодѣ, единственнымъ средствомъ къ разсвѣнію въ душахъ дѣтей церкви православной ихъ сомнѣній и колебаній, вредящихъ твердости и силѣ вѣры ихъ, предлагаетъ тоже проповѣдь. Но на жалобы, какія видимъ въ письмѣ О. Т., равно какъ и на отзывъ на нихъ прот. І. Я. отвѣта полного со стороны духовенства ни столичнаго, ни внѣстоличнаго до сихъ поръ еще не появлялось. Вызываемые великою важностію предмета съ одной-и самимъ молчаніемъ тѣхъ, отъ кого тщетно ожидался желаемый отвѣтъ, съ другой стороны, мы, въ ожиданіи все-таки отвѣта болѣе твердаго, беремъ смѣлость подать скромный голосъ изъ глуши да-леко внѣстоличной и изъ среды вовсе не духовной».

Въ началѣ изложенія самаго содержанія своей статьи, авторъ говоритъ, что »первый и великій Учитель нашъ—самъ Спаситель... Непосредственными продолжателями Его ученія были Его первые послѣдователи и ближайшіе ученики—Апостолы. Такимъ образомъ дѣло священниковъ не служить только, но и учить. Первое мы видимъ вездѣ, а послѣднее? Въ письмѣ О. Т. читаемъ: »бесѣды и лебцій у насъ нѣтъ въ С.-Петербургѣ, по крайней мѣрѣ для образованнаго класса жителей; хорошая проповѣдь иногда изрѣдка раздается«. Если въ столицѣ голосъ, призывающій ко спасенію, такъ недостаточно слышенъ, то въ мѣстахъ отдаленныхъ, въ глуши уѣздной, станичной и сельской раздается еще рѣже, а есть и такіе уголки, гдѣ вовсе не слышенъ онъ. Отъ чего это? Скажутъ, можетъ быть, что вѣдь не всѣ же священники такъ образованы, чтобъ въ состояніи были писать бесѣды. Это правда. Но для такихъ у насъ есть готовыя бесѣды, кромѣ Златоуста

и другихъ древнихъ святителей,—митрополита Филарета, архіепископа Иннокентія, протоіереевъ Путятина и Бѣловцова и еще кое-кого изъ отечественныхъ проповѣдниковъ. Стоитъ только подготовиться предварительнымъ чтеніемъ дома, чтобъ потомъ внятно, ясно, по возможности выразительно прочитатъ въ церкви и такъ образомъ за неимѣніемъ своего предложить въ назиданіе хоть чужое.

Итакъ, по мнѣнію г. Архипова, »голосъ, призывающій ко спасенію, «въ столицѣ слышенъ недостаточно, въ городахъ и сѣлахъ раздается еще рѣже, а въ нѣкоторыхъ уголкахъ его и вовсе не слышать. Причина этого печальнаго явленія, по предположенію г. Архипова, могла бы заключаться развѣ въ недостаткѣ образованныхъ пастырей, могущихъ писать бесѣды; но эта причина легко устраняется, благодаря готовымъ проповѣдническимъ произведеніямъ древнихъ и новыхъ нашихъ отечественныхъ извѣстныхъ проповѣдниковъ. Такъ образомъ фактъ становится еще болѣе грустнымъ, потому что не имѣетъ для себя достаточной причины, кромѣ развѣ лѣности и нерадѣнія пастырей церкви.

Это обвиненіе, пожалуй, можетъ быть признано и справедливымъ, но только въ нѣкоторой мѣрѣ, и отнюдь не въ той его рѣзкой категорической формѣ, въ какой оно высказано у г. Архипова. Еще можно, пожалуй, сказать, что проповѣдь у насъ нерѣдко считается какъ бы дѣломъ второстепеннымъ,—не составляетъ существенной части богослуженія,—что проповѣдь вообще у насъ въ недостаточномъ развитіи, особенно сравнительно съ лютеранскою церковію, и что въ ней чувствуется большая нужда,—хотя и съ этими словами, какъ увидимъ ниже, нельзя вполне согласиться. Но сказать, что голосъ, призывающій ко спасенію, вообще весьма рѣдко, а въ нѣкоторыхъ (какихъ-то) мѣстахъ и вовсе у насъ не раз-

дается,—едва-ли справедливо. Впрочемъ, мы даже не совѣмъ и понимаемъ, что хотеть сказать этими словами нашъ обвинитель. Онъ самъ категорически утверждаетъ, что служеніе (богослуженіе), лежащее на обязанности пастырей, совершается у насъ вездѣ. Но неужели богослуженіе совершенно не есть голосъ, призывающій ко спасенію? Если такъ, то какой же его смыслъ, какая цѣль и значеніе? По благовѣсту церковнаго колокола, иди въ церковь, всякій вѣрующій членъ ея, если хоть сколько нибудь движется въ немъ мысль, конечно, сознаетъ, куда и зачѣмъ онъ идетъ,—онъ идетъ молиться, служить Богу для спасенія своей души. Такимъ образомъ, признавая повсюдное совершеніе богослуженія, нельзя утверждать и того, что «голосъ, призывающій ко спасенію», раздается у насъ весьма рѣдко или даже и вовсе не раздается. Но г. Архиповъ голосъ, призывающій ко спасенію, по всей вѣроятности, понимаетъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ,—онъ, вѣроятно, разумѣетъ подъ нимъ проповѣдь, такъ какъ почти всѣ его обвиненія вращаются около этого пункта. Но и въ такомъ случаѣ мы все-таки затрудняемся согласиться, чтобы въ настоящее время нашлись у насъ такіе пастыри, которые бы въ теченіе цѣлаго года не сказали ни одного слова, ни одного поученія своимъ прихожанамъ. Намъ кажется, что какъбы ни былъ лѣнивъ, старъ, неспособенъ священникъ, всеже хотъ въ праздникъ, хотя по книжкѣ, да скажетъ что нибудь. Такъ на самомъ дѣлѣ вообще и дѣлается. Быть можетъ, обвинителю извѣстенъ одинъ-другой приходъ, гдѣ проповѣдь совѣмъ забыта. Но еслибы и дѣйствительно нашлись такого рода пастыри, которые совѣмъ оставили церковную проповѣдь, какъ не относящуюся къ ихъ обязанности, то это уже нужно отнести къ исключительнымъ и единственнымъ случаямъ, достойнымъ сожалѣнія. Такого рода явленія, безъ сомнѣнія, грустны и нежелательны, но

они всегда могут повторяться, и изъ-за нихъ едва ли справедливо обвинять другихъ въ лѣности и нерадѣніи.

Но еще болѣе насъ удивляетъ сужденіе г. Архипова о причинѣ, по которой бы ›голосъ, призывающій ко спасенію‹, могъ рѣдко слышаться, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и вовсе не раздаваться. Это сужденіе намъ кажется поверхностнымъ, даже наивнымъ, далеко необнимающимъ всей совокупности условій достойнаго служенія пастыря церкви. ›Неумѣнье писать бесѣды‹, — вотъ единственная причина, по которой не могъ бы раздаваться голосъ, призывающій ко спасенію. Эту-то причину легко устранить, (надъ этимъ не задумался и г. Архиповъ), но что сдѣлать съ другими, болѣе глубокими и дѣйствительными причинами?... Умѣнье, знаніе дѣла не есть еще необходимая причина самаго дѣла...

Продолжая излагать обвинительный актъ на духовенство, г. Архиповъ указываетъ на болѣе сильныя и вѣсныя основанія для жалобъ на духовныхъ пастырей. Онъ находитъ, что преобладающее число пастырей церкви суть люди, получившіе, если не академическое, то по крайней мѣрѣ семинарское образованіе. ›Но почему же и изъ нихъ, спрашиваетъ онъ, за исключеніемъ едва замѣтнымъ, одни очень рѣдко говорятъ бесѣды и при томъ только частію свои, частію же чужія по книжечкѣ, а другіе не произносятъ никакихъ? Авторъ предполагаетъ причину и для этого явленія, хотя только по отношенію къ нѣкоторымъ священникамъ городскимъ. ›Иногда, говоритъ онъ, это происходитъ отъ того, что нѣкоторымъ изъ священнослужителей въ городахъ произнесеніе бесѣдъ кажется трудомъ во все излишнимъ, въ томъ мнѣніи, что тѣ, кого бы стали учить они, учились же вѣдь закону Божію, и, значить, сами знаютъ, какъ благоустроить свою жизнь согласно съ волею Божіею, что пришлось намъ слышать въ одной

церкви изъ устъ проповѣдника, высокій санъ имѣющаго». Но причину эту обвинитель находитъ неудовлетворительною. Вотъ какъ онъ доказываетъ ея несостоятельность. »Упомянутая отговорка можетъ, конечно, имѣть въ виду только слушателей, принадлежащихъ къ средѣ людей образованныхъ. Но и тутъ уместна ли она? Развѣ образованіемъ устраняется потребность въ духовномъ наставленіи? Конечно, нѣтъ: съ одной стороны никакое преподаваніе закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ обыкновенно учатся ему, не можетъ во всей глубинѣ исчерпать слово Божіе и сдѣлать проповѣдь ненужною, а съ другой—какъ бы ни былъ просвѣщенъ слушатель, житейскія заботы и свѣтскія развлеченія, отвлекая его вниманіе и помышленіе отъ небеснаго и вѣчнаго и обращая ихъ только къ земному и временному, поселяютъ въ немъ безпечность въ отношеніи къ тому, что ведетъ ко спасенію, а такое расположеніе дѣлаетъ тѣмъ болѣе не лишнимъ слушаніе поученій, что послѣднія приводятъ на память то, что хоть и предполагается уже извѣстнымъ, однакожь забыто и потому остается безплоднымъ для души. И первые великіе учителя, исполняя заповѣдь Спасителя, не только учили, но и прилагали особыя заботы къ тому, чтобы наученные уже ими не забывали то, чему научены». Далѣе авторъ въ подтвержденіе своихъ мыслей ссылается на апостоловъ Петра и Павла и наконецъ замѣчаетъ: »таковы истинные сѣятели слова жизни. О подобныхъ учителяхъ совѣтуетъ Апостолъ, по смерти ихъ, вспоминать и, приводя на память наставленія ихъ, брать въ подражаніе вѣру ихъ (1 Кор. 8, 7). Посмотримъ вокругъ себя и спросимъ у другихъ: гдѣ у насъ подобныя учителя, гдѣ подражатели столь высокихъ примѣровъ заботливости наставниковъ о спасеніи наставляемыхъ ими? Не видимъ и не знаемъ».

Съ этими сужденіями обвинителя, конечно, нельзя не согласиться въ нѣкоторой мѣрѣ. Поговорка ›ученаго учить только портить‹, содержащая въ себѣ сущность отговорокъ нѣкоторыхъ пастырей, неговорящихъ проповѣдей, не можетъ имѣть мѣста. Однакожь, выводъ то, сдѣланный г. Архиповымъ изъ всего предыдущаго, кажется ужъ очень рѣзкимъ. ›Посмотримъ, говоритъ онъ, и спросимъ у другихъ: гдѣ у насъ подобные учителя, гдѣ подражатели столь высокихъ примѣровъ заботливости наставниковъ о спасеніи наставляемыхъ ими? Не видимъ и не знаемъ‹. На это скажемъ, что, быть можетъ, г. Архиповъ не хочетъ видѣть и знать ихъ. А еслибы захотѣлъ, то навѣрное нашелъ бы пастырей усердныхъ, ревностныхъ, честно свою службу правящихъ. Представлять здѣсь фактическія доказательства считаемъ излишнимъ, такъ какъ и обвинитель не даетъ ихъ.

Обвинивши духовныхъ пастырей за то, что большая часть ихъ, не смотря на полученное достаточное образованіе, игнорируетъ свою обязанность проповѣдывать слово Божіе,—учить и наставлять своихъ пасомыхъ въ вѣрѣ,—обвинитель нашъ жалуется дальше на полное невѣжество, ›темноту и слѣпоту‹ большинства населенія нашего отечества. ›Большинство населенія нашего отечества составляютъ такіе недѣлимые, которые сами называютъ себя людьми темными, слѣпыми, то есть полными неучами. Но отъ кого же научиться имъ, если безмолствуютъ тѣ, чья прямая обязанность есть учить?... Сколько есть такихъ темныхъ уголковъ, гдѣ нѣтъ учителей никакихъ: ни духовныхъ, ни школьных. Если существуютъ уже и не перестаютъ вновь открываться по селамъ и хуторамъ училища, то какъ много остается мѣстъ, гдѣ нѣтъ ихъ, и какъ незначительно еще въ простомъ народѣ число грамотныхъ сравнительно съ числомъ вовсе безграмотныхъ‹.

Святую правду изрекли вы, г. Архиповъ, давно впрочемъ многими ясно сознаваемую и открыто заявляемую. Грамотность, при всѣхъ неусыпныхъ заботахъ и усиленныхъ мѣрахъ нашего правительства, все еще подвигается какъ-то туго и, дѣйствительно, много и много еще найдется людей безграмотныхъ. Но что же, неужели виновниками и этого неотраднaго у насъ явленія вы хотите признать нашихъ духовныхъ пастырей? Неужто въ кругъ пастырскихъ обязанностей вы хотите включить обязательное обученіе крестьянскихъ дѣтей и содержаніе училищъ на средства духовенства? Вы сами немного ниже говорите, что непосильнаго и вообще почему либо невозможнаго нельзя и требовать; а вотъ теперь, кажется, требуете непосильнаго. Но съ другой стороны, если взять во вниманіе то время, когда началось у насъ особенно усиленное распространеніе грамотности, а затѣмъ мѣру дѣйствительно распространившейся въ нашемъ народѣ грамотности, то и за это слѣдуетъ благодарить Бога и людей, позаботившихся о столь важномъ и великомъ дѣлѣ. Для настоящаго времени, сообразно съ началомъ распространенія у насъ грамотности, хорошо и то, что сдѣлано. Желаніе, чтобы въ настоящее время всякій приходъ у насъ состоялъ изъ однихъ только грамотѣевъ, не несправедливо можетъ быть названо мечтательнымъ. Нужно помнить, что народъ нашъ, издавна привыкшій жить въ темнотѣ, пробавляться чисто только физическимъ трудомъ и дѣтей своихъ видѣть постоянными помощниками въ своей трудовой жизни, неохотно, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, отзывался къ дѣлу грамотности; нужно было много заботъ и хлопотъ, энергіи и настойчивости привлечь его къ этому дѣлу, пробудить въ немъ сознаніе несомнѣнной важности образованія; и въ этомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, большую услугу оказали наши духовные пастыри, за что и спасибо

имъ. А что дѣйствительно народъ нашъ несочувственно отнесся къ грамотности, увидѣвъ, что дѣти его отвлекаются отъ домашнихъ и полевыхъ работъ, доказательства этого и теперь можно находить. Намъ недавно приходилось встрѣчаться съ нѣкоторыми священниками, которые откровенно сознавались, что никакимъ способомъ не могутъ убѣдить прихожанъ своихъ, чтобы они присылали дѣтей въ школу. »Приходятъ, говорили мнѣ, — но далеко не всѣ, сколько бы слѣдовало.« Такимъ образомъ нужно съ осторожностію произносить приговоры и обвиненія: обвинять, порицать легко, но каково переносить обвиненія и порицанія тѣмъ, кто ихъ не заслуживаетъ? Не мало найдется священниковъ, которые, быть можетъ, поглубже, чѣмъ г. Архиповъ, сокрушаются и сожалеютъ о темнотѣ и невѣжествѣ народа, — но что же можетъ сдѣлать одинъ самолично священникъ? Здѣсь обвинителю слѣдовало бы также припомнить и то, что при началѣ усиленнаго у насъ распространенія грамотности, — когда поднять былъ вопросъ о томъ, кому ввѣрить это дѣло, кто долженъ наиболѣе заботиться о распространеніи грамотности, — многіе свѣтскіе люди заговорили громко, что духовные пастыри и не способны, и мало подготовлены для этого, а теперь, чрезъ нѣсколько времени, священники виноваты, что въ народѣ невѣжество, темнота!...

Наконецъ обвинитель нашъ доходитъ до самой сути дѣла. При отсутствіи грамотности и устныхъ наставленій, нравственное состояніе народа очень неутрадно. »При отсутствіи всякаго наставленія, распространенію пороковъ нѣтъ удержа. Кто не знаетъ, какъ распространено въ простонародѣ пьянство, которымъ многіе даже тщеславятся и, не будучи еще пьяны, притворяются пьяными? Табъ видъ пьянаго нравится имъ. Что располагаетъ ихъ къ этому? Примѣръ. А кто останавливаетъ? Никто. Еще

болѣе обыкновенны въ мужской половинѣ всѣхъ возрастовъ и особенно въ нетрезвомъ видѣ дикая брань поматерно и омерзительное сквернословіе, которымъ оглашаютъ и поля, и площади, и улицы, и жилища, не стыдась ни мужчинъ, ни женщинъ, ни дѣтей. Кто вразумляетъ ихъ, что это бессмысленно, безиравственно и безчинно? Кажется, никто. И противъ безразсудочной привычки прибѣгать часто безъ всякой нужды къ божбѣ и клятвамъ кто возвышаетъ голосъ? Тоже никто. Спросимъ также: какъ проводятся у насъ праздники, и принимаются ли у насъ дѣйствительныя мѣры какъ противъ торжищъ, собирающихся въ эти дни во время самаго совершенія богослуженія во храмѣ, такъ еще болѣе противъ разнаго рода безчинствъ, съ которыми проводятся дни воскресные и вообще праздничные? Что сказать въ отвѣтъ на это? Всякій знаетъ. Присовокупимъ къ этому. укореившіеся повсюду ложь, обманъ и стремленіе къ наживѣ безъ разбора средствъ. И науку, и законъ, и совѣсть, — сказалъ кто-то, — прибрала безиравственность въ свои руки, наклоня ихъ въ ту сторону, гдѣ больше выгоды для кармана!!..«.

Что указанные пороки дѣйствительно въ широкихъ размѣрахъ распространились въ нашемъ обществѣ, — это, конечно, никто не станетъ оспаривать. И пьянство, и сквернословіе, и нехристіанское препровожденіе церковныхъ праздниковъ, — легкомысленная божба и клятва, а также — ложь, обманъ и стремленіе къ наживѣ безъ разбора средствъ и т. д. — всѣ эти черныя пятна, обезображивающія чистый образъ человѣческой природы, весьма нерѣдко можно встрѣтить и въ простомъ, и въ непростомъ народѣ. Нѣкоторые же изъ означенныхъ пороковъ преимущественно составляютъ болѣзнь нашего вѣка. Но во всякомъ случаѣ, утверждать такъ смѣло — категорически, что безиравственныя проявленія человѣческой жизни не встрѣчаютъ себѣ

рѣшительно никакого противодѣйствія, что отъ пьянства и сквернословія никто не останавливается, противъ другихъ пороковъ никто не возвышаетъ голосъ, едва-ли справедливо. Слѣдуетъ помнить, что въ рукахъ пастыря единственное средство, которымъ онъ свободно можетъ пользоваться для веденія душъ человѣческихъ ко спасенію—это слово, чего желаетъ именно и обвинитель, какъ увидимъ ниже. Но слово пастыря не есть слово магическое, дѣйствующее необходимо,—на однихъ оно плодотворно дѣйствуетъ, а на другихъ можетъ и не дѣйствовать. Припомните притчу о сѣятелѣ, припомните, какую почву, по ученію самого великаго Сѣятеля, можетъ встрѣчать божественное сѣмя. Если божественное слово, исходившее изъ устъ чрезвычайныхъ посланниковъ, облеченныхъ силою свыше, могло встрѣчать иногда каменистую или тернистую почву, то тѣмъ болѣе такую почву можетъ встрѣчать слово Божіе, исходящее изъ устъ современныхъ намъ служителей церкви. Первые благовѣстники христіанской вѣры и насадители христіанской нравственности, послѣ наставленій и увѣщаній, прибѣгали и къ суровымъ мѣрамъ, напр. отлученію отъ церкви, и эта мѣра была сильна тогда. Наши пастыри могутъ ли прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ?—Не только отлучить отъ церкви, но и сказать подчасъ рѣзкое, обличающее слово—бываетъ опасно... А вѣдь постоянно ограничиваться и довольствоваться только словомъ любви, раствореннымъ, пожалуй, слезами и вздохами, едва ли можно: порокъ необходимо огорчаетъ искренно-нравственного и вполне преданнаго своему дѣлу пастыря, и эта горечь его такъ или иначе выражается во внѣ. Да если бы впрочемъ пастыри и прибѣгали къ упомянутой мѣрѣ, то въ настоящее время она едва ли была такъ же дѣйствительна, какъ прежде. Тогда—въ первыя времена церкви Христовой—жажда спа-

сенія, возбужденная продолжительной духовной засухой, была сильна; новый свѣтъ, возсіявшій въ мірѣ, свѣтилъ ярко, и порокъ при немъ обрисовывался рѣзко,—порокъ становился ненавистнымъ, а виновникъ порока достойнымъ глубочайшаго сожалѣнія и скорби. Въ наше время прежде сильный религіозный духъ ослабѣлъ,—мѣсто его замѣнили другой духъ—мірской. При оскуденіи древняго религіозно-благочестиваго духа и преобладаніи духа мірскаго, отлученіе, напр., отъ святаго причащенія можетъ, пожалуй, и вовсе оттолкнуть отъ церкви людей, совратившихся съ пути истиннаго... При теперешнихъ условіяхъ существованія общества, въ нѣкоторыхъ случаяхъ пастырю приходится почти безнадежно бороться съ разными пороками. Пороки иногда въ приходѣ пастыря заносятся отовнѣ и, подобно заразѣ, развиваются въ прихожанахъ. Такая нравственная эпидемія большею частію заносится у насъ изъ разныхъ дальнихъ чужихъ странъ, куда народъ нашъ большими массами отправляется на заработки и гдѣ не существуетъ для него никакого нравственного контроля. Опытъ показываетъ, что многіе изъ странствующихъ по чужимъ странамъ для работы, возвращаясь на родину, оказываются зараженными разными пороками, какихъ прежде за ними не замѣчалось. На это жалуются часто сами члены того семейства, къ которому принадлежатъ эти работники. Прежде трезвый, честный мужъ, поживши на сторонѣ годъ или даже менѣе, является и пьяницей, и неврнымъ мужемъ, и безпечнымъ отцомъ. Молодые ребята, возвращаясь съ заработковъ, приносятъ съ собою усиленную привычку и къ сквернословію, и страсть къ картежной игрѣ, и ложь, и обманъ, и всѣ тѣ пороки, на которые такъ горько жалуется г. Архиповъ. Болѣзнь незамѣтно начинается прилипать и къ здоровымъ. Побывшіе на работѣ въ чужой сторонѣ, въ глазахъ домосѣдовъ,

представляются людьми болѣе свѣдущими, опытными, бывальными и потому авторитетными. Такой взглядъ на бывалыхъ развратниковъ облегчаетъ распространеніе нравственной заразы. Вы требуете, чтобы врачъ духовный принялъ мѣры къ пресѣченію болѣзни. Врачъ употребилъ возможные съ его стороны мѣры. Но проходитъ зима,—тѣже или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ прежнихъ, а нѣкоторые изъ новыхъ опять оставляютъ кровь родительскій, гдѣ хоть въ нѣкоторой мѣрѣ вѣяло на нихъ духомъ религіи и нравственности, и отираются на работу—въ дальнюю сторону, гдѣ имъ чувствуется легко и свободно, какъ будто не лежитъ на нихъ никакихъ нравственныхъ обязательствъ. Тутъ, подъ влияніемъ дурныхъ примѣровъ, молодость совсѣмъ забываетъ обязанности христіанина,—пріучается къ новымъ какимъ-либо уродливымъ проступкамъ и, по истеченіи нѣкотораго времени, несетъ это пріобрѣтеніе въ свои родимые края. Какъ тутъ пресѣчь потоки зла, если такъ велики его притоки!—Но ты, пастырь церкви, стражъ духовный, мости плотины и не давай дальше развиваться водамъ зла, чтобы хоть нѣкоторые не погибли! Разливъ пороковъ не покой тебѣ несетъ, не усыпленіе въ твоей дѣятельности,—онъ требуетъ, напротивъ, наибольшей бдительности, силы и энергіи съ твоей стороны. Трудись, при помощи Божіей, и надѣйся, что труды твои не будутъ совершенно безплодны! Если даже не удалось во многихъ искоренить многихъ пороковъ, то по крайней мѣрѣ, при бодрственномъ служеніи, можно задержать дальнѣйшее развитіе зла,—и это ужъ будетъ великій подвигъ.

Указавъ на распространившіеся въ нашемъ обществѣ пороки, авторъ дальше рассуждаетъ, что самое наилучшее средство къ разсѣянію мрака невѣдѣнія и пробужденію отъ нравственнаго усыпленія—слово Божіе. »И кому быть про

свѣтителемъ и пробудителемъ, какъ не священнику, которому, какъ служителю Божию и молитвеннику, всего ближе, всего свойственнѣе къ тѣмъ, за кого возсылаетъ молитвы онъ, обратиться съ словомъ истины, съ словомъ спасительнаго ученія, совѣта и назиданія... »Продолжая далѣе развивать свои мысли объ этомъ предметѣ, г. Архиповъ останавливается на нерасположеніи и равнодушіи къ православной проповѣди и ко всему, что называется религіей и нравственностію«, замѣчаемыхъ нѣкоторыми пастырями въ лицахъ, принадлежащихъ къ свѣтскому, такъ называемому образованному обществу. На это нерасположеніе и равнодушіе къ религіи и нравственности указываетъ прот. А. С—въ въ статьѣ, помѣщенной имъ въ № 16 Ц. Вѣсти. за 1878 г., гдѣ онъ замѣчаетъ, что слабость религіознаго образованія людей свѣтскихъ приносить горькіе плоды. Обвинитель этого не отрицаетъ, а только жалуется, что въ »возможное восполненіе неоспоримо важной для всякаго духовной стороны образованія у насъ не слышится изъ устъ проповѣдниковъ ничего достаточно сильнаго для того, чтобы возбудить вниманіе тѣхъ, въ комъ замѣчается нерасположеніе слушать«.

Интересно бы знать, какое основаніе авторъ имѣетъ утверждать и притомъ такъ безусловно, что въ нашей православной церкви »ничего достаточно сильнаго не слышится« въ назиданіе духовныхъ чадъ ея. Мы на этотъ разъ посоветуемъ обвинителю познакомиться по крайней мѣрѣ хоть съ проповѣдями, напечатанными въ нашихъ духовныхъ журналахъ и сказанными, гдѣ слѣдуетъ, нашими просвѣщенными и маститыми архипастырями, не говоря уже о подчиненной іерархіи, изъ числа которой не мало найдется такихъ, которые произносятъ дѣльные поученія. Затѣмъ, интересно бы также знать точнѣе, что собственно г. Архиповъ разумѣетъ подъ »достаточно сильнымъ« для

возбужденія вниманія тѣхъ, въ комъ замѣчается нерасположеніе слушать пастырей церкви? Развѣ за отвѣтъ на этотъ вопросъ принять слѣдующія, впрочемъ заимствованныя г. Архиповымъ у прот. А. С—ва, слова: »нѣтъ у насъ солидной, просвѣщенной, будящей, разъясняющей, убѣждающей, исправляющей, назидającej проповѣди«? Но эти слова едвали помогутъ нашимъ проповѣдникамъ исправиться и сдѣлать свои проповѣди достаточно сильными для возбужденія вниманія тѣхъ, въ комъ замѣчается нерасположеніе«. Въ приведенныхъ словахъ указываются самыя общія свойства проповѣди, которыя притомъ, независимо отъ заявленія г. Архипова, какъ прежде, такъ и теперь служатъ характеристическими чертами проповѣдей нашихъ лучшихъ служителей церкви, хотя число нерасположенныхъ и равнодушныхъ къ церковной проповѣди, кажется, не уменьшается. Значить, причину равнодушія и нерасположенія къ проповѣди надо искать гдѣ либо еще, и она мимоходомъ высказывается у автора. Изъ сужденій автора ясно видно, что нерасположены и равнодушны къ проповѣди тѣ, »при воспитаніи которыхъ свѣтскою стороною занялись по преимуществу и въ ущербъ духовной«. Но авторъ не хочетъ винить воспитателей за пренебреженіе ими религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ, а хочетъ, чтобы пастыри церкви людей уже испорченныхъ, отшатнувшихся отъ церкви, которые »равнодушны ко всему, что называется религіей и нравственностію«, воспитали въ религіи и нравственности. Тутъ, конечно, есть правда; пастырь, безъ сомнѣнія, долженъ проповѣдывать и такимъ субъектамъ. Однакожъ, если эти люди не хотятъ и слушать пастыря, то какъ онъ можетъ восполнить недостатокъ въ нихъ религіозно-нравственнаго воспитанія? Если пастырь выходитъ для проповѣди, а люди съ упомянутымъ складомъ мыслей уходятъ изъ церкви, то что въ такомъ случаѣ

долженъ сдѣлать пастырь? Онъ, по мнѣнію обвинителя, долженъ сказать *что-то сильное* для возбужденія вниманія такихъ людей... А если подобные субъекты и совсѣмъ не ходятъ въ церковь, такъ какъ они равнодушны ко всему, что называется религіей и нравственностію,—тогда что? Если такіе люди и ходятъ въ церковь, то, насколько извѣстно намъ, вовсе не для молитвы и слушанія проповѣди, а для развлеченія. Такъ какъ въ часы богослуженія общественныя увеселенія еще не открыты, то нѣкоторые изъ упомянутыхъ субъектовъ являются хоть въ церковь посмотри́ть на публику,—являются для свиданій, да развѣ послушать хорошее,—и только хорошее,—пѣніе. Проповѣдь говорится, будутъ ли они слушать или нѣтъ; но они не слушаютъ, потому что содержаніе проповѣди, какъ бы идеально ни представлялъ ее себѣ г. Архиповъ, если только она истинно-христіанская проповѣдь, никогда не будетъ пріятно для чувственности свѣтскаго человѣка, привыкшаго отъ колыбели дышать совсѣмъ инымъ духомъ, чѣмъ какой принадлежитъ христіанству и христіанской проповѣди, питаться совсѣмъ иной пищей, чѣмъ какую предлагаетъ святая церковь. А если бы кто изъ такихъ субъектовъ дѣйствительно томимъ былъ духовной жаждой и голодомъ, то такой, безъ сомнѣнія, нашелъ бы себѣ удовлетвореніе: и въ церкви—въ богослуженіи и проповѣди, хоть послѣдняя и нечасто бываетъ у насъ (все-же бываетъ), какъ утверждаетъ г. Архиповъ, и въ книгахъ духовнаго назидательнаго содержанія, въ чемъ также у насъ, слава Богу, недостатка нѣтъ.

Но вотъ нашъ обвинитель выступаетъ съ болѣе сильными и вѣскими жалобами на духовенство. Онъ касается нравственнаго вліянія пастырей на свои паствы и находитъ, что это вліяніе брѣйне слабо. Причину этой слабости нравственнаго воздѣйствія пастыря на свою паству онъ

видить уже въ недостаточности проповѣдничества, а главнымъ образомъ въ отсутствіи добраго примѣра, доброй жизни и дѣятельности духовенства. Здѣсь онъ прежде всего цитуетъ слова священника *Н Н* изъ № 13 Ц. Вѣстн. за 1878 г. Въ этихъ словахъ выражается та мысль, что нравственнаго вліянія на паству не могутъ имѣть ни тѣ священники, которые смотрятъ на свою службу, какъ только на средство къ собиранію своихъ скудныхъ крохъ, ни тѣ мнимые любимцы прихожанъ, которые снискали себѣ въ приходѣ популярность, братаясь съ духовными чадами своими за чаркой водки, въ состязаніяхъ за зеленымъ столомъ и т. п., ни тѣмъ болѣе тѣ, которые имѣли несчастіе подать поводъ къ сомнѣніямъ прихожанъ въ ихъ благоповеденіи. »Морально воздѣйствовать на приходъ и въ особенности мѣрами пастырскаго суда можетъ только священникъ, который ясно сознаетъ свои задачи, свой долгъ и свое назначеніе.« »Вотъ, говоритъ г. Архиповъ, безпристрастный языкъ священника, движимый яснымъ сознаніемъ высоты своего призванія и духомъ любви и истиннаго благожеланія ближнему. И думаемъ, что еслибъ довелось написавшему такъ названнаго »Дикія фантазіи«
увидѣть или услышать частицу того, что совершается подчасъ духовными отцами и учителями, какъ напр. хоть бы недавно *слышанный нами рассказъ о томъ, какъ два упившіеся на одной общественной закускѣ священника вступили межъ собою открыто въ рукопашный бой*; то съ мѣста защитника обвиняемыхъ, вѣроятно, подался-бы онъ хоть на шагъ назадъ и уступилъ-бы кое-въ чемъ«.

Обвиненіе авторомъ нашихъ духовныхъ пастырей въ недостаткѣ добраго примѣра, доброй жизни и дѣятельности, не удивительно для насъ послѣ того, какъ знаемъ, что и все вообще общество наше, по его мнѣнію, подвер-

жено многочисленнымъ и разнообразнымъ порокамъ. Съ точки зрѣнія автора не слѣдовало бы даже и останавливаться на этомъ явленіи, если только онъ не отвергаетъ, что духовное сословіе наше составляетъ часть нашего русскаго общества. Если во всемъ обществѣ нашемъ существуютъ пороки, то почему же дѣлать исключеніе для пастырей церкви?—Но обратимся къ доказательствамъ автора. Авторъ выставляетъ священниковъ въ слишкомъ непривлекательномъ видѣ и этимъ думаетъ заставить отступить назадъ одного изъ защитниковъ духовенства,—а между тѣмъ, какъ изволите видѣть, онъ основывается въ этомъ важномъ дѣлѣ на слышанномъ имъ разсказѣ и при томъ объ одномъ случаѣ. Кажется, автору неизвѣстна эта поговорка: »не всякому слуху вѣрь«. Вѣрить на слово, безъ критическаго отношенія къ свидѣтельству, бываетъ иногда очень опасно, особенно теперь съ точки зрѣнія г. Архипова, который, какъ мы видѣли, находитъ ложь и обманъ въ обществѣ развитыми до высшей степени. Мы поэтому съ трудомъ вѣримъ и нашему автору, выступившему съ столь »вѣскими и рѣзкими обвиненіями«. Но допустимъ, что авторъ, хотя и слышалъ только объ упомянутомъ случаѣ, но слышалъ изъ вѣрнаго источника, такъ что выставляемый имъ фактъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Что же слѣдуетъ отсюда? Слѣдуетъ ли отсюда, что и вообще наше духовенство такого поведенія, вслѣдствіе чего не имѣетъ и нравственнаго воздѣйствія на паству? Авторъ, вѣроятно, и не думалъ дѣлать такого заключенія, но оно необходимо слѣдуетъ изъ его словъ. Впрочемъ, не поставимъ этого въ особенную вину нашему автору, желающему выводить на свѣтъ темныя стороны жизни нашего духовенства. Подобныя заключенія составляютъ довольно распространенную болѣзнь нашего времени. Весьма нерѣдко приходится наблюдать намъ, какъ отъ

одного—двухъ фактовъ дѣлають заключеніе къ общему положенію. Замѣчательно только, что такъ умозаключаютъ большею частію тогда, когда дѣло касается темныхъ сторонъ жизни человѣка, но весьма рѣдко въ противномъ случаѣ. Приведенный авторомъ случай о рукопашномъ боѣ упившихся священниковъ—единичный; предположимъ, что и помимо его бывали и бываютъ иногда подобные случаи, и тогда сѣтованіе *вообще* на неблагоповеденіе нашихъ пастырей, которыхъ число очень велико, не можетъ быть признано справедливымъ. Конечно, указанный случай и подобные ему, не желательны, хотя бы и въ видѣ единичныхъ фактовъ. Мы хотѣли бы, чтобы всѣ наши пастыри были достойными своего званія. Но эти желанія наши справедливы и въ отношеніи ко всему обществу христіанъ и должны быть только желаніями, а не требованіями. Желанія эти имѣють мѣсто, потому что нашему сознанію присущъ идеалъ полнаго господства истины и правды, добра и любви; однакожь они не могутъ быть требованіями, такъ какъ идеалъ вообще трудно достигимъ, а иногда и вовсе недостижимъ. Идеалъ истиннаго пастырскаго общества есть предметъ стремленій для нашей церкви, и она, дѣйствительно, стремится къ нему. Въ настоящее время мы смѣло можемъ сказать, что наша церковь имѣетъ у себя несравненно болѣе достойныхъ пастырей, чѣмъ въ прежнее время. Мы утверждаемъ это и на основаніи законовъ историческаго развитія, и на основаніи личныхъ наблюденій и отзывовъ свѣтскихъ людей, знакомыхъ какъ съ новыми, такъ съ нѣкоторыми изъ старыхъ священниковъ. Замѣтимъ, наконецъ, что въ недостаткѣ нравственнаго вліянія нѣкоторыхъ нашихъ священниковъ на прихожанъ нельзя винить и нашихъ высшихъ представителей церкви, отъ которыхъ зависитъ самое поставленіе въ пастыри. Какъ можно навѣрное узнать, что тотъ или другой, изъ-

являющій желаніе быть священникомъ, будетъ дѣйствительно достойнымъ пастыремъ? Припомните общество служителей религіи, находившихся подъ непосредственнымъ руководствомъ самого Господа. И въ этомъ столь незначительномъ обществѣ, не смотря на неусыпныя заботы о немъ его Учителя, нашелся недостойный членъ, который до того испорченъ былъ, что, предавъ на смерть своего Учителя Господа, готовъ былъ однако лобзать Его. Чему же удивляться, если въ настоящее время, среди такого значительнаго общества, какое составляютъ пастыри всей нашей православной церкви, встрѣчаются такія явленія въ жизни духовенства, какія не желательны и вообще въ жизни христіанина, и тѣмъ болѣе пастыря?!

Къ вопросу объ улучшеніи матеріальнаго быта православнаго духовенства.

Вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи не перестаетъ занимать наше духовенство, и не перестанетъ, конечно, занимать до тѣхъ поръ, пока не разрѣшится удовлетворительно въ практическомъ смыслѣ. Голодъ—не такое чувство, чтобы заглухнуть ему съ однихъ словъ и не заявлять о себѣ непріятными ощущеніями для желудка, не заставлятъ человѣка протягивать къ каждому встрѣчному и поперечному руку съ обычною фразою: »подайте Христа ради«. Тогда только голодающій перестанетъ обращаться за милостынею, когда онъ будетъ сытъ. Тогда и духовенство наше перестанетъ надоѣдать обществу разглагольствами о крайней скорбности своего матеріальнаго быта, перестанетъ строить разные проекты и предположенія о томъ, гдѣ-бы и какъ достать лишнюю копѣйку для пополненія своего скуднаго бюджета, когда матеріальный бытъ

его практически улучшится по крайней мѣрѣ настолько, чтобы можно было назвать его сноснымъ.

Но при всѣхъ проѣктахъ и изысканіяхъ касательно улучшенія своего быта духовенству приходится биться, какъ рыбѣ объ ледъ, повторять зады и переходы; иначе, впрочемъ, и быть не можетъ. Духовенство предоставлено въ этомъ случаѣ почти исключительно самому себѣ. Что-же можетъ сдѣлать оно, когда къ тому-же всѣ говорятъ, что въ немъ замѣчается отсутствіе инициативы и крайній упадокъ самодѣятельности? Но дѣло обезпеченія духовенства имѣетъ такой инертный характеръ, что его не подвинетъ никакая инициатива и никакая энергія, если духовенство въ этомъ случаѣ останется предоставленнымъ самому только себѣ: потому что ни подъ ногами у него, ни даже близъ него нѣтъ такой твердой почвы, на которую оно могло бы при этомъ стать. Почву эту, вѣдь, нельзя-же измыслить; но еслибы мысль и дала въ этомъ блестящіе результаты, все-таки она останется одной мыслью, если не помогутъ ей, отъ кого это зависеть, получить практическое осуществленіе. Насколько духовенство въ изысканіи способовъ своего обезпеченія безпочвенно, можно судить по тѣмъ источникамъ, изъ которыхъ черпаетъ оно свое скудное содержаніе съ начала своего существованія и до сего дня. Ненужно, полагаемъ, много говорить о томъ, что главный источникъ содержанія его не имѣетъ подъ собою никакихъ устойчивыхъ подпорокъ. Свое содержаніе духовенство получаетъ главнымъ образомъ отъ прихожанъ, пользуясь отъ нихъ платою за каждое требоисправленіе. Плата эта по закону должна быть вполне добровольная; и какъ бы она ни была мала и не соответственна трудамъ духовенства, оно не имѣетъ никакого права не только остановить совершеніе требы за неоплату труда; но и припросить что нибудь къ скудному вознагражденію, не поставляя себя въ опасность подвергнуться

суду за издѣиство и вымогательство. Нужно сказывать еще спасибо за то, что пока хоть что нибудь, да платятъ ему; а то, вѣдь, могутъ и совсѣмъ не платить, а на неплательщиковъ нѣтъ суда. Духовенство не только не имѣетъ никакого права жаловаться на неуплату вознагражденія ему за требоисправленія никакому суду, а не можетъ даже отказать своему неплательщику въ своемъ трудѣ и на будущее время, не подвергаясь за то взысканіямъ.

И однако, какъ ни неполюбителенъ настоящій источникъ содержанія, тѣмъ не менѣе духовенство по неволѣ обращается въ своихъ думахъ и проэктахъ о лучшемъ обезпеченіи опять—таки къ этому источнику, какъ пока единственному. Въ 1877 г. донскимъ депутатскимъ съѣздомъ составленъ былъ протоколъ о введеніи опредѣленной таксы причтамъ за требоисправленіе, какъ средствъ, служащемъ къ улучшенію быта духовенства. Однако донская консисторія, куда проэктъ былъ представленъ, не утвердила его, мотивируя свое неутвержденіе между прочимъ тѣмъ, что казаки, безъ сомнѣнія, не захотятъ подчиниться требованіямъ епархіальнаго начальства при введеніи означенной таксы, что такса не освободитъ причты и прихожанъ отъ неудовольствій, что для введенія ея нѣтъ законной почвы (Церк. Вѣст. 1879 г. № 8). И нельзя не сознаться, что консисторія поступила вполнѣ разумно.

Въ самомъ дѣлѣ, чтобы опредѣленная такса за требоисправленіе могла войти въ практику и принести въ дѣлѣ обезпеченія быта духовенства пользу, на это необходимо, кромѣ желанія и постановленія духовенства,—добровольное согласіе прихожанъ; иначе установленіе таксы не пойдетъ далѣе бумаги. Но добровольнаго согласія отъ прихожанъ на установленіе этой таксы добиться-то и нельзя. Разъ, что такса принесетъ народу обязательный налогъ; а народъ

нашъ всякій налогъ, какъ-бы онъ незначителенъ ни былъ, не особенно любить. Да впрочемъ кто-же и любить налоги? А второе—народъ очень хорошо понимаетъ, что добровольная плата за требоисправленія, существующая въ настоящее время, подчиняя духовенство народной волѣ, можетъ быть, смотря по обстоятельствамъ, безапелляціонно уменьшаема и увеличиваема, чего нельзя уже будетъ сдѣлать съ опредѣленною таксою, утвержденною народнымъ приговоромъ. Кто-же велитъ ему связывать себя таксою, когда безъ нея дѣло обходится и выгоды для кошелька, да и причтъ церковный можно держать болѣе или менѣе въ рукахъ? Если духовенство бѣдствуетъ, то народъ нашъ, вѣроятно, потому, что своя рубашка къ тѣлу ближе, не хочетъ помогать ему.

Въ настоящее время и тамъ, гдѣ прихожане добровольно обязались приговорами или платить духовенству опредѣленную ругу въ добавленіе къ его доходамъ, получаемымъ отъ требъ, или пріобрѣсти и ремонтировать причтовые постройки, приговоры за частую не исполняются: добавочная руга не платится, постройки не ремонтируются, и пастырямъ, при всемъ нежеланіи, приходится вѣдаться съ своими духовными дѣтьми у мировыхъ судей. Какъ-же тутъ думать объ установленіи опредѣленной таксы? Конечно, таксу можно установить по мимо воли и согласія народа. Не будемъ входить въ сужденіе о томъ, на сколько это будетъ справедливо; а положимъ—такса установлена и получила утвержденіе епархіальной власти. Для кого-же это установленіе и утвержденіе будетъ обязательно? Народъ въ административномъ и законодательномъ отношеніи стоитъ внѣ вѣдѣнія епархіальной власти, и слѣдовательно постановленіе этой власти для него не имѣетъ силы закона и ничуть не обязательно для него. Указывая на таксу, вы будете требовать съ крестьянина за требоисправленіе,

примѣрно, 3 р.; а онъ будетъ говорить, что никакой таксы не знаетъ; а знаетъ, что попрежнему обычаю платился за эту потребу рубль, и будетъ предлагать вамъ этотъ рубль; и пошла торговля. Но дѣло въ томъ, что въ вознагражденіе за необязательную потребу, примѣрно, за молебень, панихиду, вы еще можете настаивать на своей таксѣ; хотя этого не должно быть, и, въ случаѣ несогласія съ неподатливымъ прихожаниномъ, можете отказать ему въ исправленіи этой требы потому самому, что треба необязательная и можетъ быть исполнена, и нѣтъ. Но попробуйте-ка отказать въ напутствованіи больного, въ крещеніи младенца, въ погребеніи умершаго! Вы указываете на таксу; а вамъ говорятъ: больной при смерти, младенецъ слабъ; и если вы не хотите рисковать отвѣтственностью предъ Богомъ, своею совѣстью и закономъ, то по необходимости бросьте свою таксу и поспѣшите для исправленія требы. Если вамъ дадутъ за напутствіе больного 3—5 к. и 10—15 к. за крещеніе, скажите спасибо; а то можете и такъ уйти. Если на основаніи своей таксы вы вздумаете подать на неплательщика за требоисправленіе жалобу мировому судѣ, то мировой судья вашей жалобы не приметъ, на томъ простомъ основаніи, что о подобныхъ таксахъ ни въ законѣ, ни въ уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, нѣтъ ни единого слова; распоряженіе-же епархіальной власти для мирового судьи не обязательно. Такъ и остались вы съ своей таксой ни при чемъ; хлопотъ она надѣлала вамъ много, но ничего, кромѣ не пріятностей, не принесла.

Для того, чтобы такса имѣла какое нибудь значеніе, она напередъ должна имѣть силу закона, санкціонированнаго правительствомъ. Но и тогда не избѣжать непріятностей. При этомъ нельзя указывать на существованіе таксы для мировыхъ судей и нотаріусовъ, и приводить

параллели между нею и такою для духовенства, потому самому, что сферы дѣятельности первыхъ и послѣдняго различны. Дѣятельность первыхъ вращается въ сферѣ административной формы и касается внѣшней соціальной жизни; дѣятельность втораго вращается въ области религіозно-нравственной, и касается внутренней духовной жизни христіанина. По различію сферъ дѣятельности мировые судьи и нотаріусы съ одной стороны и духовенство съ другой стоятъ по отношенію къ народу, естественно, въ различныхъ отношеніяхъ. Тѣ—чиновники, а священники—пастыри и духовные отцы, руководители своихъ пасомыхъ въ ихъ духовно-нравственной жизни. Тѣ—совершители гражданскихъ актовъ, касающихся внѣшней матеріальной жизни; священники—совершители божественныхъ таинствъ и церковно-религіозныхъ обрядовъ, раздаватели Божіей благодати во спасеніе души вѣрующаго. Отсюда само собою понятно, что тѣ, что дозволено и законно для однихъ, можетъ быть недозволеннымъ и стоять внѣ закона, если негражданскаго то нравственнаго и божественнаго, для другаго. Мировой судья, нотаріусъ напередъ могутъ сказать, что совершеніе такого-то акта, сдѣлки, по таксъ стоитъ >столько-то<, иначе актъ не можетъ быть совершенъ. И это вполнѣ естественно и законно въ лицѣ судьи или нотаріуса. Но тоже самое въ лицѣ священника можетъ быть не только неестественнымъ и незаконнымъ, а и противунравственнымъ, преступнымъ, безбожнымъ. Что бы вышло, еслибы священникъ сказалъ своему прихожанину: совершеніе крещенія младенца, напутствіе больного, погребеніе умершаго по таксъ стоитъ >столько-то<, иначе религіозный актъ не можетъ быть совершенъ? Не было-ли бы это крайнимъ оскорбленіемъ религіозно-нравственнаго чувства? Не было-ли бы это выраженіемъ со стороны священника грубаго матеріально эгоистическаго чувства, свидѣтельствомъ край-

няго упадка нравственности, положительнаго отсутствія страха Божія, просто безбожіемъ? Но мы недумаемъ, чтобы священникъ когда нибудь дошелъ до такого огрубѣнія, чтобы дозволить себѣ подобныя вещи. А въ такомъ случаѣ къ чему послужить такса, хотя бы и санкціонированная правительствомъ? Вѣдь и при существованіи таксы прихожанинъ можетъ не заплатить за трудъ священника; а священникъ не можетъ отказать ему въ исправленіи требы. Правда, въ такомъ случаѣ по совершеніи требы священникъ совершенно въ правѣ обратиться на неплательщика съ жалобою къ мировому судѣ, и судья не вправѣ будетъ отказать ему въ удовлетвореніи его просьбы. Но что-же выйдетъ тогда, когда неплательщикъ окажется несостоятельнымъ?... Какъ посмотреть на такого пастыря его пасомые? Не говорите при этомъ о юридической законности дѣйствій пастыря; чувства человѣческаго сердца возбуждаются и существуютъ нерѣдко по своимъ особеннымъ законамъ, не подходящимъ подъ правила закона писаннаго. И сталъ такой священникъ поперекъ той дороги, по которой онъ долженъ вести своихъ пасомыхъ. Не даромъ же св. апостолъ Павелъ не хотѣлъ пользоваться отъ просвѣщенныхъ имъ свѣтомъ христіанства даже тѣмъ, что было вполне законно, чтобы не вышло изъ этого претѣновенія его слову.

Само собою разумѣется, что обязанность обеспечивать жизнь пастыря лежитъ на паствѣ; но установленіемъ нормы въ платѣ за требоисправленія дѣлу обеспечения не поможешь, если народъ на это не согласится. Дѣло обеспечения слѣдовало бы поставить иначе. И оно дѣйствительно стало-бы иначе и принесло добрые результаты, еслибы наши земства ближе къ своему сердцу приняли вопросъ объ обеспеченіи быта духовенства. Но объ этомъ не мало уже говорили и въ публицистикѣ; вопросъ объ обеспеченіи быта духовен-

ства поднимался и въ земскихъ собраніяхъ; но остался безъ рѣшенія. По неволѣ, не видя иного исхода, духовенство и теперь обращается въ тѣмъ же источникамъ своего содержанія, которые существуютъ все въ томъ же при томъ видѣ, отъ начала принятія Русью христіанства, варьируя ихъ на разные лады. Но все ничего путнаго не выходитъ. Да ничего и не выйдетъ, если духовенство, бросивъ всѣ нормы, не постарается возбудить въ народѣ постепенно угасающія въ немъ религіозныя потребности, не позаботится приобрѣсти у него довѣрія и сочувствія къ себѣ. Намъ возразятъ, что сдѣлать это не легко и вдругъ не возможно. Въ этой истинѣ мы увѣрены, быть можетъ, болѣе, чѣмъ другіе, имѣя въ виду свои собственные и чужіе опыты. Пройдутъ десятки лѣтъ, пока это можетъ сдѣлаться; многи пастыри проглотятъ еще не одну слезу, выжатую изъ глазъ тѣсными обстоятельствами, проведетъ не одну бессонную ночь съ думами о кускѣ насущнаго хлѣба для себя и своихъ семействъ. Но что же дѣлать?.. Вѣдь насильно милъ никому не будешь. И возбужденіе религіозныхъ потребностей въ народѣ, приобрѣтеніе у него любви, довѣрія и сочувствія остается у пастырства пока единственнымъ, вѣрнымъ средствомъ хотя не много помочь бѣдѣ. Мы не ожидаемъ отъ этого средства очень многого, не думаемъ, чтобы чрезъ это значительно возвысилась плата духовенству за требоисправленія; но ожидаемъ, что чрезъ оживленіе религіозныхъ потребностей увеличится число требъ необязательныхъ, которыя, естественно, такъ или иначе будутъ оплачиваться. Въ особенности оживленіе потребности поминовенія усопшихъ дастъ по мѣстамъ духовенству довольно значительный, при настоящемъ необезпеченіи его, и самый справедливый доходъ, лишь бы дѣло поминовенія поставлено было добросовѣстно и правильно. Разумѣется, труда для духовенства тутъ будетъ не мало, и оплачиваться будетъ

онъ все-таки не соотвѣтственно себѣ; но гдѣ-же взять такого труда, который въ матеріальномъ отношеніи былъ исполнѣ бы производителенъ? Все-же лучше трудиться и хоть что нибудь да получать за трудъ, чѣмъ не трудиться и терпѣть матеріальныя лишенія. По крайней мѣрѣ опыты, добытые нами, свидѣлствуютъ, что, при добросовѣстной постановкѣ дѣла поминовенія, приходъ въ 500, примѣрно, душъ муж. п. можетъ дать причту лишнихъ 150 р.—очень маленькая сумма; но для тѣхъ, у коихъ доходы считаются грошами, да копѣйками, едва-ли эта сумма незначительна? Мы знаемъ священниковъ, которые служатъ сорокоусты за 8—6 р., годовые за 1 р. 50 к.—1 р.; за базныя обѣдни за 20—15 к. и не раскаяваются въ своей нетребовательности въ платѣ за трудъ. Извѣстно намъ и то, что въ приходахъ при 500 д., гдѣ существуетъ поминовеніе, доходовъ причтомъ получается больше, чѣмъ въ тысячныхъ приходахъ, въ которыхъ нѣтъ поминовенія. Повторяемъ: все это не можетъ значительно поднять матеріальное благосостояніе духовенства; но пока тянется нескончаемый вопросъ объ обезпеченіи, что нибудь да дѣлать, чтобы кое какъ перебиваться изо дня въ день.

Священникъ *Павелъ Руновскій.*

Б О Г О М О Л Ь Ц Ы

(*лѣтомъ.*)

Каждый день идетъ толпами
Православный въ Кіевъ людъ,
Всѣ съ сумами за плечами—
Въ нихъ сухарики несутъ.

Для чего изъ странъ далекихъ
Нашей матушки—Руси

Идутъ въ рубищахъ убогихъ
Молодежь и старики?

Для чего они уходятъ
Отъ работы и семьи?
Что въ душѣ своей уносятъ
Изъ своей родной земли?

Въ самомъ дѣлѣ: вотъ старушка
Вмѣстѣ съ дочкой, съ старикомъ,
На землѣ спать безъ подушки,
Безъ постели, подъ дождемъ.

Борки черствыя съ водицей
На пути они ѣдятъ,
Загорѣли у нихъ лица,
Ноги съ устали болятъ.

Вотъ одна другой подругѣ
Со слезами на глазахъ
Говорить: »хоть мы старухи,
А живемъ всегда въ грѣхахъ.

»О, сподоби, Божья Мати,
Въ лаврѣ Кіевской побыть!
Мы привыкли согрѣшати,
Души темныя губить.

»Тамъ угодники святые
Почиваютъ много лѣтъ,
Цѣлятъ немощи плотскія,
Избавляютъ насъ отъ бѣдъ«.

И не сутки, не недѣли
Богомольцы такъ живутъ:
Съ однимъ хлѣбомъ безъ постелей
Долю горькую несутъ.

Но ихъ вѣра то святая
Заставляетъ все забыть.
О, ты, Русь моя родная,
Какъ тебя не полюбить!

Вотъ идутъ они обратно
Въ край свой милый дорогой,
Укрѣпившись благодатной
Въ вѣрѣ силою святой.

Кто несетъ изъ нихъ икону,
Кто хоругви, кто свѣчей,
И расскажутъ они дома
Посреди своихъ семей:—

Гдѣ ходили—побывали
По святымъ Руси мѣстамъ,
Что хорошаго видали
По деревнямъ, городамъ.

И крѣпится въ людяхъ вѣра
Все сильнѣе каждый часъ;
Крѣпни, крѣпни Русь всецѣло,
Защититъ Богъ вѣчно насъ!

Всѣ усилья супостата
Никогда не сокрушатъ
Русь тебя—моя отрада,...
Много ждетъ тебя народъ!

Н. Плетневъ.

Трудъ и бережливость.

Должно честно всѣмъ трудиться!
Кто надеждами живетъ,
Или будетъ все лѣниться,
Тотъ и съ голоду помретъ.

Кто-жъ въ трудѣ часы проводить,
Въ тотъ домъ голодъ не войдетъ;
Онъ въ окно хоть и посмотритъ,
Но тотъ-часъ же отойдетъ.

Если хочешь быть богатымъ,
Деньги крѣпко береги;
Не являйся тароватымъ
На всѣ прихоти свои.

Береги свой трудъ на нужды
И для старости своей:
Старость ставить насъ безъ службы
И безъ ясныхъ жизни дней.

Н. Плетневъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Только-что вышла въ свѣтъ книга: »О Святомъ Евангеліи и о святыхъ евангелистахъ«, съ указателями евангельскихъ чтеній и евангельскихъ событій. Составилъ свящ. Никифоръ Каменскій, законоучитель Казанской учительской семинаріи. Цѣна 25 к., а съ пересылкою 30 к.

У тогоже автора продаются его сочиненія.

1). Изображеніе Мессіи въ псалтири. Экзегетико-критическое изслѣдованіе мессіанскихъ псалмовъ, съ краткимъ очеркомъ ученія о Мессіи до Давида. Казань. 1878 года. Цѣна 2 р., а съ пересыл. 2 р. 24 коп.

2). Современные остатки языческихъ религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ у Чувашъ. 1879 г. Цѣна 20 к., съ перес. 25 к.

3). Предъизображеніе Иисуса Христа въ псалтири. Казань. 1879 г. Цѣна 5 к.

РУКОВОДСТВО

Д Л Я

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
четыре руб., съ пересылкою пять № 19.
рублей сереб.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при кievской
семинаріи.

1879 года. Мая 6-го.

Содержаніе. Наглядное обученіе, какъ особый предметъ въ начальной народной школѣ.—Журнальное обозрѣніе.—Блуждающіе огоньки.—Камень встрѣчи.—Объявленія.—Въ приложеніи: Поученіе предъ браковѣчаніемъ. (окончаніе).—Слово на день рожденія Его Императорскаго Высочества В. Князя Николая Александровича (6-го мая).—Рѣчь при браковѣчаніи.

Наглядное обученіе, какъ особый предметъ въ начальной народной школѣ.

Дитя въ своемъ умственномъ развитіи идетъ отъ на-
гляднаго къ отвлеченному, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному.
Первоначально дѣти не могутъ усвоивать того, что не про-
извело впечатлѣнія на ихъ органы внѣшнихъ чувствъ, и
лишь шагъ за шагомъ, постепенно, чрезъ сравненія наблю-
даемыхъ явленій, восходятъ до общихъ понятій. За долго
до методическаго изученія отдѣльныхъ предметовъ въ шко-
лѣ дитя уже пріобрѣтаетъ первоначальныя свѣдѣнія изъ
нихъ путемъ опытнымъ, нагляднымъ. Дитя уже изучаетъ
арифметикку, не зная о существованіи ея, какъ науки, когда
научается различать, что значить мало или много, считать
до 10, замѣчать, что три больше двухъ, что единица, при-
ложенная къ тремъ, составляетъ четыре и т. д. Введеніемъ

изобрѣтаетъ ихъ; для мальчика не столь важно знать предметы, какъ получить вкусъ къ нимъ, узнать способы, методы ихъ изученія, чтобы самому примѣнять ихъ въ послѣдствіи. Въ этомъ возрастѣ важнѣе всего приучить его сосредоточивать и долго удерживать свое вниманіе на каждомъ предметѣ». Однако, Руссо былъ только теоретикъ—осуществленіе и развитіе его мыслей о правильномъ обученіи принадлежитъ не ему. Широкое примѣненіе идеи нагляднаго обученія къ самому дѣлу находимъ въ дѣятельности Базедова и Рохова. Базедовъ въ 1774 г. основалъ въ Дессау школу на новыхъ началахъ, извѣстную подъ именемъ филантропина; его »Элементарное руководство« построено на принципѣ наглядности. Роховъ внесъ наглядныя упражненія въ сельскую школу; онъ поставилъ въ основу всего обученія родной языкъ и наглядные уроки переработалъ въ особый учебный предметъ, названный имъ »упражненіями разума и мышленія«.

Дальнѣйшая разработка идеи нагляднаго обученія въ связи съ умственно-словесными упражненіями принадлежитъ Генриху Песталоцци, который вполне разъяснилъ важность нагляднаго обученія и справедливо поэтому называется отцемъ современной педагогики. Сущность его системы, по Дистервегу, заключается »въ воспитаніи самостоятельности посредствомъ нагляднаго познанія«. Сущность же нагляднаго обученія, по Песталоцци, состоитъ въ сознательномъ воспріятіи впечатлѣній, производимыхъ внѣшними предметами на наше чувство; а полезность его безусловно связывается съ упражненіями въ рѣчи. Песталоцци раздѣляетъ наглядное обученіе на три отрасли: 1) ученіе о звукахъ или средство развивать органы рѣчи, приводящіе къ искусству чтенія; 2) ученіе о словахъ, средство изучить названія разныхъ предметовъ и ихъ признаки; 3) ученіе о рѣчи или средство научить дитя ясно выражаться обо всѣхъ извѣстныхъ ему

предметахъ, такъ какъ оно должно обогатить его умъ ясными представленіями и понятіями — Изъ педагоговъ настоящаго столѣтія, спеціально разработывавшихъ методъ нагляднаго обученія, каковы: Грассманъ, Вурцъ, Денцель, Гразеръ и др., особеннаго вниманія заслуживаетъ Адольфъ Дистервегъ. Дистервегъ соединяетъ всѣ, до него разъединявшіяся, существенныя стороны нагляднаго обученія: сообщеніе начальныхъ свѣдѣній реальныхъ наукъ, образованіе и развитіе мышленія и языка дѣтей, развитіе внѣшнихъ чувствъ. Планъ его наглядныхъ упражненій, какъ онъ изложенъ въ его сочиненіи: »Начатки школьнаго обученія«, дѣлится на два отдѣла: первый заключаетъ въ себѣ знакомство съ предметами, находящимися въ классной комнатѣ; второй отдѣлъ представляетъ начатки естественной исторіи родиновѣдѣнія.

Краткій историческій очеркъ идеи нагляднаго обученія краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что важность нагляднаго обученія единогласно признается всѣми педагогами, хотя и нѣтъ между ними согласія во взглядахъ на сущность его. Важность нагляднаго обученія можно видѣть также изъ той цѣли, къ которой оно стремится и которую часто достигаетъ. Цѣль нагляднаго обученія—прежде всего возбудить въ дѣтяхъ наблюдательность, или способность останавливать въ теченіе значительнаго времени свое вниманіе на предметахъ, подлежащихъ внѣшнимъ чувствамъ, и воспринимать отъ этихъ предметовъ впечатлѣнія ясныя, раздѣльныя и точныя. Наблюдательность же въ дѣлѣ умственнаго развитія человѣка имѣетъ большее значеніе: наблюдательность даетъ факты,—факты вызываютъ на обобщеніе, сравненіе, путемъ котораго мы дѣлаемъ выводы, заключенія и развиваемъ въ себѣ способность обобщенія. Вторая цѣль нагляднаго обученія—уяснить въ сознаніи дѣтей представленія о предметахъ путемъ созерцанія самыхъ предметовъ и развитіе въ дѣтяхъ способность въ ясныхъ, точныхъ выраженіяхъ

излагать свои представленія о нихъ; иначе: «развязать языкъ дѣтей», развить въ нихъ даръ слова. Дитя учится языку изъ устъ матери и подъ влияніемъ той среды, въ которой оно выросло; родной языкъ оно усвоиваетъ вслѣдствіе переносчивости, изъ подражанія, притомъ усвоиваетъ языкъ уже готовый, созданный въ теченіе столѣтій цѣлымъ народомъ. Понятно, что усвоеніе языка дитятею не можетъ быть вполне сознательнымъ: въ языкѣ его существуетъ множество словъ и понятій, значенія которыхъ оно не сознаетъ, не понимаетъ,—множество словъ, съ которыми оно не соединяетъ соотвѣствующихъ представленій и понятій. Вотъ эти-то ошибки и неточности въ языкѣ дитяти и должна исправить школа, такъ какъ безъ этого нельзя ожидать надлежащихъ результатовъ отъ обученія. Самое исправленіе ошибокъ и неточностей въ языкѣ, или, яснѣе, приученіе дѣтей къ составленію вѣрныхъ, ясныхъ и точныхъ представленій о предметѣ, и въ тоже время къ умѣнью соединить эти представленія съ названіемъ предметовъ не иначе возможно, какъ путемъ наглядности. При занятіяхъ нагляднымъ обученіемъ изъ непосредственныхъ созерцаній предмета учитель заставляетъ ученика внимательно изучать признаки предмета: его качества, части, цвѣтъ, форму и пр. Образъ, оставляемый предметомъ въ душѣ ребенка чрезъ созерцаніе его, и составляетъ представленіе о предметѣ; слово же, служащее названіемъ предмета, есть какъ-бы условный знакъ для обозначенія представленія. Преслѣдуя цѣль—научить соединять слово съ представленіемъ, учитель старается чрезъ слово вызывать въ сознаніи учащагося представленіе, а для этого часто достаточно сдѣлать нѣсколько вопросовъ.

На вопросы: съ чего начинать, какъ вести и долго ли продолжать наглядное обученіе, чтобы оно достигало своей цѣли, педагоги отвѣчаютъ различно. Иначе сказать: методика

нагляднаго обученія еще вполнѣ не выработана, система его еще чрезвычайно неопредѣленна и запутана. Песталоцци, напр., совѣтуетъ начинать наглядное обученіе бесѣдою о человѣческомъ тѣлѣ, о его частяхъ, ихъ сходствѣ, различіи и пр., Гразеръ—бесѣдою о домѣ съ его частями и принадлежностями; Дистервегъ—о предметахъ, находящихся въ классной комнатѣ. Указанное Дистервегомъ начало, намъ думается, можно предпочесть прочимъ. Предметы классной комнаты находятся не только предъ глазами новаго ученика, но и способны особенно возбуждать его вниманіе и дать обильный матеріалъ для нагляднаго обученія. Съ цѣлью сообщить крайне неразвитымъ, бѣднымъ понятіями и словами и смущеннымъ новою обстановкою ученикамъ понятіе о главныхъ порядкахъ школьнаго обученія и провести въ ихъ сознаніе такія начальныя понятія, съ которыми придется сталкиваться на первыхъ урокахъ рисованія, чтенія и письма, какъ то: правая и лѣвая сторона, вверхъ—внизъ, впередъ—назадъ, рядомъ—подлѣ, вблизи—вдали, тихо—громко и т. д., учителю естественнѣе всего начать свой разговоръ съ дѣтьми, свои бесѣды съ ними—бесѣдою о новой обстановкѣ, въ которую они попали изъ роднаго дома. Учитель можетъ начать бесѣду съ ученикомъ вопросами: откуда онъ пришелъ, гдѣ живетъ, что дѣлалъ дома, гдѣ теперь сидитъ, за чѣмъ сюда пришелъ, что мы будемъ дѣлать въ этой комнатѣ, что у него подъ ногами—внизу, надъ головой—вверху, справа и слѣва, спереди и сзади. Когда названы всѣ предметы въ классной комнатѣ, учитель заставляетъ перечислять ихъ; спрашиваетъ, всѣ-ли эти предметы есть у дѣтей дома, при чемъ ученики перечисляютъ какъ тѣ, такъ и другіе. Отъ названія предметовъ переходятъ къ разсматриванію каждаго отдѣльно, замѣчая въ каждомъ: части, форму, цвѣтъ, матеріалъ, положеніе, назначеніе. Въ связи съ этими предметными уроками, сближающими дѣтей съ

новой обстановкой, полезно вести,—какъ для оживленія занятій и удовлетворенія естественнаго стремленія дѣтей къ дѣйствию, такъ и въ видахъ подготовленія ихъ къ письму,—рисованіе по клѣточкамъ. Учитель рисуетъ на доскѣ, разграфленной крупными квадратами, окно, стулъ, столъ, спрашиваетъ, на что похожа нарисованная имъ фигура, обращаетъ вниманіе дѣтей на самый способъ, какъ онъ рисовалъ эту фигуру и, наконецъ, заставляетъ ихъ самихъ нарисовать ту же фигуру на своихъ доскахъ. За разсматриваніемъ предметовъ классной комнаты идетъ разсматриваніе предметовъ, съ которыми дѣти уже знакомы изъ жизни, ихъ окружающей. Здѣсь цѣлью является не столько сообщеніе новыхъ знаній, сколько уясненіе, приведеніе въ порядокъ и выраженіе посредствомъ точной, правильной и складной рѣчи тѣхъ знаній, которыя уже имѣются въ умѣ ребенка, но не сознаны имъ, потому что онъ никогда не отдавалъ въ нихъ отчета, никогда не группировалъ, не объединялъ ихъ. Предметами для такихъ наглядныхъ упражненій могутъ служить животныя, растенія, камни—эти любимцы дѣтей, съ которыми они весело проводятъ досугъ свой, о которыхъ съ удовольствіемъ слушаютъ и сами рассказываютъ сказки. Дѣти съ удовольствіемъ, напр., гонятся за птичками, пчелками, разговариваютъ съ лошадыю, пересыпаютъ песокъ, бросаютъ камни, сажаютъ цвѣты... Нѣсколько мѣстныхъ птицъ, рыбъ, минераловъ, могутъ рассмотрѣны на первый разъ въ самыхъ общихъ чертахъ, путемъ непосредственнаго наблюденія и только въ крайности посредствомъ рисунковъ. Когда дѣти поймутъ, какъ надо наблюдать, на что обращать вниманіе, какъ взяться за дѣло, возможно допустить, чтобы они разсматривали какое нибудь домашнее животное дома, внѣ школы, и эти внѣ классныя наблюденія сдѣлать предметомъ классныхъ бесѣдъ, при помощи рисунковъ, но лучше выбирать такіе предметы, которые можно приносить въ классъ. Для

каждаго урока учитель долженъ составить предварительно программу. Такъ, напр., при разсматриваніи кошки, учитель задается, примѣрно, такой программой: гдѣ можно видѣть кошку? какія части ея? форма головы, туловища? ноги? хвостъ? когти? Чѣмъ покрыта? Какъ двигается? Какой голосъ? чѣмъ питается? Для чего кошку держать въ домахъ?—Отъ животныхъ, растеній, минераловъ наглядное обученіе можетъ перейти къ предметамъ обыденной жизни, служащимъ для удовлетворенія первымъ потребностямъ человѣка, для питанія и надлежащаго содержанія его тѣла, каковы напр. мука, соль, мясо, вода, мыло. Въ этомъ случаѣ матеріалы, взятые изъ природы, являются въ примѣненіи къ человѣческой жизни, приспособленными къ ея потребностямъ. При разсматриваніи ихъ, учитель долженъ стараться объ образованіи въ умѣ дѣтей понятія о силѣ человѣческаго ума и труда, обращающаго въ пользу человѣка окружающую его природу. Наконецъ предметомъ нагляднаго обученія можетъ быть самъ человѣкъ. Переходъ отъ предметовъ природы и искусства, созданнаго человѣкомъ, къ человѣку, какъ центру и природы, и обученія (потому что всѣ изучаемые предметы важны настолько, насколько они имѣютъ отношеніе къ человѣческой жизни), можно считать вполне естественнымъ. Дистервегъ не соглашается съ тѣми педагогами, которые совершенно исключаютъ разсматриваніе человѣческаго тѣла изъ круга первоначальнаго изученія. Человѣкъ и его тѣло, по Дистервегу,—отличное средство, могущее служить для возбужденія наблюдательности дѣтей и представляющее обильный матеріалъ для обогащенія дѣтей весьма важными первоначальными свѣдѣніями. »Во время этихъ уроковъ, говоритъ Дистервегъ, учитель своими словами, тономъ и обращеніемъ такъ дѣйствуетъ на дѣтей, что они разсматриваютъ свое тѣло, какъ священный храмъ; онъ самымъ тщательнымъ образомъ избѣгаетъ всего, что можетъ привести

въ смущеніе чистое дѣтское чувство. Кто не имѣетъ такта въ этомъ смыслѣ, того не слѣдуетъ пускать въ классъ».

Продолжительность нагляднаго обученія, время окончанія его, въ каждомъ данномъ случаѣ, по отношенію къ каждому ученику, каждому классу и т. п., опредѣляются многими обстоятельствами. Главнымъ образомъ и прежде всего продолжительность нагляднаго обученія опредѣляется степенью развитости ученика, поступающаго въ школу. Понятно, что для ученика менѣе развитаго потребуется болѣе продолжительное наглядное обученіе, чѣмъ для болѣе развитаго; но вообще, чѣмъ оно менѣе сиѣшно, тѣмъ лучше. Въ иностранныхъ школахъ, куда поступаютъ дѣти почти одинаковой степени развитія, считаютъ полезнымъ вести это обученіе отъ одного до двухъ лѣтъ. Но такая продолжительность нагляднаго обученія невозможна у насъ, такъ какъ съ одной стороны время, которымъ располагаетъ наша народная школа, очень ограничено, а съ другой родители учениковъ нашей народной школы обыкновенно желаютъ, чтобы дѣти ихъ выходили изъ школы какъ можно скорѣе. Въ нашихъ народныхъ школахъ можно посвятить наглядному обученію только рядъ первыхъ уроковъ, по поступленіи новыхъ учениковъ въ школу, а затѣмъ для нихъ ежедневно удѣлять въ школѣ хотя часа два во все время, пока ученики обучаются собственно грамотѣ. Какъ скоро они выучатся достаточно свободно читать и писать, наглядное обученіе должно смѣниться преподаваніемъ отдѣльныхъ предметовъ при помощи книгъ, и переходить уже въ наглядность обученія—одно изъ качествъ обученія или преподаванія, въ особенности элементарнаго. Такъ, преподаватель Закона Божія, желая неизгладимо впечатлѣть рассказъ изъ св. исторіи въ памяти ученика, показываетъ ему картину, представляющую то, что онъ ему рассказалъ: этимъ самымъ учитель переноситъ ученика въ тотъ міръ, котораго касалось повѣствованіе, заставляетъ

его быть какъ бы очевидцемъ, свидѣтелемъ тѣхъ событій, о которыхъ разсказалъ, тѣхъ дѣятелей, которыхъ описалъ. Равнымъ образомъ преподаватель географіи для объясненія ученику того, что путникъ, вышедшій изъ извѣстнаго мѣста на востокъ, идя постоянно прямо, вернется къ точкѣ отправления съ запада, беретъ арбузъ и обводитъ вокругъ него пальцемъ; тогда ребенокъ увидить, что ему правду говорили, навсегда пойметъ сказанное. Короче, всякое начальное, элементарное обученіе, напр. обученіе чтенію, письму, Закону Божію, счету, ариметикѣ и пр., должно быть нагляднымъ, чтобы не сдѣлаться отвлеченнымъ и тѣмъ самымъ не перестать быть доступнымъ дѣтскому пониманію. Но это будетъ уже не наглядное обученіе, какъ особый предметъ, а лишь особая черта сторона и качество обученія тому или другому предмету.

Не смотря на всю важность нагляднаго обученія, въ немъ возможны ошибки. Всѣ ошибки, возможные при наглядномъ обученіи, происходятъ отъ того, что изъ обстоятельнаго, всесторонняго изученія предмета оно часто превращается въ бесѣду по поводу предмета. Бесѣды по поводу предмета часто не имѣютъ ни границъ, ни цѣли, кромѣ выработки языка. Эти бесѣды часто не служатъ уясненіемъ и развитіемъ какой-либо мысли, а скользятъ съ предмета на предметъ, не объяснивши одного, быстро переходятъ къ другому, третьему и т. д. Ученикъ, обучающійся такъ образъ, приучается къ поверхностной болтовнѣ, — говорить складно, красиво о многомъ, а въ сущности ни о чемъ. Понятно, что такое обученіе не приучитъ ученика къ строгому логическому мышленію, не заставитъ его останавливать вниманіе только на томъ, что достойно его; оно, наконецъ, не дастъ ему знанія. При такомъ обученіи, по окончаніи урока, ученикъ не можетъ дать сознательнаго отвѣта на вопросъ: что же онъ вынесъ изъ этого урока. Для примѣра

возьмемъ одинъ изъ предметовъ такихъ бесѣдъ—классную доску. Доска выкрашена,—какою краскою, какъ она готовится, гдѣ продается, изъ чего дѣлается и проч. Доска сдѣлана изъ дерева,—кто дѣлалъ, какъ, что еще дѣлаютъ столяры, какія еще есть деревья. Словомъ, объ этомъ предметѣ можно бесѣдовать до безконечности. Средства для избѣжанія подобныхъ ошибокъ при наглядномъ обученіи предлагаются педагогами различныя. Одни изъ педагоговъ, съ цѣлью систематизировать курсъ нагляднаго обученія и отдѣльные уроки по нему, совѣтуютъ приурочивать его къ обученію чтенію и письму, держаться »метода нормальныхъ словъ«, т. е., вести наглядныя бесѣды о тѣхъ предметахъ, названія которыхъ встрѣчаются при обученіи чтенію и письму. Другіе, напротивъ, въ тѣхъ же видахъ, рекомендуютъ связывать наглядное обученіе съ книгою для чтенія, разсматривать съ дѣтьми тѣ предметы, описанія которыхъ представлены въ книгѣ для первоначальнаго чтенія и пр. Но такія и подобныя имъ основанія нагляднаго обученія не прочны, не устраняютъ главныхъ ошибокъ при наглядномъ обученіи: случайности и уклоненій въ сторону. Слѣдуя, напр., методу »нормальныхъ словъ«, придется вести бесѣду то о шляпѣ, то о гусѣ, жукѣ, о скрипкѣ, объ игolkѣ, и т. д. Лучшее основаніе для нагляднаго обученія предложено Грассманомъ. »Выборъ того, говоритъ Грассманъ, о чемъ слѣдуетъ вести съ дѣтьми бесѣду въ данное время, не можетъ быть предоставляемъ случаю, произволу и минутному настроенію, ибо въ противномъ случаѣ обученіе сдѣлалось бы беспорядочною болтовнею »о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ«: такая болтовня ведетъ только къ разсѣянности и поверхностности: но съ самаго начала занятій учитель постоянно долженъ имѣть въ виду опредѣленную цѣль и стремиться къ достиженію ея извѣстнымъ, напередъ опре-

дѣленнымъ путемъ». Такимъ образомъ Грассманъ требуетъ, чтобы въ основѣ всего курса нагляднаго обученія, равно и отдѣльныхъ уроковъ по наглядному обученію, лежала строгая естественная послѣдовательность и общій планъ, гармонирующій съ планомъ всего школьнаго обученія.

Ө. Полатевъ.

Журнальное обозрѣніе.

(Февральскія книжки »Православнаго Обозрѣнія«, »Странника«, »Душеполезнаго Чтенія« (февраль, мартъ), »Чтеній въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія« и »Православнаго Собесѣдника«).

Въ февральской книжкѣ *Правосл. Обозр.* читатель его, между другими статьями, встрѣтитъ статьи, знакомящія съ самобытнымъ проявленіемъ русской философствующей мысли, съ современнымъ состояніемъ западно-европейскаго протестантизма и жизнью русскаго сектантства. На этихъ статьяхъ и мы остановимъ свое вниманіе.

Философія у насъ, на Руси, не въ модѣ. Правда, у насъ пользуются извѣстностію философскіе труды Конта, Милля, Спенсера Льюиса, но это скорѣе подражаніе западу, увлекающемуся философскими произведеніями названныхъ авторовъ. Что же касается до русскихъ самостоятельныхъ дѣятелей въ области философской мысли, то о нихъ или не знаютъ, или знать не хотятъ... Это особенно имѣетъ всю силу по отношенію къ произведеніямъ, которыя вышли изъ подъ пера »духовныхъ«. Къ такимъ грустнымъ, но тѣмъ не менѣе справедливымъ мыслямъ приходитъ авторъ статьи »Позднее слово о преждевременномъ дѣлѣ«, написанной по поводу существованія въ русской литературѣ произведенія епископа *Никанора* подъ заглавіемъ: »Позитивная фило-

софія и сверхчувственное бытіе«. Дѣло въ томъ, что этотъ замѣчательный трудъ появился еще въ 1876 году (первый томъ, а второй въ 1877), но въ него никто еще не всмотрѣлся, а свѣтская печать даже и слова не сказала о немъ. А между тѣмъ, какъ заключаетъ авторъ, трудъ преосв. Никанора носить печать свободной, оригинальной и глубокой мысли, и потому есть »страница въ исторіи русской философской мысли«. И вотъ авторъ названной статьи предпринялъ представить связанное и критическое изложеніе того міровоззрѣнія, которое приводится въ обширномъ трудѣ преосвященнаго Никанора. Задача пр. Никанора—поставить философію на научную почву, приложить къ ней »научный« методъ¹⁾. Въ этомъ отношеніи онъ приближается къ позитивизму. Но позитивизмъ пр. Никанора оригиналенъ, такъ какъ онъ находитъ возможнымъ научнымъ путемъ познавать и »сверхчувственное бытіе«. Въ настоящей статьѣ говорится о теоріи познанія и показывается, какъ пр. Никаноръ всё человѣческое познаніе сводитъ »на однообразную дѣятельность чувствъ внѣшнихъ и внутреннихъ, включая сюда и »внутреннее, душевное чувство«, связанное съ дѣятельностію всей нервномозговой системы и выражающееся въ человѣческомъ сознаніи«.

Съ появленіемъ протестантства возсіяло, обыкновенно полагаютъ, новое свѣтило для человѣчества какъ въ религіозномъ отношеніи, такъ и въ умственномъ. Ему приписываютъ миссію освобожденія религіознаго чувства, скованнаго католицизмомъ; ему ставятъ въ заслугу возстановленіе церкви въ чистомъ образѣ временъ ~~апостольскихъ~~ апостольскихъ; оно,

¹⁾ Ту же цѣль преслѣдовалъ и Льюисъ въ переведенномъ на русскій языкъ сочиненіи: „Вопросы о жизни и духѣ“. Но стоитъ сопоставить эти двѣ работы и не трудно убѣдиться, что трудъ пр. Никанора превосходитъ глубиною, серьезностію и опредѣленностію. И вотъ, въ то время, какъ произведеніе Льюиса популяризуется, о трудѣ русскаго автора почти не знаютъ.

говорятъ, свергло игороманизма, который лежалъ великою тяже-
стію на умственной жизни человѣчества, — оно подарило человѣче-
ство »драгоценнымъ даромъ« — свободою мысли, свободою изслѣ-
дованія. Дѣйствительно, нельзя отрицать, что принципы и идеи,
легшія въ основу протестантизма, были глубоки и плодотворны.
Но дѣло въ томъ, что протестантство въ своей реформаторской
миссіи зашло слишкомъ далеко. Представители его, обрубая
и обѣкая сухіе сучья и вѣтви, въ пылу увлеченія не за-
мѣтили, что наносили жестокіе удары топоромъ и стволу, и
корню. Выбрасывая за бортъ многое, какъ лишній балластъ
они увлеклись и новыбросали то, безъ чего протестантство
стало терять жизненность. И вотъ новое свѣтило оказывается
только блуждающей кометою или, точнѣе, падающимъ мете-
оромъ, привлекающимъ къ себѣ на время вниманіе, но
пропадающимъ безслѣдно и на время даже увеличивающимъ
темноту ночи. Въ самомъ дѣлѣ, оказывается теперь, что
протестантской церкви, лишенной внутренняго единства,
угрожаетъ опасность какъ со стороны разѣдающаго невѣрія,
такъ и со стороны пропагандирующаго католицизма. И про-
тестантство, желая спасти, отстоять себя, въ настоящее
время безуспѣшно хлопочетъ установить церковное единство,
основывающееся на единствѣ вѣры, и изыскать средства про-
тиводѣйствія католической пропагандѣ. Въ такомъ видѣ
присуетъ современное состояніе протестантства свящ. *Воздви-
женскій*, давшій заглавіе своей статьѣ: »Нѣсколько словъ
о современномъ состояніи протестантства«.

Статья протоіер. *Панова* подъ заглавіемъ: »Изъ совре-
менной жизни русскихъ сектантовъ« можетъ представлять
живой интересъ для нашихъ читателей. Первая половинна
статьи прот. *Панова* напечатана въ декабрьской кн. *Прав.
Обозр.* за прошлый годъ, а потому, для полноты, мы будемъ
имѣть въ виду и её. Умственную жизнь сектантовъ по-
чтенный протоіерей обрисовываетъ такими чертами. Съ тѣхъ

поръ какъ сектанты отдѣлились отъ церкви и потеряли источникъ озаренія, ихъ умственная жизнь не сдѣлала ни шагу далѣе той ступени развитія, на какой застигло ихъ время отпаденія отъ церкви. Сектанты бѣгутъ отъ просвѣщенія, какъ отъ заразы, ненавидятъ школу, какъ порчу нравовъ. Образовательный матеріалъ не расширяется у нихъ: что сказали Аввакумъ съ Никитой пустосвятомъ да отцы Соловецкой челобитной, то только и повторяютъ они на разныя манеры. »Привыкну къ мраку заблужденія, умъ сектантовъ упражняется въ однихъ безплодныхъ умозрѣніяхъ..., смѣшиваетъ истину съ своею ложью и ложь съ побинутою истинною и, потерявъ чутье истины, остается не чувствительнымъ къ увѣщаніямъ и вразумленіямъ«. Если присмотрѣться къ внутренней жизни сектантовъ, насколько она проявляется во внѣшности, не трудно замѣтить, что и въ этомъ отношеніи они живутъ не истинно духовною жизнію, но жизнію мнимою, какую проводятъ люди заживо умершіе. »Здѣсь разумъ и другія высшія силы духа уже не господствуютъ надъ чувствами и другими низшими силами духа, но низшія управляютъ высшими; представленія чувствъ и дѣйствія воображенія становятся для ума сектантовъ истинною и ложью, а для воли добромъ и зломъ; здѣсь страсти, неуправляемыя разумомъ, приходятъ во взаимную борьбу; преобладающія страсти являются господствующими надъ всѣмъ, что священо для духовной жизни человѣка«. Въ подтвержденіе своихъ словъ, авторъ указываетъ факты безпорядочной жизни окружниковъ и противокружниковъ. Кромѣ того, онъ рисуетъ безобразіе прыгуновъ, неплательщиковъ и новой какой-то секты, появившейся въ Вологодской губерніи.

Февральская книжка *Странника*, кромѣ краткаго очерка жизни русскаго архипастыря »Іоасафа, еп. архангельск.«, принесла намъ продолженіе прежде начатыхъ статей (»Царство Анабаптистовъ и общество Меннонитовъ« и »Римско

католич. церковь въ Америкѣ») и еще нѣкоторыя другія, между которыми обращаютъ на себя вниманіе статья прот. *Базарова* »Вѣра, какъ начало нравственной жизни« и очеркъ *Братцева* »Жертвы не разумнаго воспитанія«. Но съ очеркомъ Братцева мы имѣемъ въ виду познакомить нашихъ читателей въ особой статьѣ. А что касается статьи прот. Базарова, то, правду говоря, содержаніе ея, по причинѣ краткости, трудно еще болѣе съузнить и заключить въ тѣсныхъ рамкахъ журнальнаго обозрѣнія. Можно только сказать, что предметъ ея точно опредѣляется самымъ заглавіемъ: »Вѣра, какъ начало *нравственной* жизни«. Мы остановимся только на двухъ статьяхъ, и ограничимся краткой замѣткой по поводу »текущей хроники« февр. книжки Странника.

Въ статьѣ »царство Анабаптистовъ и общество Меннонитовъ« говорится объ анабаптизмѣ германскомъ, и именно: о цвикаускихъ пророкахъ (они утверждали, что имѣютъ въ себѣ пророч. духъ) и объ основателѣ анабаптизма въ Германіи, Томѣ Мюнцерѣ. Цвикаускіе пророки—общество или точнѣе крестьянскій союзъ, въ своихъ соціальныхъ стремленіяхъ ставшій на религіозную почву. Они, полагаютъ, жили мечтой о новомъ славномъ царствѣ, въ которомъ не будетъ никакихъ властей и законовъ, но всѣмъ будетъ управлять Богъ; задачей же своей дѣятельности они поставляли устроить это царство. Мюнцеръ, какъ основатель анабаптизма въ Германіи, первый постарался дать опредѣленное выраженіе тому, о чемъ прежде смутно толбовалось въ тайныхъ крестьянскихъ союзахъ и что еще не вполне ясно сознавали даже цвикаусцы. Ни церкви, ни государства, ни властей, ни подчиненныхъ, ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, по Мюнцеру, не должно быть больше. Должно быть основано теократическое царство на началахъ братства и любви. Но къ дверямъ того царства ведетъ дорога черезъ кровь и трупы, а потому воззваніе: »братья, вотъ мечъ Гедеона, посланный

миѣ отъ Бога!. вѣруйте и побѣждайте« можно сказать—резюме всѣхъ увѣщаній Мюнцера къ своимъ послѣдователямъ. Вслѣдствіе того на Мюнцера можно смотрѣть не только какъ на сектанта, но и какъ на революціонера.

Въ статьѣ »Римско-католическая церковь въ Америкѣ« говорится о способахъ, какими распространяемо было христіанство въ Америкѣ, и о положеніи туземцевъ вообще и въ частности туземныхъ христіанъ. Нельзя безусловно хвалить поведеніе и образъ дѣятельности римско-католическихъ миссіонеровъ въ Америкѣ: во многихъ мѣстахъ ихъ дѣятельность шла объ руку съ завоеваніями, а христіанство проникло при содѣйствіи меча. Но всё таки можно много указать въ ихъ дѣятельности и свѣтлыхъ сторонъ. Заботясь о просвѣщеніи христіанствомъ американцевъ, миссіонеры заводили училища, устроили всенародныя катихизаціи. Кромѣ того, они проявляли самоотверженную преданность интересамъ туземцевъ, теплое сочувствіе ихъ несчастіямъ и заботу объ улучшеніи ихъ участи. Нужно замѣтить, что корыстолюбивые испанцы всѣми средствами старались поработить американцевъ. Они охотились на послѣднихъ съ собаками, отнимали у нихъ собственность, лишали ихъ свободы, обращая въ крѣпостныхъ, и безчеловѣчно истребляли ихъ при всякомъ случаѣ. Вотъ тутъ-то миссіонеры и проявили христіанское самоотверженіе, вступаясь за права угнетаемыхъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ по поводу »текущей хроники«. Перепечатавъ въ этомъ отдѣлѣ, между прочимъ, статью изъ Руководства д. с. п. подъ заглавіемъ: »Изъ дорожныхъ воспоминаній (№ 52, 1878 г.), хроникеръ напоминаетъ автору названной статьи извѣстную истину, что »божественная благодать священства не оставляетъ священника и въ то время, когда онъ машинально совершаетъ богослуженіе«. Но и машинальное или же, говоря иначе, механи-

ческое выполненіе обязанностей требуетъ, замѣтимъ съ своей стороны, необходимаго и *соотвѣтственнаго* вниманія со стороны исполнителя. Безспорно, что трудно требовать отъ священника постояннаго молитвеннаго настроенія. Но отъ него можно и должно требовать такого отношенія къ своимъ обязанностямъ, которое не говорило бы о небрежномъ ихъ исполненіи или исполненіи нѣхотя. Не правъ хроникеръ, заподозривая автора поименованной статьи въ безучастіи къ матеріальному положенію духовенства. На основаніи »дорожныхъ воспоминаній« нельзя заподозрить его въ этомъ.

Въ февральской и мартовской книжкахъ *Душеполезнаго чтенія* одиѣ пзъ статей — окончаніе недавно начатыхъ, другія — нескончаемое продолженіе давно начатыхъ, а третьи — цѣльныя. Статьи, относящіяся къ послѣдней категоріи, слѣдующія: »Растительность святой земли« (абрисъ палестинской ботаники) и »Грибы прихоти и постная пища«. Въ послѣдней статьѣ нужно отмѣтить то, что авторъ ея, говоря о постной пицѣ, склоняется въ пользу того мнѣнія, что и постоянно употребляемая растительная пища достаточна для питанія организма, даже при напряженной умственной дѣятельности.

Статьи второй категоріи исчислены нами въ предидущемъ обзорѣ (№ 9). Остается теперь окончаніе статей: »Римскій догматъ о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи« и »Наши успѣхи«. На нихъ то мы и остановимся.

Въ послѣднихъ двухъ статьяхъ г. *Субботинъ* показываетъ несостоятельность доказательствъ Гагарина, позаимствованныхъ имъ у третьяго »свидѣтеля« — раскола. Сущность доказательства о. Гагарина »отъ раскола« имѣетъ форму простаго силлогизма. »Старовѣры не имѣютъ ни какого отношенія къ католикамъ, и ихъ невозможно обвинять въ заимствованіи чего-либо у католиковъ. Сверхъ того, они до такой мелочности привязаны къ старымъ преданіямъ, что

не возможно заподозрить ихъ ни въ какомъ пововведеніи. Но эти-то старовѣры содержатъ ученіе о непорочномъ зачатіи; слѣдоват. это ученіе есть ученіе древне-россійской церкви. Несостоятельность этихъ-то посылокъ, а слѣд. и заключенія, и показываетъ г. Субботинъ со всею строгостію логической послѣдовательности.—Раскольники не строгіе хранители православной церковной старины. Тѣ пункты ученія ихъ (»догматы«), въ которыхъ согласны всѣ раскольники, къ какой бы сектѣ они ни принадлежали, не древни: они не восходятъ раньше XV в., и представляютъ status quo русской церкви время Никоны. А это status quo было таково, что потребовалось его исправленіе. Что же касается до частныхъ сектантскихъ ученій, то здѣсь обнаруживается совершеннѣйшее пренебреженіе древне-церковными и древне-отеческими преданіями. Не состоятельна также и меньшая посылка. Въ »Уставѣ бѣлокриницкаго монастыря« дѣйствительно встрѣчается ученіе о непорочномъ зачатіи. Но о. Гагаринъ слишкомъ много придаетъ значенія этому документу, назвавъ его »profession de foi старообрядцевъ«. Если-бы кого-либо изъ старовѣровъ спросить, относится-ли къ числу ихъ вѣрованій ученіе о непорочномъ зачатіи, то онъ или не понялъ бы спрашивающаго, или отвѣтилъ бы, что такого ученія не содержится. Къ тому же нужно прибавить, что ученіе о непорочномъ зачатіи въ »Уставѣ« инока Павла перенесено изъ челобитной Никиты пустосвята, въ которой онъ, съ предзанатою цѣлію во чтобы-то ни стало обличить въ ереси церковь православную, стараясь показать, что нанечатанное въ »Скрижали« изреченіе о Пресвятой (»скверна прародительна бяше въ ней«) еретическое. Нѣчто подобное встрѣчается еще и у Лазаря. Но онъ говоритъ только о томъ, что Дѣва Марія »отъ рождества своего не имѣла скверны«. Ясно, поэтому, что даже и эти свидѣтели, о существованіи которыхъ, впрочемъ, Гагаринъ

и не знаетъ, не оправдываютъ его мнѣнія. Если же ложны посылки, то ложно и заключеніе,—что раскольникъ содержитъ ученіе о непорочномъ зачатіи. Въ заключеніе своего обстоятельнаго изслѣдованія г. Субботинъ доказываетъ, что ученіе православной церкви о причастіи непорочной Дѣвы первородному грѣху не кальвинское измышленіе, перессажненное изъ Константинополя на русскую почву, но самое древнее ученіе восточной церкви.

Статьи *Владимірскаго* также останавливаютъ на себѣ вниманіе читателя. Озаглавивъ ихъ ›Наши успѣхи‹ и замѣтивъ, что это ›обзоръ открытій и улучшеній въ наукѣ и жизни‹, онъ къ концу трактуетъ уже не объ улучшеніяхъ... Такой переходъ, пожалуй, и возможенъ, но въ этомъ случаѣ заглавіе статьи ›Наши успѣхи‹ не вполне точно. Кромѣ того, заканчивая свой обзоръ, авторъ ставитъ вопросъ: ›какой выводъ всѣхъ предыдущихъ замѣтокъ и размышленій?—Очень печальный: ›далеко еще намъ до господства и обладанія! Впрочемъ, полагаемъ, ставъ на точку зрѣнія автора, все это легко поправить. Онъ говоритъ напр., ›что машины оставили множество рукъ безъ работы,—отсюда конкуренція рабочихъ и пониженіе до нельзя заработной платы. Вслѣдствіе того глухая вражда рабочихъ къ капиталамъ, стачки, социализмъ, пролетаріатъ со всѣми пороками и преступленіями, на которыя толкаетъ голодъ‹. Всему тому, какъ видите, причиною машины... Такъ чтоже?—стоитъ только уничтожить эти машины, и все поправится!..

Если мы такъ мало удѣлили вниманія генварской книжкѣ *Чтеній въ Обществѣ любителей духовн. просвѣщенія*, то было бы большою несправедливостію отнести также и къ февральской. Здѣсь читатель встрѣтитъ статьи, которыя знакомятъ его съ положеніемъ церковной іерархіи въ древне-вселенской церкви и съ положеніемъ нашего духовенства въ вѣкъ Алексѣя Михайловича; встрѣтитъ онъ также статью, имѣющую цѣлью познакомить съ религіозными

воззрѣніями русскаго народа, а это не бесполезно и для пастырей, которые ближе всего стоятъ къ народу. Статьи, трактующія указанные нами предметы, суть слѣдующія: »Избраніе философа Синезія въ епископа Птолемандскаго«, »Іоакимъ, патріархъ Московскій« и »Очеркъ происхожденія и развитія эсхатологическихъ идей и образовъ на востокѣ, переходъ и вліяніе ихъ на народное религіозное міросозерцаніе въ древней Руси«.

Избраніе неоплатоническаго философа Синезія въ епископа Птолемандскаго—однѣ изъ тѣхъ эпизодовъ церковной исторіи, которые такъ неопровержимо свидѣтельствуютъ о могуществѣ и жизненности церковной іерархіи въ IV и V вѣкахъ. Вотъ какими чертами характеризуетъ положеніе ея одинъ нашъ отечественный историкъ (Ешевскій). »Проявляя мыслящую грустную исторію разложенія древняго государственнаго быта и цивилизаціи, нельзя не поразиться той рѣзкой противоположностію, которая замѣтна между духовнымъ и свѣтскимъ обществомъ. Предъ нами открывается какъ бы новый міръ, богатый жизненными силами, залогомъ долгой и славной будущности. На каждомъ шагу историкъ этого тяжелаго времени встрѣчаетъ въ организаціи церкви, въ дѣятельности ея членовъ прочность и силу, отсутствіе которыхъ такъ сильно замѣчается въ политической и умственной дѣятельности свѣтскаго общества«. Это могущество церкви обуславливалось какъ прочностію церковной организаціи и высокими нравственными качествами священства, такъ и матеріальнымъ благосостояніемъ церкви. Не таково положеніе нашей церкви и состояніе церковной іерархіи въ вѣкъ Алексѣя Михайловича. Правда, предъ нами выступаетъ величественный образъ патріарха Никона и свѣтлый образъ патріарха Іоакима. Но стоитъ всмотрѣться въ тогдашнее положеніе нашего духовенства и легко примѣтить, что это положеніе было незавидное. Статья »Іоакимъ, па-

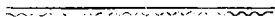
тріархъ московскій*, изображая это незавидное положеніе нашего духовенства въ древней Руси, представляетъ особенный интересъ для читателей, желающихъ познакомиться съ этимъ предметомъ. Мы замѣтимъ только, что главною задачею дѣятельности патріарха Іоакима было—улучшить положеніе духовенства и поднять его нравственное состояніе.

Г. Сахаровъ въ статьѣ »Очеркъ происхожденія и развитія эсхатологическихъ идей*... знакомитъ читателя съ народнымъ рѣшеніемъ тѣхъ вопросовъ, которые занимаютъ человѣчество, на какой бы степени культуры оно ни стояло. Такъ какъ эсхатологическія народныя воззрѣнія имѣютъ отношеніе къ догматическому выраженію ученія о послѣднихъ чудесахъ міра, то мы полагаемъ, что очерки, въ родѣ того, какой предлагаетъ г. Сахаровъ, не бесполезны для догматиста. Но они не бесполезны и для пастырей, такъ какъ они по подобнымъ очеркамъ могутъ знакомиться съ религіозными народными воззрѣніями. При этомъ мы замѣтимъ только, что заглавіе »Очерки* г. Сахарова не совсѣмъ точно: оно не обнимаетъ собою всего содержанія статьи, не смотря на свою видимую обширность. Заглавіемъ: »Очеркъ происхожденія и развитія эсхатологическихъ идей и образовъ на востокѣ, переходъ и вліяніе ихъ на народное религіозное міросозерцаніе въ древней Руси*—п包含аются эсхатологич. идеи и образы запада. Между тѣмъ авторъ ни какъ не могъ умолчать объ этихъ послѣднихъ, такъ какъ многіе изъ нихъ, по его же словамъ, »самостоятельны* и притомъ переходили и къ намъ черезъ западныхъ славянъ. Кромѣ того, въ статьѣ попадаются противорѣчія. Такъ авторъ говоритъ: »можно *положительно* сказать, что христіанск. эсхатологич. идеи возникли на почвѣ національно-іудейскихъ представлений о Мессіи и Его царствѣ*, а за нѣсколько строкъ раньше онъ сказалъ: »до

христiанскія (значить и языческія, а не іудейскія только) народныя традиціи давали матеріаль« для выработки эсхатологическ. же воззрѣній. Черезъ 16 страницъ мы встрѣтимъ: »легендарныя сказанія о кончинѣ міра начали появляться, *несомнѣнно*, съ самыхъ первыхъ временъ христiанства... на почвѣ іудейскихъ и *языческихъ* представлений«...

Февральская книжка *Православнаго Собесѣдника* принесла двѣ новыхъ статьи и продолженіе нѣкоторыхъ прежнихъ. Новыя—»Замѣтки о жизни высокопр. Филарета, митроп. кіевск.«. и »Наука и ученые люди въ русскомъ обществѣ« *Милославскаго*. Последняя написана по поводу толковъ, возбужденныхъ г. Михайловскимъ и профессоромъ Цитовичемъ. Продолженіе составляютъ »Очерки древняго христiанскаго искусства по памятникамъ подземнаго Рима« и приложенія, уже указанныя нами. Въ статьѣ »Очерки древняго христiанск. искусства« разсматриваются символическія живописи. Остановливаясь на нихъ не находимъ нужнымъ, такъ какъ и въ »Руководствѣ для сел. паст.«, за 1870 г., по этому вопросу были обстоятельныя статьи Озерецкаго, каковое достоинство признаетъ за ними и самъ авторъ »Очерковъ«.

Э....э

Блуждающіе огоньки.

(По поводу одного распространеннаго народнаго повѣрья).

Кому изъ насъ не случалось слышать о »блуждающихъ огонькахъ«, появляющихся по ночамъ на кладбищахъ, въ лѣсной чащѣ на болотахъ и вообще въ сырыхъ мѣстахъ. Народное суевѣріе смотритъ на эти огоньки, какъ на души людей, умершихъ безъ покаянія и скитающихся по сырой землѣ.

Лучшій путь узнать, что это за «огоньки», заключается въ томъ, чтобы во-очію познакомиться съ ними. Для этого выберемъ тихую лѣтнюю ночь и пойдемъ на кладбище... Вотъ надъ этой могилой поднимается маленькій голубенькій огонекъ... Прошло нѣсколько мгновений, и онъ началъ колыхаться и перебѣгать съ одной могилы на другую. Вотъ еще огонекъ: онъ пробѣжалъ передъ нашими ногами и потухъ, распространивъ въ воздухъ запахъ гнилой рыбы.

Въ сырую погоду мы увидимъ много такихъ огоньковъ, особенно много можно ихъ видѣть послѣ обильнаго дождя.

Налюбовавшись красивою игрою этихъ огоньковъ, вернемся домой и постараемся *искусственно* воспроизвести эти красные огоньки. Отломимъ осторожно кусокъ фосфора (сдѣлаемъ это подъ водой, ибо фосфоръ имѣетъ способность самовоспламененія при соприкосновеніи съ воздухомъ) и положимъ его въ маленький графинчикъ, закупоренный пробкой, черезъ которую проходитъ трубка, открытый конецъ которой проведенъ въ чашку съ водой. Если открыть пробку, облить фосфоръ растворомъ щелока и вновь составить приборъ по прежнему, то, при легкомъ подогреваніи, начнетъ выдѣляться газъ, носящій названіе *фосфористаго водорода*. Этотъ газъ обладаетъ отвратительнымъ запахомъ гнилой рыбы (тѣмъ самымъ, который распространяется отъ потухшаго блуждающаго огонька) и замѣчательнымъ свойствомъ самовоспламененія. Вотъ уже нашъ газъ началъ отдѣляться. Изъ ванны вылетаютъ туманные кольца молочнаго цвѣта, которыя, взлетая, воспламеняются. Фосфористый водородъ образуется въ природѣ при гніеніи всевозможныхъ веществъ. Вотъ почему онъ преимущественно развивается на болотахъ и на кладбищахъ. Если дать возможность образоваться этому газу ночью и въ мѣстѣ, гдѣ сквозной вѣтеръ можетъ относить коль-

ца,—то мы увидимъ явленіе, называемое »блуждающими огоньками«. Такъ какъ эти огоньки являются въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ людскихъ жилищъ, то это самое сильно поддерживаетъ суевѣрное объясненіе происхожденія блуждающихъ огоньковъ.

Къ тому же, по справедливой поговоркѣ—»у страха глаза велики«, напуганное воображеніе суевѣрныхъ людей приписываетъ огонькамъ стонъ, напоминающій человѣческій голосъ...

Послѣ всего вышесказаннаго очевидно, что нельзя считать блуждающіе огоньки душами людей, умершихъ безъ покаянія.

А. К.

„Камень встрѣчи“.

До прошедшаго года упоминаемымъ въ Евангеліи мѣстомъ отдохновенія Іисуса Христа и бестѣды Его съ сестрою Лазаря Мареою считали камень (извѣстный подъ названіемъ »Камя встрѣчи«) сѣроватаго цвѣта съ черными жилками, почти овальной формы, высунувшійся изъ земли на полъ-аршина, лежащій въ юго-востоку отъ селенія Виваніи, при проѣздѣй кочевнической дорогѣ въ пустыню Мертваго моря въ нѣсколькихъ саженьяхъ къ сѣверу. Поэтому-то камень этотъ для указанія его назови-камъ св. мѣсть и былъ окруженъ, на разстояніи отъ него двухъ аршинъ, линіей камней. Но въ минувшемъ году новое археологическое открытіе обнаружило ошибочность этого предположенія и указало на подлинный »Камень встрѣчи«.

Поводомъ къ открытію было слѣдующее обстоятельство: на правой сторонѣ дороги, въ нѣсколькихъ дѣсяткахъ сажень отъ »Камя встрѣчи«, возвышался неправильнаго очертанія холмъ, видимо насыпнаго образованія. На этотъ холмъ обратилъ вниманіе начальникъ русской іерусалимской миссіи, и разъ, проѣзжая мимо для осмотра развалинъ Раугасъ, расспрашивалъ даже поселянина, вла-

дѣльца холма, не пробовалъ ли онъ дѣлать раскопокъ. Разспросы эти побудили крестьянина порыться въ своемъ холмѣ. Трудъ оказался не безплоднымъ. Съ первыхъ же пріемовъ раскопки показалась часть стѣны какъ-будто бы обрушеннаго свода. Затѣмъ, при дальнѣйшей работѣ, открылась стѣна изъ огромныхъ правильно осыченныхъ камней съ горбинами по срединѣ. Стѣна обнаружила постройку, обращенную лицомъ къ востоку, а къ западу оказалась полукруглая площадка, позади которой, въ видѣ параллелограмма, площадь. Очевидно, постройка была христіанская церковь съ холстыми въ два аршина стѣнами, стоящими на одну треть бывшей высоты своей, безъ свода. Объ открытіи этомъ скоро стало извѣстно въ Влоани, Элеонѣ и Силоамѣ.

Одинъ изъ членовъ Святогорской общины, архимандритъ Спиридонъ, посѣщилъ купить у поселяннина многознаменательный холмъ за 60 турецкихъ лиръ, и вслѣдъ затѣмъ немедленно приступилъ къ самой тщательной разчисткѣ развалинъ. По очисткѣ пола отрытой церкви обнаружилась у южной стѣны каменная плита, какъ видно, могила въ видѣ продолговатаго, съ каменными стѣнками, ящика, въ которомъ лежали незначительные остатки костей. Наконецъ, далѣе открылся, въ томъ же церковномъ помостѣ и у той же правой стѣны, только аршина на два впереди могилы, камень сѣраго цвѣта, неровной поверхности и овальной формы. На поверхности камня ясно сохранилось изображеніе бреста.

Такимъ образомъ, сообразивъ сохранившееся въ церкви преданіе о мѣстѣ бесѣды Спасителя съ сестрою Лазари, становится яснымъ, что теперь то наконецъ найденъ истинный »Камень встрѣчи«. Въ настоящее время архимандритъ Спиридонъ, какъ передаютъ за вѣрное, обращается къ нѣкоторымъ изъ извѣстныхъ ему лицъ въ Россіи съ просьбою о вспоможеніи для возстановленія драгоценной развалины.

„Ист. Биб.“

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Продолжается подписка на новый большой литературно-политическій и художественный журналъ

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ДЕШЕВЫЙ БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ВЪ РОССИИ.

Журналъ выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца со множествомъ художественно-выполненныхъ гравюръ. (Въ каждомъ номерѣ помѣщаются: романы, повѣсти, рассказы, біографіи, всемірное обозрѣніе, политика, современная хроника, статьи популярно-научныя и пр., и пр.)

Къ каждому номеру прилагаются отдѣльно:

24 ЛЕЖ въ годъ — НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ — 24 ЛЕЖ въ годъ

съ рисунками, подробнымъ описаніемъ ихъ, и обстоятельною модною хроникою. Кроме того, всѣ подписчики, когда бы не подписались, получаютъ въ теченіи года:

НѢСКОЛЬКО ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРЕМІЙ.

въ видѣ изящно-выполненныхъ гравюръ, отпечатанныхъ на толстой бумагѣ съ отдѣльнымъ фономъ. (Желающіе получить эти преміи въ сохранномъ видѣ, въ прочныхъ трубкахъ, досылаютъ къ подписной цѣнѣ 1 р).

*Подписка принимается постоянно и журналъ высы-
ляется съ № 1.*

Подписная цѣна: на годъ съ доставкою въ С.-Петербургъ и пересылкою иногороднымъ 5 руб.

Подписка принимается: въ С. Петербургѣ, въ Редакціи и Администраціи «Иллюстрированнаго Мира», Фонтанка д. № 103, а также у всѣхъ извѣстныхъ въ Россіи и за границую книгопродавцевъ.

3—3

РУКОВОДСТВО

Д Л Я

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
четыре руб., съ пересылкою пять № 20.
рублей сереб.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при кievской
семинаріи.

1879 года. Мая 13-го.

Содержаніе. Посильный отвѣтъ современному обвинителю православнаго русскаго духовенства.—Замѣтки и впечатлѣнія.—Нѣчто изъ моихъ воспоминаній.—Объявленія.—Въ приложеніи: Рѣчь при браковѣнчаніи (окончаніе).—Слово въ день свят. равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, 11-го мая.

Посильный отвѣтъ современному обвинителю православнаго русскаго духовенства¹⁾.

Авторъ статьи, помѣщенной въ »Православномъ Обзорѣніи«, г. Архиповъ, самъ какъ бы невольно чувствуетъ неумѣренность своихъ жалобъ и обвиненій на наше духовенство, а потому говорить: »не споримъ, что есть обвиненія неосновательныя и неумѣстно придирчивыя«... Но поэтому поводу онъ высказываетъ желаніе, въ которомъ снова слышится несправедливое отношеніе къ пастырямъ церкви. »Желательно, говорить онъ, чтобы какъ подобныя (неумѣстно придирчивыя), такъ и болѣе рѣзкія обвиненія опровергались не столько бойкимъ словомъ, сколько самою

¹⁾ См. № 18-й.

жизнию и дѣятельностію духовенства! Это значитъ, по нашему мнѣнію, что священникъ, будетъ ли виноватъ или не виноватъ, не долженъ ничего говорить въ свою защиту! По отношенію къ виновнымъ такое желаніе еще можетъ быть признано справедливымъ, а по отношенію къ невиннымъ оно будетъ новой острой и рѣжущей обидой.

Но у нашего обвинителя оказывается много желаній и одно другаго интереснѣй. »Желательно, говоритъ онъ, чтобы о томъ, когда и на какой предметъ предполагается сказать слово, дѣлалось напередъ извѣстнымъ всѣмъ, при маломъ населеніи, словесно, а въ значительныхъ городахъ чрезъ газеты или особыя объявленія. Въ С.-Петербургскомъ Евангелическомъ Воскресномъ листѣ за 1877 г. въ отдѣлѣ »церковный указатель« въ каждомъ номерѣ перечисляются петербургскія отдѣльныя и домовыя протестантскія церкви съ указаніемъ, въ какіе дни и часы произносятся въ нихъ проповѣди, принимается исповѣдь и объясняется Библія. Почему бы и у насъ не ввести чего нибудь изъ этого?». Авторъ до того увлекся добрыми обычаями протестантскихъ церквей, что вычеркнулъ изъ практики церкви православной и то, что въ ней несомнѣнно существуетъ и въ болѣе правильномъ, согласномъ съ духомъ евангелія Христова, видѣ—разумѣю исповѣдь. И объ исповѣди, по мнѣнію г. Архипова, слѣдуетъ дѣлать объявленія!... Но остановимся на его желаніи, чтобы о томъ, когда и на какой предметъ предполагается сказать слово, дѣлалось напередъ извѣстнымъ всѣмъ, при маломъ населеніи, словесно, а въ значительныхъ городахъ чрезъ газеты или особенныя объявленія. Авторъ такимъ образомъ желаетъ придать театральныи или, такъ сказать, афишный характеръ и нашей проповѣди, и нашему богослуженію, на которомъ говорятся проповѣди. Но подумалъ ли нашъ модникъ, что можетъ выйти изъ этого? Выйдетъ ли отсюда больше поль-

зы для дѣла спасенія? При такомъ новомъ порядкѣ, совершенно не исключается возможность для людей свободныхъ напередъ рѣшить для себя-идти въ церковь или нѣтъ, подобно тому какъ любители театральныхъ представленій посѣщаютъ театры, соображаясь съ качествомъ той или другой оперы, драмы и т. п., а равно и съ искусствомъ актеровъ и актрисъ. Если мнѣ не нравится имѣющая быть, по афишѣ, опера, или я уже нѣсколько разъ слышалъ ее, то я считаю и излишнимъ идти въ театръ; равнымъ образомъ, если, по афишѣ, въ представленіи не будетъ участвовать любимый мой актеръ или актриса, то мнѣ тоже не хочется идти въ театръ. Подобное этому должно случиться и въ разсужденіи церковнаго богослуженія. Между тѣмъ, всякій православный христіанинъ, какъ такой, обязанъ посѣщать богослуженіе съ цѣлію участвовать въ общественной молитвѣ, независимо отъ того, какою ораторъ выступитъ и съ какимъ словомъ назиданія. У насъ богослуженіе не состоитъ существенно только изъ одной проповѣди, какъ у лютеранъ, а и изъ молитвы, чтенія слова Божія, тайнодѣйствій и духовныхъ пѣснопѣній, иногда успокоивающихъ и улаждающихъ душу болѣе, чѣмъ даже хорошая проповѣдь.—Не будемъ уже долго останавливаться на томъ,—какъ это г. Архиповъ представляетъ возможнымъ оповѣщеніе всѣхъ прихожанъ о времени и предметѣ проповѣди, *при маломъ населеніи, словесно*. Кто бы и когда бы могъ это дѣлать? Сторожъ что-ль церковный? Но развѣ автору неизвѣстно, что приходы-то наши состоятъ теперь ¹⁾ весьма часто изъ нѣсколькихъ деревень, отдѣленныхъ отъ села значительнымъ разстояніемъ,—а прихожане-люди рабочіе, да притомъ темные, какъ утверж-

¹⁾ Мы имѣемъ въ виду осуществляющійся новый проэктъ сокращенія приходовъ.

Даетъ это и самъ авторъ, обвинившій пастырей церкви въ невѣжествѣ народа. Такимъ образомъ это предварительное оповѣщеніе въ селахъ съ одной стороны оказывается почти физически невозможнымъ, а съ другой и бесполезнымъ въ виду невѣжества, темноты народной.

Но вниманіе автора еще болѣе поражается тѣмъ приглашеніемъ, съ какимъ въ послѣдней статьѣ № 2 помѣнутаго Евангелическаго Воскреснаго листка за 1877 г. ученый пасторъ Далтонъ обращается ко всѣмъ, желающимъ являться каждую среду вечеромъ къ нему въ домъ для усиленнаго разрѣшенія вопросовъ и недоумѣній въ дѣлахъ вѣры и совѣсти. »Чтобы спокойнѣе разобрать и оснсвательно обсудить предметы недоумѣній, онъ проситъ посѣтителей,—изложивъ свои вопросы на бумагѣ, опускать въ ящикъ при его квартирѣ и потомъ уже въ назначенный день слушать его отвѣты. Какъ бы благодѣтельны, какъ бы душеполезны могли быть такія приглашенія для инаго сомнѣвающагося сына православной церкви! Но у насъ »всѣ тѣ«, говоритъ въ своемъ письмѣ О. Т., »которые борются и которые поэтому особенно нуждаются въ поддержкѣ и духовномъ пособіи, остаются безъ живой помощи, не находятъ этого пособія, но крайней мѣрѣ въ живомъ словѣ. Католики, лютеране, реформаторы идутъ на встрѣчу колеблющимся, сомнѣвающимся, ищущимъ, стремясь облегчить обрѣтеніе вѣры, а у насъ (Церк. Вѣстн. за 1877 г. № 5 стр. II)? Да, у насъ этого пока не видимъ«.—Итакъ авторъ желаетъ, чтобы и въ нашей православной церкви дѣлались спеціальныя приглашенія желающихъ для усиленнаго рѣшенія недоумѣній и вопросовъ вѣры и совѣсти.

Желаніе обвинителя, по видимому, хорошее,—но исполнимо ли оно у насъ, и исполненіе его полезно ли на самомъ дѣлѣ? Подумалъ ли объ этомъ авторъ? а подумать

объ этомъ слѣдовало бы уже на томъ основаніи, что наша церковь—не то же, что лютеранская, и что нашъ пастырь—не то же, что лютеранскій пасторъ. Пасторъ лютеранскій почти исключительно только учитель. Для него поэтому возможны такія приглашенія; да и то однако Далтонъ приглашаетъ желающихъ приходить къ нему не во всякое время, а только вечеромъ-по середамъ. Это напоминаетъ намъ обычай свѣтскихъ людей аристократовъ-назначать дни и часы для пріема посѣтителей, потому что въ другое время они бываютъ заняты собою и не согласны причинять себѣ беспокойство отъ ихъ посѣщеній. Правда, для пастора нужно время предварительно заняться рѣшеніемъ вопросовъ, которые, »будучи изложены обстоятельно на бумагѣ, опускаются въ ящикъ при его квартирѣ«. Предлогъ-то хорошій,—только съ трудомъ вѣрится ему... а главное-далеко ли уйдетъ онъ съ своими рѣшеніями, если будетъ предлагать ихъ разъ въ недѣлю? Вѣдь при такомъ порядкѣ совопросничество можетъ развиться сильно, совопросники будутъ являться и по нуждѣ, и безъ нужды, и ящикъ при пасторовой квартирѣ всегда будетъ наполненъ записками со всевозможными вопросами, а потому и въ большой пользѣ отъ этихъ приглашеній для совѣсти, для дѣла спасенія, въ чемъ уѣдряетъ насъ г. Архиповъ, мы очень сомнѣваемся. Но допустимъ, что у лютеранъ такія приглашенія возможны, и полезны.—Наши пастыри могутъ ли дѣлать срочныя приглашенія для указанной цѣли? У насъ пастырь не есть только учитель, но и священно служитель,—и эта сравнительная многосложность его обязанностей составляетъ одно изъ важныхъ затрудненій для подобныхъ приглашеній. Положимъ, и нашъ пастырь назначилъ бы срокъ-хотьбы тотъ же самый, какой назначаетъ и Далтонъ для посильнаго разрѣшенія религіозныхъ недоумѣній. Настало время занятія съ недо-

умѣвающимъ, которые собрались и ожидаютъ пастыря; а между тѣмъ, какъ разъ въ это же время заявляются другія требованія. Священника просить напутствовать больного, совершить таинство елеосвященія или крещенія младенца. Что тогда ему дѣлать? Очевидно, нужно оставить посятителей. Но одно—другое неудачное посѣщеніе, безъ сомнѣнія, отобьетъ охоту у посятителей приходить къ пастырю для разрѣшенія своихъ недоумѣній. Если бы наша православная церковь также была бѣдна тѣми священнодѣйствіями, которыми она освящаетъ всю жизнь христіанина отъ начала до конца, какъ и церковь лютеранская, если бы наши священники были люди безсемейные, служили на жалованьи и не занимались хозяйствомъ, подобно разнымъ лютеранскимъ Далтонамъ, тогда, пожалуй, была бы еще возможность осуществить желаніе г. Архинова завести и у насъ преніе,—а пока этого нѣтъ, то и это желаніе напрасно. Притомъ же, если припомнить, что, по мнѣнію г. Архинова, народъ-то у насъ все темный, невѣжда, и если, съ другой стороны, согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ г. Архинова (которое мы сейчасъ будемъ разсматривать), что въ нашей церкви съ трудомъ развѣ можно найти такого пастыря, который могъ бы давать разумные и серьезные отвѣты на вопросы и недоумѣнія колеблющихся, сомнѣвающихся сыновъ православной церкви, то необходимо признать, что желаніе нашего автора, съ его собственной точки зрѣнія, еще болѣе не осуществимо у насъ: нѣтъ у насъ тѣхъ, которые бы могли обстоятельно излагать свои недоумѣнія на бумагѣ, опуская ихъ въ ящикъ приквартиръ священника, — нѣтъ у насъ и тѣхъ, кто бы могъ основательно рѣшить эти недоумѣнія...

Взводи одно за другимъ обвиненія на духовенство, заявляя одно за другимъ желанія, нашъ обвинитель въ заключительномъ пунктѣ своего обвинительнаго протокола

доходить до совершеннаго уничтоженія нашихъ пастырей и нашихъ ученыхъ представителей богословской науки.

Въ Церк. Вѣстн. за 1877 г. № 5 стр. 12 прот. І. Я., защищая духовенство отъ разныхъ нареканій на него, говоритъ между прочимъ: »быть не можетъ, чтобы православный священникъ, не говоря уже объ епископахъ, въ С.-Петербургѣ не далъ серьезнаго и разумнаго отвѣта своему духовному сыну, ищущему у него помощи въ своей религіозной нуждѣ«. На эти слова г. Архиповъ замѣчаетъ, что »не только въ столицѣ, но и въ самой столицѣ нашей-Петербургѣ пастыри-люди неспособные; по крайней мѣрѣ, между ними въ самой даже столицѣ весьма не легко найти такую звѣзду, которая достаточно сіяла бы для разсвѣнія мрака сомнѣвающихся сыновъ православной церкви. Эти послѣдніе остаются у насъ безъ живой помощи, безъ живаго слова назиданія«. Конечно, если стать на точку зрѣнія г. Архипова, то дѣйствительно окажется невозможнымъ найти у насъ много пастырей, способныхъ дѣльно помогать духовнымъ нуждамъ сыновъ православной церкви. Чтобы быть удовлетворительнымъ священникомъ, по мнѣнію г. Архипова, нужно постоянно слѣдить за ходомъ развитія наукъ богословскихъ (авторъ, безъ сомнѣнія, разумѣетъ развитіе наукъ богословскихъ и заграницей) и прилагать свѣдѣнія къ свѣдѣніямъ; но такихъ-не скажемъ все-таки вмѣстѣ съ Архиповымъ »весьма не легко найти«—во всякомъ случаѣ найдется мало у насъ.—»Съ другой стороны, говоритъ Архиповъ, опускаясь въ глубь изслѣдованія, мы можемъ встрѣтить такіе вопросы, рѣшеніе которыхъ возможно и не для всякаго изъ тѣхъ, которые носятъ ученые степени, и во всякомъ случаѣ для отвѣта потребуется время, да и еще кое-что«.

Тутъ намъ приходится снова напомнить автору старую истину, которую онъ каждую минуту забываетъ:

произноси обвиненіе по надлежащемъ разслѣдованіи и не обвиняй всѣхъ, когда обвиненіе приложимо только къ немногимъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ авторъ доказываетъ, что у насъ даже въ столицѣ весьма трудно, если не невозможно, найти такого священника, который обладалъ бы такимъ запасомъ свѣдѣній, съ какимъ онъ не затруднился бы во всякое время дать удовлетворительный отвѣтъ на всякій вопросъ сомнѣвающегося? Другаго доказательства не видимъ, кромѣ слѣдующаго: »не разъ вопрошающему приходилось слышать отъ просвѣщеннаго духовнаго лица или откровенное признаніе въ невѣдѣніи, или совѣтъ обратиться къ епископу«. Сильно ли такое доказательство? Посмотримъ. Мы вмѣстѣ съ прот. І. Я. совершенно не прочь сказать: быть не можетъ, чтобы православный священникъ, не говоря уже объ епископахъ, въ С.-Петербургѣ не далъ серьезнаго и разумнаго отвѣта своему духовному сыну,—и это уже на томъ основаніи, что въ столицѣ нашей сосредоточена вся высшая представительная власть церкви, руководимая въ дѣлѣ духовнаго служенія высшимъ Пастыреначальникомъ. Затѣмъ, мы не можемъ себѣ представить, чтобы развитіе сомнѣвающихся и колеблющихся сыновъ православной церкви такъ далеко ушло, такъ значительно опередило развитіе и образованіе нашихъ духовныхъ пастырей, что послѣдніе оказываются уже не въ состояніи рѣшать предлагаемые первыми вопросы и недоумѣнія. Авторъ говоритъ, что »весьма немногіе у насъ изъ духовныхъ пастырей слѣдятъ за ходомъ развитія богословскихъ наукъ«. Мы съ этимъ согласны въ нѣкоторой мѣрѣ,—но спрашиваемъ: много ли у насъ изъ свѣтскихъ-то людей постоянно слѣдятъ за ходомъ развитія богословскихъ наукъ и вслѣдствіе этого натапливаются на разные недоумѣнные вопросы, которыхъ не можетъ рѣшить самый просвѣщенный изъ нашихъ пастырей? Не

станемъ утверждать такъ категорически, самоувѣренно, какъ г. Архиповъ утверждаетъ, что весьма трудно найти высокопросвѣщенныхъ у насъ пастырей,—а скажемъ предположительно: кажется, весьма мало. Въ современный намъ вѣкъ, вѣкъ матеріальныхъ интересовъ жизни, равнодушіе замѣтно не къ проповѣди только, но и къ нѣкоторые жалуются и чему нашъ авторъ не хочетъ придать никакого значенія, но и къ вѣрѣ вообще и къ наукѣ о вѣрѣ. Мы могли бы привести здѣсь много фактовъ въ доказательство нашихъ мыслей, но считаемъ излишнимъ, въ виду голословности обвиненій нашего обвинителя.

Но допустимъ, что и въ самомъ дѣлѣ какой либо изъ нашихъ просвѣщенныхъ пастырей не могъ дать отвѣта вопрошающему;—откровенно признался въ невѣдѣніи или посоветовалъ обратиться къ епископу. Намъ весьма любопытно бы знать, что это за вопросъ въ данномъ случаѣ и подобныя ему другіе, которыхъ наши просвѣщенные пастыри не могутъ рѣшить? Не смѣемъ ли мы предполагать, что подобныя вопросы—казуистическаго свойства,—не относятся къ существу дѣла и предлагаются лишь для искушенія пастыря, подобно тому, какъ это дѣлали древніе іудейскіе законники по отношенію къ Іисусу Христу?. Если это правда, то надо признаться, что не всегда полезно и давать на такіе вопросы отвѣтъ,—а иногда полезно и не отвѣчать, чтобы не оказался бисеръ въ поираниіи... Въ подобныхъ случаяхъ полезно иной разъ посоветовать обратиться и къ епископу. Чтобы отвѣтъ вышелъ серьезный и полезный для вопрошающаго, необходимо не знаніе только, но и авторитетъ. Длинные разсужденія священника противъ хитросплетенныхъ возраженій вопрошающаго, при отсутствіи—вѣры совопросника, иной разъ не приведутъ ни къ чему.—Но предположимъ,

что вопрошающій искренно желалъ бы послушать рѣшеніе извѣстнаго религіознаго вопроса и получилъ бы отказъ отъ просвѣщеннаго пастыря,—допустимъ даже, что этотъ пастырь и дѣйствительно не зналъ, что отвѣтить на предложенный вопросъ. Что изъ этого? Мы все-таки остаемся при томъ убѣжденіи, что подобные вопросы, (не разрѣшимые для пастырей церкви), хотя бы и искренно предлагались, не имѣютъ существеннаго значенія въ дѣлѣ спасенія, то есть-рѣшеніе или нерѣшеніе ихъ, какъ намъ кажется, ничего не прибавитъ и во всякомъ случаѣ отнюдь не убавитъ у благочестія, у духовнонравственной жизни человѣка. Искренно жаждущій спасенія и ищущій помощи найдетъ ее въ церкви не въ многоучености, не въ многоглаголаніи ея представителей и служителей, но въ простомъ евангельскомъ словѣ, исходящемъ изъ устъ добраго пастыря. Припомните времена религіознаго одушевленія и духовной жажды, припомните, какъ одно евангельское слово, напр. *иди продаждь имѣніе и даждь нищимъ...* быстро проникало въ глубину человѣческаго сердца и преобразовывало душу, смущенную грѣхами и жаждущую спасенія. Интересъ знанія въ дѣлѣ религіи нужно отличать отъ интереса спасенія. Пастырь обязанъ содѣйствовать спасенію ввѣренныхъ ему чадъ церкви, и на вопросъ, что дѣлать, чтобы спастись, у него, безъ сомнѣнія, всегда найдется отвѣтъ. Что же касается до любознательности, любопытства, то едвали справедливо обязывать пастыря удовлетворять этой потребности, хотя и это желательно.— На совѣтъ просвѣщеннаго пастыря-обратиться къ епископу за разрѣшеніемъ недоумѣнія авторъ замѣчаетъ: »а если епископъ и тамъ же получилъ образованіе, и ту же ученую степень имѣетъ, какъ и вопрошаемый священникъ, который сверхъ того еще, можетъ стать, много лѣтъ преподаетъ законъ Божій въ одномъ изъ учебныхъ заведеній, то есть

ли тутъ достаточное основаніе ожидать искомаго отвѣта отъ перваго, когда не можетъ дать его послѣдній? Очевидно, къ епископу не слѣдуетъ обращаться; мало того: отъ священника, какъ законоучителя, больше было основанія ожидать отвѣта въ данномъ случаѣ, чѣмъ отъ епископа. Но въ слѣдующихъ за тѣмъ строкахъ авторъ самъ себя опровергаетъ, утверждая, что »ученая степень не всегда соотвѣтствуетъ объему дѣйствительныхъ познаній лица, носящаго эту степень«. Изъ послѣднихъ словъ слѣдуетъ, что хотя епископъ и ту же ученую степень имѣетъ, какъ и вопрошаемый священникъ,—все таки искренно ищущему отвѣта на свои недоумѣнія не мѣшаетъ обратиться и къ нему; быть можетъ, при одинаковости ученой степени съ священникомъ, онъ (бывшій »сверхъ того« профессоромъ въ духовно-учебномъ заведеніи), болѣе просвѣщенъ и умудренъ жизненнымъ опытомъ.

Наконецъ, если бы нашъ авторъ, или подобные ему, не нашелъ устнаго отвѣта, то могъ бы письменно-въ литературѣ заявить свое недоумѣніе и поискать рѣшенія его въ учено-богословской нашей литературѣ. Но г. Архиповъ сомнѣвается и очень даже въ томъ, чтобы и учено-богословскія наши изслѣдованія могли достаточно успокоить всякаго сомнѣвающагося. Тутъ ужъ мы затрудняемся, чѣмъ и утѣшить нашего скептика. Ни просвѣщенные наши пастыри не могутъ удовлетворить его духовной жаждѣ, ни наши учено-богословскія сочиненія не могутъ разрѣшить смущающихъ его совѣсть релігіозныхъ недоумѣній. Мы посовѣтовали бы, пожалуй, нашему духовно-больному сыну церкви обратиться къ своей матери (церкви), въ которую, по свидѣтельству древнихъ учителей, апостолы положили, какъ бы въ богатую сокровищницу, все, что относится къ истинѣ. Но этотъ источникъ, какъ видно, нѣтъ отвергается: между нашими просвѣщенными пасты-

рями, не исключая высшихъ іерархическихъ степеней, никто не въ состояніи удовлетворить духовной нуждѣ сомнѣвающегося сына церкви,—по крайней мѣрѣ, съ величайшимъ развѣ трудомъ можно обрѣсти такого. (Не посылать ли за границу нашихъ священниковъ для богословскаго образованія?). »Тогда какъ католики, лютеране, реформаты, говоритъ авторъ, идутъ на встрѣчу колеблющимся, сомнѣвающимся, стремясь облегчить обрѣтеніе вѣры,—у насъ этого пока не видимъ«. Оказывается,—по мнѣнію г. Архинова, наша православная русская церковь, рожденная отъ церкви греко-восточной, находится въ печальномъ положеніи. Духъ религіознаго сомнѣнія все болѣе и болѣе распространяется, пороки въ возрастающей прогрессіи умножаются, а церковь наша молчитъ, нейдетъ на встрѣчу ни этому сомнѣнію, ни этимъ порокамъ. Мы, пожалуй, и дѣйствительно опечалились бы, еслибъ изображающій въ такомъ положеніи нашу церковь представилъ достаточныя основанія для этого и могъ быть авторитетомъ для насъ. Но пока этого не видимъ,—не будемъ и соврушаться; мы вѣримъ, что наша церковь, основанная Господомъ Іисусомъ Христомъ, будетъ существовать до скончанія вѣка, проникаясь тѣмъ же самымъ духомъ, отъ котораго отвратились и ваши хваленые католики, и лютеране, и реформаты,—будетъ существовать по непреложному слову Самого Основателя ея: *созижду церковь мою и врата ада не одолѣютъ ей*. А нашъ авторъ, видно, не имѣетъ этой вѣры, видно, не вѣритъ въ силу церкви, *назданной на основаніи апостолъ и пророкъ сущу краугольну самому Іисусу Христу*. Быть можетъ, онъ желаетъ, чтобы церковь была построена на основаніи ученыхъ богословскихъ изслѣдованій и, быть можетъ, даже на основаніи Ренановъ, Бауровъ, Штраусовъ и т. п.? Не принадлежитъ ли онъ къ числу тѣхъ сомнѣвающихся

сыновъ православной церкви, которые не могутъ, по его мнѣнію, найти удовлетвореніе своей духовной нуждѣ вслѣдствіе отсутствія у насъ просвѣщенныхъ пастырей и неудовлетворительности нашихъ учено-богословскихъ сочиненій?—Мы все-таки смѣемъ на этотъ разъ замѣтить, что если бы нашъ авторъ дѣйствительно былъ мучимъ какими либо религіозными недоумѣніями, то, при всемъ отрицаніи у насъ и просвѣщенныхъ пастырей, и удовлетворительныхъ ученыхъ сочиненій,—на страницахъ достопочитеннаго журнала ему слѣдовало-бы изложить не обвинительный протоколъ на духовенство и нашихъ ученыхъ представителей богословской науки,—а свое сомнѣніе или недоумѣніе. Тогда и видно было бы, есть ли у насъ учено-богословскія изслѣдованія, могущія удовлетворить этому требованію, а равно и то, насколько вопросъ этотъ и подобнаго рода обуславливаютъ спасенія человѣка. Тогда нашъ авторъ оказалъ бы пользу и себѣ, что впрочемъ сомнительно, и представителямъ науки, что несомнѣнно. Последнее понятно само собой,—а первое мы смѣемъ утверждать на основаніи несочувственнаго отношенія нашего автора къ своей церкви и на выражаемыхъ имъ симпатіяхъ къ церквамъ инославнымъ. Отсюда мы имѣемъ право заключать, особенно въ виду признанія самимъ авторомъ неудовлетворительности нашихъ православныхъ, учено-богословскихъ сочиненій, что онъ легче и охотнѣе можетъ найти отвѣтъ для себя въ сочиненіяхъ богослововъ католическихъ, протестантскихъ и т. д. Тутъ ужъ намъ ничего не остается, какъ припомнить слова Спасителя, сказанныя Имъ своимъ ученикамъ: *иже аще не прииметъ васъ, ниже послушаетъ словесъ вашихъ... оттрясите прахъ отъ ногъ вашихъ* (Мат. 10, 14).

Сводя всѣ отдѣльныя обвиненія г. Архипова къ общему итогу, получаемъ слѣдующій результатъ: наши па-

стыри и ихъ проповѣди, какія есть, слишкомъ ничтожны. Наши пастыри проповѣдуютъ слишкомъ мало, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и вовсе не проповѣдуютъ; и проповѣди ихъ по качеству весьма неудовлетворительны; онѣ не представляютъ ничего »достаточно сильнаго«, чтобы »привлечь вниманіе равнодушныхъ къ проповѣди и успокоить колеблющихся, сомнѣвающихся сыновъ православной церкви«. Правда, авторъ допускаетъ и исключенія, но называетъ ихъ »самыми незамѣтными«. Такимъ образомъ все обвиненіе сводится къ тому общему положенію, что проповѣдь наша и по количеству, и по качеству крайне неудовлетворительна. По этому поводу мы еще скажемъ нѣсколько словъ вообще о состояніи нашей проповѣди и тѣмъ заключимъ нашъ отвѣтъ на жалобы обвинителя.

Спрашиваемъ прежде всего: что служить основаніемъ утверждать, что наша проповѣдь и по качеству, и по количеству весьма неудовлетворительна, а потому хулить и нашихъ служителей проповѣди?—Можетъ быть, авторъ находитъ, что современное состояніе проповѣди менѣе удовлетворительно сравнительно съ состояніемъ ея въ прежнее время? Но съ этимъ мы, безъ затрудненія, можемъ не согласиться и уже во имя законовъ прогрессивнаго развитія всего того, что относится къ области разумно-свободной жизни и дѣятельности; въ этой послѣдней все движется впередъ, развивается, совершенствуется, останавливаясь развѣ по какимъ либо особеннымъ, экстраординарнымъ причинамъ, которыми нашъ обвинитель, конечно, не захочетъ пользоваться для своихъ обвиненій. Но не это только общее основаніе даетъ намъ право оспаривать выше приведенное предположеніе. Мы имѣемъ и другія несомнѣнныя данныя на своей сторонѣ. Загляните въ наши духовные журналы, епархіальныя вѣдомости и отдѣльныя изданія, и сравните ихъ съ произведе-

ніями хоть сороковыхъ годовъ, и вы убѣдитесь, что количество печатающихся въ наше время проповѣдей далеко превышаетъ количество ихъ въ прежнее время. Явленіе это объясняется развитіемъ современнаго церковнаго проповѣдничества. Въ прежнее время проповѣдниками на церковной кафедрѣ являлись только лица, занимающія болѣе или менѣе высокое мѣсто въ церковной іерархіи; въ настоящее время говорятъ проповѣди священники, какъ городскіе, такъ и сельскіе. Большинство изъ нихъ, получившіе образованіе въ семинаріи, считаютъ прямымъ своимъ долгомъ и находятъ болѣе выгоднымъ составлять свои проповѣди, и не довольствуются готовыми печатными поученіями. Прежде проповѣди говорили только въ великіе церковные праздники и въ высокаторжественные дни; теперь они говорятся и не въ большіе праздники. Прежде признавали поводомъ говорить проповѣди обстоятельства чрезвычайныя или болѣе или менѣе важныя, имѣющія немалое значеніе для жизни церковной и гражданской; теперь то, что имѣло силу въ болѣе широкихъ сферахъ, переносится въ самые ограниченные уголки. Если прежде считали приличнымъ и необходимымъ сдѣлать церковное слово по случаю избранія судей, дворянскихъ выборовъ, открытіи учебныхъ заведеній и тому подобныхъ торжествъ, то теперь говорятъ поученія при избраніи старшинъ, гласныхъ, открытіи сельскихъ школъ и при другихъ обстоятельствахъ, имѣющихъ значеніе развѣ для самыхъ незначительныхъ по пространству кружковъ или лучше уголковъ. Съ развитіемъ общественной жизни русскаго народа, естественно, развилась и церковная проповѣдь, потому что съ одной стороны представилось много случаевъ, вызывающихъ пастыря-проповѣдника на бесѣду съ своими папашами, а съ другой самое сознаніе долга пастырскаго, по отношенію къ проповѣди, сдѣлалось яснѣе и глубже.

Словомъ, церковное проповѣдничество, рассматриваемое со стороны количества, представляетъ несомнѣнныя данныя для заключенія о большемъ его развитіи въ настоящее время, чѣмъ было въ прежнее время. Такой выводъ мы должны сдѣлать на основаніи однихъ печатныхъ проповѣдей. Но не нужно забывать, что далеко не все печатается въ журналахъ и ~~мархіальныхъ~~ вѣдомостяхъ изъ проповѣднической литературы, что производится въ пастырской практикѣ ¹⁾.

Но и со стороны качества современныя проповѣди, конечно не всѣ, отнюдь не хуже проповѣдей прежняго времени. Это замѣчаніе мы относимъ прежде всего къ литературнымъ достоинствамъ проповѣди, рассматриваемой самой въ себѣ съ внутренней и внѣшней стороны, безотносительно къ потребностямъ какихъ бы то ни было слушателей. Что же касается практическаго примѣненія содержанія проповѣдей, то въ этомъ отношеніи современная проповѣдь едва ли не выше стоитъ, чѣмъ прежняя. Достаточно обратить вниманіе на предметъ проповѣдей и форму ихъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Если проповѣдь церковную продолжаютъ еще обличать и порицать за ея отвлеченный характеръ, за схоластичность и безжизненность, то это главнымъ образомъ относится къ наслѣдію, перешедшему отъ стараго времени. Какъ ни крѣпко оно дер-

¹⁾ Редакція „Р. д. с. и“ съ своей стороны заявляетъ, что въ портфель ея находится столько поученій, принадлежащихъ преимущественно сельскимъ пастырямъ, что она не имѣетъ возможности напечатать даже и четверти ихъ въ теченіи года. Между ними есть, конечно, и такія, которыя не отличаются литературными достоинствами,—тѣмъ не менѣе они свидѣлствуютъ объ усиленной проповѣднической дѣятельности и нашихъ сельскихъ пастырей.

жится еще, а все же современная проповѣдь во многомъ измѣнилась къ лучшему но не къ худшему, сравнительно съ прежнею. Объ этомъ свидѣтельствуесть и содержаніе ея, нерѣдко имѣющее непосредственное отношеніе къ жизни, и форма изложенія, болѣе доступная пониманію слушателей и, наконецъ, самый языкъ, болѣе подходящий къ обыкновенной разговорной рѣчи образованнаго общества, чѣмъ къ языку книжному, рѣчи такъ называемой періодической. При этомъ не надобно упускать изъ виду и того, что, съ поднятіемъ умственного развитія въ послѣднее время, мы сдѣлались требовательнѣе къ проповѣди, чѣмъ въ прежнес время. Однако, и при большей требовательности со стороны общества, церковная проповѣдь нашего времени все-таки оказывается состоятельною, удовлетворяя, по мѣрѣ возможности, духовнымъ нуждамъ народа.—Такииъ образомъ и со стороны качества, такъ же какъ и со стороны количества, современная церковная проповѣдь оказывается не ниже, чѣмъ въ прежнее время; а потому и нападенія на нашихъ современныхъ проповѣдниковъ не заслуженны.

Но неправъ нашъ обвинитель, если свои обвиненія произносить и съ точки зрѣнія той идеальной нормы, какую онъ, быть можетъ, составилъ себѣ, хотя бы эта норма и правильна была. Прежде всего замѣтимъ, что автору слѣдовало-бы выразить эту норму точно и опредѣленно, чтобы можно было правильно судить, насколько соотвѣтствуетъ ей дѣйствительное современное проповѣдничество,—но этого авторъ не дѣлаеть.—Затѣмъ, согласимся, что настоящее современное проповѣдничество не соотвѣтствуетъ высочайшей нормѣ, какую указалъ и осуществилъ въ своемъ примѣрѣ небесный проповѣдникъ, Господь Иисусъ Христосъ. Но что изъ этого? Господь—

вѣчная Истина и Любовь—указаль намъ образцы, къ которымъ мы только по немногу и постепенно можемъ приближаться. Справедливо ли поэтому требовать, чтобы уже и современное проповѣдничество совпадало съ нормой небснаго учительства Иисуса Христа? Не споримъ, что идеаль ученія и жизни, представленный самимъ Спасителемъ, далекъ еще отъ насъ,—но мы, по мѣрѣ возможности, стремимся къ нему и будемъ стремиться *дондеже достигнемъ... въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. 4, 13). Поэтому и похвала—то наша въ достиженіи этого идеала слишкомъ скромна и ограничена,—мы помнимъ правило Апостола—*хвалиться не въ безмѣрнѣя. Не хвалай бо себе сей искусенъ, но его же Богъ восхваляетъ* (2 Кор. 10, 18).

В.

Замѣтки и впечатлѣнія

(изъ дневника священника).

Много въ жизни моей Господь судилъ мнѣ видѣть людскаго горя, бѣдности, нищеты, болѣзней и всякаго рода лишеній; но я не отыщу въ своей памяти столь тяжелаго, подавляющаго впечатлѣнія, какое положила на мое сердце тюремная больница, когда я вошелъ въ нее въ первый разъ... Много я видалъ больныхъ свободныхъ людей. Тяжело смотрѣть на страждущаго, но эта тяжесть все-таки умѣряется впечатлѣніемъ окружающей его обстановки: больной окруженъ вѣжливымъ попеченіемъ родной семьи, заботливо старающейся, по мѣрѣ силъ и средствъ, облегчить болѣзнь дорогаго сердцу страдальца. А здѣсь, въ тюремной больницѣ? Совершенное одиночество, среди

такихъ же одинокихъ страдальцевъ, круглое сиротство! Кому дорогъ? кому нуженъ? кому миль этотъ болящій? Все чуждо кругомъ его, равнодушно къ нему, холодно, безучастно... И самыя воспоминанія о родной семьѣ, какъ ледяныя иглы, вбиваются въ больное сердце, и ноетъ оно, и молится: »Господи, пошли мнѣ кончину!«, и замираетъ оно въ леденящемъ ужасѣ, мгновенно переживая прошлое и предчувствуя ужасное грядущее... И ни одного свѣтлаго луча отрады, ни одной капли утѣщенія!.. Иногда пробуждаются и воскресаютъ съ неотразимою силою въ его сердца свѣтлыя, отрадныя впечатлѣнія, которыя легли на его сердце до начала злостраданій по тюрьмамъ и острогамъ, по этапамъ и пересыльнымъ. Это впечатлѣнія религіи, полученныя въ дѣтствѣ, отрочествѣ и невинной юности. Ему представляется храмъ его родины, въ которомъ совершались надъ нимъ св. таинства, гдѣ онъ приносилъ покаяніе, приобщался св. Таинъ. Это единственныя впечатлѣнія его жизни, которыя не разъѣдаютъ его больное сердце. И вотъ теперь онъ, покинутый міромъ, готовый и самъ покинуть міръ, увѣренъ въ повтореніи этихъ святыхъ, успокоительныхъ впечатлѣній. Эта увѣренность есть послѣдняя для него отрада, иногда послѣднихъ дней его жизни.

— Матѣевъ! слабымъ, болѣзненнымъ голосомъ зоветъ больной служитель.

— Что тебѣ? отзывается служитель.

— Сходи за батюшкой... Трудно... Исповѣдаться надо...

Служитель исполняетъ просьбу и приглашаетъ меня къ больному.

Я подошелъ къ тюремной больницѣ.

— Ефрейтора! Крикнулъ молодой солдатъ, спокойно прогуливаясь около калитки, ведущей въ тюремную больницу.

Я никогда въ жизни моей не бывалъ въ тюремной больницѣ, но предчувствовалъ, что встрѣчу тамъ нѣчто грустное, тяжелое для сердца. Подъ вліяніемъ этого предчувствія даже самые обыкновенные предметы, какъ напр. часовой съ применутымъ къ ружью штыкомъ, на которомъ играло солнце какимъ-то холоднымъ, стальнымъ блескомъ, производили на меня болѣзненное, раздражающее впечатлѣніе.

Размѣреннымъ, выдрессированнымъ шагомъ подошелъ къ калиткѣ ефрейторъ и отомкнулъ замокъ.

— Вотъ сюда пожалуйста, батюшка, въ эту камеру, указалъ мнѣ больничный сторожъ.

Я вошелъ въ камеру.

Больничная камера—это довольно большая комната съ высокимъ потолкомъ и узкими окнами, перекрещенными желѣзными рѣшетками. Солнце никогда не освѣщало этотъ пріютъ скорби, такъ какъ окнами эта камера обращена къ сѣверу. Вошедшаго обдаетъ запахомъ не-то какихъ-то пластырей, не-то разлагающихся органическихъ тѣлъ...

Въ этой камерѣ вдоль стѣнъ, въ два ряда, вырисовывались человѣческія фігуры, лежащія на кроватяхъ, подъ сѣрыми покрывалами. Стоны больныхъ, то продолжительные, то отрывистые, глухо отдавались въ этой тюремной больницѣ; только рѣзко, больно для сердца раздавался звонъ кандаловъ, когда наболѣвшая исхудалая нога, тяготясь ими, вытягивалась и хотѣла отдохнуть на свободѣ. Но эти кандалы, какъ знакъ тюремной бдительности, какъ бы повелительно протестуютъ противъ всякой попытки къ свободѣ и точно отвѣчаютъ на стоны больного: «смирись! здѣсь нельзя нѣжиться, помни, что ты не въ родной хатѣ, а въ тюрьмѣ. Ты долженъ слушать нашъ голосъ, ибо мы и днемъ, и ночью наилучшіе и бдительные стражи твои. Мы оставимъ тебя только тогда, когда твои

ноги сдѣлаются такъ же безчувственны и холодны, какъ мы. Ты умрешь, а мы перейдемъ на другія ноги и такъ же вѣрно и неподкупно будемъ служить человѣческому правосудію. Много умерло васъ, много и еще умретъ, пока изотрутся наши желѣзные прочныя кольца... Тифозный больной въ горячешномъ бреду мечется и бьется на постели, въ дальнемъ углу камеры, и рветъ съ себя прочь толстую рубашку, и кричить: »жарко, тяжело!«. И тяжелая цѣпь звенить на немъ. Но не разорвать ему врѣлкой цѣпи, не сбросить этой тяжести съ ногъ своихъ, бабъ не сбросить съ себя своей прошедшей жизни преступной, страстной, порочной, а порою безпріютной, голодной и холодной...

На срединѣ камеры, между рядами кроватей, стоялъ маленькій столикъ, покрытый кускомъ толстаго холста. Служитель зажегъ передъ образомъ свѣчу.

— Кто-же желаетъ напутствоваться? спросилъ я.

— А вотъ этотъ! указалъ сторожъ на одного больного: — здѣсь одинъ, да въ другой камерѣ есть еще два.

Я подошелъ къ больному: это былъ еще молодой человѣкъ, но страшно исхудалый, блѣдный. Ненужно было спрашивать ни его имени, ни фамиліи; за него говорила черная доска, укрѣпленная къ изголовью кровати; на ней я прочиталъ бѣлую надпись о томъ, кто онъ такой. Подсудимаго звали К. М.

Я исповѣдалъ К. и приобщилъ св. Таинъ. Послѣ этого я присѣлъ на кровать больного.

— Вотъ К., сказалъ я ему: ты сдѣлалъ теперь великое святое дѣло, очистилъ свою душу покаяніемъ; остается еще одно—чистосердечно аскаяться во всѣхъ твоихъ преступленіяхъ предъ судомъ, вынести со смиреніемъ, безъ ропота наказаніе и начать новую жизнь, которая не довела бы тебя опять до тюрьмы. Ты самъ теперь знаешь, бабъ тяжела тюрьма, а вдвое тяжелѣе эта больница. Но

не унывай, будь бодрѣе: ты не одинъ теперь — съ тобой самъ Спаситель, съ Которымъ ты соединился въ таинствѣ причащенія. Если ты и не видишь глазами Иисуса Христа, то вѣрно Его ощущаетъ твоё сердце... Ты вспомнилъ о Христѣ, послѣдней твоей отрадѣ, ты призвалъ Его, а Онъ давно ждалъ твоего призыва. Бойся-же послѣ этого снова печалить и оскорблять своими грѣхами милосердаго Господа. Помни одно, что Христосъ видитъ дѣла каждаго человѣка и знаетъ всё его помыслы. Когда выздоровѣешь, будешь на свободѣ, всегда помни это. А когда опять будутъ приходить тебѣ въ голову злыя мысли, вспомни эту больницу, и ты тогда вспомнишь и слова мои, вспомнишь, что Господь видитъ твои злые помыслы, и тогда увидишь, что у тебя отпадетъ охота сдѣлать предъ очами Спасителя злое дѣло. Будь же теперь покойнѣе, бодрѣе.

— Исповѣдай и меня, батюшка! раздалось изъ дальняго угла камеры.

Я подаль К. мелкую серебряную монету. Онъ молча взялъ ее, обернувъ ко мнѣ голову, и кроткимъ, болѣзненнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на меня... Изъ его лѣваго глаза выступила крупная слеза, медленно покатилась и упала на подушку.

Можетъ быть, въ первый разъ отъ начала его несчастій онъ такъ глубоко ощущалъ благодатную, умиротворяющую силу таинствъ, и умиленіе, какъ животворный лучъ, согрѣло его больное сердце и разрѣшилось едва ли не послѣдней слезой, данью послѣднею его горькослезной жизни...

Пожелавшій исповѣдаться, другой больной, былъ пересыльный арестантъ, старикъ — малороссъ. Столикъ перенесли къ его кровати. Я подошелъ къ больному.

— Батюшка, помолись ты за меня! какъ то усиленно, протягивая ко мнѣ руки, вскричалъ онъ; словно былъ я для него послѣдняя надежда...

— Будемъ вмѣстѣ молиться, Христосъ посреди насъ. Онъ услышитъ нашу молитву и съ радостію приметъ твоечистосердечное раскаяніе, и ангелы будутъ радоваться, когда ты будешь съ сокрушеніемъ каяться. Во время чтенія молитвъ, больной безпрестанно осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ и повторялъ вполголоса: »Господи, прости мою душу грѣшную«!

Я исповѣдалъ его и приобщилъ св. Таинъ.

Потомъ я простился съ больнымъ и пошелъ изъ этой камеры.

— Батюшка, помолись за меня! въ слѣдъ мнѣ кричалъ больной старикъ.

Черезъ день или два онъ умеръ.

Въ другой больничной камерѣ было двое больныхъ: одинъ тифозный, другой чахоточный. Тифозный былъ безъ кандаловъ, а чахоточный въ кандалахъ.

Тифозный былъ очень труденъ, его я и нанутствовалъ перваго. Когда подошелъ къ чахоточному, онъ какъ-то скоро, нервно приподнялся на кровати и сбросилъ ноги на полъ. Неподвязанные кандалы съ размаха ударились объ полъ и громко зазвенѣли. Какъ пронзителенъ и злобѣщъ этотъ звонъ, словно стонъ невыносимаго, подавленнаго страданія!.. Кандалы на здоровомъ арестантѣ еще не производятъ такого подавляющаго впечатлѣнія, какъ на больномъ, изнуренномъ, едва переводящемъ дыханіе...

Я исповѣдалъ его и приобщилъ.

Онъ сидѣлъ молча, повѣсивъ голову.

— Не слушали мы тебя, матушка родимая! вдругъ зарыдалъ онъ: вотъ теперь я маюсь въѣкъ свой!..

Нужно слышать подобный вопль, чтобъ, хотя приближительно, понять глубину поздняго раскаянія въ прожитой порочной жизни. Въ немъ слышалось и глубокое раскаяніе, и страстное желаніе начать новую жизнь и поддержать угасающую жизнь.

Въ изнеможеніи и задыхаясь онъ уналь головою на подушку, и кандалы снова зазвенѣли.

Въ камерѣ была тишина невозмутимая.

Думалось мнѣ, что не одинъ изъ больныхъ арестантовъ повторилъ про себя этотъ вопль: »не слушали мы тебя, матушка родимая!«

— Теперь для васъ Христосъ замѣнитъ и отца, и мать и сродниковъ. Какъ мать никогда не отгонитъ отъ себя свое дитя, такъ и Христосъ говоритъ: »приходящаго ко Мнѣ не изгоню вонъ«. Только обращайтесь къ Нему съ любовію, вѣрою и съ раскаяніемъ. Онъ для того и умеръ, чтобъ спасти грѣшниковъ. Онъ спасетъ и помилуется грѣшника, когда онъ будетъ молить и просить Его о спасеніи.

Больной успокоился и сѣлъ на постели.

Я вышелъ изъ больницы.

День былъ свѣтлый, теплый, веселый. Невыразимо отраденъ былъ этотъ свѣтъ, послѣ больничной мглы.

Грудь требовала какъ можно болѣе чистаго, свѣжаго воздуха, и я старался вдыхать его глубже и чаще. Словно въ какомъ-то иномъ мірѣ, совершенно не похожемъ на нашъ, былъ я нѣсколько минутъ назадъ тому,—въ мірѣ страданій, стонувъ, воплей, цѣлней... Кругомъ меня мелькали люди, суетливо спѣшили взадъ и впередъ, проносились экипажи, тянулись тяжело нагруженные воза. Все это облито было яркимъ свѣтомъ солнца, тепломъ, проникнуто довольствомъ, а можетъ быть и счастіемъ. Но грустные чувства томили сердце, и мрачныя думы преслѣдовали меня.

Вотъ она—живая—то проповѣдь покаянія эта тюремная больница, думалось мнѣ... Пошла бы ты довольная, но холодная и себя-любивая толпа туда, откуда сейчасъ вышелъ я, и посмотрѣла бы ты, что ты такое, по мимо твоего довольства и счастья; вѣдь тамъ тоже ты, не иной кто!.. Ты не повѣришь, пожалуй, что зародыши всѣхъ преступленій, за которыя страдаютъ тамъ, ты носишь въ твоёмъ собственномъ сердцѣ... Въ твоёмъ эгоизмѣ и себялюбіи развѣ не бродятъ начала жестокости, лжи, обмана, несправедливости? Въ порывахъ увлеченія твоего страстнаго сердца, на пути стяжаній и пріобрѣтеній, можешь ли ты удержаться отъ преступленія, когда весь кодексъ твоихъ нравственныхъ законовъ сводится въ одной формулѣ: »все для себя, ничего для другихъ!« Если меркнетъ въ твоей жизни путеводная звѣзда—ученіе Христово, за тучами суетъ и заботъ о злобѣ дня, если ты не желаешь подняться въ твоей нравственной жизни выше уровня твоего личнаго блага, то ты идешь въ измышленному тобою счастью, которому конецъ на твоёмъ родномъ кладбищѣ, той скользкой дорогой, которую пересѣкаютъ тебѣ тысячи препятствій... Уступать дорогу или становиться съ нею другихъ?.. Эта борьба рождаетъ бѣдствія, душевныя тревоги, позднія слезы раскаянія. Но ты и безъ твоего усилія была бы счастлива, еслибъ твердо помнила, при всѣхъ твоихъ житейскихъ дѣлахъ, эти слова: »во всемъ, какъ хотите, чтобъ поступали съ вами люди, такъ и вы поступайте съ ними!« (Матѣ, 7, 12).» Ищите прежде Царства Божія и правды его, и это все (довольство и счастье) приложится вамъ« (Матѣ. 6, 33).

С. С. Сп—кій.

Нѣчто изъ моихъ воспоминаній.

Стояли послѣдніе дни лѣта; на дворѣ становилось уже пасмурно, и чувствовалось приближеніе осени. Дождя еще не было, который обыкновенно перепадаетъ осенью, но небо уже заволакивало сѣрыми тучами, которыя тяжело висѣли въ воздухѣ .. Подувалъ сильный вѣтеръ, подымая столбы пыли. Словомъ: приближалась осень со всѣми своими неотъемлемыми признаками.

Отецъ мой былъ священникомъ въ городѣ М., и домъ, гдѣ мы жили, находился вблизи церкви. Погостъ или, такъ называемый, *монастырь* представлялъ по своей обширности весьма удобное мѣсто для нашихъ игръ. Помню, какъ мы здѣсь бѣгали и рѣзвились ежедневно. Весело жилось намъ тогда: мальчугановъ собиралось насъ тогда много; всѣ они были дѣти священно-церковно-служителей, и жили мы другъ съ другомъ братски, въ свободное отъ занятій время собираясь на игры на вышеупомянутый монастырь.

Итакъ, рѣзвись одинъ разъ въ концѣ лѣта, мы замѣтили, что къ намъ приближается человѣкъ, своимъ страннымъ видомъ невольнo возбудившій наше вниманіе. Это былъ мужчина, лѣтъ 35, одѣтый просто, но крестьянски, сухой и высокій, съ бѣлокурой клинообразною бородой. Глаза его, острые и проницательные, выражали тревожное состояніе духа. Приближаясь къ намъ, онъ что то разсуждалъ самъ съ собою, безпрестанно размахивая руками и ударяя ими себя въ грудь.

— Гдѣ здѣсь живетъ священникъ? — спросилъ онъ, встрѣтившись съ нами.

«Зачѣмъ вамъ священникъ? — возразили мы ему.

— Мнѣ очень нужно священника, — отвѣчалъ онъ — Я хочу исповѣдаться и причаститься.

Подобное желаніе намъ показалось необыкновеннымъ; мы заинтересовались своимъ собесѣдникомъ и стали его спрашивать: зачѣмъ ему хочется исповѣдываться и причащаться?

— Я хочу такъ,—отвѣчалъ онъ. Мнѣ такъ нужно. Угодникъ Божій Николай,—Мать-Пресвятая Владычица... и при этихъ словахъ онъ началъ креститься и вертѣться на одномъ мѣстѣ.—Слышите, слышите,—говорилъ онъ намъ,—вотъ завываетъ вѣтеръ, и въ каждомъ звукѣ его я слышу голосъ человѣческій... страшный, которому не могу не подчиняться... Гдѣ живетъ священникъ?

Я и братъ мой указали ему квартиру нашего отца, который, какъ я уже сказалъ выше, былъ священникомъ.

Незнакомецъ отправился къ моему батюшкѣ и на колѣняхъ, со слезами на глазахъ, умолялъ его, чтобы онъ исповѣдывалъ и причастилъ его.

— Зачѣмъ же вамъ это нужно?—говорилъ ему отецъ мой.—Вы человѣкъ не больной, а здоровый, и я не могу исполнить желаніе ваше. Мы въ особенныхъ случаяхъ исповѣдуемъ и причащаемъ только тяжело больныхъ; въ васъ же незамѣтно никакой болѣзни. Не угодно ли вамъ будетъ поговѣть, походить въ нашу церковь,—и тогда я васъ исповѣдаю и причащу...

«Нѣтъ,—умолялъ незнакомецъ,—сію минуту я хочу сподобиться принятія святыхъ Божіихъ Таинъ. Не откажите мнѣ въ моей просьбѣ, батюшка, — и при этихъ словахъ онъ снова завертѣлся и замахалъ руками, объясняя таинственно, что ему кто-то нашептываетъ что-то...

Изъ этихъ объясненій мы рѣшительно ничего не могли понять...

Отецъ мой отказался исполнить желаніе и просьбу незнакомца, посоветовавъ ему обратиться къ другому свя-

ценнку,—и странный человекъ, недовольный и неспокойный, удалился...

Насъ онъ интересовалъ не мало; намъ хотѣлось знать: что это за человекъ и чѣмъ объяснить его непонятное для насъ желаніе?

Время, цѣлые года отвѣтили намъ на нашъ вопросъ...

Грустно гудѣлъ большой колоколъ въ нашей церкви 10 мая 187* года. Звучалъ онъ—и звалъ къ поздней обѣднѣ прихожанъ отдать послѣдній долгъ своему любимому пастырю. Въ этотъ день происходило отпѣваніе и погребеніе моего родителя. Пасмурно стояло на дворѣ; лѣто еще не наступило; было еще холодно. Помню я, когда въ М. въ маѣ мѣсяцѣ выпадалъ снѣгъ.

Тяжело, очень тяжело было на душѣ. Вотъ въ нашу квартиру собрались родные и всѣ, знавшіе моего покойнаго родителя; вотъ пришли и священно-служители, облачились въ бѣлыя облаченія, тѣснымъ рядомъ окружили гробъ его и начали обрядъ выноса тѣла въ храмъ Божій... Идетъ зауспокойная обѣдня, печально и заунывно поетъ хоръ иѣвчихъ... Вотъ началось уже и отпѣваніе тѣла почившаго... Давка въ церкви невѣроятная, и печаль на лицахъ всѣхъ присутствующихъ глубокая...

Отпѣли покойника, отвезли на кладбище и схоронили... Земля окончила свои счеты съ моимъ батюшкой; настало время однихъ о немъ воспоминаній.

И вспомнили о немъ даже тѣ, о которыхъ мы и не думали, что они о немъ вспомнятъ.

На другой или на третій день послѣ погребенія моего батюшки является къ намъ на квартиру вышеупомянутый мною *странный незнакомецъ*. Одѣтъ онъ былъ, какъ и въ первый разъ нашей встрѣчи съ нимъ,—въ чуйкѣ; все также

клиномъ росла бѣлая борода; былъ онъ также сухъ. . но взглядъ его былъ уже спокоенъ, и самъ онъ не выражалъ никакого особеннаго волненія душевнаго.

Какъ только онъ явился къ намъ, мы, конечно, его узнали. Онъ объяснилъ намъ, что въ настоящее время онъ пришелъ выразить матушкѣ нашей свое соболѣзнованіе по случаю тяжкой потери, которую понесла она въ смерти моего родителя, къ памяти котораго онъ питаетъ чувство благодаренія и котораго такъ же почитаетъ, какъ *отца роднаго*.
— Почему такъ?—спросили мы его.

« А помните ли, —сказалъ онъ намъ,—когда я приходилъ къ вашему родителю лѣтъ пять или шесть тому назадъ, чтобы онъ меня напутствовалъ святыми Тайнами... Вѣдь я хотѣлъ тогда лишиться себя жизни. Шелъ я въ Охотномъ ряду¹⁾, въ карманѣ у меня было чужихъ денегъ 50 р.; у меня ихъ кто-то и вытащилъ. Не перенесъ я такого горя... Рѣшился покончить съ собой и пришелъ къ батюшкѣ вашему, чтобы онъ меня исповѣдалъ и причастилъ... Сдѣлай онъ по моему, я не жилъ бы болѣе на свѣтѣ... потому, какъ православный христіанинъ, я желаю приготовившись отойти въ жизнь вѣчную... Но батюшка вашъ не причастилъ меня... и вотъ я живъ. Теперь, значить, пришелъ я къ вамъ выразить всю скорбь души моей по случаю смерти вашего родителя... царство ему небесное и вѣчный покой!...»

— 8

~~~~~

¹⁾ Торговый рынокъ въ М.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЛО БЪ СВѢТЪ СОЧИНЕНІЕ ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

БЕСѢДЫ ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТІАНИНА

ИЗЪ ЕВРЕЕВЪ

ОБЪ ИСТИНАХЪ СВ. ВѢРЫ И ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ ТАЛМУДИЧЕСКИХЪ.

изданіе 3-е дополненное и исправленное. 1878 г.

Появленіе въ свѣтъ этого сочиненія было дважды благо-
склонно привѣтствовано нѣкоторыми духовными журналами; о немъ
съ похвалою отзывалась и читающая публика, какъ духовная,
такъ и свѣтская.

Такое сочувствіе къ упомянутому сочиненію и было причиною, что напечатанные экземпляры разошлись скоро, и дало возможность и побужденіе автору приступить къ третьему изданію, которое и предлагается въ настоящее время читателямъ. Для ознакомленія съ книгою укажемъ на главные отдѣлы ея.

1. Мессіанскія пророчества, подтверждаемыя вѣроученіемъ нынѣшнихъ евреевъ.

2. Талмудическое сказаніе объ Иисусѣ Христѣ: о Его рожденіи, жизни, чудесахъ, смерти и воскресеніи.

3. Разсказъ Талмуда о распространеніи Евангелія Апостолами и его ученія о твореніи міра, Ангеловъ и человѣка, о созданіи души и о переселеніи душъ.

4. О Новоіудействѣ, его богослуженіи, праздникахъ и обрядахъ.

5. Что такое Талмудъ? Кѣмъ онъ составленъ и когда появился въ свѣтъ. Къ бесѣдамъ приложена особая статья о Кагалѣ, о правилахъ Талмуда и тайныхъ внушеніяхъ Кагала, руководящихъ Іудеевъ, какъ имъ вести себя въ обыденной жизни съ иновѣрцами.

Въ предлагаемомъ сочиненіи читатель найдетъ и многое другое, мало извѣстное въ нашей литературѣ, и что не бесполезно знать и христіанину, особенно теперь, когда многимъ евреямъ разрѣшено правительствомъ жить во всѣхъ мѣстахъ Россіи.

ЦѢНА ЗА ЭКЗ. БЕСѢДЫ 3-ГО ИЗД. 1 Р., СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ 1 Р. 25 К.

Съ требованіемъ прошу адресоваться въ г. Новгородъ, Софійской части, на углу Забавской улицы домъ № 68, бывшему учителю А. Алексѣеву.

у НЕГО ЖЕ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ И ДРУГІЯ БРОШЮРЫ:

1) Уваженіе евреевъ къ св. Писанію и заботливость объ изученіи ц. 25 к.

2) Краткое описаніе Новгородскаго Юрьевскаго первокласснаго монастыря. Ц. 35 коп.

3) Бывшій еврей за монастыри и монашество. Ц. 25 к.

ВЫПИСЫВАЮЩІЕ БЕСѢДЫ И ВСѢ ОЗНАЧЕННЫЯ БРОШЮРЫ ВЪ ОДИНЪ РАЗЪ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ.

Бесѣды можно также получать и въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ Ивана Ильича Глазунова, Большой Садовой, домъ Публичной бібліотеки №№ 21 и 22 и въ книжномъ магаз. „Новаго Времени“ С.-Петерб. Невскій просп. № 60.

Въ непродолжительномъ времени выдетъ въ свѣтъ первая часть сочиненія „СВѢТЪ ИЗРАИЛЮ“. Эта часть заключаетъ въ себѣ споръ Іудея раввиниста съ принявшимъ христіанскую вѣру евреемъ. Послѣдній, доказывая личную свою правоту въ дѣлѣ св. крещенія, убѣждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Іудея какъ въ несостоятельности ученія талмуда, такъ и въ непреложности св. истинъ христіанской религіи; при чемъ всѣ свои доводы противъ талмудиста онъ заимствуетъ главнымъ образомъ изъ свящ. писанія ветхаго завета. Споръ изложенъ въ діалогической формѣ, что придаетъ сочиненію особый интересъ.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛА
„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“
ВЪ 1879 Г.

Журналъ »Руководство для сельскихъ пастырей«, издаваемый, по благословенію Святѣйшаго Синода, при кievской духовной семинаріи съ 1860 года, издается и въ настоящемъ 1879 году.

Подписная цѣна на мѣсть 4 руб., а съ пересылкою во все мѣста Россійской имперіи 5 руб. серебромъ.

Плата за журналъ по оффиціальнымъ требованіямъ, какъ—то: отъ консисторій, правленій духовныхъ семинарій и благотvннхъ, можетъ быть, по примѣру прежнихъ годовъ, разсрочена до сентября 1879 года.

Въ редакціи этого журнала продаются: 1) экземпляры «Руководства для сельскихъ пастырей» за 1861, 1864, 1865, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877 и 1878 годы. При требованіяхъ журнала за все означенные годы можетъ быть дѣлаема уступка по особому соглашенію съ редакціею.

2) Сборникъ поученій на все воскресные и праздничные дни и на все замѣчательные случаи церковной и общественной жизни. Выпускъ 1-й Сборника поученій, помѣщенныхъ въ журналѣ »Руководство для сельскихъ

пастырей», содержать въ себѣ поученія на всѣ 52 воскресныхъ дня года; на нѣкоторые воскресные дни въ немъ помѣщены по два, по три, даже по четыре поученія. Цѣна 1 руб., за пересылку 20 к. Выписывающіе не менѣе 20 экземпляровъ пользуются уступкою 15%.

3) Практическіе совѣты священникамъ при производствѣ слѣдствій по проступкамъ и преступленіямъ священно и церковно-служителей. Цѣна 35 к. съ пересылкою.

4) Указатель статей, помѣщенныхъ въ »Руководствѣ для сельскихъ пастырей« въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1860 г. по 1869 годъ включительно. Цѣна 35 к. съ пересылкою.

5) Опытъ практическаго руководства для пастырей. выпускъ первый. Цѣна 40 к. съ пересылкою.

6) Исторія христіанской церкви въ вѣкѣ апостольскій. Цѣна 50 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ на журналъ, такъ и на помѣнованныя книги нужно адресоваться такъ: *Въ редакцію журнала »Руководство для сельскихъ пастырей«, въ Кіевъ.*—Просимъ не заявлять своихъ требованій чрезъ правленіе кіевской семинаріи, такъ—какъ посылка денегъ чрезъ означенное правленіе можетъ вести къ излишней перепискѣ и чрезъ то замедлять высылку №№ журнала и книгъ.

Редакторъ, Ректоръ семинаріи архимандритъ Виталій.

РУКОВОДСТВО

Д Л Я

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
четыре руб., съ пересылкою пять № 21.
рублей сереб.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при кievской
семинаріи.

1879 года. Мая 20-го.

Содержаніе. Распространеніе книгъ духовно-правственнаго содержанія въ нашемъ простомъ народѣ.—Нѣсколько средствъ къ наученію прихожанъ молитвамъ.—Объявленіе.—*Въ приложеніи*: Слово въ день свят. равноапостольныхъ Кирилла и Меодія, 11-го мая (окончаніе).—Поученіе на день памяти св. равноапостольныхъ Константина и Елены (21 мая).

Распространеніе книгъ духовно-правственнаго содержанія въ нашемъ простомъ народѣ.

Недавно въ газетѣ «Новое Время» (№ 1082-й 1879 г.) было напечатано извѣстіе, что всѣ епархіальные преосвященные обратились къ пастырямъ церкви съ приглашеніемъ распространять духовно-правственные книги среди нашего народа. Это извѣстіе со словъ «Новаго Времени» было перепечатано во многихъ газетахъ. Мы принимаемъ это извѣстіе за достовѣрное; основаніемъ для нашего убѣжденія въ этомъ служить, между прочимъ, и тотъ фактъ, что въ концѣ прошлаго 1878 года въ высшихъ правительственныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ объ изданіи на казенный счетъ книгъ и брошюръ религіозно-правственнаго и патріотическаго содержанія для чтенія простому народу (Московскія Вѣдомости № 241-й 1878 г.).

Нельзя не привѣтствовать этой, предложенной духовенству епархіальными преосвященными, новой мѣры къ религіозно-нравственному просвѣщенію нашего простаго народа, если только извѣстіе о ней газеты «Новое Время» достоверно. Несомнѣнно, что нашъ «темный» народъ нуждается въ просвѣщеніи его свѣтомъ вѣры и нравственности Христовой, нуждается въ поднятіи нравственнаго уровня его жизни. Извѣстно, что масса народа, даже до нѣкоторой степени обученная грамотѣ, не имѣетъ надлежащаго понятія о Богѣ, о таинствахъ, о богослуженіи и всѣхъ установленіяхъ церковныхъ и молится нерѣдко искаженными молитвами; кромѣ того, она холодно относится къ храмамъ Божиимъ, недостойно проводитъ воскресные и праздничные дни и предается разнымъ порокамъ. Но предоставимъ лучше говорить объ этомъ предметѣ самимъ пастырямъ церкви, какъ лицамъ ближе стоящимъ къ народу и знакомымъ съ его нравственными недугами. Вотъ что, напр., пишетъ изъ Старорусскаго уѣзда, Новгородской губерніи, отецъ благочинный одному изъ членовъ «Отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ», существующаго въ Москвѣ, указывая на необходимость усиленнаго вліянія духовныхъ пастырей на свою паству: «пьянство, воровство, развратъ, ослабленіе вѣры, язва раскола, охлажденіе любви къ храмамъ Божиимъ, нарушеніе или, вѣрнѣе, поруганіе дней праздничныхъ и воскресныхъ—и все это въ ужасающихъ размѣрахъ,—вотъ наши главные нравственные недуги и общественныя язвы въ простомъ народѣ». Необходимы, по мнѣнію о. благочиннаго, противоядія прямыя и дѣйствительныя, направленныя прямо къ цѣли, обличающія порокъ съ силой, открывающія его безобразія во всей наготѣ. »Въ то время, говоритъ онъ, когда зловредная пропаганда дѣйствуетъ всѣми силами къ подавленію въ простомъ народѣ вѣры и благочестія, съ другой стороны расколъ въ нашихъ мѣстахъ со-

ставляетъ еще сильную оппозицію всякому успѣху православія въ темной массѣ его послѣдователей: что сдѣлаетъ одиночный голосъ пастыря? Необходимы пособники ему книги, которыя могъ бы съ пользою читать самъ народъ» (Моск. Вѣдом. № 278-й 1878 г.). Къ этимъ словамъ прибавлять нечего; описанная мѣстность далеко не единичная; разница въ томъ, что гдѣ нѣтъ раскола, тамъ распространяется штундизмъ, скопчество, молоканство,—нравственные же недуги почти одни и тѣже.

Понятно само собою, что нагоняетъ необходимость позаботиться о просвѣщеніи народа, чтобы въ средѣ его явился болѣйшій процентъ знанія и образованія, а для этого необходимо распространять въ народѣ книги духовно-нравственнаго содержанія. Кто же долженъ позаботиться объ этомъ? По настоящему тѣ, которые сами пользуются плодами просвѣщенія, т. е. люди образованные. На нихъ лежитъ нравственный долгъ заботиться объ образованіи меньшихъ братьевъ. Но, къ сожалѣнію, многія лица, такъ называемаго, образованнаго свѣтскаго общества стоятъ въ сторонѣ отъ народа, когда дѣло касается религіозно-нравственнаго развитія его. Правда, въ свѣтскомъ образованномъ обществѣ есть любители духовнаго просвѣщенія; но много ли ихъ? »Большинство нашего свѣтскаго общества, по словамъ »Церковнаго Вѣстника«, имѣетъ крайне скудныя свѣдѣнія въ истинахъ вѣры; многіе даже и катихизиса православной вѣры не знаютъ»; отсюда въ нихъ не замѣчается строгой религіозной и нравственной устойчивости. »Въ воздухѣ носятся имена Ренановъ, Штраусовъ и т. п. Имена эти на лету подхватываются въ нашемъ обществѣ. Конечно, у насъ и тысячная доля знакомыхъ съ этими именами и даже бредящихъ ими не читали ни одного изъ нихъ произведеній«, а между тѣмъ, будучи шатки и податливы на всякія модныя современныя

идей, съ которыми они знакомятся по слуху, чувствуютъ себя вправѣ увлекаться ими. А потому, говорить »Церковный Вѣстникъ«, »въ наши дни просвѣтительная дѣятельность церкви должна быть направлена главнымъ образомъ къ тому, чтобы перевоспитать въ религіозномъ отношеніи наше, такъ называемое, образованное общество, отъ котораго зависитъ все будущее духовное развитіе низшихъ классовъ«. Книги духовнаго содержанія этому обществу незнакомы; познакомить съ ними, развить охоту къ чтенію ихъ, къ изученію священнаго писанія, можно и должно только съ голоса, живымъ словомъ, которое производитъ дѣйствіе всегда сильнѣе печатнаго. Лучше всего этой цѣли можно достигнуть посредствомъ публичныхъ чтеній о религіозныхъ истинахъ, которыя могли бы быть ведены профессорами духовныхъ академій и преподавателями семинарій. Но при этомъ и средніе, и низшіе классы нашего общества не должны быть оставляемы безъ вниманія. Между ними необходимо распространять духовно-нравственныя книги (Церковный Вѣстникъ № 32-й 1878 г. .

Соглашаясь вполне съ мыслями »Церковнаго Вѣстника«, мы замѣтимъ только, съ своей стороны, что въ наши дни необходимо обратить особенное вниманіе на религіозно-нравственное просвѣщеніе нашего простаго народа путемъ распространенія въ его средѣ книгъ духовно-нравственнаго содержанія. Вѣдь простой народъ нашъ составляетъ многомилліонную массу среди населенія Россіи, а образованное общество составляетъ меньшую долю. Какъ бы то ни было, но любители духовнаго просвѣщенія, хотя ихъ и не много у насъ, составляютъ изъ среды себя общества, поставляющія своею цѣлю распространеніе въ народѣ книгъ религіозно-нравственныхъ. Пока намъ извѣстны два такихъ общества: »Общество распространенія священнаго писанія въ Россіи« и »Отдѣлъ духовно-нравственныхъ книгъ«, существующій

въ Москвѣ. Правда, въ прошломъ году печаталось въ газетахъ, что въ С.-Петербургѣ возникъ небольшой кружокъ для бесплатной раздачи въ мѣстахъ народныхъ собраний, напр. въ храмахъ, на гуляньяхъ и т. п., книгъ духовно-нравственнаго содержанія. Нѣкоторые члены этого кружка, убѣдившись на опытѣ въ пользѣ, приносимой бесплатною раздачею книгъ, рѣшились расширить его дѣятельность, сообщивъ ему оффиціальныи характеръ, съ какою цѣлю и выработавъ уже для представленія на разсмотрѣніе администраціи проектъ устава кружка, которому предположено присвоить наименованіе »С.-Петербургскаго комитета для распространенія книгъ«. Согласно уставу, дѣятельность его, кромѣ бесплатной раздачи духовно-нравственныхъ книгъ, будетъ заключаться въ изданіи дешевыхъ книгъ этого рода и ихъ продажѣ. что доставитъ возможность, на счетъ полученной отъ послѣднихъ прибыли, расширить бесплатную раздачу книгъ (Церковн. Вѣстн. № 28-й 1878 г.) Но о дѣятельности этого кружка, кромѣ сейчасть сказаннаго, намъ пока ничего неизвѣстно. Ближе намъ извѣстна дѣятельность »Общества распространенія священнаго писанія въ Россіи« и »Московскій отдѣлъ распространенія духовно-нравственныхъ книгъ«.

О полезной дѣятельности »Общества распространенія священнаго писанія« мы уже говорили въ нынѣшнемъ году (Руков. для сел. паст. № 6-й 1879 г.); объ »Отдѣлѣ же распространенія духовно-нравственныхъ книгъ« намъ не пришлось еще сообщить свѣдѣній. Поэтому мы считаемъ долгомъ познакомить нашихъ читателей, пастырей церкви, съ этимъ »Отдѣломъ«, дабы они могли содѣйствовать ему въ достиженіи его благой цѣли, въ распространеніи среди народа полезныхъ книгъ.

Отдѣлъ распространенія духовно-нравственныхъ книгъ, существующій въ Москвѣ при Обществѣ любителей духов-

наго просвѣщенія, состоятъ подъ Августѣйшимъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы покровительствомъ. Въ прошломъ 1878 году минулъ восьмой годъ его дѣятельности. Кругъ дѣятельности »Отдѣла« постепенно расширяется сочувствіемъ къ нему общества; постепенно умножаются новые ревнители, желающіе трудиться вмѣстѣ съ нимъ на благое дѣло. Да это и естественно, потому что цѣль, преслѣдуемая »Отдѣломъ«, близка сердцу каждого русскаго человѣка, желающаго просвѣщенія нашему простому народу.

Чтобы яснѣе видѣть дѣятельность »Отдѣла«, возьмемъ во вниманіе 1877-й годъ, какъ годъ тяжелый для Россіи, вслѣдствіе веденія ею войны съ Турціею. Хотя въ этотъ, тягостный для всего русскаго общества, годъ почти во всѣхъ дѣлахъ у насъ наступило затишье, которое отразилось также и на дѣятельности »Отдѣла«, но тѣмъ не менѣе дѣятельность его была благотворна и въ этомъ году. »Отдѣлъ« изъ своего склада выслалъ въ разные мѣста военныхъ пунктовъ около 15,000 экземпляровъ разныхъ духовно-нравственныхъ книгъ, не включая сюда пожертвованія Св. Синода, назначившаго къ безденежному отпуску въ распоряженіе общества попеченія о раненыхъ и больныхъ войнахъ 20,820 экзempl. разныхъ книгъ. Вообще въ »Отдѣлѣ« въ этомъ году книгъ, брошюръ и картинъ находилось 259, 521 экзempl. на сумму 22,401 руб.; изъ нихъ израсходовано 88,379 экзempl. на сумму, которая съ разнаго рода уступками и скидками простиралась до 11, 996 руб. Такимъ образомъ, не смотря даже на тяжелый годъ, дѣятельность »Отдѣла« по распространенію духовно-нравственныхъ книгъ была довольно успѣшна. Въ указанное число расходованныхъ книгъ въ 1877 году не вошли 9,721 экзempl. разныхъ книгъ на сумму 2,685 руб., присланныхъ разными лицами на комиссію, которая, не смотря на свое отно-

сительное достоинство, вовсе не шли къ торговлѣ и которыя поэтому »Отдѣлъ« призналъ нужнымъ возвратить обратно доставившимъ ихъ лицамъ. Отпуская книги въ кредитъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, »Отдѣлъ« вынужденъ былъ ограничить по возможности такого рода отпускъ и самый кредитъ до 10 рублей. Причиной тому послужили: недостаточность собственныхъ средствъ, большая затрата на приобрѣтеніе книгъ, по большей части производимая на наличныя деньги, и наконецъ неаккуратный платежъ кредиторовъ (Церковн. Вѣстн. № 49-й 1878 г.).

Въ составѣ »Отдѣла« находятся три комиссіи—распорядительная, ревизіонная и редакціонная. Работая по возможности усердно, употребляя всѣ возможныя мѣры къ болѣе успѣшному распространенію имѣющихся въ складахъ »Отдѣла« книгъ духовно-нравственнаго содержанія, »Отдѣлъ« однакоже пришелъ къ убѣжденію, что способъ продажи не можетъ считаться самымъ дѣйствительнымъ способомъ распространенія книгъ въ простомъ народѣ. Поэтому въ засѣданіи »Отдѣла«, происходившемъ 29 сентября 1878 года, по предложенію предсѣдателя, опредѣлено: въ виду настоящей нужды въ настоящее время распространенія въ народѣ духовно-нравственныхъ книгъ, немедленно приступить къ устройству *даровой* раздачи книгъ и для сего обратиться путемъ печатнаго слова съ приглашеніемъ къ благотворителямъ и указать высокое христіанское значеніе пожертвованій на святое дѣло духовнаго просвѣщенія, а также и къ пастырямъ церкви съ просьбою принять участіе въ этомъ дѣлѣ.

Мысль »Отдѣла« о даровой раздачѣ народу духовно-нравственныхъ книгъ есть, безъ сомнѣнія, мысль благая, и осуществленіе ея принесетъ нашей меньшей братіи несомнѣнную пользу. Какъ бы книга ни была дешева, все-таки читателю ее нужно купить; простой же народъ часто

дорожить и одной копѣйкой: Въ виду этого »Отдѣлъ« всегда желалъ не только удешевить, но и сдѣлать даровымъ пріобрѣтеніе духовно-нравственныхъ книгъ. Въ запискѣ, читанной въ засѣданіи »Отдѣла« 6 октября 1878 года говорится, что »Отдѣлъ« доселѣ дѣлалъ, что могъ; такъ онъ старался какъ можно болѣе удешевить тѣ книги и брошюры, на которыя бываетъ преимущественный запросъ. Существова уже нѣсколько лѣтъ, онъ не конилъ запаснаго капитала, потому что покрывалъ членскими взносами и пожертвованіями одни убытки отъ продажи по уменьшенной цѣнѣ книгъ, и такимъ образомъ расходовалъ все, что только пріобрѣталъ для добраго дѣла. Но при всемъ своемъ усердіи, при всевозможныхъ заботахъ о распространеніи книгъ частію своихъ изданій, частію другихъ издателей, »Отдѣлъ« всегда чувствовалъ, что онъ могъ бы сдѣлать гораздо болѣе при своемъ богатомъ складѣ книгъ, если бы само общество съ большимъ сочувствіемъ отнеслось къ его задачѣ. Такъ какъ въ настоящее время особенно признается необходимымъ религіозно-нравственное развитіе нашего простаго народа, то »Отдѣлъ« надѣется встрѣтить сочувственную поддержку въ образованныхъ слояхъ общества, среди лицъ, нескудныхъ матеріальными средствами. »Отдѣлъ« имѣетъ въ своемъ распоряженіи громадный запасъ книгъ, удовлетворяющихъ вкусу и потребностямъ простаго народа; ему ненужно много заботиться объ изданіи новыхъ книгъ; для изданій нужно время, а между тѣмъ »Отдѣлъ« могъ бы, такъ сказать, сейчасъ раздать бесплатно народу тысячи экземпляровъ книгъ, если бы нашлось благотворительное лицо, которое пожертвованіемъ извѣстной суммы покрыло бы расходъ денегъ, затраченныхъ »Отдѣломъ« на пріобрѣтеніе книгъ (Московск. Епарх. Вѣдом № 41-й 1878 г.).

Въ надеждѣ даровой раздачи книгъ простому народу члены »Отдѣла« обращаются къ православному духовенству

и въ особенности къ пастырямъ сельскихъ церквей съ просьбою-содѣйствовать имъ въ достиженіи благой цѣли. Мы думаемъ, что сельскіе пастыри отнесутся съ сочувствіемъ къ просьбѣ членовъ »Отдѣла« и приложатъ свое стараніе къ распространенію въ народѣ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія. Сельскимъ пастырямъ церкви, конечно, извѣстно, что простой народъ нашъ, обученный грамотѣ, нуждается въ духовно-нравственномъ чтеніи. Онъ, сознавая свою »темноту«, ищетъ свѣта и охотно беретъ въ руки книжку »божественную«, а также съ охотою слушаетъ рѣчь отъ »божественнаго писанія«. Извѣстно также пастырямъ церкви, что народъ для удовлетворенія своей религіозной любознательности обращается не къ кому другому, а только къ нимъ, какъ къ его духовнымъ руководителямъ. Понятно само собою, что пастыри церкви должны быть внимательны къ духовнымъ нуждамъ своихъ пасомыхъ; они должны возбуждать въ нихъ жажду къ слушанію и чтенію религіозно-нравственныхъ книгъ, а также развивать вкусъ въ этомъ благочестивомъ занятіи. Тогда свободное отъ житейскихъ трудовъ время, а въ особенности время праздничное народъ будетъ посвящать на доброе чтеніе и мало-по-малу отвыкнетъ отъ тѣхъ грубыхъ удовольствій, которыя способны заглушать нравственное чувство и огрублять его нравъ. Прочитавши, напр., нѣсколько толковыхъ книжекъ о богослуженіи, о благоговѣніи къ храму, о священствѣ, онъ иначе будетъ относиться къ храму и священству и не будетъ припрятывать лишнюю трудовую копѣйку для питейнаго заведенія, а скорѣе пожертвуетъ ее на добрую книжку.

Успѣху развитія православія среди населенія народа часто мѣшаетъ расколъ, имѣющій у себя многихъ послѣдователей. Сельскіе пастыри церкви, кромѣ живаго слова, могутъ избрать въ пособники себѣ—книги, посредствомъ которыхъ можно проводить въ массу темныхъ послѣдователей

раскола здравые религіозно-нравственные взгляды и убѣжденія. Чтеніе добрыхъ книгъ въ этомъ случаѣ настолько же полезно, насколько полезна и живая бесѣда пастыря съ послѣдователями раскола. Въ этихъ видахъ «Отдѣлъ» усердно просить пастырей церкви «обратить серьезное вниманіе на цѣль, имъ преслѣдуемую; «Отдѣлъ» просить, гдѣ есть фабрики, заводы, приложить особенное стараніе, чтобы среди фабричныхъ не было недостатка въ духовно-нравственныхъ книгахъ. Если сами пастыри церкви почему-либо затруднятся вносить свѣточъ вѣры и нравственности въ упомянутыя заведенія, то «Отдѣлъ» просить ихъ озаботиться пріисканіемъ мірскихъ людей, которые бы не отказались разнести даровыя добрыя книжки и раздавать ихъ людямъ грамотнымъ». Въ этому прибавимъ отъ себя, что весьма полезно было бы раздавать книги въ вокзалахъ и вагонахъ желѣзныхъ дорогъ и на пароходахъ. Въ этихъ мѣстахъ ежедневно бываютъ сотни людей, между которыми найдутся жаждущіе духовнаго просвѣщенія.

Говоря о распространеніи книгъ религіозно-нравственнаго содержанія въ нашемъ простомъ народѣ, нельзя при этомъ не остановиться на самыхъ изданіяхъ подобныхъ книгъ. Въ этомъ дѣлѣ необходима рука знающая и опытная; особенное вниманіе нужно обратить на книги для народа. Намъ кажется, что для него весьма полезны были бы книги, въ которыхъ говорилось бы о св. церкви, нашей руководительницѣ ко спасенію, объ іерархіи, о седми таинствахъ, о молитвѣ и моленіяхъ церковныхъ и домашнихъ, о почитаніи Божіей Матери, о призываніи святыхъ, о христіанскомъ подвижничествѣ и т. п. Знаніе этихъ предметовъ важно и необходимо для нашего спасенія. Въ настоящее же время многія весьма дешевыя книги духовно-нравственнаго содержанія, распространяемыя въ народѣ, не всегда хороши, а другія

хорошія книги продаются по весьма высокой цѣнѣ и недоступны для народа.

Что касается дешевыхъ книгъ или, лучше сказать, брошюрокъ духовно-нравственнаго содержанія, то онѣ появились съ нѣкотораго времени въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ въ обращеніи у народа. Въ числу такихъ брошюрокъ относятся: «Что такое христіанинъ?» »Брачная одежда«, »Благая вѣсть«, »Готовность Иисуса Христа принимать грѣшниковъ« и друг. Содержаніе этихъ брошюрокъ, по отзыву газеты »Современность« (см. № 89-й 1878 г.), развивается весьма неудовлетворительно. Въ нихъ рѣшаются общія христіанскія истины и развиваются иногда неправильно, а если и правильно, то или безъ указанія способовъ примѣненія ихъ къ жизни, или только съ указаніемъ одностороннихъ способовъ ихъ примѣненія. Въ одной, напр., брошюрѣ ставится на разрѣшеніе вопросъ: »Что такое христіанинъ?« и рѣшается этотъ первый и важный, но, по существу, довольно нелегкій, вопросъ такъ: «христіанинъ есть грѣшникъ, искупленный Сыномъ Божіимъ». Но вѣдь и язычники суть грѣшники, также искупленные Иисусомъ Христомъ. Чѣмъ же, въ такомъ разѣ, христіанинъ отличается отъ язычника? Въ брошюрѣ наговорено много, а прочитавши ее, трудно съ точностію узнать, «что такое христіанинъ» и почему мы называемся этимъ именемъ. Такимъ образомъ, брошюра нашего времени стоитъ ниже стариннаго церковно-славянскаго букваря, въ которомъ на вопросъ: «почему ты называешься христіаниномъ?» кратко, опредѣлительно и полно данъ былъ слѣдующій отвѣтъ: «потому, что я вѣрую въ Господа нашего Иисуса Христа и содержу Его святыя заповѣди».

Кромѣ того, въ этихъ дешевыхъ брошюркахъ духовно-нравственнаго содержанія недостаетъ точности и опредѣленности въ выраженіи мыслей. Такъ, въ брошюрѣ: «Что та-

кое христiанинъ» (стр. 7) имѣется слѣдующая фраза: «содержитъ ли небо какой-либо болѣе драгоцѣнный даръ, чѣмъ Сынъ Божій?» Отсюда вытекаетъ такая мысль, что Сынъ Божій, *содержай вся рукою Своею*, Самъ есть какой-то даръ, содержимый небомъ. Въ той же брошюрѣ (стр. 8) спасеніе по благодати вульгарно называется даровымъ: «Исусъ возвѣстилъ намъ *даровое* спасеніе». Въ брошюрѣ «О готовности принимать грѣшниковъ» (стр. 2) говорится, что Исусъ Христосъ, по великой любви своей къ намъ, бѣднымъ грѣшникамъ, оставилъ небеса, облекся плотію и «велъ *униженную* жизнь въ мірѣ». Униженіе, униженность, униженная жизнь суть выраженія совершенно не свойственныя Господу и Спасителю нашему Исусу Христу. Есть, правда, между дешевыми брошюрами и изданія весьма полезныя, напр. св. Тихона Задонскаго: «Христосъ грѣшную душу къ себѣ призываетъ» и немногія другія. Такихъ изданій, вполне православныхъ, назидательныхъ и народныхъ, желательно видѣть побольше въ обращеніи у народа.

Изъ хорошихъ книгъ, пригодныхъ для чтенія нашему простому народу, но недоступныхъ по цѣнѣ, можно указать, напр., на сочиненія архіепископа Одесскаго Иннокентія. Изданія ихъ принадлежатъ Вольфу; цѣна одного 25 руб., другаго въ 6 томовъ 8 руб. сер. Для многихъ ли такія изданія доступны? А между тѣмъ эти сочиненія необходимо бы имѣть всякому православному Христiанину. Необходимы отдѣльныя, дешевыя изданія проповѣдей, хотя бы на св. чотыредесятницу, на двенадесятые праздники, а равно необходимо изданіе «Послѣднихъ дней земной жизни Исуса Христа». Также необходимо бы издать дешевый сборникъ избранныхъ проповѣдей митрополита Московскаго Филарета, Іоанна, епископа Смоленскаго, протоіерея Путятина. Матеріалъ для выбора здѣсь богатый. Можно бы выбрать и изъ русской духовной литературы множество популярныхъ сочине-

ній и издать для народнаго чтенія. Мы увѣрены, что чтеніе такихъ изданныхъ сочиненій нашихъ даровитыхъ опытныхъ писателей духовныхъ, владѣющихъ искусствомъ излагать ясно и отчетливо религіозно-нравственныя истины, принесетъ существенную духовно нравственную пользу нашему народу, чего нельзя сказать о чтеніи дешевыхъ брошюръ духовно-нравственнаго содержанія, издаваемыхъ свѣтскими лицами.

Л.

Нѣсколько средствъ къ наученію прихожанъ молитвамъ.

Не смотря на распространеніе сельскихъ школъ, процентъ грамотныхъ въ средѣ нашего простонародья не значителенъ и, можно сказать, ничтоженъ сравнительно съ массою неграмотныхъ. При неграмотности и религіозно-нравственное состояніе большей части нашего простаго народа не завидно. Между простымъ народомъ нерѣдко встрѣтить такихъ христіанъ, которыхъ только по имени можно назвать христіанами. Изъ многихъ фактовъ, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ о столь незавидномъ состояніи значительной части нашего народа, можно указать хотя на одинъ. Вотъ что пишетъ прот. Д. Богоявленскій, —человѣкъ въ продолженіи восьмилѣтнихъ публичныхъ собесѣдованій своихъ съ народомъ изучившій его вполне, знающій его нужды, потребности и недостатки. »Въ нынѣшній великій постъ, какъ и посты прошлыхъ годовъ, — говоритъ о. Богоявленскій, — является ко мнѣ на исповѣдь изъ разныхъ мѣстностей Москвы очень много простаго фабричнаго народа. И вотъ какія личности приходятъ на исповѣдь! Беру на выдержку изъ этихъ субъектовъ одного. Въ пятницу на первой недѣлѣ настоящаго великаго поста является мужичекъ годовъ трид-

цати. Въ числѣ первыхъ вопросовъ, предлагаю исповѣдующемуся, какъ и слѣдуетъ, такой вопросъ: знаешь ли необходимыя молитвы? Нѣтъ, батюшка, не знаю. Какъ, спрашиваю съ удивленіемъ, да, вѣдь, какую нибудь молитву знаешь? *Отче нашъ*—знаешь? Нѣтъ; *Богородицу* знаешь? Нѣтъ; ну, хотя *Иисусову* молитву не знаешь ли, то есть, говорю, *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій помилуй мя грѣшнаго*? Нѣтъ. Да что же ты знаешь, и что читаешь, когда молишься? Да только и говорю, отвѣчаетъ онъ, *Господи помилуй, Господи помилуй!* Я пораженъ былъ такимъ открытіемъ. Впродолженіи своей тридцатилѣтней священнической практики десятки тысячъ людей я исповѣдывалъ, но мнѣ не приходилось встрѣчать человѣка, который бы не зналъ молитвы *Иисусовой*. Поскорбѣвши объ немъ душою, и поговоривши съ нимъ, что слѣдовало, я окончилъ исповѣдь довольно поздно и возвратился домой съ самыми тяжелыми чувствами и предался самымъ грустнымъ размышленіямъ. Конечно, думалъ я, человѣку грѣшному отъ Царя Небеснаго—правосуднаго чего и просить, какъ не помилованія; значить, молитва—»Господи помилуй« есть молитва великая, есть, такъ сказать, сокращеніе всѣхъ молитвъ. Но все-таки, далѣе думалъ я, христіанину не знать молитвы *Господней* и «*Богородице, Дѣво радуйся*» и пр... не простительно»¹⁾. Фактъ, приведенный о. Богоявленскимъ, едва ли единичный! Если встрѣчаются, хотя рѣдко, такіе субъекты, которые рѣшительно не знаютъ никакихъ молитвъ,—не знаютъ даже самой краткой и важнѣйшей молитвы *Иисусовой*, то сколько найдется такихъ православныхъ христіанъ изъ народа, которые не знаютъ другихъ болѣе сложныхъ и необходимыхъ молитвъ, каковы «*молитва Господня*», *Богородице, Дѣво радуйся* и др., не говоря уже о Симво-

¹⁾ Моск. Еп. Вѣд. № 11 за 1879 г.

лѣ Вѣры. А изъ тѣхъ православныхъ христіанъ, которые знаютъ важнѣйшія и необходимѣйшія молитвы,—всѣ ли читаютъ эти молитвы правильно, не въ искаженномъ видѣ и съ пониманіемъ?!..

Какъ же поступить съ такою горькою дѣйствительно-стью, какъ помочь этому вопіющему горю? Чтобы хотя сколько нибудь просвѣтить нашъ темный, неграмотный народъ, по мнѣнію о. Богоявленскаго, необходимо принять такую мѣру: „пригласить или предложить приходскимъ сельскимъ священникамъ, чтобы они,—хотя только въ великій постъ, какъ время болѣе цѣлесообразное, въ воскресные и праздничные дни послѣ вечерни, или до обѣдни или послѣ обѣдни, гдѣ какъ удобнѣе будетъ настоятелю, оставляли въ церкви и дѣтей, и возрастныхъ, незнающихъ молитвъ, и прочитывали бы нѣсколько разъ напр. «молитву Господню», заставляя слушателей повторять слова за собой, или, по просту сказать, учили бы съ голоса; въ слѣдующее воскресенье повторять ту же молитву, въ третье—ту же, а далѣе самъ уже учитель увидить, что нужно дѣлать“.

Мѣра, рекомендуемая о. Богоявленскимъ, не новая, она практиковалась и практикуется приходскими священниками, и на дѣлѣ оказывается не всегда и вездѣ приложимою. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ отъ утрени до обѣдни приходскіе сельскіе священники рѣдко бываютъ свободны,—въ это время они обыкновенно бываютъ заняты тѣмъ вычитываніемъ *предлѣтургійнаго правила*, то *крещеніемъ младенцевъ*, то *поднятіемъ* покойника и т. п. Остается назначить для обученія прихожанъ молитвамъ время послѣ литургіи. Но оставлять прихожанъ послѣ обѣдни въ церкви, для обученія ихъ молитвамъ, значить не достигать цѣли. Изъ прихожанъ, выслушавшихъ литургію, едва-ли много озабочется желающихъ остаться въ церкви еще на полчаса для выслушиванія молитвъ, а тѣмъ болѣе ожидать священника, когда онъ отпоетъ молебенъ, или панихиду, или отправитъ погребеніе покойника; съ увѣренностію можно сказать, что по окончаніи литургіи всѣ не замедлятъ разойтись

по своимъ домамъ. Еще менѣе можетъ достигать цѣли, какъ свидѣтельствуется пастырская практика, приглашеніе прихожанъ собираться по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ какой либо домъ въ послѣ-обѣденное время и тамъ слушать молитвы и объясненія ихъ. На такое приглашеніе могутъ явиться, пожалуй, сельскіе прихожане, а о деревенскихъ и думать нечего—не пойдутъ, особенно изъ дальнихъ деревень.

Говоря такъ, мы не выражаемъ той мысли, чтобы упомянутая мѣра была бесполезна; мы только указываемъ на то, что она не всегда удобоисполнима для приходскаго сельскаго священника, и что, кромѣ приходскаго сельскаго священника, къ дѣлу обученія прихожанъ молитвамъ слѣдуетъ пригласить и другихъ лицъ. Однимъ изъ такихъ ближайшихъ лицъ, которое могло бы раздѣлить трудъ священника по обученію прихожанъ молитвамъ, есть псаломщикъ или причетникъ. Что напримѣръ мѣшаетъ псаломщику въ то время, когда священникъ занятъ вычитываніемъ *предлутургійнаго правила* и т. п., пригласить собравшихся прихожанъ въ церковную сторожку, и тамъ посвятить 20—30 минутъ на обученіе ихъ молитвамъ? Трудъ священника и псаломщика по дѣлу обученія прихожанъ молитвамъ, по нашему мнѣнію, долженъ раздѣлить и сельскій учитель. Сельскій учитель (разумѣется, если онъ въ то же время и не псаломщикъ), какъ лице интеллигентное въ селѣ и болѣе или менѣе близко стоящее къ народу, вполне могъ-бы и можетъ въ промежутокъ времени отъ утрени до литургіи собрать неграмотныхъ прихожанъ въ сельскую школу и тѣмъ временемъ заниматься обученіемъ ихъ молитвамъ. Для него, навѣрно, это и не составило-бы большого труда, къ тому же мы и не говоримъ, чтобы дѣло обученія прихожанъ молитвамъ исключительно и всецѣло возложено было на сельскаго учителя, а выражаемъ только желаніе, чтобы сельскій учитель въ тѣхъ случаяхъ, когда и священникъ, и псаломщикъ до обѣдни заняты исполненіемъ приходскихъ требъ, принялъ на себя это дѣло. Если такимъ образомъ къ дѣлу обученія при-

хожанъ молитвамъ приглашены будутъ не только приходскій священникъ, а и причетникъ съ сельскимъ учителемъ, то оно не будетъ чѣмъ-то случайнымъ, и слѣдовательно скорѣе и вѣрнѣе приведетъ къ желаемой цѣли.

Съ другой стороны, чтобы вполне успѣшно достигнуть цѣли наученія прихожанъ важнѣйшимъ молитвамъ, необходимо и въ самихъ прихожанахъ вызвать желаніе выучиться этимъ молитвамъ. А средства къ тому есть въ рукахъ приходскихъ сельскихъ священниковъ. Извѣстно, что прихожане—отцы семейства очень довольны бываютъ, когда дѣти ихъ, поучившіяся въ приходской школѣ, принимаютъ участіе въ церковно богослужебномъ чтеніи и пѣніи, даже гордятся тѣмъ предъ своими односельчанами, у которыхъ дѣти неграмотны и не могутъ ни читать, ни пѣть на клиросѣ въ церкви. Потому нѣтъ сомнѣнія, что если бы самимъ прихожанамъ родителямъ дозволено было произносить въ церкви, когда нужно, молитву Господню и Символъ Вѣры, то изъ нихъ нашлось бы немало желающихъ публично въ церкви произнести ту или другую молитву, и тѣ прихожане, которые не знаютъ ни «Отче нашъ», ни Символъ Вѣры, не замедлили бы выучить ихъ. По крайней мѣрѣ это средство уже было испытано однимъ сельскимъ священникомъ, и оно увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. А именно: священникъ села Перень Оргѣвскаго уѣзда, о. Стефанъ Гобжила, не смотря на всевозможныя его старанія выучить прихожанъ своихъ главнѣйшимъ молитвамъ, никакъ не могъ достигнуть этого. О. Стефанъ заставлялъ наприм. причетниковъ читать въ церкви во время причастна молитвы съ тою цѣлью, чтобы прихожане усвоили ихъ себѣ. Но прихожане зѣвали, и потому это средство не повело къ ожидаемому. О. Стефанъ просилъ своихъ прихожанъ собираться по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ какой либо домъ и тамъ слушать молитвы и ихъ объясненія, но и это не привело къ цѣли. Видя, что всѣ принятые имъ мѣры остаются безполезными, о. Стефанъ прибѣгнулъ къ новому, поз-

волилъ прихожанамъ произносить въ церкви, когда нужно, молитву Господню и Символъ Вѣры, и даже требовалъ отъ нихъ этого. Каждый изъ прихожанъ, желая публично въ церкви произнести требуемыя молитвы, спѣшилъ выучить. О. Стефану отраднo было видѣть, какъ его прихожане начали ходить для изученія молитвъ то къ нему, то къ причетникамъ, то къ немногимъ изъ прихожанъ, знающимъ молитвы. Съ того времени молитва Господня и Символъ Вѣры читаются въ церкви кѣмъ-либо изъ прихожанъ. Мальчики тоже произносятъ молитвы. Благодаря этому средству, прихожане съ небольшимъ въ два мѣсяца выучились молитвамъ и произносятъ ихъ и теперь въ церкви. Такимъ образомъ, о. Стефанъ, воспользовавшись простымъ и легкимъ средствомъ, достигъ того, чего добивался долго и чего съ большими трудностями не могъ достигнуть ¹⁾).

Въ тѣхъ же видахъ, чтобы расположить прихожанъ къ изученію необходимыхъ молитвъ, было-бы совершенно излишнимъ дозволить имъ участвовать въ пѣніи общеупотребительныхъ молитвъ за церковной службой. Кажется, не было бы ничего предосудительнаго въ томъ, если бы нашлись (а такихъ, конечно, оказалось-бы не мало) желающіе пропѣть въ церкви какую-либо общеупотребительную молитву, напр. «Отче нашъ» или «Богородице, Дѣво радуйся», и исполнили это пѣніе посреди церкви общимъ хоромъ и подъ руководствомъ псаломщика. Само собою разумѣется, чтобы это общее пѣніе не было козлогласованіемъ или безчиннымъ воплемъ, необходимо заявить, чтобы желающіе участвовать въ церковно-богослужебномъ пѣніи молитвъ предварительно ходили по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ школу, и тамъ до обѣдни подъ руководствомъ сельскаго учителя или псаломщика учились бы какъ самымъ молитвамъ, такъ и пѣнію ихъ. Если бы такой порядокъ заведенъ былъ въ приходскихъ сельскихъ церквахъ, то и богослуженіе было бы привлекательнѣе для прихожанъ, и въ средѣ послѣднихъ явилось бы сильное соревнованіе какъ къ изученію текста молитвъ, такъ и къ пѣнію ихъ.

3.

---

¹⁾ Под. Ел. Вѣд. № 4 за 1879 г.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ПРИ РЕДАКЦІИ „ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПИТАТЕЛЯ“

ОТДѢЛЪ

СПРАВОКЪ И ИСПОЛНЕНІЯ ПОРУЧЕНІЙ

для многогородныхъ.

Ни съ однимъ городомъ Имперіи не нуждаются въ посредничествѣ лица всѣхъ положеній, какъ съ С.-Петербургомъ. Здѣсь центръ высшихъ правительственныхъ учрежденій всѣхъ вѣдомствъ: Синодъ, Сенатъ, Министерства, Главный Штабъ, Цензурные комитеты, Земскій Отдѣлъ, Главное Выкупное Учрежденіе, Высшія учебныя заведенія, Главное Управленіе военно учебныхъ заведеній, Комиссіи женскихъ курсовъ: Педагогическихъ, Врачебныхъ, Высшихъ университетскихъ и проч.

Частныя учрежденія и предпріятія имѣютъ тутъ главныя правленія и конторы: Общества желѣзныхъ дорогъ, страховыхъ, земельныхъ банковъ. Редакціи— 62 газетъ, 33 журналовъ, 107 типографій, 11 словолитень, 6 мастерскихъ учебныхъ пособій и пр.

Не всѣ могутъ ѣздить въ С.-Петербургъ, проживать здѣсь, по дѣламъ, неизвѣстное время. Въ этомъ сознаніи, посвящаемъ дѣятельность свою для *многогородныхъ* доставлять отъ правительственныхъ управленій, частныхъ учрежденій и лицъ невоспрещенныя закономъ, доступныя справки, свѣдѣнія, указанія, адреса и т. п. Главныя отдѣлы занятій:

Но административнымъ и судебнымъ дѣламъ. Объ опредѣленіи, повышеніи по службѣ, полученіи—отставки, пенсій и пособій. Времени слушанія и рѣшенія дѣлъ, производящихся по нимъ исполненіямъ и расчетамъ. Совершеніи разнаго рода актовъ на переходъ имуществъ, утвержденіе духовныхъ завѣщаній и пр.

Для учащихся и воспитателей. Высылка программъ и другихъ нужныхъ свѣдѣній о казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ; руководствъ и учебныхъ пособій, требующихся въ томъ или другомъ заведеніи; указаніе и разъясненіе подробностей по вопросамъ поступленія въ избранное заведеніе, срока въ немъ ученія, стоимости содержанія, правъ, соединенныхъ съ дипломомъ или свидѣтельствомъ при выбытіи изъ заведенія. Увѣдомленіе, по порученіямъ, объ успѣхахъ и нуждахъ воспитанника во время его ученія.

Большинство, изъ всѣхъ учебныхъ заведеній, знаетъ одни только гимназіи—военныя и министерства народнаго просвѣщенія, которыя вынуждены чрезъ это отказывать ежегодно тысячамъ дѣтей по одному недостатку помѣщенія. Задача наша удовлетворять, чтобы приготовленные ученики и ученицы не упустили своего возраста и поступали въ существующія другихъ наименованій учебныя заведенія, свойственныя семейному ихъ положенію и еще болѣе самымъ дарованіямъ учащихся.

По бібліографіи и книжной торговлѣ. Интересующіеся движеніемъ литературы избраннаго отдѣла наукъ, завѣдывающіе народными школами, частными и правительственными учебными заведеніями могутъ выписывать изданія къмъ бы и отъ кого публикуемы бы ни были. Изданія церковной и духовно-нравственной литературы будутъ составлять средоточіе для самихъ книгопродавцевъ.

Желающему получить лучшее сочиненіе укажется и вышлет-ся именнѣ то, что въ данную минуту и въ средѣ специалистовъ считается дѣйствительно лучшимъ. Тѣ, кто войдетъ въ постоянныя съ нами сношенія, могутъ имѣть, въ опредѣленные напередъ сроки, извѣстія о появленіи особенно выдающихся изданій назначеннаго отдѣла.

По сношеніямъ съ редакціями и типографіями. Печатаніе сочиненій, помѣщеніе статей и корреспонденцій въ журналахъ и газетахъ. Сношенія по развитію въ продажѣ отпечатанныхъ изданій. Передача во всѣ газеты и журналы объявленій для припечатанія и разсылки приложеніями по иѣнамъ редакцій. Пріемъ подписки на полученіе газетъ и журналовъ.

Не общаемъ больше того, что можемъ сдѣлать и даемъ сознательное слово въ одномъ: кто желаетъ быть въ связи съ С.-Петербургомъ, кто вѣритъ въ добросовѣстность нашего предложенія, тотъ можетъ быть и увѣреннымъ, что принимаемое порученіе исполнится со всею готовностію и зависящимъ удовлетвореніемъ. Входящій въ сношенія, сидя у себя дома, получитъ отвѣтъ, указанія, нужныя данныя и можетъ разсчитать: какихъ бы это стоило ему издержекъ на поѣздку самому въ С.-Петербургъ и пребываніе здѣсь въ теченіи неопредѣленнаго времени.

УСЛОВІЯ. Успѣхъ выполненія зависитъ отъ различныхъ обстоятельствъ, предвидѣть и опредѣлить которыхъ съ точностію нѣтъ возможности. Въ виду этого, мы ставимъ условіемъ: къ требованіямъ прилагать, за несложныя справки и находящіяся въ Отдѣлѣ, — 3 руб. Выполненіе, соединенное съ значительными разъѣздами, перепискою съ мѣстами и лицами, а также установленіе постоянныхъ сношеній обусловливается напередъ взаимнымъ сношеніемъ и соглашеніемъ. Для отвѣта, опредѣлить предварительно одно вознагражденіе, прилагаются 2 почтовые марки.

Подробная программа помѣщена во 2-мъ изданіи „Русскаго Календаря“ Суворина. Письма и всѣ порученія адресуются: *Въ Петербургъ Павлу Егоровичу Горбунову, Караванная 5.*

РУКОВОДСТВО

Д Л Я

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ № 22. Подписка принимается въ редак-
четыре руб., съ пересылкою пять цѣи сего журнала, при кievской
рублей сереб. семинаріи.

1879 года. Мая 27-го.

Содержаніе. Изъ воспоминаній объ Олонецкихъ архипастыряхъ.—Объ изображеніяхъ Спасителя въ архіерейскомъ облаченіи.—Мѣры предосторожности по поводу несчастныхъ случаевъ отъ керосина.—*Въ приложеніи*: Бесѣда II-я на первую заповѣдь Закона Божія.—Бесѣда III-я на первую заповѣдь Закона Божія.

Изъ воспоминаній объ Олонецкихъ архипастыряхъ.

Въ № 82-мъ »Цер. Общ. Вѣстника« за 1878 годъ помѣщена статья подъ названіемъ »Заонежьс«. Авторъ ея, говоря объ епархіальныхъ владыкахъ Олонецкихъ, между прочимъ высказалъ, что въ Заонежьи архіерея увидали лишь въ 1872 году; а то съ самаго открытія епархіи никто изъ владыкъ здѣсь не бывалъ.

Не возможно утверждать, что такая неточность въ означенныхъ свѣдѣніяхъ допущена авторомъ статьи съ цѣлію наложить пятно на служебную дѣятельность Олонецкихъ архипастырей и выставить на видъ недостатокъ заботливости ихъ о своей паствѣ, хотя къ этой мысли и приводитъ замѣтка автора, что нѣкоторыми начальниками епархій при обозрѣніяхъ Церквей положительно забыто требованіе »духовнаго регламента« объ изученіи суевѣрныхъ взглядовъ и

привычекъ. Скорѣе можно думать, что авторъ статьи о »За-
онежѣ« употребилъ одинъ изъ пріемовъ, чтобы расшевелить
духовенство Олонецкой епархіи, побудить его высказаться
о своихъ архипастыряхъ.

Придавая большее вѣроятіе послѣднему мнѣнію предъ
первымъ, я, въ видахъ возстановленія истины, побуждаю
предложить вниманію читателей *ничто* изъ своихъ воспоми-
наній объ Олонецкихъ архипастыряхъ.

1) Первымъ архипастыремъ Олонецкой епархіи былъ
преосвященный Игнатій.—Время служенія его на епископ-
ской Олонецкой кафедрѣ (1828—1842 г.) было временемъ
самой усиленной, напряженной и полезной для св. церкви
борьбы его съ расколомъ. Обладая проницательнымъ и глу-
бокимъ умомъ, обширными свѣдѣніями въ богословскихъ на-
укахъ и даромъ слова сильного и убѣдительнаго, преосвя-
щенный Игнатій первый положилъ начало сокрушенію и
обветшанію раскола въ Олонецкой губерніи. »Существеннымъ
занятіемъ этого архипастыря, говоритъ пр. Иринеи¹⁾, уче-
никъ и наблюдатель жизни преосв.²⁾ Игнатія, занятіемъ по
призванію было: попеченіе о духовенствѣ епархіи во
всѣхъ его отношеніяхъ, приведеніе прихожанъ въ Церковь
Божію, обращеніе къ ней отпадшихъ, благоустройство храмовъ
Божіихъ, обученіе юношества въ паствѣ. Обязанности сіи
указаны были для него даже особенною Высочайшею волею
въ приложеніяхъ къ указу объ учрежденіи Олонецкой епар-
хіи²⁾«. Желая изучить и знать состояніе своей паствы
во всей точности, преосвященный Игнатій независимо
отъ своихъ поѣздокъ по епархіи со свитою, т. е. съ
протодіакономъ и хоромъ пѣвчихъ, когда отправлялъ Бого-
служенія въ городскихъ и сельскихъ храмахъ со всею тор-

¹⁾ Воспоминаніе о пр. Игнатіѣ стр. 53.

²⁾ Ук. Св. Сун. объ открытіи епархіи отъ 7 іюня 1828 г.
за № 5377.

жественностію архіерейскаго служенія, совершалъ иногда свои поѣздки по епархіи и одиночно, отправляясь въ самые отдаленные приходы на легкихъ санкахъ, съ однимъ или двумя изъ прислужниковъ, и являясь здѣсь совершенно неожиданно. Поѣздки его сопровождались постоянными поученіями, а это прежде всего и требуется дух. регламентомъ. Онъ вступалъ въ собесѣдованія съ крестьянами и раскольниками вездѣ, гдѣ только представлялась возможность къ этому—и въ собственныхъ комнатахъ архіерейскаго дома, и въ домахъ священниковъ и прихожанъ¹⁾, и въ раскольническихъ молебныхъ и скитахъ. Одинъ бѣглый пересмотръ оглавленія отпечатанныхъ проповѣдей его удостовѣряетъ, что не осталось въ Заонежѣ ни одного прихода, котораго этотъ іерархъ не посѣтилъ бы, ни одной церкви, въ которой онъ не сказалъ бы слова назиданія, и не только въ храмахъ, но и въ часовняхъ были имъ произносимы поученія. Знакомство же съ содержаніемъ этихъ поученій, а равно и съ другими сочиненіями пр. Игнатія, отпечатанными и оставшимися въ рукописяхъ, вполне убѣждаютъ, что этотъ преосвященный изучилъ и зналъ Олонецкую епархію вообще и Заонежье въ особенности вполне и всесторонне. Нагляднѣйшимъ доказательствомъ посѣщенія этимъ преосвященнымъ заонежскихъ приходовъ служить освященіе имъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ Божіихъ храмовъ. О заботливости же его къ открытію училищъ и образованію юношества, въ чемъ »Ц. О. Вѣстникъ« (1874 г. № 40) находитъ единственное спасеніе народа отъ раскола и суевѣрій, можно знать изъ воспоминаній пр. Иринея о немъ. Этимъ преосвященнымъ составлены были даже особыя правила относительно обученія дѣтей въ приходахъ, зараженныхъ расколомъ. Эти правила были рассмотрѣны, одобрены и утверждены Свят. Синодомъ.

¹⁾ »Ол. губ. В.« 1874 г. стр. 878.

2) Преосвящ. Аркадій ¹⁾ обозрѣвалъ епархію по частямъ ежегодно (исключая послѣдняго года). Въ Заонежьѣ онъ былъ нѣсколько разъ. Посѣщенія его были иногда совершенно неожиданны. Однажды, во время пріѣзда его въ Вырозерскій приходъ, приходскій священникъ былъ въ банѣ. Преосв. Аркадій, также какъ и пр. Игнатій, во время объѣздовъ по епархіи отправлялъ въ храмахъ Богослуженія, говорилъ поученія, бесѣдовалъ съ народомъ въ домахъ и подъ открытымъ небомъ. Пишущему сіи строки приходилось нѣсколько разъ сопутствовать ему во время обозрѣнія имъ городскихъ и сельскихъ церквей. Въ первый разъ ему благоугодно было пригласить меня къ своей свитѣ во время обозрѣнія церквей Вытегорскаго, Пудожскаго и отчасти Каргопольскаго уѣздовъ. Это было въ первый годъ моего поступленія въ одинъ сельскій приходъ священникомъ. Съ преосвященнѣйшимъ былъ, кромѣ протодіакона и нѣсколькихъ пѣвчихъ, еще помощникъ особаго благочиннаго ²⁾. Въ одномъ приходѣ А—мъ случилось слѣдующее. Отправивъ литургію, преосвященный посѣтилъ домъ одного изъ священниковъ. Сюда же явился и причтъ. Во время чаепитія второй священникъ вздумалъ похвалить себя владыкѣ. Зная любовь преосвященнаго въ пѣнію по нотамъ, онъ сказалъ ему: «удивляюсь, преосвященнѣйшій Владыко, какъ при мнѣ научились они (причетники) пѣть по нотамъ. Прежде ничего не знали». «А пріятно было бы послушать вашего пѣнія,—воскликнулъ Владыка, нѣтъ ли здѣсь какой книги. Поданы были «праздники нотные». Руководимый священникомъ причтъ пропѣлъ стихиру на

¹⁾ Преемникомъ пр. Игнатія былъ Венедиктъ: но онъ во все время управленія епархіею не посѣщалъ ее. Былъ же на епархіи до конца 1850 года.

²⁾ Въ то время, кромѣ обыкновенныхъ благочинныхъ, были еще особые благочинные. Такихъ особыхъ благочинныхъ было въ епархіи три.

день Успенія Б. Матери: «О дивное чудо». Пѣніе было неудачно. По прочтѣні стихиръ, архинастырь, подойдя къ священнику, и слегка трепля его по плечу своею рукою, улыбаясь сказалъ: «а что, братъ, плоховато спѣли то». Священникъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, преосвященнѣйшій Владыко, я знаю пѣть; вѣдь я былъ въ архіерейскихъ пѣвчихъ», — и снова началъ пѣніе и также неудачно. Преосвященный: «да нѣтъ, братъ, плоховато; хотя ты и былъ въ пѣвчихъ». «Помилуйте, преосвященнѣйшій Владыко, сказалъ священникъ, принявъ видъ оскорбленнаго, я знаю пѣть; но посудите сами: вѣдь какъ я вышелъ изъ семинаріи — книга въ рукахъ у меня не бывала!!!» Послѣ сихъ словъ преосвященный повернулся и пошелъ въ двери. Мы за нимъ. Стаганы чая остались недоцитыми. Въ дверяхъ встрѣтился съ преосвященнымъ наставникъ сельскаго училища, который, отрекомендовавшись о себѣ, присовокупилъ, что онъ изъ окончившихъ курсъ ученія въ семинаріи. «А вотъ это хорошо! подойдемъ же немного», сказалъ преосвященный, и взявъ наставника за руку, сошелъ съ лѣстницы. Послѣ вопросовъ о времени окончанія курса въ семинаріи, о числѣ учениковъ и объ училищѣ, онъ спросилъ: «чему вы здѣсь учите? «Священной Исторіи». Какой вопросъ былъ предложенъ преосвященнымъ послѣ этого, я не разслышалъ, но помню отвѣтъ наставника на предложенный вопросъ. Онъ состоялъ въ словѣ: «по катихизису». Преосвященный остановился, нѣсколько повернувъ голову, молча посмотрѣлъ на насъ — и пошелъ съ наставникомъ впередъ, не выпуская руки его изъ своей. Въ это время кто-то шепнулъ наставнику: «по библии». «По библии, преосвященнѣйшій Владыко, восклицалъ наставникъ. «По ка-к-о-й, спросилъ преосвященный протяжно. — «Въ седьмую долю листа», скороговоркою отвѣтилъ наставникъ. Преосвященный опять повернулъ голо-

ву, посмотрѣлъ на насъ и пошелъ далѣе.— «Въ 8-ю долю листа», подсказалъ кто-то. «Въ 8-ю долю листа», преосвященнѣйшій Владыко», воскликнулъ наставникъ; но преосвященный, выпустивъ изъ своей руки руку наставника, не говоря ни слова, шелъ далѣе одинъ. Народъ подступилъ къ нему. Съ нимъ или лучше съ нѣкоторыми изъ толпы архипастыръ послѣ наставника велъ свое собесѣдованіе, доколѣ не поданъ былъ экипажъ. Оставшись же одинъ, онъ воскликнулъ: «Боже мой! чѣмъ приходы лучше, тѣмъ священники хуже» ¹⁾. Послѣ сихъ словъ, какъ бы опомнившись, обратился къ намъ и сказалъ: «чай, вы сегодня еще ничего не ѣли... Чтобы не разсердиться, я ушелъ». Послѣ этого разломилъ просфору и подаль мнѣ верхнюю половину ея; другую же половину раздѣлялъ на двѣ части: себѣ и помощнику особаго благочиннаго. Войдя же въ экипажъ, спросилъ рѣдьки и велѣлъ предложить ее о. протодіакону и пѣвчимъ, находившимся въ другомъ экипажѣ. Я отказался отъ рѣдьки. Преосвященный пожелалъ узнать причину сего. »Горька«, простодушно отвѣчалъ я. »Неужели ты хочешь прожить *свой вѣкъ безъ рѣдьки*, замѣтилъ архипастыръ; дай же ее сюда, а ты возьми вонъ тамъ булочки«.

Прѣзжаемъ въ слѣдующій С. приходъ. При обзорѣніи храма, вниманіе Владыки остановилось на иконѣ страданія Христова. Кто писалъ эту икону, спросилъ онъ священника? »Я, преосвященнѣйшій Владыко«, сказалъ находившійся тутъ же въ храмѣ иконописецъ крестьянинъ В.

¹⁾ Это было второе обзорѣніе этого края. Первое обзорѣніе было въ 1851 г. черезъ два мѣсяца по прибытіи на епархію. Потомъ онъ былъ въ Петербургѣ—въ Синодѣ. По возвращеніи отсюда, въ августѣ 1856 г. онъ отправился во вторичное обзорѣніе. До А. прихода были имъ посѣщены приходы Петрозаводскаго, Лодейнопольскаго и до 6 приходовъ Вытегорскаго уѣзда.

Державинъ. Преосвященный предложилъ мнѣ осмотрѣть эту икону и замѣтить особенности, а потомъ въ домѣ священника спросилъ о нихъ. Какъ на особенность, я указалъ на изображенія крещенія и страданія Пилата, ободреніе его словами Спасителя или ангела: »радуйся Пилате, яко мене ради страждеши«, Усѣкновеніе Пилата и взятіе отсѣченной главы его на небо. Преосвященный: »откуда это взято?« »Не знаю«. Не могъ объяснить этого ни иконописецъ, ни священникъ и никто изъ находившихся въ это время при архипастырѣ. »Читывалъ-ли ты страсти Христовы?« спросилъ онъ меня. »Нѣтъ«. Преосвященный: »у раскольниковъ находится книга: »страсти Христовы; въ ней и сказано о страданіи Пилата и объ утѣшеніи его Господомъ«¹⁾). Послѣ сего сдѣлано было распоряженіе, чтобы помощникъ особаго благочиннаго согласно инструкціи, данной имъ, производилъ ревизію церквей и документовъ, а я осматривалъ церковные архивы и книги. Тотъ и другой изъ насъ должны были представить преосвященному отчетъ въ своихъ наблюденіяхъ. Для чего было сдѣлано имъ такое распоряженіе, неизвѣстно²⁾).

---

¹⁾ На миссіонерскомъ отдѣленіи намъ было объяснено о нѣкоторыхъ раскольническихъ сочиненіяхъ, каковы напр. поморскіе отвѣты, челобитная соловецкая, а также дано было понятіе и о нѣкоторыхъ уважаемыхъ раскольниками книгахъ, напр. Большой Катихизисъ, Кириллова книга; но о страстяхъ Христовыхъ не было говорено ничего. Уже въ послѣдствіи при собесѣдованіяхъ съ раскольниками я познакомился съ этою книгою.

²⁾ Когда я опредѣленъ былъ въ 1858 г. на долж. помощника миссіонера, а въ 1860 г. и на должность миссіонера: тогда открылось, какъ предусмотрителемъ былъ архипастырь. Открылось, что предварительно опредѣленія на миссіонерскую должность, онъ познакомилъ меня со старопечатными книгами и свѣдѣніями, необходимыми для этого служенія. По мысли и благословенію его,

Преосвященный въ эту поѣздку осматривалъ все самъ, даже иногда указывалъ намъ замѣтить то или другое достойное замѣчанія. Такъ онъ предложилъ мнѣ выписать надписи, сдѣланныя подъ изображеніями Евангелистовъ въ Евангеліи, находившемся въ одной градской Каргопольской церкви, и изъ предисловія, помѣщенного въ Тупиконѣ изд. 1682 г. и находившагося въ Каргопольскомъ Спаскомъ монастырѣ, о необходимости книжнаго исправленія¹⁾.

сразу же по окончаніи ученія въ семинаріи, мнѣ поручено было на основаніи секретныхъ дѣлъ Олонецкой консисторіи, разобранныхъ наставникомъ семинаріи г. Цитовымъ со времени открытія епархіи по 1854 годъ включительно, заняться приготовленіемъ свѣдѣній о состояніи раскола въ Олонецкой епархіи. Квартира съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и содержаніемъ дана была въ зданіи семинаріи. Кромѣ этихъ занятій я долженъ былъ еще заниматься съ о. Ректоромъ семинаріи, архимандритомъ Теофаномъ (нынѣ епископомъ), сличеніемъ книгъ между собою.

1) Вотъ выписка изъ этого предисловія: Убо сихъ назирающе и слышаще во всея великороссійскія церкви чинѣхъ и типичѣхъ церковныхъ и празднованіихъ святыхъ, во псалмопѣніихъ, и прочитаніихъ стихиръ, каноновъ, тропарей, кондаковъ, и во всѣхъ священнодѣйствіихъ многія разности, и несогласія, и оттого смущеніе, и во храмѣхъ Господнихъ бываемую молву: за не всюду постиже *самочиніе*, и *своеволе*: и во иныхъ церковныхъ книгахъ, минеяхъ, октоихахъ, и тріудяхъ, отъ *переписующихъ*, также и отъ *самоиѣнныхъ* чиновъ во указѣхъ велія обрѣтшася несходства.

И во дни сія уже весь церковнаго типика чинъ не является отъ неискусныхъ и непослѣдующихъ истинѣ челоуѣковъ. Якоже бы кто въ коемъ монастырѣ или церкви, како навывче какова чина-такъ и въ присутственныхъ мѣстѣхъ творити тщится, непослѣдуя типика церкви преданному чину. .... Сего ради (Ц. О. Алѣ — чь) совѣтомъ и изводеніемъ, „великій Гдѣнь святѣйшій Кръ, Іоакимъ Патріархъ Московскій и всея Россіи, со всеми російскими архіереи не давая смущенію въ церкви быти ради всякаго

Во время этой поѣздки, равно какъ и во всѣ другія, вѣтъ архимастырь велъ свой дневникъ постоянно; возилъ съ собою журналъ входящихъ и исходящихъ бумагъ.

несогласія разнствъ, совѣтова, совѣщаша же еуподально, ежебы предѣловъ отецъ, и тупикоположеній не преступати, яже добрѣ сѣи и съ подобающимъ искусствомъ изъ начала положиша. Ниже что пововводное и самочинное паче же рещи безчинное въ полагати, ниже предѣлъ древлележащій праведенъ прескакати, дабы всюду во священныхъ и божественныхъ храмѣхъ самочинство и несогласіе ради разныхъ тупиковъ крамола и спона мѣста не имѣла, ниже кое нелѣпотство обрѣталосѣ, но единствомъ всея церкви ума, и благочиннымъ тупикоположеніемъ Божіа пѣсиопѣнія, и чтенія, и празднованія совершались благолѣпнѣ.

Тѣмъ же онъ великій Гдѣниѣ святѣйшій Куръ, Іоакимъ патр. Москов. и всея россіи повелѣ во тупицѣхъ вѣдущимъ, и въ божественныхъ писаніихъ тщателенъ священномонахомъ, извѣстно изъ многихъ древнихъ переводовъ греческихъ и славянскихъ харатейныхъ рукописныхъ и печатныхъ тупиковъ разсмотрѣя избрати, и книгу весь церковный тупикъ всякимъ благочиніемъ красящѣя древнѣйшимъ тупикомъ послѣдующе написати. Тѣ же священномонаси благоволеніемъ и помощію великодаровитаго Владыки Хрѣста Іисуса Гдѣа во ономъ дѣланіи время не малое въ дому святѣйшаго патріарха трудишасѣ, и книгу тупикъ съ тѣхъ многихъ преводовъ, съ древнихъ греческихъ и славенскихъ рукописныхъ харатейныхъ, и печатныхъ греческихъ и Московскихъ, и лвовскаго печатнаго анеологія написаша и предъ всѣмъ священнымъ соборомъ въ крестовой палатѣ ради общаго согласія, ежебы единомысліе содержати, чтоша при всѣхъ россійскихъ архіереехъ. И такожде смотря съ преводовъ, паче же и послѣдоваша вѣще тупику московскія печати, печатанному въ 1746 году при святѣйшемъ П. Куръ Филаретѣ Москов. и всея Россіи. Иже паче во многихъ указѣхъ и чинѣхъ согласенъ съ греческими, и славенскими харатейными, рукописными же и печатными. И еже что прилично ктому, *соборнѣ исправиша*. И того новоисправленнаго тупика, видя съ древними сходство тупики, и вѣщемъ, чинное церковное изрядство, на славу Божію и честь Пресвятой

Получая на мѣстахъ прошенія и репорты, а также бума-
ги изъ Петрозаводска, онъ полагалъ на нихъ резолюціи,
помѣчалъ на нихъ ММ и, записавъ въ свой журналъ,
отсылалъ обратно въ Петрозаводскъ съ присовокупленіемъ
собственноручныхъ распоряженій, писемъ и посланій, ко-
торые онъ писалъ архимандриту Наанаилу (впрочемъ онъ
въ это время еще не былъ архимандритомъ), протоіерею
Рождественскому, секретарю консисторіи и др. Со всѣхъ

благодѣицы нашей Бѣны и приснодѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ бла-
гоугодившихъ Гдѣ Богу. Повелѣ чтенный тупиконъ отдать въ
типографію, да правится имъ вся божеств. служба во всей ве-
ликороссійстѣй церкви немятежно. Такожде аще благоволитъ Богъ
печатати минеи, и въ тѣхъ праздничныя тупическія, марковы гла-
вы, съ того же тупика.

Присутствовавшіи убо, и слушавшіи сего тупика, съ раз-
смотрившіи же и соуставльшіи чинное его положеніе, и руками
своими подписавшіе, Архіереи суть сіи:

Пресвященніи Митрополиты

1. Корнилій, Новгород. и вели- 6. Симеонъ Смолен. и дорого-
колукій. бужскій.
2. Іоасафъ, Казанскій и Свѣяж- 7. Варсанофій Сарскій и Падан-
скій.
3. Никифоръ Астрах. и Терскій. 8. Филаретъ Нижегород. и Ала-
4. Іона Ростов. и Ярославскій. тырскій.
5. Маркеллъ Псковск. и Избор- 9. Павелъ Рязан. и Муромскій.
скій. 10. Мисаилъ, Бѣлоградскій и Обо-
янскій.

Архіепископы

1. Иларіонъ, Суждальск. и Га- 5. Іона, епископъ Вятскій и ве-
ріевскій. ликопермскій.
2. Симонъ, Вологодскій и бѣ- 6. Адріанъ, архимандритъ мо-
лоезерскій. настыря Чуда Архистратига
3. Сергій, Тферскій и Кашиинскій. Михаила.
4. Никита, Коломенскій и Ка- Въ лѣто отъ созд. 384, а отъ
ширскій. Р. по плоти Бога слова 1418
мѣсяца марта.

этихъ распоряженій, писемъ и посланій онъ оставлялъ точныя копіи, писанныя собственною рукою. Уже въ послѣдствіи, въ другія поѣздки, онъ иногда поручалъ и мнѣ списывать копіи съ отсылаемыхъ предписаній.

Объ изображеніяхъ Спасителя въ „архіерейскомъ облаченіи“.

Во многихъ приходскихъ церквахъ и даже градскихъ соборахъ, на горнемъ мѣстѣ, а иногда надъ царскими вратами, изображается Спаситель сидящимъ на престолѣ славы, въ »архіерейскомъ облаченіи«, съ предстоящими Богоматерью и св. Іоанномъ Крестителемъ, и образъ сей носитъ названіе »Деисусъ«.

Между тѣмъ въ одномъ изъ современныхъ періодическихъ изданій свѣтской литературы появилось мнѣніе или свѣдѣніе, что выше-сказанное изображеніе Спасителя, т. е. въ архіерейскомъ облаченіи, вошло въ Россіи въ употребленіе только со времени царствованія Екатерины в., а до того подобнаго изображенія нигдѣ въ церквахъ, будто бы, не было, и потому, какъ нововведеніе и несоотвѣтственное съ дѣйствительностію, потому что Спаситель не былъ »архіереемъ«, должно подлежать отмѣнѣ или упраздненію.

Не входя въ разсмотрѣніе вопроса: дѣйствительно ли сказанное изображеніе вошло въ церквахъ въ употребленіе только со времени Екатерины в., предоставляя это »Археологіи«, мы ограничиваемся разсмотрѣніемъ этого вопроса съ религіозно догматической точки зрѣнія.

Что Спаситель—Господь нашъ Іисусъ Христосъ не имѣлъ на себѣ, такъ-сказать, официально архіерейскаго сана и не облачался въ архіерейскія облаченія,—въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Онъ только основалъ на землѣ *церковь, юже стлжа кровію Своею* (Евр. 13, 12. Апок. 5, 9).

Не смотря на то, Самъ Иисусъ Христосъ имѣлъ власть архіерея, когда, являсь ученикамъ по Своемъ воскресеніи, далъ имъ власть совершать таинства, напр. крещенія: *Шедше убо научите вся языки крестяще ихъ во имя Отца и Сына, и Святаго Духа* (Матѳ. 28, 19), и покаянія: *И сіе рекъ, дуну и глагола имъ: пріимите Духъ Святъ: Имъ же отпустите грѣхи отпустятся имъ: и имъ же держите—держатся* (Іоан. 20, 22. 23). И св. Его Апостолы, хотя не именовались епископами или архіереями, тѣмъ не менѣе всѣ облечены были саномъ и властію епископскою. Таѣ въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ читаемъ: *Отъ Мелита же (Павель) пославъ во Ефесъ, призва пресвитери церковныя... и рече къ нимъ: Внимайте себѣ и всему стаду, въ немъ же васъ Духъ Святый постави епископы, пасти церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію Своею* (Дѣян. 20, 17, 28). И еще: Апостолы Павелъ и Варнава, возвратившись въ Листру, и Иконію и Антіохію, *утверждающе души учениковъ (вѣрующихъ), рукоположили же имъ пресвитеры на вся церкви, и помолившися съ постомъ, предаша ихъ Господеву, въ него же увѣроваша* (Дѣян. 14, 21—32). Такимъ образомъ св. Апостолы, хотя и не изображаются въ архіерейскихъ облаченїяхъ, тѣмъ не менѣе всѣ они были по власти архіереями. Если и Апостолы были таковыми, а сію власть имѣли они отъ Господа Иисуса Христа, то тѣмъ болѣе это наименованіе приличествуетъ Ему. И Его, слѣд., благоприлично и праведно изображать въ архіерейскомъ облаченіи. По слову Апостола, *меньшее отъ большаго благословляется* (Евр. 7, 7). Если Иисусъ Христосъ поставилъ Своихъ Апостоловъ епископами или архіереями: то тѣмъ болѣе Онъ Самъ былъ архіерей—первосвященникъ въ высшемъ значеніи сего слова; что же здѣсь несообразнаго, если и

изображать Его въ семь, присвоенномъ архіереямъ, облаченіи. У св. Ап. Павла мы находимъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ, дающихъ Спасителю наименованіе Архіерея. Такъ мы читаемъ: *Имуще убо Архіерея велика, прошедшаго небеса, Иисуса Сына Божія, да держимся исповѣданія* (нашего) (Евр. 4, 14). *Аще и Сынъ бже, обаче навывче отъ сихъ, яже пострада, послушанію: нареченъ отъ Бога первосвященникъ, по чину Мелхиседекову,* (Гл. 5, ст. 8. 10). *Христосъ пришедъ Архіерей грядущихъ благъ, большею и совершеннѣйшею скиніею, нерукотворенною...* *Своею кровію вниде единою во святая* (во святилище), *вѣчное искупленіе обрѣтый* (Евр. 9, 11. 12). Так. обр. не только нѣтъ ничего противнаго и несоотвѣтственнаго въ изображеніи Спасителя въ архіерейскомъ облаченіи, и оное не должно измѣнять и отиѣнять, но напротивъ въ этомъ состоитъ полное и самое согласнѣйшее соотношеніе съ Его высокимъ посланничествомъ, которое Онъ совершилъ, какъ *Архіерей прошедшій небеса,* и Своею кровію принесть умилоостивительную жертву правосудію Божію, вѣчное искупленіе намъ приобрѣтши (Евр. 9, 12).

Что же касается предстоящихъ Ему лицъ: Богоматери и св. Іоанна предтечи, то и въ семь великая тайна и промыслительное о насъ смотрѣніе Божіе. О Божіей Матери Богоотецъ Давидъ въ пророческомъ духѣ возвѣщалъ: *Предста Царица одесную Тебе* (Псал. 44, 10). И св. Церковь простираетъ къ Ней молитвенный гласъ: *»Яко не имамы дерзновенія за премногія грѣхи наша. Ты иже отъ Тебе Рождагося моли Богородице Дѣво: много бо можетъ моленіе Матернее ко благосердію Владыки!«* (Богород. часа 6-го). Что же касается предстоянія съ другой стороны сѣдящаго на престолѣ славы Спасителя, лица св. Іоанна Крестителя, то св. Церковь называетъ его изъ *»пророковъ честнѣйшимъ, яко и въ струяхъ (Іорданскихъ) сподобился крестити Проповѣданнаго«* (Троп. Предтечи). И самъ Спаситель засвидѣтельствовалъ о немъ: *Чесо изыдосте ви-*

дѣти? Пророка ли? Ей глаголю вамъ, и лишише пророка. Глаголю бо вамъ: болѣе въ рожденныхъ женами пророка Іоанна Крестителя никто же есть (Лук. 7, 26. 28).

Такимъ образомъ какъ изображеніе Спасителя въ «архіерейскомъ облаченіи» согласно съ самымъ понятіемъ о служеніи І. Христа какъ первосвященника, такъ и предстоящія лица Богоматери и Крестителя Іоанна весьма благоподобно здѣсь представляются какъ ближайшіе предстоятели славы Божіей и какъ ближайшіе и теплѣйшіе предстатели у Него о временномъ нашемъ благополучіи и вѣчномъ спасеніи душъ нашихъ.

Протоіерей Григорій Дюковъ.

Святыхъ Горы.

Мѣры предосторожности по поводу несчастныхъ случаевъ отъ керосина.

Одинъ изъ значительныхъ, а вмѣстѣ и неизбѣжныхъ расходовъ въ зимнее время составляетъ освѣщеніе. Не говоря уже о свѣчахъ стеариновыхъ и сальныхъ, даже дымная лучина—и та въ мѣстностяхъ безлѣсныхъ обходится недешево. Большую услугу въ этомъ отношеніи оказываетъ нынѣ керосинъ. Сдѣлавшись самымъ обычнымъ и распространеннымъ матеріаломъ освѣщенія въ городахъ, онъ, благодаря своей дешевизнѣ, начинаетъ быстро распространяться и въ селеніяхъ; многіе крестьяне бросаютъ заветный свѣтецъ и покупаютъ недорогія лампы, находя керосинъ выгоднѣе, но крайній мѣръ удобнѣе лучины. Только вотъ бѣда: если лучина, при неосторожномъ обращеніи съ нею, часто превращала цѣлыя селенія въ груды пепла, то керосинъ представляетъ собою несравненно большую опасность. Послѣдствіемъ неосторожнаго обращенія съ керосиномъ бываютъ не пожары только, а—что еще ужаснѣе—невыносимыя страданія и мучительная смерть людей.

О несчастныхъ случаяхъ неосторожнаго обращенія съ керосиномъ нѣтъ надобности упоминать, такъ какъ это извѣстно читателямъ изъ разныхъ газетъ и еп. вѣдомостей.

По поводу часто повторяющихся несчастных случаев от керосина, указывают на слѣдующія мѣры предосторожности:

1) Употребляющіе постоянно керосиновое освѣщеніе должны принять за правило—наливать керосинъ непремѣнно днемъ, безъ огня. Для этого каждый день, въ извѣстную пору, должно осматривать лампу, не нужно ли дополнить ее.

2) Если необходимость заставить налить керосинъ ночью или вечеромъ, уже при огнѣ, то нужно при наливаніи держать свѣтъ (обыкновенно свѣчу или лампу) какъ можно дальше отъ лампы и непремѣнно выше ся, т. е. свѣтить сверху и по возможности издалека.

3) Никонмъ образомъ не слѣдуетъ наливать керосинъ въ горящую лампу, не потушивши ее.

4) Лампы висячія (на потолокъ или на стѣнѣ) слѣдуетъ зажигать на мѣстѣ, а не поднимать зажженные, потому что при поднятіи ихъ рука можетъ дрогнуть,—керосинъ плеснется изъ лампы и обольетъ поднимающаго, при чемъ мгновенно воспламенится и въ самой лампѣ, и на человѣкѣ.

5) Лампы слѣдуетъ вѣшать или ставить такъ, чтобы ихъ не могли толкнуть при вставаніи со стула, изъ-за стола и проч.; дешевыя лампы, обыкновенно слишкомъ легкія, ставя на столъ или окно, надобно *утверждать* такъ, чтобы онѣ не могли качнуться, никонмъ образомъ не слѣдуетъ ставить лампы *на край* стола, окна и под.

6) Обыкновеніе ходить съ зажженною маленькою лампою представляетъ большую опасность, и потому, какъ дѣло рискованное, должно быть оставлено. *Береженого и Богъ бережетъ*, говоритъ хоть нескладная, да вѣрная русская пословица.

На случай несчастія желалось бы знать и средства для тушенія керосина. Къ сожалѣнію, ни наука, ни опытъ не указали еще дѣйствительныхъ и вполнѣ доступныхъ средствъ. Въ статьѣ доктора Вейденбуша Смол. Епарх. Вѣдомости (№ 8) указываютъ слѣдующія соображенія по этому предмету.

»Такъ какъ керосинъ, сказано въ этой статьѣ, нуждается для горѣнія въ гораздо большемъ притокѣ воздуха, чѣмъ спиртъ и другія воспламенительныя вещества, то самое вѣрное средство быстро потушить керосинъ—это преградить къ нему притокъ воздуха. Для этого лицо, охваченное пламенемъ горящаго керосина, должно немедленно броситься на полъ той стороной, которая горитъ и стараться предупредить распространеніе пламени на уцѣлѣвшую сторону. При этомъ нужно поспѣшить прикрыть горящаго находящимися подъ рукой одеялами, коврами, екатертями, верхнимъ платьемъ и пр. не опасаясь, что эти предметы сами загорятся, такъ какъ для этого нужно больше времени, чѣмъ для того, чтобы потушить пламя. Само собою разумѣется, что эти предметы должны какъ можно тѣснѣе прижиматься къ тѣлу, чтобы закрыть доступъ воздуха. За недостаткомъ такихъ предметовъ, пострадавшій можетъ пособить себѣ уже тѣмъ, что будетъ кататься по полу той стороной тѣла, на которой загорѣлась одежда, притягивая къ себѣ, конечно, все, что имѣется подъ рукой изъ ковровъ, екатертей и проч., чтобы быстрѣе потушить пламя.

Современныя Извѣстія (№ 87) указываютъ болѣе дѣйствительное средство для тушенія воспламенившагося керосина. »Опытомъ дознано, говоритъ газета, что паръ хлороформа быстро гаситъ пламя керосина. Горючіе газы, политые хлороформомъ, при его испареніяхъ мгновенно теряли свое взрывчатое свойство, даже свою горючесть«. Можетъ быть, это средство и вполнѣ дѣйствительно; но къ сожалѣнію не вполнѣ оно сподручно, особенно въ той средѣ, для которой главнымъ образомъ предназначена настоящая статья.

Не находя другихъ положительныхъ средствъ, мы не должны опускать изъ виду и отрицательныхъ, указываемыхъ опытомъ. Вотъ побуда одно изъ таковыхъ: не слѣдуетъ гасить горящій керосинъ водою—точно также, какъ и горящее масло; вмѣсто пользы, вода причинитъ только страшный вредъ.

РУКОВОДСТВО

Д Л Я

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
четыре руб., съ пересылкою пять № 23.
рублей сереб.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при кievской
семинаріи.

1879 года. Іюня 3-го.

Содержаніе. Затруднительное положеніе приходскаго священника въ нѣкоторыхъ случаяхъ его пастырской практики.—Важное значеніе медицинскихъ свѣдѣній для приходскаго пастыря.—*Въ приложеніи:* Бесѣда ПІ-я на первую заповѣдь закона Божіа (окончаніе).—Слово на погребеніе священника, отца Θεодора Аверкіевича Пушнова, настоятеля Кіево-Подольской Покровской церкви.

Затруднительное положеніе приходскаго священника въ нѣ- которыхъ случаяхъ его пастырской практики.

Въ простомъ *неразвитомъ* людѣ однимъ изъ крайне-грустныхъ и печальныхъ явленій, какъ извѣстно всякому *развитому* человеку, служить жестокое, подъ часъ варварское даже обращеніе мужа съ женою. Невѣжество этого люда и унаслѣдованная имъ отъ отцевъ, дѣдовъ и прадѣдовъ грубость нравовъ, по которой жестокий мужъ, дѣлаетъ разнообразныя истязанія надъ женою своею, безъ всякаго сомнѣнія, должны быть уничтожаемы, искореняемы просвѣтителемъ и цивилизаторомъ народа, пастыремъ церкви... Но отъ пастырей церкви не ускользаетъ, конечно, и то, что ненаслѣдственная только невѣжественность, не фальшивые только взгляды простаго наряда на женщину служатъ прямою при-

чиною ненормальныхъ его отношеній къ женамъ своимъ: одною изъ такихъ причинъ, и притомъ весьма сильною, служить то, что въ неразвитомъ людѣ мужчина и женщина в. часто сочетаются бракомъ не по свободному своему собственному избранію, а по избранію одному невѣсты, другой жениха, ихъ родителями, хотя бы къ избраннымъ лицамъ женихъ и невѣста не чувствовали ни малѣйшаго влеченія, — напротивъ чувствовали даже полнѣйшее отвращеніе. Имѣя это въ виду, т. е. зная, что неразумные родители часто, противъ воли дѣтей, принуждаютъ ихъ вступать въ бракъ, — пастыри хорошо дѣлаютъ, что въ бесѣдахъ съ церковной каѳедры внушаютъ родителямъ, сколь неблагоразумны, противозаконны и грѣшны и какими гибельными послѣдствіями сопровождаются таковыя ихъ поступки въ отношеніи къ дѣтямъ. Прибѣгать къ этому средству, для предотвращенія подневольныхъ браковъ, для многихъ пастырей не составляетъ, бытъ можетъ, и большаго труда... Но для искорененія этого зла недостаточно одной лишь проповѣди съ церковной каѳедры. Проповѣдь или не поймется, или намѣренно обойдется непониманіемъ, или-же вовсе не дойдетъ до слуха тѣхъ, до кого она должна дойти. И вотъ, не смотря на проповѣди подобныя, пастырь, по совершеніи браковъ, часто узнаетъ, что тотъ или другой изъ супруговъ вступили въ бракъ совершенно противъ своей собственной воли, — единственно лишь по настоянію, приказанію, принужденію со стороны ихъ родителей, — и, послѣ брака, клянутъ свою подневольную судьбу и виновниковъ ея, — узнаетъ иногда и еще горшее... Конечно, брачущіеся имѣли случай даже въ самой церкви, торжественно, не изъявить своего согласія на вступленіе въ совершаемый бракъ, — но для сего нужно имѣть самый сильный, рѣшительный характеръ, которымъ обладаютъ, какъ извѣст-

но, немногіе смертныя,—и если у брачующихся не стало силы воли противостать насилію дома, ранѣе брака, то было-бы слишкомъ удивительно, если бы сила эта проявилась у нихъ въ храмѣ, при совершеніи брака: и вотъ,—за частую,—торжественно, предъ лицомъ Бога и Церкви, брачующіеся принуждены бывають лгать!... Чтобы предотвратить это зло и его плачевныя послѣдствія, кромѣ проповѣди съ церковной кафедрѣ, пастырь церкви долженъ, очевидно, предпринимать и другія мѣры: мѣры противъ этого онъ долженъ принимать непосредственно предъ совершеніемъ каждаго брака,—онѣ предполагаются и требуются даже самою формою предбрачнаго обыска, въ которомъ пишется, обыкновенно, что »женихъ и невѣста вступають въ бракъ по своему взаимному желанію и согласію, а не по принужденію«... Къ сожалѣнію, на этотъ пунктъ брачнаго обыска пастыри церкви по большей части не обращаютъ того вниманія, какого онъ вполнѣ заслуживаетъ. Дѣло предбрачное по большей части у насъ—на селахъ—дѣлается такъ: родители заявляютъ о своемъ желаніи сыграть свадьбу: стало быть, заключаютъ пастыри, и дѣти, предположенные къ браку, имѣють на этотъ бракъ полное свое желаніе и согласіе, и, не справляясь у самихъ дѣтей о дѣйствительности ихъ желанія и согласія, вѣнчаютъ ихъ и кончено... А между тѣмъ справляться о томъ у дѣтей слѣдовало бы... Бываетъ, хотя и очень рѣдко, что и сельскихъ священниковъ зовутъ на помолвку жениха и невѣсты для благословенія начатаго ими дѣла; при этомъ случаѣ не трудно, и безъ вопросовъ даже со стороны пастыря, узнать ему объ истинныхъ намѣреніяхъ жениха и невѣсты... А не зовутъ священника на помолвку,—ему, въ силу предбрачнаго обыска, самому слѣдуетъ призывать къ себѣ на домъ и жениховъ, и невѣстъ, и спрашивать отдѣльно тѣхъ и другихъ,—

добровольно ли они хотятъ вступить въ бракъ съ указаннымъ ихъ родителями лицомъ, или-же сами желанія къ тому не имѣютъ, а хотятъ брачиться единственно лишь по принужденію со стороны своихъ родителей... Такимъ образомъ пастырь церкви свои хорошія слова, сказанныя имъ съ церковной кафедры, долженъ прилагать къ дѣлу... Но теперь то, при дѣятельномъ проведеніи своего слова въ жизнь, пастырю церкви дѣйствовать несравненно труднѣе, чѣмъ на церковной кафедрѣ... Здѣсь, на практической почвѣ, онъ можетъ встрѣтиться иногда съ неразрѣшимыми для него недоумѣніями... Требуется, для совершенія брака, »добровольное взаимное желаніе и согласіе жениха и невѣсты«: но требуется еще, тою-же формою брачнаго обыска, и »благословеніе, дозволеніе родителей на вступленіе дѣтямъ въ бракъ«, т. е. родители могутъ благословить, дозволить дѣтямъ вступить въ бракъ, а могутъ и не дозволить: стало быть, они могутъ ограничить и стѣснить »добровольное взаимное желаніе и согласіе жениха и невѣсты«... Какъ тутъ быть, что дѣлать священнику, какъ соблюсти законы, если воля родителей относительно брака не согласна будетъ съ желаніемъ дѣтей, и на оборотъ? Хорошо, если пастырь своими совѣтами и вразумленіями достигнетъ того, что скоро согласить воли тѣхъ и другихъ—и родителей и дѣтей. А если нѣтъ? Отказаться отъ вѣнчанія брака? Это было бы легко и просто, но въ такомъ случаѣ бѣольшая часть браковъ была-бы у насъ только въ предположеніи, а не на дѣлѣ,—а это не могло-бы не отозваться на народѣ большимъ нравственнымъ зломъ... Мнѣ кажется, что, въ случаѣ несогласія волей, пастырю церкви, для достиженія въ концѣ концовъ все-таки этого соглашенія, слѣдуетъ принять на себя *рѣшающій голосъ*—слѣдуетъ стать на чью-либо сторону *рѣшительно*... Если рѣшительно онъ станетъ на

сторону дѣтей: онъ можетъ сломить упрямство родителей; если рѣшительно станетъ на сторону родителей: можетъ, при благоразуміи своемъ, извлечь добровольное не вынужденное рѣшеніе дѣтей... Но на чью сторону пастырь рѣшительно долженъ стать въ этомъ случаѣ, чтобы не погрѣшить предъ Богомъ и своею совѣстію: на сторону ли родителей, или на сторону дѣтей?... Трудный для пастыря вопросъ, при всемъ томъ, что тѣ или другіе *внѣшніе* знаки должны бы, по видимому, дать ему легкій и скорый отвѣтъ на него!.. Извѣстно, что *отцы многоопытны: дѣти малоопытны*; родители желаютъ дѣйствительнаго, осязательнаго блага своимъ дѣтямъ: дѣти блага этого часто не понимаютъ еще хорошенько, и ихъ рѣшеніями и поступками нерѣдко управляютъ минутныя влеченія, страсти, которыя, какъ извѣстно, *ослабляютъ* человѣка, — не даютъ ему видѣть свѣта и людей въ ихъ настоящемъ видѣ, — заставляютъ принимать мнимыя достоинства за дѣйствительныя, ложь за истину, и на оборотъ... Пастырю стать на сторону дѣтей въ этомъ случаѣ значитъ отдать ихъ обману ихъ собственныхъ чувствъ и горькому впоследствии разочарованію, которое наступитъ сейчасъ-же, лишь только пылъ страсти пройдетъ и обманъ чувствъ обнаружится во всей его наготѣ... Съ другой стороны, никто, конечно, не станетъ отрицать, что могутъ быть (даже скорѣе) и у простаго народа привязанности другъ къ другу сильныя и глубокія, имѣющія основаніемъ для себя не тѣлесныя, не внѣшнія только достоинства извѣстныхъ лицъ, но и душевныя, а стало быть и у неразвитыхъ людей можетъ заключаться между собою союзъ духовно-нравственный, который съ лѣтами не ослабляется, но болѣе и болѣе укрѣпляется... Понятное дѣло, — пастырю церкви нужно быть *прозорливымъ*, — надо хорошо, со всѣхъ сторонъ, знать *не настоящее только положеніе* лицъ, же-

лающихъ брачиться, но и, по возможности, *предвидѣть будущую ихъ судьбу*, чтобы безошибочно рѣшить: на чью сторону стать ему-на сторону-ли дѣтей, или на сторону ихъ родителей, въ случаѣ несогласія между собою тѣхъ и другихъ. А кто изъ насъ можетъ похвалиться прозорливостію и даромъ предвидѣть будущее?! При слабости своихъ духовныхъ силъ, пастырь церкви, поставляемый *жизнію въ затруднительное положеніе*—принять на себя тотъ или другой рѣшающій голосъ, естественно, долженъ колебаться въ намѣреніи принять на себя этотъ голосъ, а затѣмъ и всю нравственную отвѣтственность за свое рѣшеніе: колебаніе же это легко можетъ привести пастыря къ тому, что онъ откажется въ душѣ своей отъ рѣшающаго голоса—прямаго, открытаго, и предоста- вить рѣшеніе дѣла теченію обстоятельствъ...

Къ такому именно колебанію пришелъ и такъ нерѣшительно дѣйствовалъ недавно одинъ, хорошо знакомый мнѣ пастырь, вызванный *жизнію такъ или иначе вліять на устройство жизненной судьбы двухъ лицъ*... Онъ передалъ мнѣ исторію совершеннаго имъ, при этихъ нерѣшительныхъ способахъ дѣйствованія, брака,—въ тѣхъ видахъ, чтобы узнать отъ меня: благоразумно, или нѣтъ дѣйствовалъ онъ въ этомъ случаѣ? Я, съ своей стороны, тоже не могъ успокоительно отвѣтить ему на поставленный имъ вопросъ, и сказалъ ему только, что на его мѣстѣ, кажется, точно-бы также и я поступилъ, какъ поступалъ онъ — Предлагаю вниманію читателей переданный мнѣ знакомымъ моимъ »разсказъ«,—съ тою, между прочимъ, цѣлію, чтобы вызвать многостороннее и многоопытное обсужденіе вытекающихъ изъ него вопросовъ.

»Въ нынѣшней моей пастырской практикѣ«,—началъ разсказъ свой мой знакомый,—»былъ одинъ случай, поставившій меня въ затруднительное положеніе... Какъ

быть, что дѣлать?—ставилъ я себѣ вопросъ при этомъ случаѣ. Конечно, событія не замедлили дать отвѣтъ свой на этотъ вопросъ: но я, призванный участвовать въ движеніи этихъ событій, до сихъ поръ нелюбимъ, правильно-ли я поступилъ тутъ, или нѣтъ... Дѣло вотъ въ чемъ: въ селѣ у насъ одинъ прихожанинъ мой, многосемейный и несовсѣмъ богатый человѣкъ, выдавалъ нынѣ въ замужество свою дочку-дѣвицу... Дѣвица эта слыла у насъ за деревенскую красавицу,—грамотная была и очень-очень не глупая. Не въ такой глуши, какъ у насъ, и при лучшихъ матеріальныхъ средствахъ, ее взяли-бы, конечно, въ замужество женихи и хорошіе во всѣхъ отношеніяхъ, и богатые—такіе, какихъ она вполне заслуживала-бы... »Но не то ей пало на долю«, хотя женихъ крестьянинъ, пріѣхавшій свататься къ ней, и казался всѣмъ *постороннимъ* и хорошимъ, и богатымъ... Пріѣхалъ свататься онъ къ ней въ энотовой шубѣ,—въ безукоризненныхъ пальто и сюртукѣ; собой очень не дурень; держать себя не по мужичьи, а точно бы чиновникъ какой; сваха, съ которой пріѣхалъ онъ, одѣта богато по деревенски; она-жена довольно значительнаго петербургскаго полрадчика, роднаго брата женихова, живущаго съ нимъ, однако, въ раздѣлѣ... Родители невесты непрочь породниться съ пріѣхавшими, и на другой день послѣ пріѣзда къ нимъ жениха со свахой поѣхали, по обыкновенію нашему, смотрѣть домъ жениховъ, куда положили въ душѣ своей выдать свою дочку... Въ домѣ у жениха, кромѣ его, живутъ еще: мать жениха, »невыданная« сестра его, родной братъ съ женой и съ дочкой, итого 6 человѣкъ; нашу невесту привели-бы туда 7-ю... У нихъ три хорошія, чистыя, бѣлыя избы; одежды разной многое множество, ведерный самоваръ, скотины много, хлѣба и проч. и пр... Всѣ, съ кѣмъ доводилось родителямъ говорить о женихѣ и его домѣ,

какъ будто стакнувшись, отзывались о нихъ съ наилучшей похвалою: »и домъ-де, говорили, богатый, а женихъ-чести приписать! и хорошій земледѣлецъ, и хорошій плотникъ, и хорошій портной, и хорошій маляръ, словомъ: промышленный человѣкъ!«... »На что лучше этого мѣста для нашей дочки?« думаютъ родители: »пріѣзжайте«,—сказали они жениху и роднымъ его, »на Богомолье!«... Пріѣхалъ женихъ съ родными на Богомолье въ наше село... Прихожанинъ зоветъ меня благословить начатое у нихъ дѣло... Я пошелъ... Женихъ и пріѣхавшіе съ нимъ родные его произвели на меня благопріятное впечатлѣніе: »счастлива неvěста наша!« думалъ я про себя, сообразивъ все, что слышалъ о женихѣ и богатомъ его домѣ ранѣе... Что-же неvěста? Невѣста блѣдная, печальная, съ заплаканными глазами, нехотя выходитъ изъ перегородки (изъ смежной комнаты), чтобы встать и стоять съ женихомъ при совершеніи молитвословія, и тотчасъ-же послѣ того съ тѣмъ-же печальнымъ видомъ, туда-же скрывается... Я приписалъ все это и тому подобное ей дѣвическому стыду и скорби о кровѣ родительскомъ, подъ которымъ она прожила молодые годы и изъ подъ котораго вотъ-вотъ увезутъ ее, Богъ вѣсть куда!... Ошибся я, однако, въ своихъ предположеніяхъ... На другой день, послѣ благословенія мною начатаго въ домѣ прихожанина моего свадебнаго дѣла, отецъ неvěсты приходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Батюшка, пожалуйста исповѣдать и пріобщить неvěсту!.

— Что такое? съ удивленіемъ спрашиваю я.

— Невѣста захворала,—желаетъ причаститься,—отвѣчаетъ.

Отъ него и еще отъ нѣкоторыхъ лицъ узналъ я, что ранѣе упомянутаго жениха пріѣзжалъ свататься къ

невѣстѣ нашей ближній, хорошо извѣстный всѣмъ намъ, женихъ... Деревенскія бесѣды наши, вечернія собранія молодыхъ дѣвицъ съ парнями не доведутъ, вѣдь, до добра!.. У насъ нѣтъ, конечно, такого обычая и крестьянскаго правила, какія есть въ иныхъ мѣстахъ, чтобы каждая молодая дѣвица шѣла себѣ друга, молодаго парня, и до брака еще жила съ нимъ, какъ жена съ мужемъ: тамъ, въ этихъ иныхъ мѣстахъ, дѣвицъ, не пріискавшихъ себѣ подобныхъ пріятелей, зазирають и говорятъ имъ прямо: «на что ты годна?!. Тебя ни одинъ парень не можетъ полюбить!!» Тѣмъ не менѣе и въ нашихъ мѣстахъ, при всей строгости нравовъ и при всей цѣломудренности молодыхъ людей, зло не малое происходитъ отъ частыхъ свиданій на вечернихъ бесѣдахъ молодыхъ дѣвицъ съ молодыми парнями, и зло это, между прочимъ, заключается въ томъ, что достойныя молодыя дѣвушки, почувствовавши въ себѣ *потребность любить*, за неимѣніемъ достойныхъ мужчинъ, воспитываютъ въ себѣ сердечныя привязанности къ недостойнымъ... Первый женихъ, который пріѣзжалъ свататься къ нашей невѣстѣ, успѣлъ заронить въ ея сердце сердечную привязанность къ своей особѣ, но невѣсты этой онъ не былъ достоинъ, и потому съ отцемъ ея у него не сладилось дѣло... Первый женихъ казался всѣмъ намъ и бѣднѣе, и во всѣхъ отношеніяхъ хуже втораго.. Но велика сила первой привязанности!... Невѣстѣ противнымъ казался этотъ второй женихъ, и милъ былъ первый, хотя, тотчасъ по выходѣ за него въ замужество, она должна была-бы переселиться изъ своей чистой бѣлой избы въ небольшую дымную, чадную, черную избу, въ которой проживаетъ 10 человѣкъ семьи по зимамъ виѣстъ съ лошадыю въ иное время,—въ другое-съ коровами, курами, телятами, овцами и ягнятами и т. п... На колѣняхъ, заливаясь слезами,—какъ узналъ

послѣ, —она умоляла отца не ѣздить къ противному ей жениху смотрѣть домъ его, но отецъ остался непреклоннымъ и въ отвѣтъ на ея мольбу наградишь плачущую дочь свою пинками, ругательствами, *проклятіями*, и объявилъ ей рѣшительно, что »если она не пойдетъ за этого жениха, то и за перваго онъ не выдастъ ее ни подъ какимъ видомъ, и на вѣкъ засадить ее въ дѣвкахъ«.. Противъ воли, стало быть, вывели ее на Богомолье, противъ воли, —она молилась съ немымъ... И вотъ грусть-тоска начала грысть-точить ея сердце, и она заболѣла!... Я понялъ причину болѣзни ея. Прихожу въ домъ прихожанина; невѣста лежитъ на постели... Не разсудилъ я лечить ее средствами вышеестественными, и предложилъ лекарства естественныя... Я предложилъ уничтожить причину болѣзни. Я объявилъ родителямъ, чтобы они не стѣсняли невѣсту въ свободѣ ея выбора, а невѣстѣ сказалъ, что и мое мнѣніе относительно достоинствъ втораго жениха такое-же, какъ и ея родителей, но что, при всемъ томъ, если онъ не нравится ей, она можетъ отказаться отъ него, когда угодно, даже въ храмѣ, при вѣчаніи... Указывая ей на свободу выбора и на ея права, я думалъ и ожидалъ, что при своемъ собственномъ, ни отъ кого независимомъ, размышленіи, она сама придетъ къ тѣмъ-же мыслямъ и заключеніямъ, къ какимъ пришли относительно устройства ея судьбы и ея родители. —Что до невѣсты, то она, какъ впоследствии узналъ я, сначала слышала мои слова, но потомъ... потомъ слышала позади себя, за спиной (хотя никого тутъ не было) чей-то посторонній голосъ: »вотъ пришелъ сказки-то рассказывать, —не слушай его, —спи!« —услышала этотъ голосъ и дѣйствительно сейчасъ же уснула... А отецъ ея не понялъ моей цѣли и тактики, и тутъ-же, при мнѣ, крайне раздраженнымъ и гнѣвнымъ голосомъ сталъ кричать (онъ глухъ) безмолвно лежавшей на по-

стели дочери: *если ты не пойдешь за этого жениха: будь отъ меня анаѳема-прѣклята!*... Я сдѣлалъ ему приличное вразумленіе и ушелъ изъ его дома, предоставивъ времени рѣшить поднятый жизнью вопросъ... Между тѣмъ съ той и другой стороны-и со стороны жениха, и со стороны неvěсты-начинаются приготовленія къ назначенному свадебному дню, приглашаются на бракъ родные, закушаются наряды, *ястіе и питіе*, и тому подобное... Что-же дѣлалось съ неvěстой, пока шли эти приготовленія? Въ одно прекрасное утро отецъ неvěсты бѣжитъ ко мнѣ взволнованный-разстроенный до чрезвычайности, и плачущимъ голосомъ говорить мнѣ:

— Батюшко! неvěста у насъ пропала!...

— Какъ?! Это что еще за новости?..

— Съ полуночи,—отвѣчаетъ,—хватились ее,—обшарили весь домъ, всѣ сарай,—обходили всѣ овины, ходили *секретно* по деревнямъ, и—не нашли!! Ужъ не повѣсилась-ли гдѣ она?!—присовокупилъ онъ и-зарыдалъ...

Трагическая минута!..

Я не зналъ сначала, что сказать ему, что посоветовать,.. наконецъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, старался, какъ могъ, успокоить отца неvěсты и обнадежить, что его дочь найдется.

День проходитъ въ новыхъ поискахъ неvěсты и .. безуспѣшно... Навонецъ, къ вечеру одной искавшей ее женщины неvěста сама въ полѣ идетъ на встрѣчу и восклицаетъ: *матушка*, говорить, *Христина Ивановна!*—*Видно ты помолилась обо мнѣ??*. Привели ее домой,—всю обмерзающую,—окоченѣлую; стали ей оттирать руки и ноги виномъ...

— Гдѣ ты была? Какъ ты ушла изъ дому? спрашиваютъ ее.

— Мена,—отвѣчаетъ она,—разбудила ночью Наталья (сестра ея), стоитъ она около меня съ зажженной лучиной и

»отчиркивается« угольки: »пойдемъ, говорить, Евгенья, сходимъ на дворъ«; тятенька тоже не спалъ, глядитъ на меня и говоритъ: »да надѣнь, говорить, дура пальто« (на самомъ дѣлѣ ничего этого не было); я вышла на дворъ,... и тутъ, не помню уже какъ, очутилась въ полѣ; кто-то какъ будто несъ меня по воздуху; я видѣла огоньки въ деревняхъ; принесли меня въ лѣсъ; связали назадъ руки и хотѣли вѣшать на деревѣ. Я противилась,—страшные голоса кричатъ мнѣ: *батъко, батъко твой намъ отдай тебя!!* и т. п. Я выбилась изъ силъ, и безъ чувствъ, зѣмертво упала въ лѣсу на снѣгъ... Я думала,—все это снится мнѣ... Не знаю, долго ли я лежала тутъ; пробудилась и оказалась въ полѣ, въ снѣгу, около огорода; я собрала силы, встала и пошла... И захотѣлось мнѣ ѣсть сильно; вдругъ въ рукахъ у меня оказались двѣ большія сырыя рыбы; глазками глядятъ на меня, точно смѣются,—головку у одной я и съѣла... И такая противная мнѣ показалась рыба,.. я бросила ее въ полѣ, сходите, поищите посмотрите... Пошла я дальше, стала узнавать знакомыя мѣста; Христина Ивановна тутъ и встрѣтилась со мной..

Невѣста все это рассказывала порывистымъ голосомъ, глаза у ней были блуждающіе; съ ней стали дѣлаться припадки забытья, сумасшествія, бѣснованія...

— Батюшко! просить меня опять прихожанинъ мой: невѣста нашлась,—недавно пришла изъ лѣсу, вся окоченѣлая, забывается теперь часто, заговорить вдругъ... Богъ вѣсть что, а то вдругъ захохочетъ, али заплачетъ; потрудитесь, пожалуйста ко мнѣ въ домъ отпѣть молебень.

Прихожу я къ прихожанину въ домъ пѣть молебень. Невѣста сидитъ на лавкѣ; глаза у ней устремлены въ одну сторону; ей что-то какъ будто представляется, кому то отвѣчаетъ она: »да,.. ну«... и т. п. Послѣ узналъ я, что ей представляли бѣсы разныя видѣнія: такъ, напримѣръ,

представлялся ей въ комнатномъ воздухѣ небольшой, круглый шаръ, изъ котораго непрестанно выпускались толстою ниткой петли, и этими петлями, какъ сѣтями, опутывались двери дома, всѣ окна и т. д.; слышался ей также страшный сильный голосъ за стѣной избы на улицѣ, говорившій обо мнѣ: »не слушай дѣвица его! не слушай!« и т. п. Я отпѣлъ молебенъ, благословилъ ее ерестомъ, противъ воли ея далъ ей пить св. Богоявленской воды; она выплюнула ее, и... я ушелъ. Вскорѣ, однакожъ, послѣ моего ухода припадокъ съ невѣстой прошелъ; ночью только слышались ей грозные голоса: *мы опять придемъ за тобой! Опять унесемъ тебя!..*

На другой день меня зовутъ для пѣнія молебна въ церковь. Прихожу, жду: невѣсту едва ведутъ подъ руки, и она совершенно въ безсознательномъ состояніи, которое возвратилось къ ней предъ самымъ входомъ ея въ церковь. Послѣ молебна я хочу дать ей св. воды: она стиснула зубы, сжала кулаки, изнеможенная повисла на рукахъ держащихъ ее; едва—едва, насильно, я могъ дать ей св. воды, которую опять же она выплюнула... Повели или лучше понесли ее, больную домой... »Вотъ такъ свадьба«. Думаю я. »Завтра женихъ пріѣдетъ на побывашки, тутъ стоворъ, а тутъ и назначенный день брака!«

Я призываю къ себѣ отца невѣсты и говорю ему:

— Откажи жениху!

— Какъ?!! Я всѣмъ домою своимъ не раздѣляюсь теперь съ нимъ за безчестье!! Женихъ съ невѣстой кольцами уже промѣнялись, а вѣдь это, батюшко, знаете, половина брака!..

— Совершенный вздоръ, что половина брака,—тутъ нѣтъ ни малѣйшей доли брака... Ты скажи, что невѣста больна, что съ ней начали случаться разныя припадки?..

— Но хорошее ли дѣло, возражаетъ онъ, открыть прямо, что невѣста припадочная, что бываетъ въ бѣгахъ, напрямъ, и проч.: этимъ я могу обезславить невѣсту и навѣкъ засадить ее въ дѣвкахъ, да и не ее одну, а пожалуй и другихъ дочекъ...

— А если, говорю я, припадки случатся съ ней при женихѣ, при родныхъ его, если случатся при самомъ вѣнчаніи даже: тутъ что? Подумай!

— Нѣтъ ужъ, батюшко, что ни будетъ, а я отказывать не стану: пускай самъ женихъ откажется!..

— Подумай! Подумай!—наказываю я.

Не знаю, думалъ-ли что прихожанинъ мой, а что до меня,—я эту думу думалъ: какъ мнѣ-то съ своей стороны поступить при этомъ случаѣ? Совершенно отъказаться отъ вѣнчанія брака и стать такимъ образомъ прямо, открыто и рѣшительно на сторону невѣсты? Но правильно-ли я тогда поступлю,—не погѣшу ли передъ Богомъ и своею совѣстію —не буду-ли причиной несчастія и родителей невѣсты, и самой невѣсты, ставши на сторону *сильной страсти*, подъ влияніемъ которой, какъ думалось мнѣ, была послѣдняя? Я колебался, и *рѣшительно*-ни на ту, ни на другую сторону не сталъ, а предоставилъ, какъ и прежде, дѣла течению обстоятельствъ... »Если,—думалъ я,—Богу не угодно, чтобы бракъ этотъ совершился, то Онъ попуститъ возобновиться припадкамъ у невѣсты при самомъ женихѣ ея и его родныхъ, или иное что попуститъ: и тогда бракъ само собою не состоится; а если Богу угодно, чтобы бракъ совершился: онъ совершится... Такимъ образомъ увижу я, что угодно Богу и что не угодно... На этихъ мысляхъ я остановился...

Важное значеніе медицинскихъ свѣдѣній для приходскаго пастыря.

Прямая обязанность пастырей церкви — врачевать душевные недуги своихъ пасомыхъ; но для нихъ нисколько неизлишнее искусство врачеванія и недуговъ тѣлесныхъ. Напротивъ, было-бы какъ нельзя болѣе приличнымъ и необходимымъ совмѣщеніе въ одномъ лицѣ качествъ врача души и тѣла, по причинѣ тѣсной связи между душой и тѣломъ и по причинѣ почти всегдашней зависимости недуговъ тѣлесныхъ отъ ненормальнаго состоянія души. Въ этомъ, мы увѣрены, никто съ нами спорить не будетъ, особенно изъ тѣхъ, кому извѣстно, что древніе знаменитые пастыри, служащіе доселѣ образцами пастырской дѣятельности, часто были цѣлителями и немощей тѣла не при помощи только сверхъестественнаго дара, но и благодаря естественному знанію. А если бы кто пожелалъ внимательнѣе всмотрѣться и вдуматься въ современное положеніе народа, среди котораго большею частію живутъ и дѣйствуютъ наши пастыри, а равно всесторонне обсудить и положеніе самихъ пастырей, то какую бы громадную пользу увидѣлъ отъ упомянутаго совмѣщенія качествъ врача души и тѣла въ одномъ лицѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашихъ сельскихъ приходахъ по большей части не только нѣтъ врачей, но даже и фельдшеровъ. Да если и есть гдѣ, всегда ли они доступны бываютъ для бѣднаго мужичка? Сплошь и рядомъ по селамъ заболѣвающіе иногда въ началѣ самою простою и удобовозлѣчимую болѣзнію остаются предоставленными самимъ себѣ и нерѣдко своею неосторожностію развиваютъ эту болѣзнь до степени неизлѣчимой, или довѣряются сельскимъ знахарямъ и лѣкаркамъ, которые своими услугами тоже нерѣдко при-

чиняютъ неисправимый вредъ. Сколько бы спасено было дорогихъ жизней въ нашемъ простонародіи, если бы наши приходскіе пастыри владѣли искусствомъ лечить его разнообразныя и несложныя болѣзни, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ. И это дѣло какъ нельзя болѣе было бы сподручно для пастыря, который знаетъ каждаго мужичка въ своемъ приходѣ, знакомъ не только съ его бытомъ и обстановкой, но и съ душевными его недугами, вызывающими разстройство и въ тѣлесномъ организмѣ. Да и самая пастырская практика, самое дѣло нравственного исправленія навѣрно пошли бы гораздо успѣшнѣе, если бы пастырь, излѣчивъ пасомаго отъ болѣзни тѣлесной, могъ сказать ему: «се здоровъ еси, къ тому не согрѣшай». А какая тѣсная, какая искренняя была бы тогда связь прихожанъ съ своими батюшками! Въдѣ своихъ духовныхъ нуждъ, которымъ долженъ удовлетворять пастырь, прихожане большею частію не сознаютъ и не чувствуютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и духовныя блага, раздаваемые пастырями, обыкновенно не цѣнятся. По сей причинѣ большинство прихожанъ нерѣдко смотритъ на своего священника, какъ на не слишкомъ для нихъ нужнаго и не слишкомъ имъ дорогого. Другое дѣло, если бы они видѣли въ немъ всегдашняго помощника въ самой вопіющей, въ самой оцутительной нуждѣ—какова болѣзнь тѣлесная. Тогда они усерднѣе были бы и въ матеріальныхъ приношеніяхъ священнику, и навѣрно вопросъ объ обезпеченіи духовенства, такъ давно занимающій многихъ и не обѣщающій теперь разрѣшенія въ самомъ отдаленномъ будущемъ, рѣшился бы самъ собою. Все это не мечта, не воздушные замки. Въдѣ если взять во вниманіе источники матеріальнаго обезпеченія для нашихъ врачей, то въ нихъ видно большое сходство съ тѣми источниками, какими пользуется наше духовенство. Наши городскіе и уѣздные

врачи получают жалованье весьма ограниченное; ихъ средства содержанія главнымъ образомъ слагаются изъ приношеній больныхъ и излеченныхъ ими; и однако-жъ врачи наши, даже самые посредственные по своему искусству, живутъ несравненно лучше, чѣмъ большинство нашихъ приходскихъ пастырей; мы уже не говоримъ о томъ, что послѣднимъ самимъ приходится ходить по дворамъ за сборомъ и испытывать при этомъ разныя непріятности, какихъ вовсе не знаютъ врачи. Да и по селамъ эти доморощенные врачи—знахари и лекари, иногда шарлатанствомъ пріобрѣтающіе большую славу въ простонародьи, развѣ малыми пользуются средствами содержанія, которыя текутъ къ нимъ сами-собою? Вообще, гдѣ касается дѣло здоровья, жизни, тамъ никогда никто не скупится; лишь только помощи чѣмъ нибудь.

Наше правительство, всегда сознававшее, какъ много могутъ сдѣлать приходскіе пастыри для народнаго здравія и благоденствія, не такъ давно въ духовныхъ семинаріяхъ вводило преподаваніе врачебной науки; причемъ преслѣдовалась именно та цѣль, чтобы лица, готовящіеся къ пастырскому служенію, обладали хотя нѣкоторымъ запасомъ врачебныхъ свѣдѣній, которыя бы могли съ пользою употреблять для предохраненія прихожанъ отъ болѣзней или для подаенія помощи имъ на первыхъ порахъ заболѣванія, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ невозможно скоро отыскать врача. Къ сожалѣнію, врачи, приглашенные въ духовныя семинаріи для преподаванія воспитанникамъ медицины, не поняли задачи этого преподаванія и въ продолженія слишкомъ двухъ десятилѣтій не выработали цѣлесообразной для него программы. Обыкновенно они начинали курсъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, преподавая по цѣлому году анатомію человѣческаго тѣла, и оканчивали его безсвязными отрывками изъ фізіологіи,

патологій, фармакологій и другихъ медицинскихъ наукъ, что въ состояніи была удержатъ ихъ память отъ ихъ собственныхъ курсовыхъ экзаменовъ или на что имѣлись подъ руками клочки записокъ, случайно уцѣлѣвшихъ отъ времени слушанія лекцій въ университетѣ или медико-хирургической академіи. При томъ они вели это дѣло на манеръ университетскихъ чтеній, нисколько не сообразуясь съ пріемлемостію слушателей и никогда не провѣряя—усвоено ли послѣдними прочитанное. Въ существѣ дѣла это преподаваніе, совершенно свободное отъ всякаго контроля, было не что иное, какъ пусканіе пыли въ глаза слушателямъ, которые или удивлялись громадности мудреныхъ терминовъ, заученныхъ преподавателемъ, или спокойно дремали во время его разглагольствованій. Результатомъ такого преподаванія обыкновенно всегда и вездѣ бывало то, что воспитанники, два года прослушавъ медицину, выходили изъ семинаріи безъ всякихъ медицинскихъ свѣдѣній. И правительство, видя всю бесполезность этого дѣла, сочло наконецъ нужнымъ отмѣнить совсѣмъ въ семинаріяхъ преподаваніе врачебной науки.

Не смотря на столь неудачный опытъ, важность врачебной науки для приходскихъ пастырей нисколько не уменьшилась, и сознаніе, какъ много пользы могли бы принести они такими свѣдѣніями, живетъ въ обществѣ постоянно. Нѣкогда заговаривали, что хорошо бы духовенству хотя нѣкоторыхъ воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ семинаріи, разумѣется болѣе способныхъ, отправлять въ университеты для слушанія лекцій на медицинскомъ факультетѣ, съ тѣмъ, чтобы они, сдѣлавшись священниками, представляли въ своей практикѣ образцы совместнаго врачеванія души и тѣла и послужили бы проводниками медицинскихъ свѣдѣній въ среду своихъ братьевъ по служенію. Мы съ живымъ сочувствіемъ относимся къ такой мысли и осуществленіе ея считаемъ гораздо цѣлесообразнѣе, чѣмъ молодымъ даровитымъ людямъ по нѣскольکو лѣтъ прозѣбать въ довольно стѣснительномъ для нихъ званіи «исаломѣиновъ». Мы далеки отъ того, чтобы оуждать это послѣднее нововведеніе или, лучше сказать, возвращеніе къ древнимъ обычаямъ церкви. Прекрасно, если молодые люди, научно приготовившіеся къ пастырскому служенію, нѣсколько лѣтъ пробудутъ подъ руководствомъ

опытныхъ пастырей и, исполняя должность псаломщиковъ, опытно изучать пастырское дѣло во всѣхъ его отношеніяхъ. Но еслибы это всегда совершалось подъ руководствомъ опытныхъ пастырей, если бы руководители хоть сколько-нибудь уподоблялись древнимъ знаменитымъ образцамъ пастырства, такъ умѣвшимъ успѣшно образовывать своихъ вѣрниковъ и надѣлавшихъ ими многія церкви для пастырскаго служенія?... Но если такіе руководители рѣдкіи или то кто не согласится, что дорогие годы молодости, когда кипитъ энергія силъ, несравненно лучше посвятить дѣлу, обѣщающему столько дорогихъ пособій въ пастырскомъ служеніи, каково дѣло изученія врачебной науки. Но разныя препятствія къ осуществленію вышеупомянутаго благого предпріятія, а главнымъ образомъ отсутствіе денежныхъ средствъ для сего или, лучше сказать, отсутствіе рѣшимости изыскать таковыя, было причиною, что толки о немъ такъ и остались толками и мало-по-малу совсѣмъ замолкли. Мы, впрочемъ, не думаемъ, чтобы эти толки, нѣкогда пролетѣвшіе въ публикѣ, уже никогда болѣе не имѣли въ ней отголосковъ. Мы увѣрены что, обстоятельства вызовутъ ихъ снова и съ болѣею силою, особенно когда увеличится неудержимое бѣгство воспитанниковъ изъ семинарій въ университеты и когда очень замѣтно будетъ оскудѣвать число достойныхъ дѣятелей на поприщѣ пастырскаго служенія. Мы съ своей стороны желаемъ только чтобы эти толки возобновились не въ отдаленномъ будущемъ и не по поводу какихъ-нибудь чрезъ мѣру затруднительныхъ обстоятельствъ, а вслѣдствіе спокойнаго и здраваго обсужденія, какъ прилично и многополезно нашимъ приходскимъ пастырямъ имѣть свѣдѣнія по врачебной наукѣ.

Пока все это дѣло будущаго, утѣшительно видѣть то, что благая цѣль, для которой проектировались было такія крупныя мѣры, оказавшіяся въ нашъ вѣкъ, неосуществимыми, все-таки не теряется изъ виду и преслѣдуется хотя слабыми, едва замѣтными мѣрами. Наша духовная литература старается, насколько возможно для нея, ознакомить духовенство съ разными общедоступными и самыми простѣйшими средствами леченія болѣзней, наичаще появляющихся въ народѣ. Лишь только объявлено бываетъ въ какой-либо газетѣ новое и простое средство для леченія той или другой господствующей въ простонародіи

болѣзни или для предохраненія отъ нея, какъ епархіальныя вѣдомости спѣшати сообщить о немъ духовенству. Нашъ журналъ, специально посвященный руководительству пастырей, особенно сельскихъ, въ многообразномъ ихъ служеніи, за прежніе годы на своихъ страницахъ не мало отводилъ мѣста для статей медицинскаго содержанія. У насъ печатались разнообразныя гигиеническіе совѣты для лицъ всѣхъ возрастовъ, а также указывались средства, которыми всякій священникъ можетъ воспользоваться при леченіи несложныхъ болѣзней въ своемъ приходѣ и для подаванія первой помощи серьезно заболѣвшимъ, по крайней мѣрѣ до прибытія врача, особенно при развитіи эпидемическихъ болѣзней. Но и помимо духовной литературы священники удобно могутъ найти источники свѣдѣній по этому чрезвычайно важному для нихъ предмету. Въ нашихъ народныхъ календаряхъ, которые весьма распространены въ публикѣ и въ немаломъ количествѣ проникаютъ даже въ села, ежегодно, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, сообщаются простѣйшія врачебныя свѣдѣнія и обстоятельно описываются врачества, изъ которыхъ у каждаго можетъ легко составиться своя домашняя аптека. За нѣсколько лѣтъ въ календаряхъ собрался уже значительный запасъ такихъ свѣдѣній. Нашъ искренній совѣтъ приходскимъ пастырямъ: не задаваясь мыслию сдѣлаться врачами въ широкомъ значеніи этого слова, такъ какъ для сего нужно продолжительное специально-научное приготовленіе, серьезно воспользоваться по крайней мѣрѣ источниками, которые постоянно предъ ними открыты, и на основаніи ихъ обзавестись у себя дома собраніемъ сподручныхъ лекарствъ, которыми могли бы послужить своимъ прихожанамъ. Усердное отношеніе къ этому дѣлу, оживляемое искреннею любовію къ страждущимъ, рано или поздно, но непременно доставитъ имъ опытность въ немъ и не замедлитъ доказать полезность его во многихъ отношеніяхъ.

РУКОВОДСТВО

Д Л Я

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ

четыре руб., съ пересылкою пять
рублей сереб.

№ 24.

Подписка принимается въ редак-

ціи сего журнала, при кievской
семинаріи.

1879 года. Іюня 10-го.

Содержаніе. Изъ воспоминаній объ Олонецкихъ архинастыряхъ.—Журнально^е обзорѣніе.—Въ приложеніи: Слово на погребеніе священника, отца Теодора Аверкіевича Пушнова, настоятеля Кіево-Подольской Покровской церкви (окончаніе).—Рѣчь къ поселянамъ предъ наступленіемъ полевыхъ работъ.

Изъ воспоминаній объ Олонецкихъ архипастыряхъ¹⁾.

Въ другой разъ случилось мнѣ сопровождать преосвященнаго изъ Вытегры до свирскаго монастыря (по Лодейноп. у.). Въ селеніи Пидымѣ было освященіе храма, построеннаго купцомъ Тюменевымъ. Зная безкорыстіе владыки, г. Тюменевъ предложилъ ему запечатанный пакетъ съ просьбою принять его въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія. Преосвященный принялъ пакетъ и, не распечатывая, передалъ его протоіерею Рождественскому. Въ домѣ г. Тюменева архипастырь пробылъ около 1 часа. Отъ обѣда отказался; на предложеніе выпить хотя бокалъ шампанскаго отвѣчалъ: «вотъ мнѣ почти уже 80 лѣтъ, и я еще не отвѣдывалъ его и не знаю вкуса его; а теперь, на старости лѣтъ, не для

¹⁾ См. № 22.

чего ужъ и пріучаться. къ нему«. При этомъ необходимо замѣтить, что ночлегъ преосвященнаго былъ не въ Пидьмѣ, а въ деревнѣ—на Лодейнопольскомъ берегѣ р. Свири. Здѣсь, въ крестьянскомъ домѣ, было отправлено всенощное бдѣніе. Утромъ, переѣхавъ на лодочкѣ по р. Свири въ Пидьму, освятивъ здѣсь храмъ, совершивъ бож. литургію въ немъ (богослуженіе, совершаемое пр. Аркадіемъ и сопровождавшееся поученіемъ, всегда было продолжительное) и потомъ отказавшись отъ обѣда и вина, безъ отдыха, Владыка выѣхалъ изъ Пидьмы обратно въ ту же деревню, въ которой ночевалъ, и отсюда отправился далѣе въ Лодейному полю.

Въ этотъ объѣздъ его епархіи энтузіазмъ народа проявился съ особенною силою. Толпы встрѣчали его всюду—и въ храмахъ, и въ часовняхъ¹⁾. Въ послѣднихъ

---

¹⁾ Правственная связь гражданъ г. Петрозаводска съ преосв. Аркадіемъ, ихъ сердечная, неподдѣльная любовь къ нему неоднократно проявлялись во время служенія его на Олонецкой кафедрѣ. Пашущій и строки былъ очевидцемъ прощанія этого іерарха съ петрозаводчанами при отправленіи его въ Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ. Кафедральный соборъ, изъ котораго назначенъ былъ выѣздъ преосвященнаго, биткомъ набитъ былъ народомъ (такое стеченіе въ соборѣ мнѣ случилось увидѣть еще однажды, именно, когда послѣ смерти Государя Императора Николая Павловича приводили къ присягѣ на вѣрность благополучно царствующему нынѣ Государю Александру Николаевичу). Преосвященный выходитъ изъ алтаря, беретъ въ руки посохъ и говоритъ прощальную рѣчь. Тенористый звонкій голосъ его раздается на весь соборъ, по временамъ дрожить... Между слушателями—тишь, какъ будто всѣ ошеломлены; иные всхлипываютъ... Можно было думать и чувствовать, что съ отъѣздомъ архиепископа какъ будто что терялось, а что именно терялось,—объяснить было трудно, даже не возможно.

Какъ на туже привязанность петрозаводчанъ къ старику іерарху, можно указать на собранія ихъ въ архіерейской церкви

преосвященный пѣлъ съ грамотными крестьянами праздничные тропари, а также: »Спаси, Господи, люди Твоя«, спрашивалъ и объяснялъ содержаніе ихъ и значеніе находившихся въ часовнѣ иконъ, дарилъ грамотныхъ мальчиковъ, учившихся въ училищахъ (если они оказывались въ

за всенощными бдѣніями предъ воскресными и праздничными днями. По причинѣ этихъ многолюдныхъ собраний потребовалось увеличить вмѣстательность архіерейской церкви. И при всемъ этомъ, не смотря на продолжительность богослуженій, отправлявшихся съ 5 или 6 часовъ до 9 и 10 часовъ вечера, пѣніе антифоновъ предъ евангеліемъ по нотахъ, и произношеніе за службою двухъ и трехъ проповѣдей, эти собранія бывали столь многочисленны, что разпространеннаго храма недостаточно оказывалось для вмѣщенія богомольцевъ, а надобно было отводить имъ еще пріемную архіерейскую, прихожую и сѣни. Когда же преосвященнѣйшій послѣ всенощнаго бдѣнія выходилъ изъ алтаря въ сопровожденіи пѣвчихъ и, проходя по церкви во внутреннія свои комнаты, начиналъ благословлять подходившихъ къ нему: тогда, какъ бы продолжительно ни было богослуженіе, почти никто изъ богомольцевъ всякаго пола и званія дотоѣ не выходилъ изъ храма, доколѣ не получалъ благословенія отъ него.

При прощаніи преосвященнаго съ петрозаводчанами, по увольненіи его отъ управленія епархіею, я не былъ, но объ этомъ рассказывали такъ. Прощаніе назначено было въ будничный день — субботу, а самый выѣздъ въ воскресенье. Торжественно отпразднвъ литургію, во время которой крестовая церковь была полна присутствующими, пожелавшими проститься со своимъ бывшимъ Владыкою, маститый старецъ вышелъ изъ алтаря, окинулъ взоромъ предстоящихъ и началъ говорить: »Прійдите, послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему«... Послѣ паузы, обратившись къ слушателямъ, продолжалъ: »Что это за необыкновенное собраніе сегодня здѣсь?... Вы привыкли ходить сюда по воскр. и празднич. днямъ. Что же за причина такого многолюдства сегодня въ день будничный? И что за необыкновенное приглашеніе слышите изъ моихъ устъ — воздать послѣднее цѣлованіе умершему... Да, я не умеръ, но уже мертвъ для васъ; моя дѣятельность, съ увольненіемъ меня отъ Олонецкой епархіи, прекратилась, окончилась. Я

часовнѣ), книжками; въ Яндебскомъ приходѣ заходилъ въ домъ къ крестьянину старцу Димитрію, обратившемуся въ тотъ годъ изъ раскола въ православіе, бесѣдовалъ съ двумя грамотными сыновьями его, выспрашивалъ ихъ, чѣмъ по преимуществу расколоучители стараются совра-

теперь удаляюсь въ александрово-свирскій монастырь, какъ бы во гробъ, долженъ заключиться въ стѣнахъ св. обители, какъ бы въ темной, тѣсной могилѣ. Приидите же, возлюбленные, воздадите послѣднее цѣлованіе умершему для васъ, удаляющемуся отъ васъ и т. д“. По окончаніи рѣчи, пѣвчіе запѣли ирмосы: „волною морскою,“ а преосвященный въ это время прощался, цѣлуясь со всѣми, подходившими къ нему, какъ мужескимъ поломъ, такъ и женскимъ. На другой день, отстоявъ литургію, въ сопровожденіи протодіакона онъ обошелъ всѣ комнаты архіерейскаго дома; въ каждой изъ нихъ предъ всѣми иконами, по пропѣтіи тропаря изображенному на иконѣ угоднику, сотворилъ по земному поклону и потомъ вышелъ въ дорожный экипажъ. Послѣ своего увольненія отъ епархіи, преосвященнѣйшій со всею торжественностію служилъ литургіи 6 и 15 чиселъ августа. 6 ч. августа предъ литургіею онъ выдалъ одному уволенному вмѣстѣ съ нимъ священнослужителю 25 р. Когда же сей объяснилъ, что онъ, получивъ жалованье за полгода, не имѣетъ пока нужды въ милостынѣ, но что у него есть родственникъ, желающій поступить въ гимназію и не имѣющій возможности пріобрѣсти форменную одежду: тогда преосвященный приказалъ на счетъ его приготовить все необходимое для гимназиста, и когда одежда была приготовлена, пригласилъ его къ себѣ и лично освидѣтельствовалъ ее.

Въ день Успенія Б. Матери послѣ литургіи, по выходѣ изъ алтаря на церковь, колѣнопреклоненно прочитана была имъ молитва: „ненавидящихъ и обидающихъ насъ прости, Господи“... Эту молитву преосвященнѣйшій неоднократно читалъ и въ свирскомъ монастырѣ. По переѣздѣ сюда онъ высказался: „напрасно я слушалъ доктора, запрещавашаго мнѣ выходить изъ комнаты и выѣзжать изъ городъ“. Вотъ я проѣхалъ теперь изъ Петрозаводска до монастыря и не только не умеръ на дорогѣ, а сталъ еще бодрѣе и здоровѣе.“ Когда сдѣлалось извѣстнымъ о проѣздѣ преосвящен-

щать православныхъ въ расколъ, училъ ихъ, какъ лучше говорить съ ними и опровергать заблужденія раскола и на прощаніи одарилъ ихъ книжками.

наго Ионаана чрезъ г. Лодейное поле въ Петрозаводскъ 22 ч. октября 1869 г., то въ этотъ день и послѣдующіе за симъ дни, почти послѣ каждаго вечерняго богослуженія, по обыкновенію отправлявшагося въ комнатахъ его, преосв. Аркадій читалъ изъ часослова—изъ великаго повечерія: „Страшенъ судъ твой, Господи“...

Замѣчательно, что до своего увольненія отъ епархіи, не смотря на свою 83-лѣтнюю старость, этотъ преосвященный читалъ и писалъ, не прибѣгая къ посредству очковъ. Нехотѣлось ему прибѣгать къ посредству очковъ и въ свирскомъ монастырѣ, когда стало притупляться зрѣніе его. Для этого онъ просилъ кого либо въ свободное отъ богослуженій время (между утренею и часами, послѣ обѣденнаго отдыха до вечерни и послѣ оной до 7-ми вечера) читать ему книги мелкой печати. Обыкновенно преосвященный вставалъ утромъ въ 3 часа (а до увольненія даже въ 2). Около 4-хъ часовъ начиналась утренняя. Иногда, вставъ въ 3 часа; сряду же самъ начиналъ читать полунощницу. Часовъ около 8—9—часы (впослѣдствіи устроена была въ Троицкомъ монастырѣ церковь домовая). Въ 11 ч. обѣдъ, 12—2 ч. по полудни отдыхъ. Около 4—5 ч. вечерня. Въ 7 часовъ ужинъ. Въ 8 ч. уходилъ въ свою спальню. Однажды, слушая чтеніе объ архимандритѣ Чудова монастыря Фотіѣ (изъ чт. люб. Моск. древн), онъ прервалъ оное и началъ рассказывать, какъ предполагали выслать М. Филарета изъ Москвы въ Грузію, и о заступничествѣ пр. Григорія (впослѣдствіи М. С.-петербургскаго) за него, рассказавъ, какъ М. Серафимъ, по настоянію Фотія, явился къ Государю Императору Александру Павловичу. Одинъ изъ слушавшихъ этотъ рассказъ не выдержалъ и сказалъ: преосвященнѣйшій Владыко! Видите, какъ прежде дѣйствовали. Отъ чего бы и вамъ не съѣздить въ Петербургъ? вѣдь вамъ терять уже нечего. Одно ваше появленіе... „Что ты, безумный,—вскрикнулъ старецъ архипастырь, не давши своему совѣтнику окончить рѣчи,—вѣдь Фотій-то былъ *фанатикъ*“. И съ этой минуты не только никогда не возобновилъ разговора по этому случаю, но рѣже сталъ прибѣгать и къ посредству чтецовъ.

Сопутствуя преосвященному въ 3 й разъ при обзорѣ-
ніи имъ церквей отъ Вытегры до г. Петрозаводска чрезъ
Вознесенскую пристань (это было, кажется, въ 1866 г.), я
припоминаю слѣдующее: 30 ч. Сентября въ с. Шокшѣ
выпалъ снѣгъ. Наскоро была приготовлена на крестьян-
скихъ дровняхъ кибитка (повозка); покрыли ее рогожкой,
и преосвященный въ этой импровизированной кибиткѣ по-
бывалъ въ Яшезерской пустынѣ противъ всякаго ожиданія его
здѣсь монашествующими. Отстоявъ здѣсь всенощное бдѣ-
ніе, во время котораго онъ исправлялъ на клиросѣ должность
клирошанина, на другой день 1 ч. октября послѣ литургіи
обратно въ той же тѣсной возницѣ выѣхалъ въ Шокшу и
отсюда прибылъ ночью въ Петрозаводскъ.

Кромѣ знакомства съ епархіею во время объѣздовъ
ея, преосвященный постоянно принималъ у себя (въ Петро-
заводскѣ) посѣтителей всякаго званія, не исключая и му-
жичковъ въ »сермягахъ«, бесѣдовалъ съ ними иногда
подолгу, угощая ихъ при этомъ и чаемъ. Кромѣ сего на-
ходился въ непрерывной перепискѣ съ миссіонерами,
благочинными, настоятелями монастырей, многими прото-
іереями и священниками, писалъ разговоры и посланія при-
четникамъ, занимавшимся обученіемъ дѣтей, и крестьянамъ,
чѣмъ либо обращающимъ на себя вниманіе его, перепи-
сывался со многими чиновниками, купцами и *большухою*
бывшаго раскольниковскаго монастыря въ Лексѣ. О пере-
пискѣ его съ особами внѣ епархіи уже не говорю. Од-
нажды въ 186... году одинъ изъ наставниковъ Олонецкой
семинаріи высказывалъ намъ свое удивленіе по поводу
этой, незнавшей утомленія, дѣятельности преклоннаго лѣ-
тами архипастыря. Онъ удивлялся, какъ этотъ преосвя-
щенный, при многосложности своихъ занятій по управле-
нію епархіею, еще успѣвалъ прочитывать множество совре-
менныхъ журналовъ и книгъ и снабжать ими наставниковъ.

»Если мы, говорилъ онъ, имѣемъ удовольствіе въ свое время читать какія либо новыя замѣчательныя книги: то обязаны этимъ преосвященному. Онъ выпишетъ, прочитаетъ и предложитъ для прочтенія намъ, тогда какъ ректоръ семинаріи еще и не слыхалъ о ней¹⁾. Мы добавимъ къ этому свое удивленіе, какъ преосвященный, при постоянномъ чтеніи и почти непрерывныхъ, не прекращавшихся во весь день своихъ собесѣдованіяхъ и совѣщаніяхъ съ разными посѣтителями, находилъ время постоянно переписываться. Изъ его руководственныхъ, распорядительныхъ, производившихся помимо консисторіи, наставительныхъ и объяснительныхъ предписаній и посланій къ разнымъ лицамъ своей епархіи, при возможности собранія и напечатанія ихъ, могло бы составиться множество томовъ, изъ которыхъ предъ взоромъ читателя во всей полнотѣ обрисовалась бы личность его, какъ архипастыря дѣятельнѣйшаго, и какъ неутомимаго труженика до самой гробовой доски его. Въстѣ съ этимъ могли бы получиться, даже въ частностяхъ, подробнѣйшія свѣдѣнія состояніи Ол. епархіи во время управленія его ею. Изъ книгъ же, высланныхъ имъ оо. Благочиннымъ и причтамъ, могли составиться дов. полныя и достаточныя (по необходимѣйшимъ отраслямъ познаній) благочинническія бібліотеки. О заботливости этого архипастыря относительно обученія юношества можно сказать многое множество. Въ »Ол. Губ. Вѣд. (№№ 9 и 16), въ статьяхъ о народныхъ

---

¹⁾ Однажды преосвященный рекомендовалъ духовенству епархіи статью о союзѣ съ церковію для прочтенія (въ душев. чтеніи). Одинъ причетникъ, по прочтеніи, представилъ ему извлеченіе изъ нея. Это извлеченіе обнаружило способности причетника. Преосвященный предложилъ ему еще нѣсколько статей для чтенія; потомъ вызвалъ его въ Петрозаводскъ, испыталъ его и произвелъ діакономъ въ другой приходъ. Впослѣдствіи этотъ діакономъ пр. Іоанномъ, также по испытанію, былъ рукоположенъ во священника.

учителяхъ въ Кондусскомъ, Мегорскомъ и Палтогскомъ приходахъ было замѣчено, что пр. Аркадій посѣщалъ училища, находившіяся здѣсь, и производилъ испытанія учащихся. Но это не единственные приходы и училища, которыя пр. Аркадіемъ были обозрѣваемы. Недавно мы имѣли случай между прочимъ прочесть въ памятной книжкѣ, оставшейся послѣ смерти одного дьячка, слѣдующую замѣтку: »Олонецкая 2 клас. епархія учреждена 20 юля 1828 года. Первый епископъ поступилъ Игнатій. 2-й послѣ него Венедиктъ,—померъ въ Петрозаводскѣ. 3-й епископъ Аркадій 1851 года. По епархіи ѣхалъ. 13 августа 1856 года въ моемъ домѣ былъ въ Р... 1858 года сент. 4 дня былъ въ моемъ домѣ и спрашивалъ учениковъ молитвы и проч. Въ 1860 году ѣхалъ ночью. Высокопр. Аркадій Олон. ѣхалъ по епархіи 1864 года сент. 24 дня посѣтилъ мой домъ и экзаменовалъ учениковъ«. (Этотъ дьячекъ померъ въ 1866 году). Тоже самое можно сказать и обо всѣхъ училищахъ. Ни одно изъ нихъ, при обозрѣніяхъ епархіи, не было оставлено преосвященнѣйшимъ безъ посѣщенія и испытанія. А какъ много труда было употреблено этимъ архипастыремъ на открытія училищъ, объ этомъ со всею достовѣрностію и вполнѣ можно было бы сказать только тогда, когда можно было бы вполнѣ выяснитъ переписку его по этому случаю съ духовенствомъ и разными особами¹⁾. Не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что миссія и школы, при всѣхъ занятіяхъ преосвященнаго, не выходили изъ ума его, точно также какъ строившіеся кааедральный соборъ и духовная семинарія не выходили

---

¹⁾ Пишущему сіи строки извѣстна переписка пр. Аркадія съ миссіонеромъ пр. П. Мегорскимъ объ открытіи училища въ с. Тагажозерѣ (Вытег. уѣзд. новооткрытомъ приходѣ) и Благочиннымъ вѣщ. П. Николаевскимъ со священникомъ Д. Смирновымъ объ открытіи училища дѣвочекъ въ Кондушѣхъ (Вытегор. же уѣзда).

съ глазъ его, были въ постоянномъ вниманіи его. Въ какой степени этотъ владыка былъ заинтересованъ въ дѣлѣ народнаго обученія и какое постоянное участіе онъ принималъ въ этомъ, можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Одинъ исключенный ученикъ явился къ преосвященному съ просьбою объ увольненіи его изъ духовнаго званія. Архипастырь принялъ его ласково, испыталъ и, убѣдивъ поступить причетникомъ въ сельскій приходъ, расположилъ его къ занятію ученіемъ дѣтей грамотъ, послѣ чего велъ переписку съ нимъ, высылалъ для него свои разговоры объ обученіи. Предлагаемъ вниманію читателей одно предписаніе преосвященнаго къ этому причетнику, при переводѣ его въ новый приходъ Лексинскій: »ты уже на новомъ мѣстѣ, ты переселенъ на оное распоряженіемъ начальства, которое особенно внимаетъ и благоволитъ къ тебѣ, переселенъ съ тѣмъ, чтобы тебѣ особенно заняться здѣсь обученіемъ дѣтей, и не одной грамотъ, а закону Божію«. — »Уча учимся; особенно это приложимъ мы къ себѣ самимъ. Для этого познакомься съ Даниловскимъ причетникомъ В. Тиховѣтровымъ. Онъ тебѣ сообщитъ нѣкіе разговоры; онъ тебѣ покажетъ мое писаніе къ нему. Онъ уже училъ дѣтей. Ваши настоящія мѣста одинаковы: дѣти обучающіеся одного духа, и вамъ дѣйствовать надобно однообразно же, сколько это возможно. Будь смирень и остороженъ въ поведеніи, ласковъ и привѣтливъ въ обращеніи, послушливъ и вѣренъ предъ священникомъ, постарайся заслужить расположеніе къ себѣ и отъ жилищъ Лексинскихъ, которыя предмѣстниками твоими были недовольны; держи себя безукоризненно: здѣсь то надобно чаще читать свою грамоту и держаться ея наставленія, ея требованія«. Открытая этимъ причетникомъ школа посѣщена была начальникомъ губерніи г. Философовымъ, который по возвращеніи въ Петрозаводскъ прислалъ въ

оную бумагу, перья, грифелей, двѣ аспидныхъ доски, нѣсколько экземпляровъ св. Евангелія и др. книгъ. Преосвященнѣйшимъ же Аркадіемъ для этихъ двухъ причетниковъ: Даниловскаго и Лексинскаго ¹⁾ приходовъ написано было болѣе 20 разговоровъ о преподаваніи Закона Божія. Символа Вѣры и молитвы Господней при обученіи дѣтей грамотѣ по букварю. Замѣчательно: посылая свои уроки одному изъ нихъ, архипастырь вмѣстѣ съ этимъ высылалъ и бумагу, на которую причетникъ долженъ былъ переписать для себя присланные разговоры, а подлинникъ выслать обратно къ нему. Однажды писалъ онъ тому же Лексинскому дьячку: «вотъ тебѣ образчикъ уроковъ: вотъ тебѣ и бумага для переписки ихъ: будутъ присланы дополнительные. Ты ихъ спиши: съ товарищемъ Тиховѣтровымъ прочитай: у того и другаго изъ васъ должны быть они. Когда спишете: уведомяте меня: я ихъ перешлю къ другимъ, подобнымъ тебѣ».

Такъ онъ писалъ свои наставленія (въ формѣ разговоровъ) о преподаваніи священной исторіи для діакона г. Вытегры Пречистенскаго, писалъ разные разговоры для ученицъ Кондушскаго училища. Эти разговоры, приготовленные ученицами при руководствѣ священника Д. Смирнова, были выслушаны самимъ преосвященнѣйшимъ въ приходской церкви въ присутствіи многочисленнѣйшихъ посѣтителей ¹⁾. Да врядъ ли былъ хотя одинъ священникъ или причетникъ такой, который, усердно занимаясь обученіемъ дѣ-

---

¹⁾ Даниловскій и Лексинскій приходы открыты въ мѣстѣ Выголексинскихъ раскольниковскихъ жилищъ (бывшіе р. монтасыры).

²⁾ Этимъ же преосвященнымъ сдѣлано было сличеніе псалтирей старопечатной и исправленной, и въ разговорахъ между православнымъ и раскольниковомъ выяснено преимущество исправленій, сдѣланныхъ въ новопечатной псалтири. Эти разговоры рассылались преосвященнымъ по училищамъ.

тей, не получая отъ него руководственныхъ наставленій, поощреній и даже книжекъ... И духовенство, дѣйствительно, трудилось въ церковно-приходскихъ училищахъ, трудилось безкорыстно, и имѣло,—скажемъ словани г. Казанскаго,—неоспоримое право а) на признаніе своего учительскаго труда, какъ самоотверженнаго подвига на пользу народа, б) на признаніе своей значительной заслуги предъ нимъ чрезъ учительство въ училищѣ, и в) на нравственное и матеріальное участіе земства въ устроенныхъ имъ церковно-приходскихъ школахъ¹⁾...

Все сказанное о преосв. Аркадіѣ въ связи съ построеніемъ множества новыхъ храмовъ въ заглушенныхъ мѣстахъ и открытіемъ при нихъ самостоятельныхъ приходовъ убѣдительно всякихъ словъ говорить о просвѣщенной заботливости этого архимандрита къ искорененію раскола, суевѣрныхъ взглядовъ и привычекъ въ своей епархіи. »Въ настоящее время, говорилъ въ 1865 году управитель одного завода г. Шевельпину, благодаря неуслышнымъ трудамъ и стараніямъ нашего Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Аркадія, поморская мѣстность въ нашей губерніи день ото дня, видимо, измѣняется къ лучшему; потому что и туда наконецъ проникъ лучъ истиннаго слова Божія »(Душен. Чт. 1865 г. ч 1 пзв. п заштв. стр. 20)

III. Преосвященный Іонаанъ, съ первыхъ лѣтъ по прибытіи въ Олонію, особенно любилъ посѣщать Заонежье. Прибывъ въ Ол. епархію въ октябрѣ 1869 года, онъ въ 1870 году посѣтилъ Заонежье два раза—въ началѣ и концѣ года²⁾. Поэтому несправедливо въ »Ц. Общ. Вѣстникъ«

¹⁾ »Ол. Губ. Вѣд.» № 18, 1871 г.

²⁾ Объ обзорѣннхъ церквей заонежья въ 1870 году напечатано въ »Ол. Губ. Вѣдомостяхъ« за 1873-й годъ.

сказано, что въ Заонежьѣ пр. Іонаѳана увидали лишь въ 1872 году по вступленіи его въ управленіе Олонецкою епархіею. Много и постоянно путешествовалъ этотъ преосвященный по ввѣренному ему краю. При своихъ обзрѣніяхъ онъ обращалъ свое вниманіе рѣшительно на все: и на житейскій бытъ причтовъ, и на познанія ихъ, знакомился съ прихожанами ихъ, узнавалъ характеръ ихъ и степень ихъ умственного развитія, и ихъ убѣжденія, старался приобрѣтать расположеніе и довѣренность ихъ и вліять на нихъ. Его дѣятельность въ этомъ случаѣ можно назвать *руководительною*, въ отличіе отъ дѣятельности преосвященнаго Аркадія, которая по преимуществу состояла въ *учительствѣ*.

Преосв. Іонаѳанъ не чуждался, подобно преосв. Аркадію, торжественныхъ обѣдовъ; но здѣсь то за обѣденнымъ столомъ онъ и узнавалъ ту среду, которая вокругъ него группировалась, во всѣхъ проявленіяхъ ея. Построеніе храмовъ въ Толвуѣ и Вытегрѣ останутся навсегда вѣчными памятниками административной способности этого архипастыря и свидѣтелями вліянія его на паству. Что же касается религіозно-нравственного состоянія ея вѣрованій, суевѣрныхъ взглядовъ и привычекъ ея, то онъ могъ узнать о нихъ сразу же, по прибытіи на епархію, и изъ памятныхъ книжекъ Ол. губерніи, и изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя были собраны при преосв. Аркадіѣ избранными духовными особами совокунно съ чиновниками для губернскаго присутствія по дѣламъ православнаго духовенства. При обзрѣніяхъ церквей ему оставалось только повѣрять эти свѣдѣнія.

О заботахъ этого преосвященнаго относительно обученія дѣтей грамотѣ можно судить по слѣдующей, совершенно справедливой въ этомъ отношеніи, замѣткѣ »Церковно-Общественнаго Вѣстника«: »посѣщая въ каждомъ приходѣ дома священниковъ и псаломщиковъ, преосвященный (Іона-

ванъ) не проѣзжалъ, что особенно дорого, мимо ни одного училища, всё ихъ посѣтилъ, почти всегда производилъ дѣтямъ испытаніе и лучшихъ награждалъ книжками. Бесѣды съ прихожанами по преимуществу соединялись на главной цѣли-изысканіи средствъ для церковно-приходскихъ училищъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не заведены еще земство¹⁾с.

М.

Журнальное обозрѣніе.

(Мартовская и апрѣльская книжки „Православнаго Обозрѣнія“, „Христіанскаго Чтенія“, Православнаго Собесѣдника“ и „Чтеній въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“).

Между оригинальными статьями „Правосл. Обозр.“ за мартъ и апрѣль первое мѣсто, безспорно, принадлежитъ статьямъ Кудрявцева—Платорова. Въ обозрѣніи за генварь (№ 9-й) мы познакомили нашихъ читателей съ рѣшеніемъ почтеннымъ ученымъ вопроса о первобытной религіи; въ настоящее же время нашимъ предметомъ будетъ политензмъ, какъ позднѣйшая форма религіи.

Выходя изъ того понятія, что истинный идеалъ религіи состоитъ въ гармоническомъ соотношеніи двухъ элементовъ: объективнаго, сказывающагося въ воздѣйствіи божества на духъ человѣка, и субъективнаго, состоящаго въ самостоятельномъ воспріятіи человѣкомъ этого воздѣйствія посредствомъ своихъ познавательныхъ силъ, г. Кудрявцевъ—Платоновъ полагаетъ, что уклоненіе отъ указаннаго идеала должно состоять *только* въ нарушеніи гармоническаго соотношенія элементовъ субъективнаго и объективнаго. А признаетъ онъ возможнымъ *только* нарушеніе указаннаго соотношенія въ силу того, что исключеніе, уничтоженіе одного элемента

другимъ вело бы къ уничтоженію самой религіи. Это, такъ сказать, колебаніе равновѣсія между элементами объективнымъ божествен.) и субъективнымъ (человѣч.) сказалось въ исторіи человѣчества тѣмъ, что, по паденіи человѣка, уклоненіе его отъ божества, преобладалъ въ религіи или тотъ, или другой элементъ. Преобладаніе элемента субъективнаго произвело религію естественную, — такую религію, гдѣ главнымъ агентомъ (но неисключительнымъ) является самъ человѣкъ и его естественныя силы; преобладаніе же элемента объективнаго произвело религію сверхъестественную, гдѣ самъ Богъ является главнымъ учителемъ и руководителемъ въ дѣлѣ религіи. Констатировавъ, т. образ., положеніе, что послѣ паденія человѣка его религіозное міровоззрѣніе могло развиваться только по двумъ направленіямъ (или въ формѣ религіи естественной, или въ формѣ религіи откровенной), авторъ занимается затѣмъ рѣшеніемъ вопросовъ о сущности политеизма, какъ естественной религіи, его происхожденіи, распространеніи, и другими соприкасающимися вопросами.

При самомъ общемъ взглядѣ на политеизмъ не трудно замѣтить, что характеристическія его черты заключаются какъ въ содержаніи (признаетъ многихъ боговъ), такъ и въ формѣ (представляетъ божество въ несвойственныхъ ему чувственныхъ формахъ). Но главнымъ и существеннымъ нужно признать не содержаніе политеизма (множественность боговъ), но форму представленія божества, такъ какъ отъ послѣдняго находится въ зависяности первое, т. е. содержаніе политеизма. Отпавшій отъ Бога и предоставленный своимъ несовершеннымъ естественнымъ силамъ человѣкъ не могъ стать выше своихъ собствен. силъ въ познаніи божества. Находясь на низшей ступени умственнаго развитія, онъ представлялъ всякую свою мысль (идею) по подобію какихъ нибудь предметовъ или явленій видимой природы. Даже разлагая свою общую мысль (идею) на элементы, онъ не на-

че представлялъ и ихъ, какъ отдѣльное цѣлое ограниченно пространствомъ и временемъ. И это вполне естественное такъ какъ такая форма *представленія* есть необходимый гносеологическій законъ, и ему неизбѣжно слѣдуетъ все человѣчество на извѣстной степени умственного развитія. Опредѣляясь тѣмъ же гносеологическимъ закономъ и въ познаніи божества, человѣчество неизбѣжно раздробило идею божества и представило раздробленныя ея части въ конкретныхъ формахъ. Такими основаніями ясно доказывается, почему существенно въ политеизмѣ не содержаніе, а форма представленія, и почему политеизмъ появился послѣ монотеизма. Яснымъ становится также и то, почему политеизмъ сдѣлался почти всеобщимъ (всеобща форма представленія божества), и почему даже тотъ народъ, у котораго сохранялась истинная-идея божества, всегда тяготѣлъ къ политеизму. Впрочемъ, оцѣненный авторъ не исключаетъ совершенно и другихъ факторовъ происхожденія политеизма,—каковы нравственный (развращеніе человѣчества) и историческій (путемъ-ли естественнаго сближенія, или путемъ завоеваній боги различныхъ племенъ стали лицомъ къ лицу, соединились въ одну группу, также какъ соединились отдѣльныя, чтившія ихъ племена въ одинъ народъ).

Установивъ, что коренная особенность политеизма, объясняющая какъ его сущность, такъ происхожденіе и распространеніе, заключается главн. образомъ въ гносеологической формѣ *представленія*, авторъ занимается затѣмъ обстоятельнымъ рѣшеніемъ вопроса о значеніи мифовъ. Рѣшая этотъ вопросъ, онъ показываетъ несостоятельность тѣхъ теорій, которыя считаютъ мифологию простою оболочкою нерелигіознаго матеріала,—историческаго, физическаго и поэтическаго. Но и соглашаясь съ мнѣніями тѣхъ ученыхъ, которые признаютъ въ мифологіи религіозное содержаніе, онъ значительно поправляетъ ихъ, доказывая, что религіозный

элементъ въ мифахъ ни «заимствованіе изъ области религіи истинной, — заимствованіе потемненное и искаженное», — ни обломки «первобытнаго, общаго всему роду человѣческому преданія», ни *теогоническій процессъ*, посредствомъ котораго самъ Богъ полагаетъ себя въ формѣ сознанія (Шеллингъ). »Въ мифологіи, говоритъ онъ, мы должны видѣть... опыты самостоятельнаго, почти независимаго отъ начала религіи, религіознаго созерцанія въ формѣ представленія. »Почти независимаго, «повторяемъ мы, потому что все жъ таки нужно признать, что общею реальною основою религіознаго сознанія язычества было хотя смутное ощущеніе сверхъ-чувственнаго бытія.

Другая статья, на которой мы также остановимъ свое вниманіе, рѣшаетъ вопросъ «О преподаваніи закона Божія въ народной школѣ». Въ 25 № «Р. д. с. п.» за прошлый годъ наши читатели познакомились съ руководящею статьею о преподаваніи Закона Божія, напечатанною въ «Систематическомъ обзорѣ русской народно-учебной литературы». Статья эта принадлежитъ перу извѣстнаго петербургскаго законоучителя, о. М. И. Соколова, и представляетъ довольно значительный вкладъ въ литературу по дидактикѣ закона Божія. Тѣмъ не менѣе рекомендуемые о. Соколовымъ дидактическіе приемы преподаванія Закона Божія въ рукахъ неискуснаго законоучителя-педагога не могутъ принести пользы, если онъ будетъ увлекаться и неосмотрительно пользоваться этими приемами. Отмѣтить возможность крайностей и предупредить моральничанье и умничанье оо. законоучителей и составляетъ задачу неизвѣстнаго рецензента, помѣстившаго въ мартовской книжкѣ »Пр. Обзор.« критическій разборъ названной руководительной статьи о. Соколова.

Оставляя въ сторонѣ методологическія замѣчанія о преподаваніи закона Божія, оставляя, т. е., въ сторонѣ вопросъ о томъ, какой дать распорядокъ учебному матеріалу по закону Божию, мы остановимся на тѣхъ замѣчаніяхъ, которыя дѣлаетъ рецензентъ по технической части преподаванія это-

го предмета. Мы имѣемъ въ виду познакомить читателей только съ критическими замѣчаніями на дидактическіе приемы о. Соколова при преподаваніи закона Божія (главн. образъ священ. исторіи), такъ какъ эти приемы могутъ быть практикуемы даже при различіи общаго плана преподаванія закона Божія. Выходя изъ той справедливой, пожалуй, мысли, что священно-историческіе рассказы не могутъ быть вполнѣ исчерпаны смысломъ дитяти, и даже взрослого, о. Соколовъ полагаетъ необходимымъ достигать этого и рекомендуетъ «совершать психологическій анализъ библейскихъ повѣствованій, равно какъ употреблять и другія ученія герменевтическія средства для ихъ обработки». Чтобы раздѣльно представить себѣ, какъ это все, по мнѣнію о. Соколова, должно быть поставлено, достаточно ознакомится съ приводимыми имъ примѣрными обработками историч. рассказовъ. Впрочемъ мы не станемъ приводить ихъ здѣсь и интересующихся ими отсылаемъ къ самой статьѣ о. Соколова.

Но мы замѣтимъ, что дѣйствительно предлагаемые о. Соколовымъ приемы не болѣе, какъ умничанье, граничащее съ давно осужденнымъ »моральничаньемъ«. Если законоучитель, въ виду цѣли насажденія въ дѣтяхъ нравственности, станетъ освѣщать въ сознаніи ихъ ненормальныя семейныя отношенія и находить эти отношенія даже въ отношеніяхъ Адама и Евы, первыхъ людей, то онъ рискуетъ насадить въ дѣтяхъ превратныя понятія. Дѣти воспитываются не умничаньями, но хорошими живыми примѣрами. Уже то для нихъ нехорошо, что имъ часто приходится быть свидѣтелями семейныхъ сценъ дома, а тутъ еще стануть и въ школѣ раскрывать предъ ними эти сцены и находить ихъ даже тамъ, гдѣ, быть можетъ, имъ не было и мѣста... Вотъ и крайность, къ которой можетъ привести рекомендуемая о Соколовымъ система психологическаго анализа библейскихъ рассказовъ! Безспорно, что опытные законоучители могутъ из-

бѣжать крайностей; а неискусные?... При томъ же извѣстно, что и ученые не свободны отъ крайностей увлеченія началомъ психологическаго анализа библейскихъ сказаній; доказательство на это представляетъ протестантство... Естественно возникаетъ теперь вопросъ: какъ же вести дѣло? Сообщайте священно-историческіе рассказы въ такой же простой и безыскусственной формѣ, въ какую они облечены свящ. писателями, и вы убѣдитесь, что они и достаточно религіозны, и вполне достаточны воспитывать религіозно-нравственно.

Изъ другихъ оригинальныхъ статей въ »Пр. Обзор.« помѣщены: »Апокалипсисъ и обличаемое имъ лжепророчество «*Н. Никольскаго* и «Къ вопросу о свободѣ совѣсти С. Л. Авторъ первой статьи, между прочимъ, доказываетъ, что Апокалипсисъ написанъ ап. Іоанномъ въ 69--70 г., раньше Евангелія, и утверждаетъ, что онъ »по своей ближайшей цѣли въ противоположность современному лжепророчеству долженъ былъ сообщить вѣрующимъ истинное пророчество о судьбахъ церкви и міра«.

Въ мартовской кн. »Правосл. Обзор.« начаты печатаніемъ публичныя чтенія Эрнеста *Навила* подъ заглавіемъ »Христосъ«, а въ апрѣльской »Чудеса Христовы«—переводъ сочиненія *Тренча*, архіеп. Дублинскаго. Въ ожиданіи окончанія этихъ сочиненій, мы пока ничего не скажемъ о нихъ.

Въ мартовско-апрѣльской книжкѣ »*Христіанскаго Чтенія*«, при всемъ видимомъ обиліи статей, нѣтъ такихъ между ними, на которыхъ на нѣкоторое время остановились бы мы въ виду интереса нашихъ читателей. Поэтому ограничимся только указаніемъ содержанія этой книжки.—Первое мѣсто, какъ и прежде, отведено толкованію на кн. прор. Іереміи; предложено толкованіе второй главы (окончаніе), третьей и четвертой. Затѣмъ слѣдуютъ статьи: »Вопросъ о пребываніи св. ап. Іоанна Богослова въ малой

Азіи» (окончаніе) *Успенскаго*; »Государство и общество по законамъ Моисея« *Допухина*; »Обзоръ статей, матеріаловъ и замѣтокъ по русской церковной исторіи въ свѣтскихъ журналахъ за 1878 годъ« *Прилежаева*; »Чтенія« *Тернера*; рѣчь *Ловягина*, произнесенная имъ въ годичномъ собраніи сп.-бургской духовной Академіи (18 февр. 1879 г.), подъ заглавіемъ: »Лингвистическія основанія различія языковъ человѣческихъ«, и статья *Пономарева*: »Труженикъ русской науки«. (П. М. Строевъ).

Православный Собесѣдникъ въ мартовск. и апрѣльск. книжкахъ предлагаетъ вниманію своихъ читателей слѣдующія статьи: »Историческое происхожденіе римской государственной религіи въ связи съ историко-политическимъ развитіемъ римскаго государства«, И. С. *Бердникова*; »Состояніе папства въ IX-XIII вв.«, Н. Я. *Бяляева*; »Китайскіе эмигранты въ Семирѣчинской области Туркестанскаго края и распространеніе среди нихъ христіанства«, Н. П. *Остроумова*; »Три опыта о религіи«, Мелля. Библиографич. замѣтка А. К. *Волкова* и »Отношенія между церковною и гражданскою властію въ византійской имперіи«, Ѳ. А. *Курганова*. Не излагая содержанія этихъ статей, а предоставляя самимъ читателямъ познакомиться съ ними, мы замѣтимъ только, что въ очеркѣ «Китайскіе эмигранты» авторъ его, г. *Остроумовъ*, обѣщаетъ немало »интересныхъ вопросовъ, обсужденіе которыхъ можетъ навести русскаго миссіонера на новыя мысли и уяснить ему одну изъ главныхъ задачъ его—находить наилучшія средства для успѣшнѣйшаго воздѣйствія на новокрещенныхъ, въ интересахъ православной церкви и православнаго русскаго отечества«. Полагаемся на справедливость словъ г. *Остроумова* и ждемъ продолженія его очерка.

Въ »*Чтеніяхъ*« за мартъ и апрѣль помѣщены статьи: »Критическое разсмотрѣніе болѣе важныхъ случаевъ новозавѣтной цитаціи и толкованія въ опроверженіе теоріи аккоммодациі«, И. *Корсунскаго*; »Отношеніе протестан-

товъ къ церковному преданію», Д. *Ивановскаго*; »Сведенборгъ и его послѣдователи«, В. *Лебедева*; »Новое слово объ Аѳоноверской иконѣ Богоматери«, *Епископа Порфирія Успенскаго*; »Притча Господа нашего І. Христа«, *Теренча*; »Іоакимъ, патріархъ Московскій« (продолженіе), свящ. *Смирнова* и »Нѣсколько отвѣтныхъ словъ на брошюру г. Навиля »Католическая церковь и свобода вѣроисповѣданія«, А. *Кирьева*. Отмѣтимъ въ этихъ статьяхъ только слѣдующее.—Пр. *Порфирій* въ своемъ »Новомъ словѣ« исправляетъ свое прежнее мнѣніе. Именно, онъ относилъ прежде (во время перваго путешествія по Аѳону, въ 1845 г.) явленіе Аѳоноверской иконы къ концу десятаго вѣка, не придавая никакого значенія другому свидѣтельству, по которому »явленіе оной иконы относится ко времени иконоборства«. Теперь онъ склоняется на сторону послѣдняго мнѣнія и »исправляетъ свою ошибку«. Въ статьѣ »Іоакимъ, патріархъ Московскій« продолжается характеристика дѣятельности патріарха, какъ реформатора въ области внутренней жизни духовенства и его »административно-экономическаго быта«. Кромѣ того говорится о дѣятельности Іоакима по исправленію и изданію церковно-богослужебныхъ книгъ и объ отиѣненіи имъ обряда шествія на ослати въ епархіяхъ (п. іерусалимскій Досиѳей называлъ этотъ обрядъ »комедіей, игрой папенской«) и упраздненіи мѣста Іуды въ обрядъ умовенія ногъ. Сущность отвѣта г. *Кирьева* г. *Навилю* состоитъ въ томъ, что онъ старается показать, что папство въ своемъ послѣднемъ фазисѣ развитія,—въ провозглашеніи догмата папской непогрѣшимости,—никакъ не мирится не только съ свободою католиковъ въ дѣлѣ религіи, но даже и въ дѣлахъ »гражданскаго и политическаго права«.

Э—ж.

РУКОВОДСТВО

Д Л Я

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
четыре руб., съ пересылкою пять
рублей сереб.

№ 25.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при кievской
семинаріи.

1879 года. Іюня 17-го.

Содержаніе. Затруднительное положеніе приходскаго священника въ нѣкоторыхъ случаяхъ его пастырской практики.—Симбирскіе чуваші и ихъ религіозное состояніе.—Объявленія.—Въ приложеніи: Рѣчь къ поселянамъ предъ наступленіемъ полевыхъ работъ (окончаніе).—Поученіе по случаю кражи.

Затруднительное положеніе приходскаго священника въ нѣ-
которыхъ случаяхъ его пастырской практики¹⁾.

Пріѣзжаетъ женихъ на побывашки: невѣста, на сей разъ, казалась здоровой, и никакихъ припадковъ у ней не возобновилось... »Что-то будетъ на сговоркахъ, на большемъ вечерѣ, при большемъ стеченіи родныхъ и чужихъ?« — думаю я...

Меня зовутъ на сговорки...

— За чѣмъ?—спрашиваю я.

— Прочитать молитву, благословить...

— Да вѣдь я читалъ уже молитву—благословлялъ?..

— Такъ ужъ водится у насъ,—отвѣчаетъ мнѣ отецъ невѣсты.

— А невѣста что?...

— Ничего...

---

¹⁾ См. № 23.

Признаюсь, мнѣ очень не хотѣлось идти для вторичнаго благословенія: въ концѣ концовъ мнѣ все таки хотѣлось, что-бы брачное дѣло это какъ нибудь да разстроилось у нихъ, и я радъ бы былъ душею, еслибы обстоятельства сложились въ этомъ смыслѣ...

— Послушай,—снова напоминаю я отцу невѣсты: вѣдь ты по неволѣ выдаешь свою дочку?!

— Она ничего не понимаетъ...

— Все же, право, я боюсь, какъ бы не случилось съ ней припадка во время самого брака!... тогда не бракъ, вѣдь, будетъ у насъ, а какъ тебѣ сказать?.. Скандалъ!.. Нѣтъ!—Дѣлайте, какъ хотите, безъ меня, а я—умываю руки...

— Вы, батюшко, лишаете меня счастья на вѣки!..

— Не понимаешь ты ничего, почтенный, говорю я: напротивъ, о счастьи-то вашемъ общемъ я и хлопочу... Впрочемъ, этого ты и не поймешь никогда, и по пустому толковать съ тобою нечего... Иди съ Богомъ,—я не пойду къ вамъ: мнѣ некогда...

Черезъ нѣсколько времени снова является ко мнѣ отецъ невѣсты:

— Батюшко,—говорить,—невѣста сама хотѣла было идти къ вамъ и просить васъ для благословенія, да гости уже всѣ давно собрались,—посторонняго народу много,—неловко какъ-то идти самой ей къ вамъ: мы ее и остановили...

— Да правда-ли это?

— Ей Богу, правда!—божился и крестился прихожанинъ.

— Это хорошо,—говорю я. Теперь ты вотъ что сдѣлай: предложи жениху и невѣстѣ, чтобы (когда я приду къ вамъ) они просили меня сходить съ ними въ церковь и отпѣть имъ тамъ молебень; пусть невѣста рядомъ станетъ въ церкви съ женихомъ: чрезъ это она свыкнется какъ

бы съ мыслию о замужествѣ съ этимъ женихомъ, и у ней не будетъ слишкомъ сильныхъ душевныхъ потрясеній въ самый день брака, а это предотвратитъ возвращеніе ея припадковъ.

— Это можно, батюшко, только не теперь;—знаете: какой народъ у насъ!.. Что онъ заговорить?!.. » Что это, скажете, за диво такое, николи небывалое?!«. И безъ того толковни уже много... Вотъ, наканунѣ брака, женихъ опять пріѣдетъ къ намъ: тогда и исполнимъ мы волю вашу...

Я уступилъ и пошелъ въ домъ невѣсты. Благословилъ жениха съ невѣстой, и минутъ черезъ 5 ушелъ... При мнѣ и послѣ меня, какъ узналъ я на другой день, дѣло обошлось *благополучно*... хотя, говорятъ, видно было, что женихъ невѣстѣ не нравится...

Наканунѣ брака отпѣтъ былъ для нихъ молебенъ въ церкви, какъ того желалъ я.

Новое благополучіе!..

Успокоился я...

— *Ѣдутъ!!* Сказали невѣстѣ (какъ передавали мнѣ послѣ).

Само собою разумѣется, что это, на сей разъ магическое, слово должно было произвести въ душѣ невѣсты сильное волненіе чувствъ, и удивляться тому никто не станетъ... Но вотъ что удивительно: невѣстѣ одна пріятельница ея, не задолго до пріѣзда въ село наше будущаго князя¹⁾ съ его свитой, вручила *янтарныя бусы* и во-лѣла ей непременно сейчасъ-же надѣть ихъ на шею,—для того, »чтобы не испортили-дескать ее и чтобы,—если уже она испорчена,—предотвратить вредныя послѣдствія порчи... Надѣла невѣста янтарныя зубы... Чтоже? Лишь только сказали ей: *ѣдутъ*, и лишь только пришла она въ сильное волненіе чувствъ,—какъ вдругъ *нѣсколько бусери-*

¹⁾ Такъ величаютъ у насъ дѣвѣны въ пѣсляхъ своихъ молодого,—на вечерѣ послѣ брака,—молодую же величаютъ княгиней.

нокъ (небольшихъ круглыхъ шариковъ съ отверстіемъ въ срединѣ) *разлетѣлись* на мелкія части, и изъ оконечности совершенно *здороваго мизинца* правой руки потекла *кровь, смѣшанная съ водой и пѣной!*.. Чудеса эти совершились во очію домашнихъ невѣсты и нѣкоторыхъ лицъ постороннихъ... Невѣста поблѣднѣла, ослабѣла и изнеможеннымъ голосомъ проговорила: »дайте, говорить, мнѣ св. Богоявленской воды«!.. Богоявленская вода возымѣла свое благотворное дѣйствіе: мало по малу начала возстановлять силы невѣсты и скоро совершенно прекратила истеченіе крови изъ пальца, не оставивъ на немъ ни малѣйшаго знака какого-либо поврежденія, въ родѣ рубца напрімѣръ и т. п....

Меня зовуть съ крестомъ проводить къ »вѣнцу« изъ дома невѣстива сначала жениха, потомъ невѣсту... Уныло невѣста, ведомая подъ руки, шла *подъ вѣнецъ!*... Стеченіе народа на этотъ бракъ было необычное: слишкомъ уже было его много,—и при этомъ въ храмѣ была величайшая тишина, тоже не совсѣмъ обычная у насъ!... Всѣ молились »почему-то«,—и, кажется, *ничто печальное* чувствовалось всѣми, при этомъ торжественномъ таинствѣ....

Бракъ совершился... Отпировали женихъ съ невѣстой, ихъ родные и знакомые свадебку... Какъ же живутъ теперь молодые?...

— Батюшко! сказала мнѣ разъ,—спустя нѣсколько времени послѣ этого брака,—мать молодой: вѣдь мы сгубили дочку свою,—по дѣломъ вы совѣтовали намъ отказать жениху!...

— Что такое?!.. Развѣ плохо живутъ молодые? спрашиваю.

— И тулуна-то,—отвѣчаетъ,—у молодого нашего нѣтъ; что вѣнчался въ которомъ,—чужой былъ,—взять на про-

бать; и рубашки-то, что казали намъ, чужія были; и самоваръ то съ чайными чашками чужой; и хлѣба-то въ амбарѣ было много чужева, братнева, что отдѣлился отъ нихъ и въ Питерѣ живетъ; братъ хлѣбъ свой выгребъ теперь изъ амбара, да и продалъ весь; самоваръ и прочее все то же братнево было больше, и тоже взято вскорѣ послѣ свадьбы и увезено теперь имъ въ Питеръ... За то семья у нихъ вдругъ прибыло: намъ показали, — какъ смотрѣли домъ-то мы, — 6 человѣкъ семьи, а теперь вдругъ стало 10, — наша 11-я уже!.. Видите: у нихъ живетъ постоянно дочка свекрови то — солдатка съ дочкой-же своей, — да еще отъ одной выданной дочки живетъ съ малолѣтства дочка-же, — да отъ *гулящей* дочки — *дѣвки* живетъ дочка-же, еще, слышь, парня скоро привезутъ отъ нея!.. Ихъ скрыли, когда мы прѣзжали къ нимъ, а теперь всѣ онѣ явились... И пускай бы ладъ, порядокъ былъ какой въ семьѣ: ничего этого нѣтъ... Свекровь злодѣйкой-лиходѣйкой оказалась: на первыхъ же порахъ начала обрывать, обзывать мою дочку... Старшій братъ моего-то зятя, что живетъ съ нимъ вмѣстѣ, 11-й годъ, какъ женился, никогда не зывалъ свою жену по имени: его женили на ней по неволѣ, слышь, и терпитъ она отъ него всяческія истязанія, да и у всей семьи въ *загонъ*: всѣ, начиная отъ свекрови до послѣдняго малаго ребенка, помыкаютъ ей, *всю баре, она одна рабыня*, что прикажутъ ей, — хоть заловка, хоть кто, — то она и дѣлаетъ, да и приказываютъ то вѣдь какъ? все съ издѣвательствомъ, да съ ругательствами; заловка у нихъ, примѣрно, полу даже никогда не примететъ; работаетъ сноха у нихъ съ утра до вечера, словно лошадь, — а одежонки путной нѣтъ, — на валеныхъ сапогахъ заплатъ 50, кажись, есть; новая одежда шьется у нихъ для выданныхъ дочерей и ихъ дѣтокъ, да не для выданной еще заловки, — а снохѣ достаются одни лишь обноски; хлѣбъ, масло скромное и вся-

кая всячина туда-же на сторону идти, окромя того, что и дома *чужіе-же* поѣдаютъ ея работу... Вѣстимо,—матѣ жалко своихъ дѣтокъ, .. а другимъ-то что?. Что за неволя другимъ работать на нихъ?... На чужихъ работать должна будетъ и наша дочка, и ей тотъ же *загонъ* грозить ото всѣхъ, какъ и той снохѣ... Еремей (мужъ молодой) хотъ и любить ее, но съ сихъ уже поръ началъ куражиться и издѣваться надъ нею разными манерами.. А ругатель-то какой!.. Безъ сввернаго слова ни на шагъ!... Вѣдь и ровно спущенье какое на насъ,—Господи помилуй!. До свадьбы всѣ въ одинъ голосъ расхваливали его,—а теперь... всѣ, ровно какъ нарочно, въ грошъ его не ставятъ: и ничего-то онъ не промышляетъ, и портной-то онъ плохой, и маляръ-то онъ неклевой, и плотникъ-то неугожій,—а буде что и промыслить, говорятъ, на чужой сторонѣ,—то разноситъ по бабакамъ, да по дѣвкамъ!.. Этта дочка-то моя провожала его въ городъ—на заработки: таѣ онъ и *коньечнаю сусленика* (пряника такого) своей молодеѣ не купилъ!.. Здѣшніе знакомые ребята, бывшіе въ городѣ, и смѣются тамъ въ глаза моей-то: »что Евгенья Филиповна,—говорятъ,—твоему-то Еремею, видно, ничего здѣсь не продаютъ?!.. «

— Грустно, грустно все это,—говорю я.

— Да вѣдь и грузно-то, батюшко, какъ!.. Приѣхала она къ намъ, проводивши муженька то хорешева: въ слезы, въ слезы!!!.. Боимся, какъ бы надъ собой чего не сдѣлала!...

— Что же, говорю, развѣ она сбнаруживаетъ къ тому какія-либо поползновенія?

— Не за милаго—не за милаго и есть—замужъ она вышла!.. И теперь, говоритъ, не могу его полюбить!.. А плохая-та ей жизнь тамъ еще больше отвратить ее

отъ мужа, еще пуще опостылѣть онъ ей... Боимся, боимся, батюшко!.. Вѣдь ужаси подобно, что она разсказала намъ теперече! До свадьбы еще по два раза она хотѣла зарѣзать себя!.. Да Богъ, видно, еще не вдосталь прогнѣвался на насъ!.. Въ первый разъ положила она, слышь, подъ подушку на ночь ножъ: *»я, говоритъ, какъ уснутъ всѣ, такъ этотъ ножъ и вонжу прямо въ сердце свое!«* И таково, слышь, радостно ей было, когда она рѣшилась на это!.. А какой-то тайный, ласковый, говоритъ, а вѣстимо уже дьявольскій—голосъ шепчетъ ей на самое ухо: *»заплети, говоритъ, одну косу: о двухъ косахъ не умираютъ!«*.. Заплела она одну косу... Только ночью искала, искала подъ подушкой ножа,—никакъ не могла найти: Богъ вѣсть, куда пропалъ! Такъ и отступилась... Въ другой разъ тоже, съ такими же мыслями, положила она на ночь подъ подушку ножъ, а рядомъ съ нею, на тотъ разъ, ночевала у насъ ея подруга... Подруга во снѣ скатилась какъ-то на эту подушку... Когда Евгенья моя стала искать ножа: ущупала востріе его, но никакъ не могла вытащить ножа изъ подъ подушки: такъ крѣпко лежала на ней ея подруга!.. А когда сильнѣе она стала домогаться взять ножъ за ручку, подруга ея пробудилась и помѣшала ей... *»Я, говоритъ, и теперь.. только о томъ и думаю!«* вотъ что, батюшко, говоритъ намъ Евгеньюшка-то наша !.. Прогнѣвили мы Царя небеснаго!.. Не даромъ бѣсы ее взяли и уносили ее изъ дому; не даромъ представлялись ей; не даромъ слышала она ихъ голосъ; не даромъ и теперь не отступаютъ отъ нея!..

— Ужели и теперь вліяютъ на нее бѣсы?...

— Вліяютъ, батюшко, вліяютъ!.. Недавно, вотъ, ночью, въ Егорьевѣ-то, слышь (куда выдана ея дочь), всѣ спятъ, а Енюшка моя раздумалась—глазъ не смыкаетъ!... Только вдругъ видитъ огромнѣйшую бабу, повязанную бѣлымъ

платкомъ и въ бѣлой рубахѣ: баба распростерла свои длинныя руки и начала, въ эдакомъ видѣ, нагибаться надъ нею: »что ты дѣлаешь?!« изъ всей мочи, страшно испуганнымъ голосомъ, вскричала дочка. Пробудился мужъ ея,—баба пропала... Мужъ не повѣрилъ, посмѣялся и уснулъ... Дочка моя немного опомнилась отъ страха, лежить, не спать... Только опять вдругъ слышитъ: кто-то съ шумомъ идетъ по сѣнямъ къ двери дома,—отворяется дверь въ избу, и входятъ туда два мужика,—одинъ тащитъ козлы (на которыхъ пилать тесъ), другой—бревно; идутъ, разговариваютъ о чемъ-то между собою, хохочутъ; устави козлы; начали пилить; шумъ, стукъ поднялся,... отпилили нѣсколько тесинъ; одинъ изъ мужиковъ послѣ того сказалъ: *»надо смѣять, говорить, великъ-ли гробъ ей нуженъ«*, и тутъ же пошелъ къ ней—обмѣривать ее, подошелъ къ ней самой,... вотъ онъ до тронулся до нея жесткими—быть желѣзными руками.... Тутъ такъ уже испугалась она, что совсѣмъ обезпамятѣла!.. Когда опомнилась,—увидѣла около себя мужа и свекровь... Мужъ сказалъ ей, что она такъ крѣпко схватилась за рукавъ рубашки его, что издрала рукавъ и оставила синіе знаки на рукѣ его!... Вотъ что, батюшко-кормилецъ нашъ, случается теперь съ дочкой то нашей!.. Я не говорю уже объ ея денно-ночной тоскѣ-кручинѣ, печали и слезахъ... Какъ-же не бояться то намъ, чтобы она не сдѣлала чего надъ собой, коли съ ней бывають эдакія вещи, и коли сама она говоритъ, что о томъ только и думаетъ теперь? *Лучше для меня,—отраднѣе,—говорить, скрыть глаза свои на вѣки вѣчныя!?*..

— Жаль!!.. Жаль!!.. говорю я, ломая себѣ руки... Но теперь дѣло сдѣлано и надобно мириться съ нимъ... Вотъ что посовѣтуйте вы своей дочкѣ:

1) Признать въ совершившемся бракѣ волю Божию и смиренно покориться ей . Если съ дочерью вашею случались и случаются »страшныя вещи«,—такъ это именно отъ того, что не хочетъ она, стало быть, признать, что обстоятельствами жизни нашей, особливо-же такими важными, какъ вступленіе въ бракъ, управляетъ промыслъ Божій... Это съ ея стороны-гордость, а за гордость,—скажи ей,—самый первый Ангелъ сдѣлался дьяволомъ и низвергнуть съ неба въ преисподнюю... Когда она покорится волѣ Божіей, тогда прогонитъ отъ себя бѣсовъ, освободится отъ губельнаго ихъ дѣйствія, избавитъ себя отъ тоски, кручинъ и уныній—этихъ дьявольскихъ грѣховъ, и начнетъ,—если не любить, по крайней мѣрѣ, жалѣть своего мужа: отъ бѣсовъ, вѣдь, у ней и отвращеніе къ мужу,—вѣдь это они раздуваютъ въ ней пламя ненависти къ нему!...

2) Выясните въ дочкѣ своей *смыслъ земной жизни нашей*,—скажите ей, что эта жизнь дана намъ для нашего приготовленія къ будущей вѣчной блаженной жизни,—что *не розами* долженъ быть усыпанъ, по благому и премудрому намѣренію Господа, путь къ этой будущей блаженной жизни, а *терніемъ колючимъ*, а потому не удовольствій и веселья ожидать намъ слѣдуетъ отъ здѣшней жизни, а скорбей, печалей и *креста*, и что то самое, что теперь сильно намъ не нравится,—это-то самое и можетъ быть впоследствии для насъ спасительно, это то и дастъ намъ право на блаженство вѣчное, если только непріятности и скорби нынѣшнія терпѣливо, съ покорностію волѣ Божіей переносить мы будемъ... Терпѣніе—терпѣніе ей и всѣмъ намъ нужно нынѣ: *въ терпѣніи вашемъ спасайте души ваши*, говоритъ намъ Спаситель нашъ!.. Въ противномъ случаѣ, т. е. когда въ скорбяхъ и

печалихъ мы предаваться будемъ унынію и отчаянію,—то эти скорби и печали не ко спасенію вѣчному приведутъ насъ, а къ погибели вѣчной... Вотъ дочь ваша говоритъ вамъ, что »отрадиѣ для нее закрыть глаза на вѣки и не видѣть свѣта Божьяго«... Понимаетъ ли она, что говоритъ? »закрыть« глаза недолго... но мы, вѣдь, можемъ, и то на время лишь, закрыть тѣлесные только глаза свои, а не духовные... Какими глазами она видитъ, —какъ рассказываетъ ты,—то, чего другой не видитъ?... Какимъ чувствомъ слышитъ то, чего никто другой не слышитъ?!. Глазами и чувствомъ-духовными... Эти духовныя очи наши, эти духовныя чувства, иначе-душу нашу, мы не скроемъ нигдѣ, не уничтожимъ никогда: умереть и будетъ лежать въ землѣ, до времени, тѣло наше, но душа наша не умереть никогда и должна будетъ, по смерти тѣла, предстать Богу на судъ.... Мы »скроемъ« насильственно, самоубійствомъ, тѣлесныя глаза свои, но лишь только сдѣлаемъ это,—какъ вдругъ сейчасъ-же увидимъ... не свѣтъ только Божій, конечно,—а тьму кромѣшную и страшныхъ злыхъ духовъ.. А каковы эти демоны,—хорошо-ли быть—водиться съ ними,—это дочь ваша испытала уже нѣскольکو... И если тяжело и мучительно быть намъ подъ вліяніемъ бѣсовъ нынѣ, когда Богъ не совсѣмъ еще отступился отъ насъ,—когда мы не можемъ еще видѣть демоновъ во всемъ ихъ безобразіи, и когда они не въ состояніи еще излить на насъ всю злобу свою: что-же будетъ съ нами тогда, когда Богъ совсѣмъ отступится отъ насъ и отдастъ насъ въ полное владѣніе демонамъ?!. Вмѣстѣ съ ними мы вѣчно будемъ горѣть тогда *въ огнѣ неугасающемъ, для нихъ и для насъ-нечестивыхъ человѣковъ отъ вѣка приготовленномъ*... Итакъ лучше потерпѣть здѣсь временно, чѣмъ мучиться тамъ вѣчно...

3) Впрочемъ,—объясните вы и то дочери своей, что Богъ не посылаетъ на насъ искушеній *выше силъ нашихъ*, и не запрещаетъ намъ принимать мѣръ къ огражденію себя отъ бѣдъ и скорбей, особенно, когда видимъ мы, что не подъ силу намъ бороться съ ними, не подъ силу переносить ихъ. Намъ данъ разумъ, у насъ есть законы, которыми должны отвращать отъ себя, насколько возможно, страданія и несчастія. . Вы узнали, на примѣръ, что васъ обманули, что, вмѣсто 6 человѣкъ, оказалось у новой родни вашей 10 человѣкъ семьи,—что семья эта безпорядочная и управляется самодурствомъ женщины: никто не принудить дочку вашу работать на 10 человѣкъ и въ награду за это получать одно лишь издѣвательство, одни лишь грубости ото всѣхъ,—вашъ Еремей можетъ отдѣлиться отъ матери и брата, взять себѣ отъ нихъ свою часть и жить вдвоемъ; тогда дочкѣ вашей и трудиться, думаю, будетъ пріятно, а главное—этотъ раздѣлъ удалить отъ нихъ разные семейные соблазны, ссоры и раздоры и разъ навсегда уничтожить одну изъ немаловажныхъ причинъ, пренятствующихъ дочери вашей полюбить, какъ слѣдуетъ, своего мужа...

— Ахъ, батюшко, какъ и раздѣлиться то имъ?—Вѣдь, matka выпихнетъ ихъ на голый снѣгъ ни съ чѣмъ?!

— Это по какому праву?

— По нашему—мужицкому... Вонъ Петруха Копыринскій женился, да и хотѣлъ раздѣлиться: такъ matka-то выбросила его изъ дому, въ чемъ родила только!... Онъ было жаловаться въ Правленіе, а въ Правленіи его же судятъ то—наши мужики велѣли маткѣ отпороть!... Такъ ни съ чѣмъ и ушелъ онъ отъ матки! Вѣдь, и нашему Еремею такая-же честь, пожалуй, будетъ!..

— И то надо, батюшко, сказать,—заговорила женщина,— какъ и жить-то, вѣдь, станетъ Еремей нашъ, коли раздѣлится съ матерью?? Какъ онъ да не будетъ ничего промышлять,—а что и промыслить, станетъ проматывать?!. Тогда, вѣдь, совсѣмъ *нищіе* они будутъ!.

— Не довѣряйте вы, Бога ради, всякаго рода сплетнямъ о вашемъ Еремее! Людское мнѣніе не постоянно, какъ вѣтеръ, что сами вы уже извѣдали на томъ же Еремее вашемъ. Дурно, люди отзываются о другихъ почти всегда по самымъ сквернымъ побужденіямъ, по зависти напримѣръ,— по злобѣ и враждѣ, по желанію сѣять ссоры и раздоры въ семьяхъ и самимъ чрезъ это самое ловить рыбку въ мутной водѣ и т. д. Не думаю я такъ дурно о вашемъ Еремее, какъ вамъ натоковали. Что у него нѣтъ хорошаго тулуна и иныхъ подобныхъ вещей: это ничего еще не значить, ничего не доказываетъ... Хорошіе люди — не сплетники; вамъ же, вѣдь, объясняли, и вы знаете уже, что деньги, которыя зарабатывалъ Еремей вашъ, у него всегда отбирала его мать и не на его потребности собственно употребляла,—а на потребности другихъ;—объясняли, что онъ призывался нынѣ къ жеребью, готовился въ солдаты,—жениться не думалъ, а потому и самъ не заботился обзавестись хорошей одеждой;—объясняли, что онъ не хотѣлъ жениться и тогда, когда избавили его отъ рекрутства,—не хотѣлъ потому именно, что не завелъ еще для того приличной одежды;—объясняли, что если и женился онъ нынѣ, то потому только, что *принудили его къ тому мать его и его братъ — Питерщикъ*... Изъ этого видно, что Еремей вашъ-человѣкъ совсѣмъ не худой, а напротивъ-хорошій, честный, хотя и не совсѣмъ съ твердымъ характеромъ... *Пожалтъ* вамъ надо его, а не поносить вмѣстѣ съ другими,—пожалтъ и постараться устроить его и вашей до-

чери взаимное благополучіе благоразумными и законными путями... Грѣхъ вамъ и вашей дочкѣ жаловаться на печальную судьбу свою, когда сами вы не видите еще ничего особенно дурнаго въ вашемъ Еремѣѣ!... Молитесь-ка лучше больше Богу за него и за себя,—молитесь, чтобы Господь милосердый устроилъ все къ лучшему,—къ общему вашему благу и спасенію...

Много и другихъ хорошихъ словъ говорилъ я въ утѣшеніе женщинѣ—матери молодой Евгеніи, но не много, кажется, утѣшалась она ими; да признаюсь,—и самъ я не чувствовалъ въ душѣ своей успокоенія, и неотвязчивый вопросъ: »правильно-ли я-то поступилъ,—не погрѣшилъ-ли передъ Богомъ, сочетавши бракомъ *Ермія съ Евгенією*,—или неправильно и погрѣшилъ«,—вопросъ этотъ преслѣдовалъ меня и во время самыхъ разговоровъ съ женщиной, какъ преслѣдовалъ ранѣе этихъ разговоровъ и какъ преслѣдуетъ теперь...

— Не знаешь-ли ты,—спросилъ меня въ заключеніе знакомый мнѣ пастырь-разскащикъ,—не знаешь-ли—не умѣешь ли отвѣтить мнѣ на вопросъ этотъ?

— На твоёмъ мѣстѣ,—говорю я,—кажется, и я въ этомъ дѣлѣ брачномъ поступилъ-бы точно также, какъ и ты... Лучшее этого отвѣчать тебѣ *не знаю, не умю какъ*... А вотъ у меня братъ есть??..

— Что братъ?

— Ну-и онъ не знаетъ...

— Шутить изволите?—серьезно замѣтилъ мнѣ знакомый мой,—а мнѣ, братъ, совсѣмъ не до шутокъ, совсѣмъ не до смѣха, коль скоро недоумѣніе и скорбь гнетутъ и давятъ мое сердце!...

— И въ моемъ смѣхѣ,—другъ ты мой сердечный,—вразумляю я,—ты *прозирай незримыя* невѣдомыя *міру слезы*¹⁾...

Священникъ *Аркадій Левашевъ*.

¹⁾ Упоминаемый авторомъ священникъ, какъ видно, одинъ изъ лучшихъ приходскихъ священниковъ; поставленный въ затруднительное положеніе, онъ дѣйствовалъ по крайнему своему разумѣнію и съ осмотрительностію; жаль только, что онъ поддался крайней мнительности, предоставилъ дѣло теченію обстоятельствъ, довелъ его до послѣдней крайности. Онъ ясно видѣлъ, что невѣсту выдаютъ замужъ насильно, а такіе браки закономъ положительно запрещаются (Уст. Дух. Конс. ст. 217); ему также исполнѣ извѣстно было, что невѣста страдаетъ припадками умопомѣшательства, опасался даже, чтобы такіе припадки не случились съ нею во время самого браковѣнчанія, а браки, при сумасшествіи одного изъ брачующихся (отъ чего-бы это сумасшествіе не происходило-отъ вліянія ли слѣпой страсти или другихъ причинъ), тоже не дозволены закономъ (Св. Зак. т. X ч. 1 ст. 5, 34, Уст. Консист. ст. 217). Въ виду такихъ данныхъ ему нужно было-бы поступить исполнѣ рѣшительно и настойчиво,—прямо отказаться отъ повѣнчанія. Напрасно было и смущаться тѣми доводами, какіе предъявлялъ ему отецъ невѣсты... Въ самомъ дѣлѣ, что за счастье могло ожидать невѣсту, когда нежеланіе ея вступить въ бракъ съ немилымъ довело до умопомѣшательства? Какое-бы и безчестіе было для жениха, если отецъ невѣсты не выдалъ ее за него, по причинѣ болѣзни? И никакой судъ не приговорилъ-бы отца невѣсты заплатить за мнимое безчестіе жениху. Нечего было и тревожиться тѣмъ, что невѣста, отказавшись выйти замужъ за немилаго, будто навсегда останется въ дѣвницахъ и ея сестры-тоже; конечно, поговорили-бы, посудили, да и забыли. Народная молва очень измѣнчива, въ чемъ имѣлъ случай убѣдиться и самъ священникъ: жениха сначала хвалили, на чемъ свѣтъ стоитъ, а потомъ не знали, какъ и осрамить. Редакц.

Симбирскіе чуваші и ихъ религіозное состояніе.

Православная русская церковь благоуспѣшно совершаетъ великую миссію просвѣщенія христіанствомъ инородцевъ, живущихъ въ разныхъ сторонахъ широкой Россіи. Миссіи, получившія свое бытіе не такъ давно, успѣли уже при усиленныхъ трудахъ распространить православіе въ Иркутской губерніи и забайкальскомъ округѣ, въ Тобольской епархіи и Туруханскомъ краѣ, въ Якутской и Камчатской епархіяхъ, въ Казани и окрестныхъ къ ней епархіяхъ, въ Астрахани и на Кавказѣ,—и наконецъ въ Китаѣ и Японіи ¹⁾. Главными дѣятелями, подъ руководствомъ и по указанію епархіальныхъ архіерсевъ, состоятъ православные священнослужители, и еслибы возможно было изобразить подробно участіе въ миссіонерской дѣятельности каждаго изъ нихъ, то мы имѣли бы полное представленіе о широкихъ миссіонерскихъ трудахъ ихъ ²⁾. Но въ свѣдѣніяхъ о миссіонерскихъ трудахъ нашихъ священнослужителей находимъ извѣстія преимущественно о ихъ катихизаторствѣ, о дѣятельности ихъ въ обращеніи инородцевъ въ христіанство посредствомъ просвѣщенія св. крещеніемъ и учрежденія христіанскихъ школъ въ обращаеваемыхъ въ христіанство инородческихъ общинахъ. А того, на какихъ основаніяхъ производилось это просвѣщеніе христіанствомъ инородныхъ язычниковъ, не пояснено. Но вотъ въ прошломъ году въ Казани напечатана не большая, но очень хорошо изданная книжка священника Мальхова, подъ заглавіемъ: »Симбирскіе Чу-

---

¹⁾ Мы недавно имѣли случай видѣть нѣсколько Японскихъ книгъ религіознаго содержанія, переведенныхъ съ славянскаго и русскаго языковъ на японскій нашими японскими миссіонерами.

²⁾ Смотр. еженед. изданіе Миссіонеръ; при этомъ журналѣ продается сборникъ свѣдѣній о православныхъ миссіяхъ и дѣятельности миссіонерскаго общества. М. 1872 года 2 книги.

ваши и поэзія ихъ». Правильнѣе эту книгу можно бы озаглавить такъ: »Симбирскіе Чуваши и ихъ религіозное состояніе«. Въ этой книгѣ изображаются языческія вѣрованія чувашъ и примѣсь ихъ къ христіанству даже въ настоящее время у принявшихъ уже христіанскую вѣру чувашъ. По нашему мнѣнію, эта книжка заслуживаетъ вниманія уже потому одному, что указываетъ предварительное знакомство нашихъ миссіонеровъ съ ложными вѣрованіями языческаго культа инородцевъ и потому даетъ возможность направлять свою проповѣдь къ искорененію этихъ вѣрованій. Медицина требуетъ, чтобы врачъ зналъ всѣ признаки болѣзни, отъ которой надобно лѣчить больного, чтобы дать ему средства, противодѣйствующія болѣзни. Тоже требуется и въ религіозномъ врачеваніи людей съ ложными вѣрованіями. Признаніи фальшивыхъ сторонъ вѣрованія нехристіанскаго, легко направить противъ него уроки и наставленія въ православной вѣрѣ.

Поэтому мы, по указанію книжки священника Мальхова изобразимъ религіозное состояніе чувашъ въ язычествѣ и двоевѣріе ихъ, до принятія христіанства, а потомъ укажемъ, какъ удобнѣе при этомъ поступать съ нетвердыми въ вѣрѣ, для полнаго утвержденія ихъ въ православіи.

Если и во всей нашей православной Россіи, содержащей христіанство цѣлое тысячелѣтіе, доселѣ остались слѣды двоевѣрія, т. е. примѣсь древняго языческаго культа къ христіанскому вѣрованію, то еще болѣе встрѣчается двоевѣрія въ инородческихъ племенахъ, обращенныхъ не такъ давно въ христіанскую вѣру. Православная Русь и теперь еще приравниваетъ къ христіанскимъ праздникамъ древніе языческіе. Такъ напримѣръ Перунъ приравнивается къ пророку Іліѣ, св. Власій къ богу Волосу, и пр. Остаются также въ памяти народа доселѣ вѣрованія въ домовыхъ, вѣдьмъ, лѣшихъ и тому подобныхъ враждебныхъ человѣку міеологическихъ

существъ. Тоже самое и еще въ большей мѣрѣ приравнивается къ христіанству и у чувашъ.

Чуваши начали просвѣщеніе христіанствомъ только въ царствованіе Петра великаго. Просвѣщеніе христіанствомъ шло успѣшно, и потому теперь чувашъ, не принявшихъ христіанства, остается только нѣсколько десятковъ. Но не смотря на принятіе христіанства, чуваши, при совершенномъ невѣжествѣ и противоборственной христіанству пропагандѣ магометанъ, доселѣ не приведены въ сознаніе православной вѣры. Они не отрѣшились еще отъ своей языческой мифологіи.

Вѣровали чуваши, пока были язычниками, въ два начала: доброе и злое. Доброе *Тора*—Богъ, злое *Шантанъ*—дьяволъ. Доброму богу *Тора* чуваши приписывали слѣдующія имена: Всевышній, Великій, Всеблагій,—Вседержитель, почивающій въ верховномъ совѣтѣ божественнаго семейства¹⁾. Въ этомъ семействѣ первое мѣсто занимаютъ: всевышняя богиня—мать и дѣти ея. Первенецъ у *Тора* былъ *Кереметь* (звѣзда), властитель міра надзвѣднаго. Съ земнымъ міромъ онъ сообщается посредствомъ подчиненныхъ ему тоже добрыхъ существъ, называемыхъ *бродящими*. Но и самъ онъ ходилъ или разъѣзжалъ по землѣ на бѣлыхъ коняхъ. Къ Керемети и по принятіи христіанства чуваши обращаются съ молитвою въ родѣ слѣдующей: »Русскій Богъ, Всевышній Богъ, да предстанетъ предъ тобою молитва наша, остави грѣхи наши, Боже, и спаси насъ и помилуй«.

---

¹⁾ Въ книжкѣ о. Мальхова всѣ наименованія божествъ приводятся и по чувашски, и по русски. Мы не внесли въ это обзорѣіе именъ чувашскихъ, кромѣ немногихъ божествъ. Полагая, что это не пужно для читателей, не знакомыхъ съ чувашскимъ языкомъ, мы ограничились переводомъ ихъ.

Въ числѣ добрыхъ божественныхъ существъ чувашши насчитывали множество подчиненныхъ Богу *Тора*. Вотъ нѣкоторые изъ именъ ихъ: богъ здѣшняго міра, предстоящій лицу великаго бога,—судьба, или рокъ—богъ, управляющій судьбами существъ земныхъ и подземныхъ. Этому богу содѣйствуютъ Пюлюхси и Пигамбаръ. Пюлюхси есть вѣстникъ, богъ, раздающій, по назначенію рока, счастливые и несчастные жребіи. Онъ богъ семейный, имѣющій жену и дѣтей. Отъ него исходятъ богатство и бѣдность. Пигамбаръ есть богъ, сообщающій пророческія видѣнія знахарямъ и вообще раздающій душевныя дарованія; онъ же хранитъ людей и стадо отъ хищныхъ звѣрей. Есть у чувашъ и геній хранитель, съ сопровождающимъ его помощникомъ. Это благодѣтельный богъ, покровитель супружеской жизни Былъ также у чувашъ богъ—отецъ земли и воды, богъ семейный. Были: богъ солнца съ женою и дѣтьми, богъ мѣсяца съ семействомъ, богъ грома и молніи, котораго звали дѣдушкой. Были еще божества: богъ вѣтровъ и урагановъ—богъ семейный, богъ, обитающій въ воздухѣ и сообщающій женамъ даръ дѣторожденія, богъ, влагающій душу младенцамъ, богъ оплодотворяющій землю, богъ воздушный, спасающій плавающихъ по водамъ и утопающихъ, богъ одноглазый, покровитель мануфактуры, богъ ходатай, »приносящій молитвы людей къ вышнимъ, небеснымъ богамъ. Были и еще божества: хранитель вратъ небесныхъ, хранитель путешествующихъ, домовъ, дворовъ домашнихъ животныхъ и наконецъ *Сирди Падша* съ семействомъ—земной царь.

Много добрыхъ божествъ насчитывалось въ чувашскомъ политеизмѣ, напоминающихъ даже греческую мифологію, но немало и злыхъ, враждебныхъ человѣку. Начало злое *Шайтанъ* дьяволъ также не безсемейный. У него въ подчиненіи и распоряженіи ангелъ смерти (Эсрель), духъ, поражающій глазами и кожей болѣзнями, духъ, поражающій корчами и онѣмѣніемъ членовъ, лѣшій, домовый и вѣдьмы, скрадывающія мѣсяцъ.

Но, кромѣ поименованныхъ здѣсь чувашскихъ божествъ, у чувашъ особенно почитался *Кереметь*. Вотъ преданіе объ этомъ божествѣ. Кереметь ѣздилъ по землѣ на бѣлыхъ коняхъ и былъ убитъ людьми. Тѣло его было сожжено, и прахъ его разсѣянъ по землѣ. По этому онъ лишился общенія съ небомъ; но отъ праха его выросли лѣса, открылись поля и овраги, и изъ нихъ Кереметь сталъ мстить людямъ за свое убіеніе. Въ умилоствленіе Керемети чуваша приносятъ жертвы въ лѣсахъ, поляхъ и оврагахъ. Въ случаѣ какого-либо общественнаго бѣдствія Керемети приносятся великія жертвы, преимущественно изъ бѣлыхъ животныхъ. При совершеніи жертвы (чукъ), начинается дикая оргія, оканчивающаяся съѣдѣніемъ всего лучшаго изъ жертвеннаго приношенія. При этомъ не дозволяется ни вспоминать о Богѣ, ни креститься.

Есть и еще второстепенныя Керемети: серебряная кереметь, кереметь пяти холмовъ, елевая кереметь, кереметь красной земли, кереметь милостивая и кереметь злобная. Эту послѣднюю кереметь призываютъ въ помощь для отомщенія врагамъ за обиды. Вотъ какую молитву въ такомъ случаѣ возносятъ къ ней чуваша:

»Грозная Кереметь,
Злая Кереметь!
Скорѣй возьми его,
Казни его...
Чтобъ сгнбнуть ему,
Чтобы волею его съѣлъ,
Чтобъ моромъ его побрало«.

Но теперь Кереметь и прочія божества языческаго культа стали мало по малу забываться чувашами, и отчетливую перечень ихъ не можетъ составить ни одинъ чувашъ. Грамотность, изученіе русскаго языка и особенно познаніе истинъ христіанской религіи ослабили вліяніе языческой чувашской

религiи до того, что даже рѣдкій старожила съумѣетъ передать преданiя отцевъ и старины.

Изъ устарѣлыхъ вѣрованiй, впрочемъ, нѣкоторыя привились и, такъ сказать, приросли къ христіанству. Такъ съ почитаньемъ Пресвятыя Богородицы связывается у чувашъ и доселѣ воспоминаніе о всевышней богинѣ матери и дѣтяхъ ея. Съ вѣрованіемъ объ ангелахъ добрыхъ соединяется воспоминаніе о Пюлюхси. Богъ хранитель отъ звѣрей приурочивается къ св. Георгію побѣдоносцу; богъ благодѣяній и покровитель супружеской жизни—это ангелъ хранитель; богъ грома и молніи—Илія; богъ хранитель вратъ небесныхъ—это св. ап. Петръ. А изъ злыхъ, хотя и не очень страшныхъ существъ, приурочиваются къ русскимъ предразсудкамъ лѣшіе, домовый и вѣдьмы, украдывающія мѣсяцъ.

Изъ повѣрій и обрядовъ, оставшихся у чувашъ отъ языческаго культа, доселѣ уцѣлѣли, или, лучше сказать, переплавлены: празднованіе пятницы, свадебные обычаи и поминовеніе усопшихъ.

1) »*Празднованіе пятка*, замѣчаетъ с. Мальховъ, сходное съ татарскимъ, совершается по тому случаю, что въ пятокъ, по понятію чувашъ, посланники Всевышняго Бога объѣзжаютъ съ благодѣтельной цѣлю міръ и въ тоже время наблюдаютъ: не работаютъ ли въ этотъ праздничный день чуваша, и не топятъ ли жены ихъ печей. Подобное нарушеніе святости дня сего влечетъ наказаніе Божіе: или падежъ скота, или неурожай хлѣба«. Празднованіе это, очевидно, внесено къ чувашамъ отъ магометанъ, чтущихъ пятницу.

2) »*Свадебные обычаи и обряды*. У чувашъ мѣсяцъ іюнь называется дѣвичьимъ. Въ эгомъ мѣсяцѣ сватаютъ невѣсть. Послѣ сватанья и уговора о калымѣ, т. е. о вѣнѣ, платимомъ за невѣсту, не болѣе какъ въ 60 рублей, назначается день брака. Виродолженіи трехъ недѣль до брака,

со стороны жениха и невесты идутъ приготовленія къ свадьбѣ. Невѣстѣ готовятъ лучшіе, какіе ссть въ семействѣ, наряды. Помогаютъ въ этомъ подружки невесты. Она не должна видѣться съ женихомъ до самой свадьбы. Подружки невесты, какъ и во всей русской землѣ, во время работъ, припѣваютъ невестѣ пѣсенки, сложенные для подобныхъ случаевъ. О. Мальховъ представляетъ нѣсколько такихъ пѣсенъ въ подлинникѣ и переводѣ на русскій языкъ. Оказывается, что содержаніе пѣсенъ почти такое, какъ вездѣ и въ Великороссіи, и въ Малороссіи, и въ Литвѣ и проч. Большая часть пѣсенъ аллегорическаго содержанія, какъ и въ русскихъ свадебныхъ пѣсняхъ. Женихъ, которому также до дня свадьбы не позволяется видѣть невесту, проводитъ послѣдніе холостые дни въ кругу товарищей и друзей. Они разнообразятъ удовольствіе его жизни плясками и пѣснями. О. Мальховъ приводитъ въ подлинникѣ и въ переводѣ на русскій языкъ нѣсколько изъ такихъ пѣсенъ, тоже съ примѣсю аллегорическихъ изображеній. Предъ свадьбою дружки и товарищи жениха объѣзжаютъ родныхъ. Разъѣздъ сопровождается пѣснями въ родѣ слѣдующей:

»Лихо въ гору конь бѣжитъ,
Рветъ ременны возжи,
Летитъ, блеститъ на солнышкѣ
Дуга золотая...
По роднымъ мы разъѣжаемъ
Не зря, а съ разборомъ.
На комъ кунья шубка —
Бода съ ней скатится, —
Голова поклонная
Отъ меча не свалится«.

Въ день бракосочетанія женихъ и товарищи его подъѣзжаютъ наконецъ къ двору невесты и бьютъ по воротамъ плетми. Ворота отпираютъ — и женихъ съ товари-

щами входить въ домъ невѣсты, Усѣвшись за столомъ, дружки жениха затягиваютъ довольно длинную пѣсню о томъ, какъ они вошли безцеремонно и какъ должны были выйти съ приличіемъ.

Невѣста также, какъ и женихъ, разъѣзжаетъ предъ свадьбою по роднымъ. По пріѣздѣ жениха, ее вносятъ въ хату старшій братъ ея и сажаетъ противъ печи, указывая этимъ, какую заботу о накормленіи семьи она должна будетъ принять на себя. Изъ этихъ указаній видно, что у чувашъ почти такіе-же свадебные обычаи, какъ и во всей Россіи.

Свадебный поѣздъ наконецъ отиравается въ церковь на вѣнчаніе молодыхъ. По совершеніи браковѣнчанія одѣваютъ невѣсту тутъ же въ церкви по женски. Изъ церкви поѣздъ направляется къ дому жениха, гдѣ всѣ пріѣхавшіе садятся за столъ и угощаются разными яствами, которыя и исчислены у автора книжки о чувашахъ. По окончаніи трапезы, подъ звуки скрыпки и волынки, пляшутъ молодцы съ веселою свахонькой. Пляшутъ не одни молодцы, но и женщины, и даже старый дѣдъ, выбивая руками тактъ. Наконецъ послѣ обильнаго угощенія пивомъ и медомъ, отъ радости и въ опьяненіи заиѣваютъ и старики. Послѣ стариковской пѣсни, гости отвѣчаютъ хоромъ:

»Много въ беребежкѣ
Стрижныхъ гнѣздышекъ:
Да не стоятъ всѣ
Гнѣзда ласточки!...
А въ селѣ у насъ
Много добрыхъ людей,
Не подъ стать имъ всѣмъ
Милъ хозяйнѣ нашъ!»

Музыка играетъ за тѣмъ плясовую пѣсню, подъ которую

пляшетъ мальчикъ. Онъ дразнить салминкою (шарикъ изъ тѣста) новобрачную и тычетъ ею подъ носъ молодой. Этотъ танецъ оканчивается бурно, но комически. Весело кончается свадебный вечеръ, когда всѣ и всѣмъ довольны, но иногда въ концѣ его пропоютъ и пѣсню, укоризненную для хозяина.

3. При поминновеніи умершихъ, собираются всѣ родственники ихъ, приносятъ хлѣбъ и варятъ пиво. Принеся по завѣщанію покойника въ жертву корову, или теленка, овцу и даже какую либо птицу, смотря по состоянію семьи, покупаютъ вино, готовятъ кушанье, и всеэто везутъ на могилу, Здѣсь каждый поминатель кладетъ половину отъ своей доли на могилу, а другую половину съѣдаетъ и выпиваетъ самъ, съ просьбою къ умершимъ помолиться о благополучіи живыхъ. Поплакавши, начинаютъ плакать на могилѣ въ утѣшеніе покойнаго, и потомъ возвращаются въ домъ умершаго. Тамъ разставляютъ свѣчи къ иконамъ и къ волоковому окну, въ которое, по убѣжденію чувашъ, навѣдывается въ свой домъ покойникъ. Въ переднемъ углу одинъ изъ родственниковъ надѣваетъ на себя кафтанъ и шапку умершаго, и въ качествѣ его пьетъ вино и пиво, подносимое ему.—Тризна заканчивается ночью въ ближайшемъ оврагѣ, или подлѣ ручья, гдѣ оставляютъ для покойнаго хмѣльное питье, блины и полотенце, чтобъ было чѣмъ утереться. Здѣсь уже нѣтъ ни скорби, ни воздыханій о покойникѣ. Здѣсь одно веселье въ память его. Музыка, пѣсни и пляска продолжаются далеко за полночь, пока не побойчится все вино и пиво.

Младенцевъ поминаютъ одни матери. Онѣ, выражая въ причитаньяхъ тоску по усопшемъ дитяти, разламываютъ на могилѣ его блинъ на мелкіе куски и разлунаютъ печеное яичко. Если дитя было еще грудное, то мать орошаетъ

могилу его своимъ молокомъ. »Время поминовенія, говоритъ о. Мальховъ, зависитъ у чувашъ отъ времени смерти покойника. Такъ какъ годъ у чувашъ начинается съ 15 ноября, то умершіе отъ начала ноября до троицкой недѣли поминаются въ Вознесенье и по четвергамъ слѣдующихъ недѣль до недѣли всѣхъ святыхъ. А умершіе послѣ троицкой недѣли поминаются въ исходѣ октября и въ началѣ ноября. Въ великую среду и четвертокъ производится *Калым-кун-день* воздаянія. Это—общее поминовеніе всѣхъ умершихъ«. Поминовеніе умершихъ, какъ видно, хоть и своеобразное, но въ направленіи подробностей очень недалекое отъ номинальных обрядовъ во всей Россіи.

Изъ всего этого обозрѣнія легко придти къ слѣдующимъ заключеніямъ: политеизмъ чувашъ довольно далекъ отъ христіанскаго вѣроученія, но не противорѣчитъ ему въ таковой степени, какъ магометанство. Изъ чувашъ очень не трудно сдѣлать истинныхъ христіанъ, разъясняя имъ уклоненіе ихъ отъ православной вѣры. И во первыхъ надобно обратить вниманіе на ихъ мнѣологію. При внимательномъ разсмотрѣніи языческаго ихъ культа, потребуется первѣе всего доказать чувашамъ, что ихъ прежняя языческая религія вовсе далека отъ сближенія съ христіанскою вѣрою.

Надобно разъяснить чувашамъ, что »Тора« не есть богъ истинный и что его семейная жизнь не свойственна Богу, какъ Духу безплотному, что поэтому и жена его всевышняя богиня не можетъ быть приравниваема къ пресвятой Дѣвѣ, которая хоть и родила по наптію св. Духа сына Богочеловѣка, но и въ рождествѣ сохранила дѣвство, и хотя умерла, но и воуспеніи не оставила міра своимъ заступленіемъ предъ Богомъ, что достойно есть во истину ублажать Богородицу присноблаженную и пренепорочную, честиѣйшую херувимовъ и славнѣйшую безъ сравненія серафимовъ. Надобно растолковать чувашамъ, что Беремети нельзя приравнивать

въ Сыну Божію, Господу Иисусу Христу, Который, хотя и умеръ на крестѣ отъ рукъ людей, но претерпѣлъ смерть за спасеніе наше и потомъ, въ третій день по смерти, возсталъ изъ гроба за оправданіе наше. Своею смертію Онъ принесъ себя въ всеспасительную жертву Богу за грѣхи всего міра, и своею кровію и плотію въ причащеніи св. таинъ, подъ видомъ хлѣба и вина, питаетъ насъ безкровною жертвою, а кровавыхъ животныхъ жертвъ не требуетъ отъ насъ. Надобно уяснить имъ, что пострадавшій и умершій за насъ Христосъ не былъ сожженъ и разсѣянъ прахомъ по лицу земли, но, воскресши отъ гроба, какъ Богъ, удостовѣрилъ учениковъ своихъ въ своемъ воскресеніи и потомъ вознесся предъ ними на небо ко Отцу, и тамъ сидитъ одесную Его. Онъ пребываетъ неразлучно со Отцемъ и св. Духомъ на небѣ, но въ то же время пребываетъ и на землѣ съ вѣрующими въ Него, гдѣ ихъ собралось только два или три во имя Его. Онъ исполняетъ всѣ прошенія ихъ, которыя возсылаются къ Нему о спасеніи.

Необходимо также уяснить совершенное различіе ангеловъ и святыхъ отъ языческихъ чувашскихъ покровителей людей Пигамбари и Пюлюхси, — что языческое божество, защищающее людей и стада отъ дикихъ звѣрей, вовсе не есть побѣдоносецъ Георгій, тѣмъ болѣе, что и въ христіанской цркви не приписывается Георгію подобнаго покровительства, что божество молніи и грома не есть пророкъ Ілія, а божество, хранящее врата небесныя, не есть апостолъ Петръ. Для разъясненія этихъ и подобныхъ имъ противоположностей языческаго культа съ христіанствомъ, полезно, кромѣ догматическаго христіанскаго вѣроученія и нравоученія, предлагать чувашамъ историческія свѣдѣнія о жизни и подвигахъ святыхъ. Необходимо также убѣдить чувашъ, что Шайтанъ вовсе не дьяволъ, а вымышленное злое начало, и что лѣшаго, домового и вѣдьмъ никогда не было.

При такомъ сопоставленіи христіанства съ ложными языческими вѣрованіями уяснится для чувашъ легко, что христіанская православная вѣра есть истинная вѣра въ истиннаго Бога, а языческія міеологическія вѣрованія суть вымыслы празднаго воображенія невѣжественныхъ пропагандистовъ многобожія безсмысленнаго и несостоятельнаго. Надобно привести чувашъ посредствомъ изложенія православнаго ученія вѣры въ убѣжденію, что всѣ міеологическія сказанія о языческихъ божествахъ ихъ должны быть навсегда оставлены и вовсе забыты.

Что касается празднованія пятницы, то надобно растолковать чувашамъ, что пятница, хотя и читится христіанами, въ воспоминаніе смерти Спасителя и чествуется постомъ, но не составляетъ такого праздника, въ который не работаютъ. Въ пятницу работать надобно также, какъ и въ прочіе будніе дни, и не воспрещается варить пищу.

Свадебные обычаи, какъ и во всей Руси, требуютъ во многомъ отмѣненія. Противъ праздничнаго веселія и угощенія святая церковь не вооружается, но буйныя пьяныя оргіи не одобряются церковію.

Наконецъ надобно внушить чувашамъ, что поминовеніе умершихъ тогда благоугодно Богу, когда совершается по чину православной церкви, а не по языческимъ обычаямъ. Полезно при этомъ разъяснить чувашамъ какъ самый чинъ погребенія, такъ и панихиды съ ихъ принадлежностями, издревле введенными въ православное поминовеніе усопшихъ, и разъяснить значеніе колива, хлѣба, меда и свѣчей, употребляемыхъ при совершеніи поминовенія усопшихъ. Полагаемъ, что благоразумные и пріобрѣтшіе опытность христіанскіе миссіонеры и поступаютъ приблизительно къ указанному нами начертанію миссіонерской проповѣди для утвержденія чувашъ въ православной вѣрѣ.

К. Д.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Только что отпечатана книга: »практическіе совѣты священникамъ при производствѣ слѣдствій по проступкамъ и преступленіямъ священно и церковно-служителей«. 2-е изданіе редакціи журнала «Руководство для сельскихъ пастырей», значительно исправленное и дополненное согласно съ новыми дѣйствующими судебными уставами. 1879 г. цѣн. 60 коп. и съ пересылкою.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ

н о в а я к н и г а

ЛЪВА КИРИЛЛОВА

„СВѢТЪ ИЗРАИЛЮ“

Статья обличительнаго богословія противъ еврея-талмудиста или раввиниста. Часть первая. Кіевъ 1879. Ц. 50 к. Это сочиненіе представляетъ въ діалогической формѣ убѣжденіе евреевъ въ истинахъ православной вѣры. Первая часть, нынѣ явившаяся въ свѣтъ, имѣетъ дѣло съ евреемъ-талмудистомъ; вторая часть будетъ имѣть дѣло съ атеистомъ, а третія (последняя)—съ непосвященнымъ евреемъ-ремесленникомъ.

Каждая часть, будучи связана съ остальными одной общей идеей обращенія евреевъ въ христіанство будетъ представлять собою отдѣльное самостоятельное цѣлое и продаваться отдѣльно. Съ требованіями можно обращаться къ Кіево-Подольскому благочинному профессору Кіевской духовной Академіи Александрѣ Михайловичу Воскресенскому (Подольскъ, Кирилловская улица, противъ Царе-Константиновской церкви, церковный домъ). Выписывающіе книгу по приложенному адресу за пересылку не платятъ, а книгопродавцы пользуются обычной уступкой.

ВЪ МАГАЗИНАХЪ

ЦЕРКОВНЫХЪ ВЕЩЕЙ*Василія Степановича Плесканосова,*

Въ Кіевъ на Подоль, въ гостинномъ ряду и на Александровской ул., въ собств. домѣ, продаются готовые колокола лучшаго достоинства, а также принимаются заказы завода поставщика Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, мануфактуръ-совѣтника Порфирія Ив. Оловянишникова.

ПЧЕЛОВОДСТВО-САМОУЧИТЕЛЬ

священника тульской губерніи, ефремовскаго уѣзда, села
Лобанова

А. Ив. Успенскаго.

Новая книга, писанная рукою, которая слишкомъ 30 лѣтъ работала на пчельникѣ и въ ульяхъ. Рекомендуются для сельскихъ школъ, въ видахъ распространенія упавшаго у насъ знанія водить пчелъ самымъ простымъ, дешевымъ и выгоднымъ способомъ, въ крестьянскомъ быту. Цѣна 40 коп. Адресоваться къ автору по вышеозначенному адресу. Для шлолъ на 10 экз. 10 проц. скидки, съ пересылкою автора. При выпискѣ 1—10 экз. прилагать по 4 коп. маркѣ на каждую книгу. Требованіе на книгу идетъ большое.

РУКОВОДСТВО

Д Л Я

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
четыре руб., съ пересылкою пять **№ 26.**
рублей сереб.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при кievской
семинаріи.

1879 года. Іюня 24-го.

Содержаніе. По поводу предполагаемыхъ реформъ въ духовно-учебныхъ заведе-
ніяхъ. — Правила относительно порядка приготовленія иновѣрцевъ къ
принятію православной вѣры и относительно совершенія надъ таковыми
лицами св. крещенія. — Объявленіе — *Въ приложеніи*: Поученіе по случаю
кражи (окончаніе). — Поученіе противъ вѣры въ пристрять.

По поводу предполагаемыхъ реформъ въ духовно- учебныхъ заведеніяхъ.

Въ № 115 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и въ № 5 «Отечественныхъ Записокъ» сообщаются весьма инте-
ресныя свѣдѣнія о предполагаемой реформѣ нашихъ ду-
ховно учебныхъ заведеній ¹⁾. Такъ какъ этотъ предметъ
наиболѣе близокъ къ сердцу нашему и нашихъ читателей,
то спѣшимъ сказать о немъ нѣсколько словъ

Прежде всего насъ не мало удивляетъ самое подня-
тіе вопроса о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній.
Эти заведенія у насъ только что преобразованы по новому

---

¹⁾ Извлеченіе изъ С.-Пет. Вѣдомостей и Отеч. Записокъ отпе-
чатано въ 118 № «Сына Отечества».

уставу, утвержденному въ 1867 г.; въ нѣкоторыхъ епархіяхъ преобразование введено очень недавно-въ послѣдніе два года, а остаются и еще епархіи, въ которыхъ оно имѣетъ начаться съ слѣдующаго учебнаго года. При такомъ недавнемъ и не вездѣ еще вполне совершившемся преобразованіи, кажется, очень рано возбуждать вопросъ о новыхъ реформахъ. Притомъ же, преобразование по уставу 1867 г., особенно гдѣ оно уже введено нѣсколько лѣтъ, ознаменовалось весьма удовлетворительными результатами; да и вообще дѣло духовнаго образованія у насъ обновилось и улучшилось за послѣдніа 10 лѣтъ, такъ какъ новый уставъ по многимъ сторонамъ своимъ приведенъ въ дѣйствіе повсемѣстно въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ съ перваго же года по утвержденіи его. А что дѣйствительно преобразование по уставу 1867 г. улучшило наши духовно-учебныя заведенія и подаетъ все большія и большія надежды въ будущемъ-это показываетъ множество воспитанниковъ, поступавшихъ въ послѣднее время изъ семинарій въ высшія учебныя заведенія-духовныя и свѣтскія. Не говоримъ уже о томъ, что духовное званіе теперь годъ отъ году пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе полезныхъ дѣятелей въ своемъ бругу, особенно на поприщѣ пастырскаго учительства.

По »С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ« вопросъ о новой реформѣ духовныхъ училищъ и семинарій возбужденъ будто бы »въ оффиціальныхъ сферахъ«, и притомъ, какъ видно, не возбужденъ только, а находится въ полномъ ходу, потому что въ тѣхъ же вѣдомостяхъ представляется краткій очеркъ предполагаемой реформы и указывается ея направленіе. Въ какихъ же это »оффиціальныхъ сферахъ?« У насъ извѣстна одна такая сфера, изъ которой исходятъ подобныя реформы и въ которой разрабатываются о нихъ вопросы, это-Св. Синодъ и состоящій при немъ Духовно-Учебный

Комитетъ, котораго спеціальныя занятія слѣдить за духовно-учебными заведеніями и возвышать ихъ по всѣмъ сторонамъ ихъ дѣятельности. Если бы дѣйствительно въ этой сферѣ было что-нибудь подобное, то духовные журналы, изъ которыхъ нѣкоторые служатъ прямыми органами ея, безъ сомнѣніи, прежде «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» сообщили бы объ этомъ; да и помимо того о новой реформѣ навѣрно давно бы распространился слухъ по духовно-учебнымъ заведеніямъ. Однако-жъ мы до сихъ поръ ничего такого не знаемъ-ни изъ духовныхъ журналовъ, ни изъ частныхъ извѣстій. Въ Св. Синодѣ состоялось недавно постановленіе относительно духовныхъ училищъ, чтобы учительскія вакансіи въ нихъ замѣщались лицами, получившими высшее образованіе, и чтобы эти лица по своимъ правамъ и содержанію были сравнены съ преподавателями семинарій. Но это сдѣлано въ духѣ устава 1867 г. и давно имѣлось въ виду, а вовсе не есть новая реформа или шагъ къ такой реформѣ. Извѣстно еще распоряженіе Министра Народнаго Просвѣщенія, который есть вѣстѣ и Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, чтобы изъ семинарій воспитанники поступали въ университеты по выдержаніи въ гимназіяхъ экзамена зрѣлости, что, естественно, должно теперь затруднить имъ доступъ туда. Но это распоряженіе, какъ можно думать, стоитъ въ связи съ вышеупомянутымъ постановленіемъ Св. Синода и между прочимъ¹⁾ имѣетъ цѣлью лучшихъ воспитанниковъ семинарій, въ преж-

---

¹⁾ Прежнія привилегіи, данныя семинаристамъ относительно поступленія въ университеты, были только временною мѣрою, допущенною по причинѣ недостатка молодыхъ людей съ классическимъ образованіемъ для поступленія въ университеты; такъ какъ вслѣдъ за введеніемъ классическаго образованія въ гимназіяхъ число поступившихъ въ университеты въ 1873 г. вдругъ убавилось на 700 человекъ.

нее время большею частію уходившихъ въ университеты, привлечь въ духовныя академіи, чтобы ими замѣщать потомъ вакансіи въ духовныхъ училищахъ, а не вызвано недостаточностію образованія въ нашихъ семинаріяхъ. Иначе, отъ чего же оно не простирается на семинаристовъ, желающихъ поступить въ Филологическій Институтъ, гдѣ требуется едва-ли не болѣе зрѣлая подготовка, чѣмъ даже для университета. Очевидное дѣло, что »С.-Петербургскія Вѣдомости« заимствовали передаваемые ими свѣдѣнія о новой реформѣ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ изъ какой-то другой сферы, помимо Св. Синода, и конечно вовсе не официальной, потому что другія официальные сферы едва ли займутся разработкою вопроса, вовсе къ нимъ не относящагося.

Но какъ бы то ни было, посмотримъ, въ чемъ состоитъ реформа духовно-учебныхъ заведеній, предположенная и начертанная въ какихъ-то »официальныхъ сферахъ«.

»Предположено, говорится въ »С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ«, реформировать духовныя училища въ просеминаріи, т. е. въ низшіе классы тѣхъ же духовныхъ семинарій, подобно тому, какъ прогимназіи существуютъ въ видѣ низшихъ гимназическихъ классовъ. Доселѣ духовныя училища существовали на правахъ низшихъ учебныхъ заведеній, соотвѣтственно уѣзднымъ училищамъ Вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія; нынѣ же духовныя училища преобразовываются въ среднія учебныя заведенія и будутъ соотвѣтствовать въ своей учебной постановкѣ 4-хъ класснымъ прогимназіямъ. Что касается духовныхъ семинарій, то вслѣдствіе преобразования духовныхъ училищъ и онѣ также должны будутъ получить обновленіе и улучшеніе въ своей учебной постановкѣ«. Въ этихъ словахъ,

собственно говоря, еще не видно реформы новой, а только нѣкоторыя улучшенія того порядка, какой существуетъ при недавно введенномъ преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній. Принимая во вниманіе вышеупомянутое постановленіе Синода о замѣщеніи училищныхъ вакансій лицами, окончившими курсъ въ духовныхъ академіяхъ, и объ уравнианіи сихъ послѣднихъ по правамъ и содержанію съ преподавателями семинарій, естественно ожидать, что духовныя училища тѣснѣе соединятся съ семинаріями, станутъ къ нимъ, пожалуй, въ такое же отношеніе, въ какомъ находятся прогимназіи къ гимназіямъ, а можетъ быть даже приобрѣтутъ новое названіе »просеминарій«. Естественно также ожидать, что когда въ училищахъ будутъ преподавателями лица съ высшимъ образованіемъ, то и духовныя семинаріи въ ходѣ своего уже твердо поставленнаго учебнаго дѣла получать обновленіе и улучшеніе, потому что въ семинаріи будутъ поступать воспитанники, лучше подготовленные въ училищахъ, чѣмъ прежде. Но авторъ предполагаемой реформы въ дальнѣйшемъ развитіи своей мысли прямо выражаетъ желаніе измѣнить при этомъ и самую постановку или весь строй учебнаго дѣла въ училищахъ и семинаріяхъ, представляя его теперь неудовлетворительнымъ. »Нынѣшнія духовныя семинаріи и училища, говоритъ онъ, по учебной обстановкѣ ихъ далеко уступаютъ гимназіямъ и прогимназіямъ. Гимназическій курсъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ перемѣшанъ съ предметами богословскаго образованія, преподаваемыми одновременно съ этимъ курсомъ независимо отъ того, что въ V и VI классахъ духовныхъ семинарій специально проходится особый курсъ богословскихъ наукъ. При такомъ смѣшеніи разнородныхъ предметовъ преподаванія въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ становится понятнымъ, что курсъ гимназическаго преподаванія имѣетъ въ

этихъ заведеніяхъ весьма ощутительныя пробѣлы. Такъ въ училищахъ духовныхъ новыя языки вовсе не преподаются, математика же и русскій языкъ, при недостаточномъ числѣ уроковъ по этимъ предметамъ, преподаются сравнительно слабѣе, чѣмъ въ прогимназіяхъ. Въ духовныхъ семинаріяхъ точно также слабо постановлено преподаваніе математики, русской словесности и новыхъ языковъ».

Итакъ, вотъ недостатокъ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній, вызывающій въ нихъ реформы! Они, по своему внутреннему строю, не представляютъ полнаго соответствія нашимъ прогимназіямъ и гимназіямъ, и чтобы довести ихъ до совершенства, нужно поставить ихъ въ видѣ точныхъ копій съ сихъ послѣднихъ. Какъ же это сдѣлать? Авторъ статьи »С.-Петербургскихъ Вѣдомостей« начертываетъ такой планъ: »спеціально богословское образованіе, которое составляетъ главную цѣль духовно-учебныхъ заведеній, должно быть отдѣлено въ нихъ отъ образованія гимназическаго. Преподаваніе спеціально богословскихъ наукъ должно имѣть мѣсто уже по окончаніи курса наукъ общеобразовательныхъ. Принявъ въ расчетъ, что въ духовныхъ училищахъ курсъ ученія 4-хъ лѣтній, а въ духовныхъ семинаріяхъ 6 ти лѣтній, мы увидимъ, что полный 10-ти лѣтній періодъ въ этихъ заведеніяхъ долженъ быть подраздѣленъ на два особыхъ курса такимъ образомъ, что первые восемь классовъ составятъ полный курсъ гимназіи, а два послѣдніе класса—курсъ спеціально богословскаго образованія. Этотъ послѣдній курсъ долженъ быть поставленъ совершенно отдѣльно отъ курса гимназическаго. Было бы вполне плѣлесообразно образовать изъ этихъ спеціальныхъ классовъ богословскаго образованія особые учебныя заведенія, которымъ имѣли бы спеціальное назначеніе готовить для отечественной церкви кандидатовъ священства».

При взглядѣ на этотъ проэктъ рѣзко бросается въ глаза, что у составителя его не достаетъ надлежащаго знакомства ни съ теперешнею постановкою учебнаго дѣла въ духовн. училищахъ и семинаріяхъ, ни въ частности-съ характеромъ спеціально богословскаго образованія. Онъ говоритъ, что за исключеніемъ двухъ послѣднихъ спеціально богословскихъ классовъ въ семинаріи во всѣхъ прочихъ классахъ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній гимназическій курсъ перемѣшанъ съ предметами богословскаго образованія, вслѣдствіе чего они далеко нуступаютъ прогимназіямъ и гимназіямъ. Возьмемъ наши духовныя училища: въ нихъ изъ богословскихъ предметовъ преподаются катихизисъ, свящ. исторія и краткое объясненіе богослуженія; но тѣже самые предметы преподаются въ прогимназіяхъ; слѣдов., если наши низшія духовно-учебныя заведенія сдѣлать точною копіею съ прогимназій, все-таки этихъ предметовъ изгнать изъ нихъ нельзя. Въ духовныхъ училищахъ есть одинъ только предметъ, непреподаваемый въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, это-церковное пѣніе. Но онъ не относится къ предметамъ спеціально богословскаго образованія; ноты тоже, что числа, годятся на всякое употребленіе: изучившій ихъ будетъ порядочно пѣть и въ домашней жизни, и скорѣе можетъ научиться играть на разныхъ инструментахъ,—да притомъ же въ церковномъ пѣніи теперь начинаютъ упражнять и учениковъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, хотя особыхъ обязательныхъ уроковъ для того еще не назначено.—Если взять четыре общеобразовательныхъ класса семинарій, изъ которыхъ авторъ хочетъ сдѣлать совершенное подобіе гимназіямъ, то въ нихъ собственно богословскій предметъ преподается только одинъ: это—изъясненіе ветхозавѣтныхъ книгъ свящ. писанія; но и гимназіи тоже не свободны отъ предметовъ изъ круга богословскихъ: тамъ не малое

число уроковъ назначается для закона Божія. Затѣмъ въ четырехъ общеобразовательныхъ классахъ семинаріи читаются еще, сверхъ гимназическаго курса, логика, психологія и обзоръ философскихъ системъ; но эти предметы не спеціально богословскіе. Хотя они и составляютъ ближайшую подготовку къ изученію сихъ послѣднихъ, но они принадлежатъ къ наукамъ общеобразовательнымъ и имѣютъ между ними весьма важное значеніе по своему сильному вліянію на развитіе мыслительной способности и на расширеніе круга во всякомъ званіи необходимыхъ познаній. Эти науки не преподаются въ классическихъ гимназіяхъ; но какъ образованіе въ гимназіяхъ теперь поставлено довольно солидно, и какъ въ нихъ обучаются юноши въ 17—18 лѣтъ, въ которыхъ уже раскрылась пылливость разума, сама ищущая разрѣшенія возникающихъ вопросовъ въ разныхъ сочиненіяхъ русскихъ и иностранныхъ; то слѣдовало бы тамъ преподавать и эти науки собственно для довершенія образованія юношества. Авторъ предполагаемой реформы духовно-учебныхъ заведеній напрасно восторгается тѣмъ, что съ выполненіемъ его плана наши семинаріи будутъ точными копіями съ гимназій. Существующія гимназіи еще не представляютъ собою такихъ замѣчательныхъ картинъ, съ которыхъ стоило бы снимать копіи. Правда, настоящая классическая постановка ихъ, какъ весьма справедливо недавно заявлено въ «Московскихъ вѣдомостяхъ» № 136, «вызываетъ къ дѣятельности и постепенно развиваетъ способности на занятіяхъ, соотвѣтствующихъ возрасту учащихся и вмѣстѣ съ ними возрастающихъ. Она учитъ юношей дѣйствовать мыслию и опытно знакомитъ ихъ съ приемами познающаго мышленія; она укрѣпляетъ въ нихъ чувство истины, виѣдряетъ чувство различія между ясно и неясно понятнымъ, точнымъ и неточнымъ; она регулируетъ ихъ воображеніе и вноситъ въ него чувство мѣры и изящнаго, знакомя непосредственно

съ величайшими образцами творчества, имѣющими всемірное значеніе, на которыхъ воспиталось все образованное челоувѣчество: дѣлая ихъ способными къ самостоятельному сужденію, она съ тѣмъ вмѣстѣ цивилизуетъ ихъ и облагораживаетъ ихъ умственные инстинкты. Но все-таки въ нихъ образованіе не заканчивается философіей, которая бы связала и объединила возбужденныя силы и вполне осмыслила пріобрѣтенныя знанія. Въ этомъ отношеніи курсъ общеобразовательныхъ предметовъ въ семинаріи гораздо полнѣе и могъ бы послужить образцомъ и для существующихъ классическихъ гимназій. Въдѣ и теперешнее классическое образованіе въ гимназіяхъ заимствовано изъ семинарскаго же устава въ томъ его видѣ, какъ онъ начертанъ былъ въ 1807 г. Авторъ предполагаемой реформы поставляетъ въ упрекъ духовно-учебнымъ заведеніямъ то, что въ нихъ будто бы слабѣе, чѣмъ въ гимназіяхъ, преподается математика, русская словесность и новые языки, по причинѣ занятія предметами, не входящими въ курсъ гимназическаго образованія. Но въдѣ уставъ семинарскій прямо говоритъ, что преподаваніе всѣхъ предметовъ, входящихъ въ семинарскій курсъ, должно стоять въ уровень съ современными требованіями. Если же иногда оно ведется неудовлетворительно, то вина въ этомъ лежитъ не на уставѣ, а на лицахъ, выполняющихъ его, что можетъ случиться въ прогимназіяхъ и гимназіяхъ. Но чтобы оно всегда во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ велось неудовлетворительно, это ничѣмъ не доказывается; напротивъ, до послѣдняго времени, какъ извѣстно, воспитанники семинаріи, во множествѣ поступавшіе въ высшія свѣтскія учебныя заведенія, тамъ проходили и проходятъ курсы съ честію, не обнаруживая недостатковъ полученной въ семинаріи подготовки по математикѣ, словесности и новымъ языкамъ. Конечно, желательно, чтобы преподаваніе новыхъ языковъ начиналось

еще въ училищахъ; но это, навѣрно, безъ особой реформы осуществится, когда не будетъ недостатка въ преподавателяхъ и средствахъ.

Столь же рѣзко въ предполагаемой реформѣ изобличается незнакомство автора съ характеромъ богословскаго образованія. Онъ хочетъ все это образованіе заключить въ двухъ классахъ, составивъ изъ нихъ отдѣльныя спеціально-богословскія заведенія. Но если къ наукамъ, теперь преподаваемымъ въ V и VI классахъ семинаріи, присоединить изъясненіе ветхозавѣтныхъ книгъ свящ. писанія, то уже двухгодичнаго курса далеко будетъ недостаточно. Когда же въ четырехъ общеобразовательныхъ классахъ семинаріи, ради полнаго соотвѣтствія ихъ гимназіямъ, не будутъ преподаваться логика, психологія и обзоръ философскихъ системъ, и эти предметы по тѣснѣйшей связи ихъ съ богословскими нужно будетъ включить въ программу спеціально богословскаго курса, то недостатокъ учебнаго времени въ этомъ курсѣ еще болѣе сдѣлается ощутительнымъ. Принимая во вниманіе обширность всѣхъ этихъ предметовъ, необходимо къ двухгодичному богословскому курсу прибавить по меньшей мѣрѣ еще одинъ годъ. Притомъ эти науки не могутъ быть одновременно изучаемы съ науками V и VI классовъ семинаріи. Ветхій завѣтъ, какъ всякій можетъ понять, весь долженъ быть изъясненъ прежде, чѣмъ приступлено будетъ къ изъясненію новаго, равно и философскіе предметы должны предварять собою предметы богословскіе, безъ чего въ сихъ послѣднихъ многое рѣшительно будетъ непонятно для учащихся. Стало быть, богословскій курсъ неминуемо нужно будетъ раздѣлить на двѣ части, изъ которыхъ бы въ одной заключались спеціально богословскія науки, а въ другой истолкованіе ветхозавѣтныхъ книгъ свящ. писанія, логика, психологія и обзоръ философскихъ системъ. А это, очевидно, будетъ походить на ту же постановку предметовъ,

какая существуетъ въ нынѣшнихъ семинаріяхъ, съ тою только разницею, что вмѣсто 4-лѣтняго общеобразовательнаго курса будетъ одноступенчатый. Не лучше ли вмѣсто всѣхъ этихъ излишнихъ затѣй оставить дѣло такъ, какъ оно теперь есть въ семинаріяхъ? Теперешняя постановка наукъ въ общеобразовательныхъ классахъ семинаріи вполне цѣлесообразна; ибо, развивая вообще способности, въ тоже время подготавливаетъ воспитанниковъ постепенно къ богословскому курсу и мало по малу осваиваетъ ихъ съ этимъ курсомъ. Изъясненіе ветхозавѣтныхъ книгъ и науки философскія не насильственно втиснуты въ кругъ наукъ общеобразовательнаго курса семинаріи, какъ представляется автору проектируемой реформы, а находятся съ ними въ тѣснѣйшей связи: науки философскія, какъ мы уже замѣтили выше, служатъ завершеніемъ, — такъ сказать, вѣнцомъ гимназическаго курса; а изъясненіе книгъ свящ. писанія ветхаго завѣта, можно сказать, есть своего рода дополненіе классическаго образованія. Тогда какъ изученіе греческихъ и римскихъ классиковъ знакомитъ съ бытомъ и міросозерцаніемъ языческаго греко-римскаго міра, изученіе ветхозавѣтныхъ книгъ раскрываетъ бытъ и міросозерцаніе народа еврейскаго, стоявшаго во всѣ вѣка подѣ влияніемъ откровенія. Одновременное сопоставленіе этихъ двухъ міровъ предѣ сознаніемъ учащихся открываетъ обширное поле для сравненій между ними и для выработки твердаго убѣжденія въ преимуществахъ откровенной религіи предѣ языческими. Разумно-ли предпочесть такой цѣлесообразной постановкѣ усиленіе преподаванія математики, словесности и новыхъ языковъ лишь для того только, чтобы семинаріи вполне уподоблялись гимназіямъ?

Итакъ разборъ проектируемой реформы не представляетъ въ ней ничего лучшаго и болѣе цѣлесообразнаго, чѣмъ теперь существующая постановка нашихъ духовно-учебныхъ

заведеній. Если же обратить вниманіе на послѣдствія, которыми неминуемо будетъ сопровождаться осуществленіе ея, то увидимъ, что она принесетъ крайній вредъ духовно-учебному дѣлу. Въ самомъ дѣлѣ, если наши духовно-учебныя заведенія, по отдѣленіи отъ нихъ спеціально-богословскихъ классовъ, сдѣлать точною копіею прогимназій и гимназій, то къ чему прямымъ путемъ они будутъ готовить обучающихся въ нихъ юношество? Къ тому же, къ чему готовятъ прогимназіи и гимназіи, именно: прежде всего лучшіе воспитанники будутъ поступать изъ нихъ въ университеты. Тутъ выгода собственно откроется для тѣхъ духовныхъ воспитанниковъ, которые давно задумали поступить въ университетъ, но которымъ теперь неожиданно затрудненъ доступъ туда новымъ распоряженіемъ министра, чтобы они предварительно выдержали въ гимназіи экзаменъ зрѣлости. Тогда, конечно, имъ такой экзаменъ придется сдавать въ своемъ же заведеніи, такъ какъ просеминаріи и семинаріи по существу дѣла будутъ тоже, что прогимназіи и гимназіи, а можетъ быть мало-по-малу усвоятъ даже и названіе сихъ послѣднихъ. Но въ томъ заведеніи, которое воспитало, всегда легче выдержать экзаменъ, чѣмъ въ другомъ. Само собою разумѣется, при такомъ положеніи дѣла между лучшими учениками окажется большее число желающихъ поступить въ университетъ, если только всѣ они не уйдутъ туда. Стало быть, всѣ лучшія силы изъ семинарій будутъ тяготѣть и отливать въ университеты. Предполагать, что взамѣнъ ихъ изъ окончившихъ курсъ въ свѣтскихъ гимназіяхъ будутъ искать спеціально богословскаго образованія и поступать въ отдѣльныя богословскія заведенія для приготовленія къ священству, въ высшей степени неосновательно. Окончившимъ курсъ гимназическій давно открытъ у насъ доступъ не только въ послѣдніе классы семинарій, но даже въ духовныя академіи; однако при-

мѣровъ поступленія не видно. Затѣмъ для наполненія спеціально богословскихъ заведеній остается разсчитывать на воспитанниковъ семинаріи съ силами сравнительно слабѣйшими. Но и эти послѣдніе, будучи совершенно уравнены даже и во мнѣніи общества съ окончившими курсъ гимназій, конечно, предпочтутъ скорѣе выходить куда-нибудь на гражданскую службу. Иначе, какая же имъ будетъ выгода по окончаніи курса учиться еще довольно продолжительное время въ специально-богословскомъ заведеніи и потомъ нѣсколько лѣтъ оставаться въ довольно тяжеломъ званіи—псаломщиковъ? Да и самая должность священниковъ не заключается въ себѣ такъ много привлекательнаго, чтобы молодые люди стали обрекать себя на долготѣнія лишенія: богатыхъ приходовъ, дающихъ значительныя средства, у насъ весьма не много. Мы уже не говоримъ о томъ, что въ положеніи духовенства даже хорошихъ приходовъ представляется не мало сторонъ, нерасполагающихъ къ принятію священства. Такимъ образомъ спеціально богословскія заведенія неминуемо должны будутъ оставаться безъ воспитанниковъ. Чтобы еще болѣе убѣдиться въ несомнѣнности такихъ печальныхъ послѣдствій проектируемой реформы, обратимъ вниманіе на то, какимъ юношествомъ наполнены будутъ наши просеминаріи и семинаріи по осуществленіи этой реформы? Такъ какъ для осуществленія ея потребуются гораздо большія средства, чѣмъ какія есть теперь въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ, то по проекту, изложенному въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» предлагается усилить ихъ тремя способами: а) увеличить процентъ взимаемаго съ церковей налога въ видѣ свѣчнаго дохода; б) уничтожить или сократить до возможнаго минимума помощь сиротамъ и дѣтямъ тѣхъ бѣдныхъ родителей, которые не въ состояніи будутъ воспитывать дѣтей на свой счетъ, и наконецъ в) ввести такую же плату за обученіе, какая взимается въ гимназіяхъ. Этими мѣрами, очевидно,

прегражденъ будетъ доступъ въ просеминаріи и семинаріи для большей части дѣтей духовныхъ лицъ. Почему теперь у насъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ исключительно воспитываются дѣти духовенства? Потому главнымъ образомъ, что ничего не взимается съ нихъ за право обученія, и потому, что дѣтямъ бѣдныхъ родителей дается здѣсь казенное содержаніе. Когда же не будетъ того и другаго преимущества у новыхъ просеминарій и семинарій, то въ эти заведенія будутъ поступать только дѣти состоятельныхъ духовныхъ лицъ, а затѣмъ, такъ какъ эти заведенія будутъ тоже, что прогимназіи и гимназіи, то они будутъ привлекать къ себѣ дѣтей чиновниковъ, купцовъ, ремесленниковъ,—словомъ, всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя въ состояніи будутъ вносить требуемую плату за обученіе и которыя не нуждаются въ даровомъ содержаніи своихъ дѣтей. Такимъ образомъ эти заведенія наполнятся юношествомъ свѣтскимъ, среди котораго духовное юношество будетъ составлять меньшинство. Но кому легче освоиться съ мыслию о поступленіи въ духовное званіе: тому ли, который родился и выросъ въ немъ, или пришедшему изъ совершенно чуждой среды? Очевидно—первому. Какъ теперь изъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній не поступаютъ въ семинаріи для приготовленія себя къ духовному званію, такъ и съ преобразованиемъ семинарій на манеръ гимназій не будутъ поступать изъ нихъ въ спеціально богословскія заведенія, развѣ въ видѣ весьма немногихъ и весьма рѣдкихъ исключеній. Притомъ же съ отнятіемъ у духовенства права бесплатно обучать дѣтей въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, а въ случаѣ бѣдности даже даромъ содержать ихъ тамъ, духовное званіе сдѣлается еще менѣе привлекательнымъ, чѣмъ теперь. Авторъ предполагаемой реформы проповѣдуетъ, что »въ спеціально богословскія заведенія будутъ поступать люди зрѣлаго возраста, уже прошедшіе гимназическій курсъ и

сознательно выражающіе призваніе посвятить себя богословскому образованію для поступленія затѣмъ въ духовное званіе на служеніе церкви». Мы не отрицаемъ возможности стремленія къ духовному званію въ лицахъ, окончившихъ гимназическій курсъ въ свѣтскихъ гимназіяхъ или въ духовныхъ семинаріяхъ, преобразованныхъ по подобію гимназій, но повторяемъ, это можетъ случиться въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, и то благодаря не гимназическому курсу, а какимъ-нибудь особеннымъ обстоятельствамъ, повліявшимъ на душевное расположеніе. А могутъ ли эти рѣдкіе и исключительные случаи дать столько образованныхъ богослововъ, чтобы ими наполнить всѣ священническія мѣста въ православной церкви русской? Едва-ли на сотню мѣстъ придется одинъ, а прочія вакансіи священническія нужно уже будетъ замѣщать лицами, вовсе не получившими богословскаго образованія. Такимъ образомъ проектированная реформа ведетъ не къ возвышенію образованія въ духовенствѣ, а къ его паденію, и даже почти уничтоженію. Справедливо-ли для осуществленія такой реформы увеличивать налогъ на церкви въ видѣ свѣчнаго дохода и отнимать насущный хлѣбъ у сиротъ духовнаго званія? »Зато, при такой обстановкѣ учебнаго дѣла, говоритъ составитель предполагаемой реформы, и только при ней именно, духовное вѣдомство будетъ свободно отъ того нареканія, что нынѣ это вѣдомство привлекаетъ юношество къ духовному званію путемъ искусственнымъ, а именно: посредствомъ обученія дѣтей своихъ въ училищахъ и семинаріяхъ, гдѣ, начиная съ самыхъ низшихъ классовъ, общее образованіе какъ бы съ преднамѣренною цѣлью перемѣшано съ образованіемъ богословскимъ». Въ виду всего, что выше сказано о печальныхъ послѣдствіяхъ предполагаемой реформы, эти слова автора не составляютъ никакого утѣшенія для насъ.

Не менѣе замѣчательный проектъ реформы духовно-учеб-

ныхъ заведеній находимъ въ »Отечественныхъ Запискахъ«. Авторъ внутренняго обозрѣнія этого журнала за мѣсяць май, разобравши проэктъ реформы, изложенный въ »С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ«, признаетъ его несостоятельнымъ, въ особенности съ той стороны, что при осуществленіи его специально богословскія заведенія будутъ почти пусты и духовное званіе не будетъ имѣть лицъ образованныхъ. Взамѣнъ этого проэкта онъ предлагаетъ свой. »Мнѣ кажется, говоритъ онъ, что какъ мысль объ уничтоженіи духовнаго сословія, какъ особой касты въ государствѣ, вполне созрѣла, а ей давно пора созрѣть: то всего лучше съ духовными училищами поступить такимъ образомъ: 1) всѣ низшія духовныя училища закрыть; 2) духовныя семинаріи преобразовать въ земскія семинаріи для приготовленія учителей въ сельскія школы, предоставивъ поступать въ эти семинаріи желающимъ изъ всѣхъ сословій и изъ всѣхъ училищъ.—однимъ словомъ, всѣмъ, кто сдастъ вступительный экзамень, требуемый уставомъ этихъ семинарій; 3) для тѣхъ, которые по окончаніи курса въ семинаріяхъ пожелаютъ поступить въ священники, образовать при семинаріяхъ двухкласный богословскій курсъ. Содержаніе такихъ семинарій будетъ стоить гораздо меньше нынѣшнихъ, между тѣмъ онѣ дадутъ огромное число хорошихъ учителей, въ которыхъ такъ теперь нуждаются сельскія школы, и будутъ поставлять большинство духовенства изъ дѣтей народа, которое будетъ лучше знать народныя нужды и будетъ стоять къ народу ближе. Изъ семинарій, такимъ образомъ устроенныхъ, будетъ выходить духовенство сельское. Духовенство городское будетъ набираться изъ тѣхъ лицъ, которыя, окончивъ курсъ ученія въ классическихъ гимназіяхъ, поступятъ въ духовныя академіи и кончатъ тамъ курсъ. При такихъ порядкахъ впрочемъ весьма удобно будетъ, для сокращенія расходовъ, академіи преобразовать въ богословскіе факультеты при университетахъ«.

Этотъ проэктъ, повидимому, влѣнящійся въ пользу церкви, неминуемо долженъ привести почти къ тѣмъ же невыгоднымъ для духовенства и церкви послѣдствіямъ, къ ка-кимъ ведетъ проэктъ, представленный и въ »С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ«, т. е. онъ также, какъ и тотъ, лишитъ церковь образованныхъ дѣятелей. Предположеніе, что городское духовенство будетъ набираться изъ лицъ, которыя, окончивъ курсъ въ классическихъ гимназіяхъ, поступятъ въ духовныя академіи и кончатъ тамъ курсъ—есть одна мечта. Какъ теперь изъ классическихъ гимназій никто не поступаетъ въ академіи, такъ и тогда будетъ тоже, по той простой причинѣ, что должность священника, хотя бы и въ городѣ, ничего не представляетъ привлекательнаго сравнительно съ той карьерой, какую могутъ себѣ устроить окончившіе курсъ гимназій въ другихъ отрасляхъ общественнаго служенія, особенно если они окончили курсъ хорошо. Расположеніе къ духовному званію въ классическихъ гимназіяхъ ничѣмъ не развивается, а само собою оно никогда не возникаетъ. О преобразованіи духовныхъ академій въ богословскіе факультеты нечего и говорить. Это годится въ протестантскихъ земляхъ, гдѣ служеніе пастора стоитъ на ряду съ другими гражданскими служеніями, а не въ православной странѣ, гдѣ отъ священниковъ требуется несравненно больше, чѣмъ отъ пасторовъ. Если же въ духовныя академіи будутъ поступать воспитанники гимназій съ посредственными способностями и образованіемъ, то это будетъ не находка для духовнаго званія, да еще въ состояніи ли они выдержать экзаменъ, требуемый при поступленіи въ академію. Стало быть, священническія вакансіи въ городахъ по необходимости нужно будетъ замѣщать воспитанниками земскихъ семинарій, предназначенными авторомъ реформы собственно для сельскихъ приходовъ. Но что такое земскія семинаріи? Въ состояніи ли онѣ дать достаточ-

но образованныхъ людей, какіе требуются для настырскаго служенія, хотя бы при этихъ семинаріяхъ былъ устроенъ спеціально богословскій курсъ? Надлежащее развитіе умственныхъ способностей, при которомъ съ успѣхомъ можно изучить богословскія науки, можетъ быть достигнуто только въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ получается образованіе классическое, каковы: гимназін и семинаріи. Только это образованіе въ состояніи дать устойчивость и надлежащее направленіе мыслительной способности; при отсутствіи его человѣкъ набирается только поверхностнаго образованія, — таковы и оказываются у насъ воспитанники земскихъ или учительскихъ семинарій, какъ это ясно уже подтвердилъ опытъ. Они и на должности сельскихъ учителей ясно являются безъ опредѣленныхъ правилъ и убѣжденій, »вляющиеся всякимъ вѣтромъ ученій«; они, конечно, и богословскій курсъ будутъ изучать только поверхностно, можетъ быть даже безъ сердечнаго расположенія къ богословскимъ наукамъ, ради только того, чтобы выйти въ священники!.. Самъ же авторъ этого проекта въ своей статьѣ съ живымъ сочувствіемъ излагаетъ мысль, что »только классическая школа, испытанная вѣками, способна дать прочную и солидную обработку умственнымъ способностямъ юношей и что внѣ ея программы нашихъ заведеній набиты такими предметами, которые служатъ не къ серьезному упражненію ума, а къ его разстройству, и поэтому отъ нихъ не получается никакихъ другихъ результатовъ, кромѣ размноженія людей легкомысленныхъ«. А для служенія церкви, важнѣйшаго изъ служеній въ государствѣ, онъ рекомендуетъ воспитывать юношей внѣ классической школы — въ учительскихъ семинаріяхъ, уже давно себя невыгодно зарекомендовавшихъ. Близости въ этихъ кандидатахъ священства къ простому народу, изъ котораго они большею частию будутъ выходить, и искренняго служенія своей род-

ной средѣ отъ нихъ тоже ожидать трудно. Опытъ показалъ, что крестьянскія дѣти, вкусивъ образованія въ этихъ семинаріяхъ и надмеаясь имъ, большею частію свысока смотрятъ на свою прежнюю среду, бѣгутъ отъ нея, воображая низостию для себя сближаться съ нею, и даже должность сельскаго учителя стараются занимать въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ родины. Такими лицами пополнять духовное званіе несравненно хуже, чѣмъ простыми начетчиками. У сихъ послѣднихъ по крайней мѣрѣ скорѣе можно встрѣтить искреннюю приверженность къ религіи и благоговѣнію къ свящ. служенію.

Если же оба разобранные нами проекта преобразованія духовно-учебныхъ заведеній такъ или иначе ведутъ къ упадку образованія въ нашемъ духовенствѣ и вслѣдствіе того къ крайнему нравственному обезсиленію его, то не трудно понять—гдѣ и кѣмъ они измышлены. Они, очевидно, истекаютъ изъ той среды, для которой правильно образованное духовенство тоже, что бѣльмо на глазу, потому что крѣпко отстаиваетъ религію и сильно противодѣйствуетъ развитію новыхъ идей въ народѣ, или такъ называемому прогрессу. Эта искусная и скрытая агитація у насъ уже давно ведется. То во множествѣ появлялись у насъ въ газетахъ и журналахъ статьи, бросавшія грязью въ нашихъ архипастырей, выставляя всякую всячину, особенно изъ лѣтъ давно минувшихъ и преданій старины,—съ очевидною цѣлью уронить ихъ въ глазахъ народа и разшатать церковную власть; то сыпали всякаго рода порицанія на прочее духовенство, выдумывая разныя на счетъ его скандальныя исторіи, въ родѣ наприм. той, какую недавно пустила газета »Молва«: будто въ видахъ ограбленія одного солдата священникъ и діаконъ загрызли его; то наконецъ измышляютъ новые проекты преобразованія духовно-учебныхъ заведеній, яко бы составляющіеся »въ официальныхъ сферахъ«, но

доволько хитро направленные въ тому, чтобы лишить духовенство образованія и погрузить его во тьму, да еще ради этого блага предлагают обобрать церкви, оставить безъ куска хлѣба сиротъ въ духовенствѣ. Но въ то время, какъ уже успѣли обнаружиться слишкомъ горькіе плоды агитаціи, публика едва-ли съ такимъ довѣріемъ станетъ относиться къ ея измышленіямъ, какъ прежде...

Правила относительно порядка приготовления иновѣрцевъ къ принятію православной вѣры и относительно совершенія надъ таковыми лицами св. крещенія.

Правительствующій Синодъ, относительно порядка приготовления иновѣрцевъ къ принятію православной вѣры и относительно совершенія надъ сими лицами по обряду ея таинства св. крещенія, указомъ отъ 22 января 1862 г., въ измѣненіе подлежащихъ статей свода законовъ, опредѣлилъ:

1) Надъ малолѣтнимъ евреями, магометанами и язычниками, не достигшими четырнадцатилѣтняго возраста совершается таинство св. крещенія по обряду православной церкви не иначе, какъ съ согласія ихъ родителей, или опекуновъ, изъявленнаго письменно. Изъятія изъ сего правила могутъ быть допускаемы лишь по усмотрѣнію важныхъ къ тому причинъ съ разрѣшенія Св. Синода.

2) Надъ иновѣрцами, достигшими уже четырнадцатилѣтняго возраста, таинство св. крещенія можетъ быть совершаемо и безъ согласія ихъ родителей, или опекуновъ, если будетъ съ совершенною достовѣрностію приведено въ извѣстность, что сами обращающіеся желаютъ и требуютъ присоединенія къ церкви православной, и что они имѣютъ достаточныя свѣдѣнія въ ея догматахъ и ученіи.

3) Не достигшіе совершеннолѣтія т. е. 21 года иновѣрцы, которые готовятся къ св. крещенію по обряду церкви православной, наставляются во всѣхъ существенныхъ основаніяхъ вѣры въ теченіи шести мѣсяцевъ; для наставленія же иновѣрныхъ совершеннолѣтнихъ остается древній сорокадневный срокъ съ допущеніемъ, какъ прежде такъ и теперь, и болѣе краткаго по нуждѣ и смотря по успѣхамъ наставляемаго.

4) Опасно больные иновѣрцы всякаго возраста могутъ, по желанію ихъ, быть крещены безъ промедленія съ соблюденіемъ установленныхъ церковію правилъ и съ тѣмъ, а) чтобы къ крещенію такихъ было приступлено не прежде, какъ по надлежащемъ, совершенно надежномъ удостовѣреніи, что они находятся не въ состояніи безпамятства, лишающаго ихъ возможности выразить съ сознаніемъ и разумѣніемъ свою волю, б) чтобы о совершеніи такого крещенія по нуждѣ было безотлагательно доносимо епархіальному начальству и в) чтобы новокрещеннаго въ такихъ обстоятельствахъ, буде онъ выздоровѣетъ, епархіальное начальство поручило благонадежному духовному лицу для назиданія и утвержденія въ христіанствѣ.

5) Обрядъ таинства св. крещенія долженъ быть совершенъ надъ иновѣрнымъ въ церкви (за исключеніемъ случаевъ болѣзни иновѣрцевъ) и всегда въ присутствіи благонадежныхъ свидѣтелей, или ближайшаго мѣстнаго начальства. Прежде начатія сего священнаго обряда, какъ священнослужители, долженствующіе совершить его, такъ и мѣстное начальство, обязанное присутствовать при немъ, должны тщательно удостовѣриться, что иновѣрецъ принимаетъ св. крещеніе добровольно и съ должнымъ разумѣніемъ, и безъ сего убѣжденія ни въ какомъ случаѣ не совершается и не допускается крещеніе. По совершеніи сего священнаго обряда,

присутствовавшій при немъ ближайшій мѣстный начальникъ обязанъ засвидѣтельствовать собственноручно совершеніе обряда крещенія въ метрической книгѣ.

Дѣти, начиная съ семилѣтняго возраста, не иначе также могутъ получить крещеніе, какъ по надлежащемъ ихъ оглашеніи истинами вѣры и закона христіанскаго и по изученіи необходимѣйшихъ молитвъ (Тим. Алекс. 1). Оглашенный все время оглашенія долженъ проводить въ постѣ и молитвахъ, являться ко всѣмъ церковнымъ службамъ къ самому началу и молиться съ полнымъ сокрушеніемъ и слезами о прежде содѣянныхъ имъ грѣхахъ и съ пламеннымъ желаніемъ принять св. крещеніе. (Чин. присоед. евреевъ, магометанъ и язычниковъ стр. 11). Если-бы оглашенный, во время приготовленія къ крещенію, впалъ въ какой-либо тяжкій грѣхъ; то, по правиламъ, крещеніе должно быть отложено до времени совершеннаго его раскаянія и исправленія. Но если-бы онъ и снова впалъ въ грѣхъ, въ такомъ случаѣ долженъ быть совсѣмъ удаленъ отъ церкви (Неокес. 5). Впрочемъ, если по истеченіи довольно продолжительнаго времени (около трехъ лѣтъ) онъ снова сталъ бы искать крещенія съ полнымъ сокрушеніемъ о прежнихъ грѣхахъ, правила не запрещаютъ принимать его въ церковь и по надлежащемъ оглашеніи крестить (I Вселен. соб. пр. 14).

Есть правила, положенныя соборами и отцами и на особенные нѣкоторые случаи: а) если возрастной, ищущій крещенія, такъ боленъ или находится въ лишеніи языка, что не можетъ давать необходимыхъ отвѣтовъ при крещеніи, въ такомъ случаѣ правила повелѣваютъ крестить по вѣрѣ и желанію воспріемниковъ, т. е. если воспріемники будутъ отвѣчать за него и подъ собственною отвѣтственностію свидѣтельствовать о его желаніи креститься (Борѣ. соб. пр. 54 Тим. Алекс. пр. 4). б) Крещеніе бѣсноватыхъ или одержимыхъ злымъ духомъ должно быть отлагаемо до времени ихъ выздоровленія, но въ случаѣ смертной опасности не запрещается крестить и ихъ (Тим. Алекс. пр. 2). в) Жену оглашенную, если ко дню крещенія приключится обычное женамъ, правила крестить воспрещаютъ, доколѣ не очистится (Тим. Алекс. пр. 6).

Что же касается до крещенія взрослыхъ (евреевъ, магометанъ и язычниковъ), то по указу Св. Синода 1840

года, февраля 20, священники не могут приступать къ этому сами безъ испрашиванія разрѣшенія отъ своего епархіальнаго начальства. Разрѣшеніе это епархіальное начальство или прямо даетъ по своему усмотрѣнію, или же предварительно дѣлаетъ сношеніе съ мѣстными гражданскими начальствами, какъ о томъ предписано Св. Синодомъ. Дѣла сего рода обыкновенно производятся такимъ образомъ: ищущій крещенія самъ лично, или чрезъ свое начальство (особенно если принадлежитъ къ военному или гражданскому вѣдомству) подаетъ прошеніе епархіальному преосвященному, или въ консисторію, о дозволеніи ему, вслѣдствіе искренняго убѣжденія въ истинности христіанской вѣры восточно-православнаго исповѣданія и ложности его прежней, принять св. крещеніе по обрядамъ православной церкви. Консисторія предписываетъ указомъ священнику того прихода, въ которомъ проживаетъ ищущій крещенія, по испытаніи совѣсти просителя, если не встрѣтятся сомнѣнія: а) научить его символу вѣры, десяти заповѣдямъ и молитвамъ—Господней, Богородичной и другимъ; б) отобрать отъ него письменное показаніе о томъ, гдѣ онъ родился и отъ какихъ именно родителей, гдѣ они проживаютъ нынѣ, и по какимъ документамъ, женатъ онъ или холостъ, если женатъ, то гдѣ жена находится, также и дѣти, если они есть, и каковаго вѣроисповѣданія,—искренно ли онъ желаетъ принять святую православную вѣру и сдержатъ оную до конца жизни неизмѣнно, или не притворно ли, только ради какихъ выгодъ и пристрастій желаетъ онъ принять христіанство и в) о послѣдующемъ довести консисторіи съ представленіемъ какъ его самого на испытаніе, такъ и его послужнаго списка, или паспорта и показанія. Ищущій крещенія, если состоитъ на службѣ военной или гражданской, вмѣстѣ съ прошеніемъ въ консисторію долженъ представить и разрѣшеніе отъ своего начальства. По наученіи новообращающагося символу вѣры, заповѣдямъ и необходимымъ молитвамъ, священникъ рапортомъ доносить объ этомъ консисторіи, и представляетъ на испытаніе его самого въ преподанномъ ему ученіи. Если на испытаніи окажется онъ достаточно наученнымъ вѣрѣ и закону христіанскому, консисторія новымъ указомъ предписываетъ тому же священнику взять съ новообращеннаго письменное обязательство въ томъ, что онъ не-

измѣнно пребудеть членомъ святой православной католической церкви до конца жизни. Затѣмъ въ кабой-либо праздничный или воскресный день совершить надъ нимъ таинство крещенія, предъ литургією со всевозможною публичностію; внести крещеніе въ метрическую книгу, затѣмъ въ тотъ же или слѣдующій воскресный же или праздничный день удостоить новокрещеннаго св. причастія и наконецъ объ исполненіи всего этого донести рапортомъ консисторіи. Причемъ представляется и отобранное отъ новокрещеннаго письменное обязательство въ неизмѣнномъ сохраненіи православной вѣры—вмѣстѣ съ выпискою изъ метрической книги. При записи крещенія новообращенныхъ въ метрическую книгу всегда дѣлается ссылка на указъ консисторіи, на основаніи котораго совершено крещеніе.

(Тавр. еп. вѣд.)

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА, ТОЛЬКО
ЧТО ОТПЕЧАТАННАЯ:

„СЛОВА И ПОУЧЕНІЯ“

Священника ІОАННА ЛОЗИНСКАГО.

«Слова и Поученія» написаны простонароднымъ языкомъ и приспособлены къ нравственному состоянію какъ городскихъ, такъ и сельскихъ слушателей.

ЦѢНА КНИГИ: безъ пересылки 1 р., съ пересылкою по почтѣ 1 р. 25 к. Требования исполняются безъ замедленія.

Складъ книги у автора—священника слободы Уразовой, Валуйскаго уѣзда, Воронежской губерніи, и въ г. Воронежѣ—въ книжной лавкѣ Митрофанова монастыря.

РУКОВОДСТВО

Д Л Я

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ № 27. Подписка принимается въ редак-
четыре руб., съ пересылкою пять цѣи сего журнала, при кievской
рублей сереб. семинаріи.

1879 года. Іюля 1-го.

Содержаніе. Вопросъ сельскаго священника, предложенный Редакціи на разрѣшеніе.—Отвѣтъ на вопросъ, предложенный Редакціи сельскимъ священникомъ.—Кое-что о вулканахъ (по поводу изверженія Везувія).—*Вѣ приложеніи:* Поученіе противъ вѣры въ пристрѣть. (окончаніе).—Поученіе на день св. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла.

Вопросъ сельскаго священника, предложенный Редакціи на разрѣшеніе.

Во 2 № »Руководства для сельскихъ пастырей« за текущій 1879 годъ, въ примѣчаніи своемъ по поводу послѣднихъ мыслей замѣтки О. Л.: »можно-ли священнику, при чтеніи извѣстной разрѣшительной молитвы, читаемой надъ кающимся, не упоминать имени кающагося«, Редакція, между прочимъ, высказала, что,—»выполнѣ соглашась съ высказаннымъ въ замѣткѣ мнѣніемъ относительно того, что, при чтеніи разрѣшительной молитвы на исповѣди, совершенно необходимо упоминать имя того лица, которому преподается разрѣшеніе,—она не раздѣляетъ, однакожъ, той мысли, чтобы принимать на исповѣдь по нѣскольку человекъ за разъ,—что такая исповѣдь прямо запрещается книгою о должностяхъ пре-

свитеровъ приходскихъ (ст. 100), и что если общая исповѣдь противозаконна, то не можетъ быть и рѣчи о чтеніи общей разрѣшительной молитвы... Той мысли, >чтобы принимать на исповѣдь по нѣскольку человѣкъ за разъ«, въ замѣткѣ О. Л., кажется нѣтъ. Редакція, повидимому, думаетъ, что если священники читаютъ общую разрѣшительную молитву надъ кающимися: то и на исповѣдь принимаютъ по нѣскольку человѣкъ за разъ и всѣхъ за разъ—*въ одно и то же время—исповѣдуютъ*. Между тѣмъ,—сколько извѣстно по крайней мѣрѣ пишущему эти строки,—въ большинствѣ случаевъ, священники, преимущественно приходовъ многолюдныхъ, дѣлаютъ такъ: приходитъ на исповѣдь человѣкъ, напримѣръ, 100—200—300; священникъ, при такомъ многолюдствѣ исповѣдниковъ, не имѣетъ даже *физической возможности*, исповѣдуя каждого, надъ каждымъ исповѣдникомъ отдѣльно прочитывать и разрѣшительную молитву, и каждому отдѣльно дѣлать положенный отпускъ,—и вотъ,—послѣ прочтенія исповѣдникамъ *общаго начала къ исповѣди*,—священникъ впускаетъ имъ, чтобы они подходили къ исповѣди каждый отдѣльно, но *по деревнямъ* ¹⁾, сначала подходили лица изъ одной деревни, тутъ изъ другой и т. д.; послѣ такого внушенія, священникъ удаляетъ пришедшихъ къ исповѣди въ сторону храма, противоположную той сторонѣ, гдѣ происходитъ исповѣдь; дьяконъ или причетникъ всѣмъ этимъ исповѣдникамъ читаетъ тамъ *вечернее правило и вечернія молитвы*, а священникъ въ это время и исповѣдуетъ каждое лицо *отдѣльно*, но разрѣшительной молитвы надъ каждымъ исповѣдникомъ отдѣльно не читаетъ и отпуска съ цѣлованіемъ креста

---

¹⁾ Это для того, чтобы послѣ священнику удобнѣе было отмѣчать *бытіе у исповѣди* »въ духовныхъ росписяхъ«...

каждому отдѣльно не даетъ: эту молитву и отпускъ онъ читаетъ или тогда, когда отысповѣдуетъ нѣсколько человѣкъ, напримѣръ, 50—70—100,—или тогда, когда отысповѣдуетъ уже всѣхъ пришедшихъ на тотъ разъ къ исповѣди;—въ иныхъ мѣстахъ разрѣшительную молитву священники читаютъ даже *утромъ слѣдующаго дня* за одинъ разъ надъ всѣми, исповѣдавшимися *съ вечера*, и такимъ образомъ всѣмъ исповѣдникамъ дѣлаютъ *общій конецъ*, точно также какъ всѣмъ дѣламъ *общее начало*... въ этомъ случаѣ каждый вечерній исповѣдникъ, послѣ исповѣди своей и выслушаніи вечерняго правила, тотчасъ же уходитъ домой, не дожидаясь, пока священникъ отысповѣдуетъ всѣхъ или многихъ, пришедшихъ на исповѣдь.—Если редакция знала о подобныхъ дѣйствіяхъ священниковъ и тѣмъ не менѣе дѣлала свое *примѣчаніе* и на счетъ этихъ дѣйствій: то не принимаетъ ли она *за общую исповѣдь*—не подводитъ *подъ понятіе объ ней*—и ту исповѣдь, которая совершается священниками отдѣльно надъ каждымъ исповѣдникомъ, но при которой каждый отдѣльно, тотчасъ послѣ исповѣди, не получаетъ разрѣшенія грѣховъ, а получаетъ таковое разрѣшеніе *вмѣстѣ* со многими другими лицами, тоже заранѣе исповѣдавшимися? Или же подобныя дѣйствія священниковъ столько *беззаконны*, что хорошо знающіе *законы и представить себѣ не могли*, чтобы священники совершали эти дѣйствія,—чтобы,—не окончивъ таинства исповѣди надъ однимъ исповѣдникомъ,—они начинали совершать его надъ другимъ и т. д??.. Если дѣйствія эти въ самомъ дѣлѣ беззаконны, то само собою разумѣется, что не можетъ быть и рѣчи »о чтеніи общей разрѣшительной молитвы«, и разрѣшительную молитву священникъ непременно долженъ читать надъ каждымъ исповѣдникомъ отдѣльно, и каждому отдѣльно давать отпускъ, хотя-бы для этого пришлось ему

иногда даже цѣлую половину пришедшихъ на исповѣдь отпустить на тотъ разъ совершенно *безъ исповѣди*... Если же они—тѣ дѣйствія—не беззаконны и подъ понятіе общей исповѣди не подходятъ, то *речь о чтеніи общей разрѣшительной молитвы можетъ быть*, а въ такомъ случаѣ можетъ имѣть свою силу и значеніе и выраженное въ концѣ статьи О. Л. мнѣніе о томъ, что »въ необходимомъ употребленіи извѣстнаго молитвеннаго выраженія во множественномъ числѣ вмѣсто единственнаго нѣтъ отступленія не только отъ смысла, но и отъ буквы молитвы«...

Редакція весьма обязала бы меня, а равно, полагаю, и многихъ другихъ священниковъ, если бы, на страницахъ своего изданія, разрѣшила мой недоумѣнный вопросъ...

Сельскій священникъ...

Отвѣтъ на вопросъ, предложенный редакціи сельскимъ священникомъ.

Въ послѣдованіи обѣ исповѣданіи предварительно изложено такое замѣчаніе: »*приводитъ духовный отецъ хотящася исповѣдаться единаго, а не два или многія, предъ икону Господа нашего Іисуса Христа непокровенна. И творитъ стихъ началу. Также, трисвятое. По Отче нашъ: Господи помилуй 12. Слава, и нынѣ: приидите поклонимся: трижды. Также, псаломъ 50. И тропари: помилуй насъ Господи, помилуй насъ*» и т. д. (см. Больш. Требн. лист. 23). Это примѣчаніе совершенно ясно даетъ понять, что какъ *начало исповѣди*, такъ и *конецъ ея*,—все, что положено *въ послѣдованіи обѣ исповѣданіи*, должно быть совершено надъ каждымъ

кающимся отдѣльно—порознь. Правда, у насъ принято, что всѣ говѣющіе выслушиваютъ *общее начало* къ исповѣди, но вѣдь это отступленіе отъ нормальнаго порядка исповѣди, указаннаго церковію. А одно отступленіе еще не даетъ права допускать новое и притомъ болѣе важное отступленіе. Если священники дѣлаютъ *общее начало* къ исповѣди, то слѣдуетъ ли отсюда, что они должны или по крайней мѣрѣ могутъ дѣлать и *общій конецъ* ея? Да на чтеніе *разрѣшительной молитвы* и мѣлзя смотрѣть только какъ на *конецъ исповѣди*. Относительно *разрѣшительной молитвы* въ Требникѣ замѣчено: *совершеніе тайны святаго покаянія*; значить, чтеніе *разрѣшительной молитвы* и составляетъ то, въ чемъ выражается сущность таинства,—доколѣ не произнесены слова *разрѣшительной молитвы*, дотолѣ и самое таинство не совершилось.—*Разрѣшеніе* кающагося *отъ грѣховъ* есть одинъ изъ актовъ таинства покаянія, стоящій въ тѣсной непосредственной связи съ другимъ видимымъ актомъ того же таинства—*съ устнымъ исповѣданіемъ* кающагося въ своихъ грѣхахъ. Между тѣмъ, если выслушивать исповѣдь кающихся, а *разрѣшеніе* имъ отъ грѣховъ отлагать до другаго времени, то неизбѣжно выйдетъ разобщеніе двухъ актовъ одного и того же таинства, стоящихъ въ непосредственно—последовательной связи между собою; тогда произойдетъ нѣчто подобное тому, какъ еслибы кто пригото-вилъ оглашеннаго къ крещенію,—освятилъ воду крещенія, помазалъ оглашеннаго св. елеемъ, а самый актъ погруженія отложилъ до другаго времени.—*Разрѣшеніе совѣсти* кающагося обусловливается важностію грѣховъ и степенью раскаянія грѣшника: если покаяніе грѣшника искренно, то преподается ему *разрѣшеніе* отъ грѣховъ, и наоборотъ. Но чтеніе *общей разрѣшительной молитвы* исключаетъ эту условность; всѣмъ заранѣе исповѣдавшимся препо-

дается разрѣшеніе въ грѣхахъ. А какъ скоро всѣмъ кающимся (хотя и неодинаково искренно) преподается разрѣшеніе отъ грѣховъ, то допускается злоупотребленіе властью духовнаго суда, практикуется только одно право, предоставленное пастырямъ: *елика еще разрѣшите*, равносильное же ему право: *елика еще свяжите*—игнорируется ко вреду церкви. При общемъ разрѣшеніи кающихся отъ грѣховъ невозможно или по меньшей мѣрѣ трудно пользоваться правомъ: *елика еще свяжите*. Исповѣдь есть тайна отъ начала до конца,—не только грѣхи кающагося, но и разрѣшеніе или неразрѣшеніе его совѣсти никому не должны быть извѣстны, кромѣ Бога, духовника и самого кающагося. Но будетъ ли исповѣдь тайною, останется ли запрещеніе совѣсти какого либо грѣшника неизвѣстнымъ тамъ, гдѣ одновременно преподается разрѣшеніе отъ грѣховъ всѣмъ или многимъ исповѣдавшимся? Отсутствіе какого либо исповѣдника, при чтеніи общей разрѣшительной молитвы, будетъ служить явнымъ знакомъ, что на него наложено запрещеніе за тяжкіе или нераскаянные грѣхи. Всѣ кающіеся должны знать, преподано или не преподано имъ разрѣшеніе отъ грѣховъ. Чтобы грѣшникъ могъ быть увѣренъ въ томъ, прощены или не прощены ему грѣхи, необходимо ясно и положительно выразить это въ формѣ разрѣшенія, указанной церковію. Безъ сего совѣсть кающагося останется въ неопредѣленномъ состояніи. А въ такомъ-то состояніи и можетъ находиться совѣсть исповѣдавшихся, если имъ преподается *общее разрѣшеніе* отъ грѣховъ. Положимъ, что, *при чтеніи общей разрѣшительной молитвы*, будутъ перечислены имена всѣхъ исповѣдавшихся (разумѣется записанныя во время самой исповѣди), но и послѣ того, каждый ли изъ кающихся вполне увѣренъ будетъ, что *его, а не другого лица имя* было упомянуто духовникомъ во

время чтенія *общей разръшительной молитвы*? При невѣрности же кающагося въ томъ, прощены или не прощены ему грѣхи, онъ не можетъ готовиться ко св. причащенію со спокойною и умиротворенною совѣстью, тогда какъ у каждаго приступающаго къ чашѣ Тѣла и Крови Христовыхъ долженъ быть душевный миръ, происходящій отъ живаго сознанія своего примиренія съ Богомъ. Наконецъ тамъ, гдѣ преподается *общее разръшеніе отъ грѣховъ* всѣмъ или многимъ, заранѣе исповѣдавшимся, не видно снисхожденія къ слабой и немощной совѣсти людской: каждый, искренно кающійся, бываетъ живо проникнутъ сознаніемъ своихъ грѣховъ, онъ спѣшитъ сложить съ себя грѣховное бремя, но вмѣсто того заставляютъ его носить это бремя еще въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ и даже до слѣдующаго дня!...

Такимъ образомъ съ какой-бы стороны мы ни посмотрѣли на *чтеніе общей разръшительной молитвы*, оно оказывается аномаліей. Безспорно, что эта аномалія въ пастырской практикѣ вызывается затруднительнымъ положеніемъ пастырей церкви, когда въ одинъ день являются къ нимъ на исповѣдь цѣлыя сотни прихожанъ. Какъ оо. духовникамъ можно было бы избѣжать затрудненій въ дѣлѣ исповѣди прихожанъ, объ этомъ уже не разъ говорилось въ нашемъ журналѣ и другихъ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ настоящемъ разѣ мы находимъ не безполезнымъ высказать еще нѣсколько замѣчаній, пригодныхъ для ускоренія исповѣди значительнаго количества прихожанъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда оказывается множество исповѣдниковъ, необходимо напередъ объявить имъ, чтобы они сами отрывали на исповѣди тѣ грѣхи, которые особенно тяготятъ ихъ совѣсть, что вообще, не дожидаясь вопросовъ, начинали бы исповѣдываться, что не будетъ возможности подробно спрашивать каждаго изъ

нихъ о грѣхахъ. Не лишне объяснить имъ, что земные поклоны предъ аналоемъ, равно какъ поставленіе свѣчъ предъ иконою Спасителя, они могутъ выполнить раньше, когда еще готовятся стать на исповѣдь. Нѣтъ надобности предлагать эти вопросы: »вѣруешь ли въ Бога« тому, чья вѣра несомнѣнна и кто не умѣетъ высокоумно вѣровать. Если и послѣ такихъ мѣръ исповѣдь прихожанъ замедлится, то для ускоренія ея ничего большаго придумать нельзя. Исповѣдываніе прихожанъ во время службы вечерней и утренней, а равно во время чтенія *вечерняго и утренняго правила* не можетъ быть допущено. Нечего уже говорить о томъ, что говѣющіе отвлекаются отъ слушанія вечерни или заутрени, или вечерняго и утренняго правила: и изъ нихъ каждому придется хоть часть изъ богослуженія и *предпричастнаго правила* опустить. А самъ-то служащій и исповѣдующій когда же выслушаетъ службу и *правило*? Развѣ онъ снова повторить ихъ для себя? Повторять ему не было бы нужды, если-бы онъ остальныхъ исповѣдниковъ принималъ на »духъ« вслѣдъ за службою и по прочтеніи правила для готовящихся къ св. Причащенію. Но какъ же онъ, не выслушавъ ни вечерни, ни утрени, ни *правила* во всей послѣдовательности, приступаетъ за тѣмъ къ литургіи? Что за приготовленіе прихожанъ къ св. причащенію, когда они во время чтенія *правила* или службы вечерней и утренней приглашаются на исповѣдь? Кто не пойметъ, что все это не ладно, не порядокъ? »Въ церкви же были, а не дома, когда служилась вечерня или заутрени и читалось вечернее или утреннее правило«, говоритъ пастырь-духовникъ о себѣ и своихъ прихожанахъ. Но въ церкви же за службой и во время чтенія *правила* находилось и много бездушныхъ вещей....

Ное-что о вулканахъ

(По поводу изверженія Везувія).

Далеко, далеко отъ насъ, у самаго берега моря, раскинулся прелестнѣйшій городокъ. Чтобы увидѣть его, нужно перенестись за тысячи верстъ подъ вѣчно-голубое небо Италиі. Но зато, кто только разъ увидитъ его, навѣрное никогда не забудетъ. Имя ему Неаполь. И дѣйствительно, когда подъѣзжаешь къ Неаполю съ моря, взглядамъ представляется роскошная картина, переносящая насъ въ какой-то сказочный міръ. Кажется, болѣе живописнаго уголка и не существуетъ на земномъ шарѣ. Тысячами брилліантовъ блеститъ Неаполитанскій заливъ, омывая дома Неаполя, расположенные амфітеатромъ; за нимъ холмы, покрытые апельсиновыми и персиковыми деревьями, растущими на вольномъ воздухѣ, дачи, купающіяся въ морѣ лимонныхъ садовъ и виноградниковъ, а вдали вѣчно дымящійся, безпокойный сосѣдъ Везувій.... Все это производитъ такое сочетаніе волшебныхъ красокъ и переливовъ, которое едва ли снилось кому либо изъ насъ во времена нашего дѣтства! Чудная картина! Не даромъ въ устахъ неаполитанца сложилась поговорка: »взгляни на Неаполь, а потомъ умри«.

Гора Везувій—это краса и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасъ Неаполя. Везувій лежитъ въ семи верстахъ отъ города и стоитъ совершенно отдѣльно отъ горной цѣпи. Эта отдѣльность придаетъ ему величественный видъ. Везувій имѣетъ видъ сахарной головы съ покатыми склонами и сверху срубъзанъ какъ бы площадкой. Но это не площадка. Это—углубленіе въ видѣ воронки, со дна которой выдается вершина. Издали Везувій кажется съ двумя вершинами: одна есть выдающійся конецъ вала—Монте-Сомма, другая называется кратеромъ Везувія.

Взглянемъ на историческое прошлое этой горы.

До 79 г. по Р. Х. Везувій ничѣмъ не отличался отъ другихъ горъ. Онъ не оканчивался двумя вершинами, какъ теперь, но имѣлъ на верхушкѣ одно воронкообразное (отверстіе) углубленіе. Ни дыма, ни пепла не извергалось изъ его вершины, и подземный громъ не сотрясалъ могучей горы. Склоны Везувія были покрыты роскошными полями и виноградниками, а у подошвы его, у самого залива, лежали цвѣтушіе города Геркуланумъ и Помпея, въ которыхъ господствовали богатство, роскошь и великолѣбіе.

Все было тихо и спокойно до роковой ночи 23 августа 79 года. Вотъ какъ описываетъ ее Плиній младшій въ письмѣ своемъ къ Тациту: «дядя мой находился въ Мизенумѣ, гдѣ онъ командовалъ флотомъ. 23 августа, около часа по полудни, мать моя объявила ему, что видно какое-то облако необыкновенной величины и формы. Онъ погрѣлся на солнцѣ, принялъ прохладную ванну, затѣмъ, лежа, пообѣдалъ и занимался науками. Онъ потребовалъ свои башмаки и вошелъ на возвышеніе, откуда очень хорошо можно было наблюдать необыкновенное явленіе. Съ какой горы подымалось облако, невозможно было разсмотрѣть издали; только впослѣдствіи узнали, что съ Везувія; оно имѣло форму, которую можно сравнить только съ формою дерева, а именно пиніи (родъ сосны).казалось, оно подымалось въ видѣ очень длиннаго ствола съ нѣсколькими вѣтвями. Оно было бѣлаго цвѣта, мѣстами грязно и покрыто пятнами отъ увлеченной земли и камней. Внутри столба во многихъ мѣстахъ поднималось широкое пламя и высокіе огненные столбы, блескъ и яркость которыхъ усиливались еще темнотою ночи, становившейся все мрачнѣе и мрачнѣе»...

«Желая разогнать страхъ, дядя мой утверждалъ, что это сельскіе дома, покинутые отъ страха и предоставлен-

ные огню сельскими жителями, горѣвшіе теперь въ одиночествѣ. Затѣмъ онъ отправился на покой и дѣйствительно уснулъ крѣпко, ибо люди слышали за дверью его дыханіе, а онъ, по своей тучности, дышалъ всегда очень тяжело и громко. Наконецъ портикъ, изъ котораго входили въ комнату, былъ такъ высоко занесенъ пепломъ, что черезъ нѣсколько времени было бы невозможно выйти уже изъ комнаты. Его будятъ; онъ встаетъ, отправляется къ Помпоніану и другимъ неславшимъ. Сообща они вытолковали, оставаться ли имъ въ домѣ или выйти на воздухъ. Отъ частыхъ и сильныхъ ударовъ дома качались и, какъ будто поднятые со своихъ основаній, казались колебались туда и сюда. Сравнивъ опасности, рѣшились выбираться изъ дому. На голову положили подушки и крѣпко привязали ихъ платками. Это защищало ихъ отъ каменнаго дождя. Въ другихъ мѣстахъ былъ уже день, но здѣсь была ночь, чернѣе и мрачнѣе всѣхъ ночей. Всюду свѣтились и мелькали огненные точки отъ зажженныхъ факеловъ: испуганные жители бросились бѣжать во всѣ стороны, а пчелы осыпая ихъ съ ногъ до головы, засоряя имъ глаза. Рѣшились идти къ берегу и посмотреть, можно ли отважиться плыть по морю, но оно было попрежнему дико и бурно. Тогда дядя мой легъ на разостланный платокъ, потребовалъ холодной воды и выпилъ ее въ нѣсколько приѣмовъ. Затѣмъ пламя и сѣрный запахъ обратили другихъ въ бѣгство, а его заставили встать. Онъ поднялся, опираясь на двухъ рабовъ, но тотчасъ же усталъ, задушенный густымъ паромъ. Когда наступилъ день, третій считая отъ послѣдняго, видѣннаго имъ, то нашли его тѣло, неистовившееся, неповрежденное, въ томъ же платьѣ, въ какое онъ былъ одѣтъ; онъ походилъ болѣе на спящаго, чѣмъ на мертваго. Описавъ кончину своего дяди, Плиній младшій продолжаетъ описаніе явленія.

»Отовсюду неслись отчаянные вопли женщинъ, раздирающій душу плачь испуганныхъ дѣтей. Всѣ разбрелись въ разныя стороны, потеряли кого нибудь изъ близкихъ и въ давкѣ, суматохѣ и полнѣйшей темнотѣ, никто никого не видѣлъ, никто не могъ найти того, кого ему больше всего было нужно. Одинъ, въ ужасѣ и рыдая, звалъ свое маленькое дитя, старуху-мать, жену, брата. Нѣкоторые молили боговъ поскорѣе покончить съ этимъ мученіемъ и послать имъ смерть, другіе проклинали все на свѣтѣ, повтора безпрестанно, что эта ночь послѣдняя и вѣчная ночь. Многіе бросились къ морю, но имъ угрожала буря, и на корабли валился пепелъ и растрескавшіеся отъ огня камни. Скоро однако и море поставило людямъ преграду. Сначала оно какъ будто стало отступать отъ своихъ береговъ, сильно волнуясь, и вдругъ громадное черное облако, которое насквозь было пронизано цѣлыми мириадами молній, спустилось къ морю и въ одно мгновеніе покрыло его сплошь своимъ мрачнымъ саваномъ. Несчастные, прибѣжавшіе къ морю, съ ужасомъ бросились въ сторону, но ихъ и тамъ скоро стала преслѣдовать, какъ страшный разъярившійся потокъ, густая темно-огненная туча дыма, которая все гуще разстилалась по землѣ. Наступила еще большая темнота, гуще и сильнѣе возобновился пепельный дождь. Наконецъ темнота и пепелъ разсѣялись, и показалось желтоватое и блестящее солнце».

Цѣлыхъ восемь сутокъ не могла успокоиться природа. Послѣдствія катастрофы были ужасны.

»Когда, черезъ нѣсколько дней, продолжаетъ лѣтописецъ, успокоилась ярость подземныхъ огненныхъ силъ и пересталъ свирѣпствовать потрясенный до основанія Везувій, то тамъ, гдѣ еще недавно блистала природа въ ея великолѣпіи, солнце, не затмѣваемое болѣе мрачными тучами пепла, освѣтило однѣ развалины. Везувій измѣнилъ

свою форму и подымалъ къ небу новыя вершины; густой слой камней и пыли покрывалъ еще недавно цвѣтуція поля; кругомъ, стена и не находя брова, бродили тысячи несчастныхъ«....

Три города—Геркуланумъ, Помпея и Стобея—исчезли съ лица земли, чтобы воспрянуть чрезъ многія столѣтія изъ могилъ прошедшаго. Теперь производятся тщательныя раскопки этихъ подземныхъ городовъ, которые сохранились въ замѣчательной цѣлости. Даже краски картинъ и свитки папируса, на которомъ писали древніе, найдены невредимыми.

Съ той поры, какъ случилось первое изверженіе, Везувій не стихалъ уже больше, хотя онъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе въ весьма неравные промежутки времени. Такъ до 1631 года онъ всего восемь разъ проявлялъ свою дѣятельность и только послѣ сильнаго изверженія этого года взрывы его стали повторяться чаще. Последнія десятилѣтія онъ былъ особенно дѣтеленъ. 1855, 1858, 1865, 1868, 1872, 1875—вотъ рядъ годовъ сильныхъ изверженій Везувія. Наконецъ газеты передаютъ намъ, что въ настоящее время Везувій началъ свое изверженіе. На самомъ Везувіѣ, въ обсерваторіи, построенной на самой его верхушкѣ, заперся проф. Пальміери и дѣлаетъ самыя тщательныя наблюденія. По Везувію проведена телеграфная проволока, по которой проф. Пальміери телеграфируетъ въ Неаполь о ходѣ изверженія. Пальміери прозвали везувіанцемъ. Онъ живетъ себѣ отшельникомъ съ своими инструментами и книгами, не боясь той опасности, которая ему угрожаетъ. Какъ человѣкъ набожный—онъ твердо вѣритъ въ помощь и охрану Всеблагаго Промыслителя! Вотъ истинный примѣръ самоотверженной любви къ наукѣ.

Какъ совершается изверженіе? Какія явленія сопровождаютъ его? Какой порядокъ этихъ явленій? Нельзя сказать, чтобы всѣ изверженія были стереотипно похожи одно на другое, но общій ходъ слѣдующій. Дымъ, постоянно выходящій изъ отверстія или *кратера* вулкана все болѣе и болѣе усиливается и образуетъ древовидное облако—*фумаролу*. Ночью фумарола кажется огненной, вслѣдствіе отраженія расплавленной массы или *лавы*, колышущейся внутри вулкана. По временамъ черезъ огнежидкую массу пробираются съ силой пары и выбрасываютъ брызги лавы, которая въ застывшемъ состояніи часто находится около вулкановъ въ видѣ такъ наз. вулканическихъ бомбъ. вмѣстѣ съ бомбами выбрасывается песокъ и пепелъ. Количество этихъ изверженій чрезвычайно велико: пепелъ помрачаетъ дневной свѣтъ солнца на разстояніи 20 миль, засыпаетъ цѣлые города и уносится на громадные разстоянія. Такъ напр. во время знаменитаго изверженія 1872 г. (столь сильнаго, что онъ буквально треснулъ по одному изъ своихъ склоновъ) пепелъ Везувія доносился не только до Рима, но до Сиріи и былъ находимъ на тротуарахъ Алжира. Ростъ фумаролы можетъ служить мѣриломъ совершающихся явленій. Когда она достигаетъ достаточной густоты и плотности, то въ ней постоянно, какъ въ грозовомъ облакѣ, гремитъ громъ и сверкаетъ молнія. Чудная, величественная, но вмѣстѣ съ тѣмъ грозная картина!

Подъ конецъ изверженія вытекаетъ лава въ видѣ огненной массы, которая ночью имѣетъ видъ огненно-красныхъ лентъ, льющихся по склонамъ горы. Эта лава быстро твердѣетъ на своей поверхности, но подъ твердую корую еще долго течетъ въ жидкомъ видѣ: такъ Спалланцани черезъ 11 мѣсяцевъ послѣ изверженія ткнулъ деревянной палкой въ лаву и она загорѣлась. Это говоритъ

о громадномъ жарѣ, который находится въ извергаемой лавѣ. Неаполитанцы черпаютъ горящую лаву въ особыя формы и лѣютъ изъ нея медали, продавая ихъ за безцѣнокъ.

Лава выливается либо черезъ край кратера, либо чрезъ побочную трещину. При истокѣ потокъ лавы совершенно жидокъ и течетъ съ значительною скоростью, которая иногда, особенно въ крутыхъ покатостяхъ, превосходитъ скорость лошади, скачущей въ галопъ. Такимъ образомъ является страшная огненная рѣка, которая медленно спускается по склону горы и течетъ съ неудержимою силою, разрушая и заливая все, что встрѣтится на пути. Море останавливаетъ триумфальное шествіе огненного потока. Съ грохотомъ и шипѣньемъ вливается раскаленный металлъ въ море.

Таковъ Везувій. Кромѣ Везувія, въ Европѣ существуетъ до семи *огнедышащихъ горъ* или *вулкановъ*.

Но особенно богаты ими берега Великаго Океана, гдѣ существуетъ цѣлая вулканическая цѣпь.

Вулканическія горы пользовались наибольшимъ благоговѣніемъ со стороны младенческихъ народовъ, которые возводили ихъ на степень божествъ. Нѣкогда весь островъ Ява, за красоту и ярость вулкановъ, былъ посвященъ Шивѣ, богу разрушенія, а поклонники ужаса и смерти воздвигли свои храмы въ самыхъ кратерахъ огнедышащихъ горъ. Во многихъ мѣстахъ открыты развалины этихъ святилищъ, между деревьями и кустарниками, заросшими въ этихъ чудовищныхъ углубленіяхъ. Семеру, высочайшій вулканъ острова, былъ священной горою по преимуществу, Сумбингъ, возвышающійся въ центрѣ острова, считался гвоздемъ, которымъ Ява прикрѣплена къ землѣ. Еще и до сихъ поръ кучка вѣрныхъ обитателей Шивы живетъ на песчаной равнинѣ, имѣющей около шести верстъ въ ширину, которая была прежде братеромъ вулкана Тенгера, и каждый годъ они ходятъ торжествен-

ною процессією на вершину, чтобы бросить рису въ разинутую пасть рычащаго чудовища. Въ Новой-Зеландіи постоянно дымящійся вулканъ Талгарфа считается единственнымъ мѣстомъ, достойнымъ принимать тѣла прославившихся предводителей; этихъ богатырей бросаютъ по смерти въ кратеръ, гдѣ они и почіютъ на лонѣ боговъ. Но вулканическія божества, подобно большинству другихъ боговъ, которымъ поклонялись народы, не довольствовались плодами земными и обществомъ мертвыхъ героев-воителей, — они тоже требовали крови своими подземными рычаніями, своими опустошительными потоками огненной лавы.

Ради смягченія гнѣва вулкановъ устраивались многочисленные жертвоприношенія; побуждаемые страхомъ, безжалостные жрецы съ великою торжественностью ввергали несчастныя жертвы въ кратеры вулкановъ. Не далѣе трехъ сотъ лѣтъ тому назадъ въ Японіи, когда началось повсемѣстное истребленіе христіанъ, ихъ бросали сотнями въ кратеръ Уизена, одного изъ красивѣйшихъ вулкановъ архипелага; но эта великая жертва, какъ видно, не умилила разгнѣванныхъ боговъ, потому что въ концѣ XVIII столѣтія, въ самый разгаръ французской революціи, тотъ же самый Уизень и сосѣднія съ нимъ горы произвели своимъ изверженіемъ страшныя опустошенія. Христіанскіе миссіонеры въ Америкѣ, подобно японскимъ жрецамъ, также съ ужасомъ смотрѣли на огнедышащія горы и ходили торжественными процессіями на край кратера заклинять его. Преданіе гласитъ, что въ Никарагуа католическіе монахи однажды отправились на вершину страшнаго вулкана Момотомбо, съ цѣлью усмирить его своими заклинаніями, но назадъ не вернулись: чудовище поглотило ихъ. Еще и теперь въ ночь на святаго Януарія, покровителя Везувія, итальянцы отправляются на вулканъ, молятся ему и зажигаютъ огни.

Какая же причина этихъ замѣчательныхъ явленій? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ наука еще не произнесла своего послѣдняго слова.

К.

РУКОВОДСТВО

Д Л Я

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
четыре руб., съ пересылкою пять
рублей сереб.

№ 28.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при кievской
семинаріи.

1879 года. Іюля 8-го.

Содержаніе. Срѣтенская вода „отъ пристрита“.—Отрывки изъ моего дневника.—
Помощь храбрымъ воинамъ (стихотвореніе).—Предложеніе Аполлоса Епископа
Вятскаго.—Леченіе хроническаго алкоголизма.—*Въ приложеніи:* Поученіе на
день св. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла (продолженіе).

Срѣтенская я вода »отъ пристрита«.

Во многихъ приходахъ Конотопскаго уѣзда, Чернигов-
ской епархіи, издавна существуетъ народный обычай—въ
день Срѣтенія Господня освящать въ церкви послѣ обѣ-
дни воду и сель для домашняго употребленія отъ такъ
называемаго »пристрита«, или, что тоже, отъ дурной встрѣ-
чи съ человѣкомъ, слѣдствіемъ которой можетъ быть тя-
желая болѣзнь, по причинѣ вреднаго вліянія глазъ встрѣ-
тившагося. Всякая болѣзнь надъ человѣкомъ и скотомъ,
причины и сущности которой простолюдинъ объяснить не
можетъ, относится имъ къ области »пристрита« и лѣчит-
ся чрезъ кропленіе Срѣтенскою водою и вспрыскиваніе со-
лью, а не то »отговоромъ бабы-шелтухи«. А чтобы пред-
упредить »пристрить« надъ новорожденнымъ дитятею и
въ домашнемъ скотѣ, для этого кропятъ и вспрыскиваютъ

тотъ часъ при появленіи на свѣтъ—дитяти-ли-то, или животнаго. Какъ именно давно существуетъ этотъ обычай, намъ не извѣстно; извѣстно только, что вѣрятъ въ »пристрить« не только простаки-крестьяне, а и многіе изъ дворянъ; при чемъ дѣлать его по поламъ и возрастами, а именно: есть пристрить »человічій и жиначій, хлопачій и дівочій, и скотній« ¹⁾).

Всякій знаетъ, на сколько простой народъ преданъ суевѣріямъ, особенно въ Малороссіи, и на сколько онъ старается обставить ихъ религіозными обрядами, съ цѣлю еще болѣе возвысить ихъ значеніе. Кому не извѣстно, какъ бабки-шентухи и другія ворожеи, при своихъ заговорахъ, съ благоговѣніемъ крестятся, становятся на колѣни, читаютъ разныя молитвы, зажигаютъ свѣчи и пр. под.,— все это дѣлаютъ для того, чтобы имѣть болѣе довѣрія къ своему ремеслу. Думаемъ, что и вѣра въ пристрить есть не что иное, какъ остатки языческаго суевѣрія въ вѣдьмъ, колдуновъ и другихъ чудовищныхъ людей, имѣвшихъ будто бы особыя связи съ злыми духами и силою ихъ причинявшихъ всякое зло людямъ, какъ-то: болѣзнь, семейную вражду, калѣчество или уродство надъ людьми и надъ скотомъ. Такое наше мнѣніе имѣетъ нѣкоторое основаніе въ 20 и 23 ст. Номоканона, гдѣ—»въ счастье и родословіе вѣрующихъ, уроки буесловящихъ... *устрътєнію* и истязаніемъ внимающихъ«,—вѣрованія эти относятся къ области »дѣйствія злыхъ духовъ и считаются наслѣдствомъ отъ Еллиновъ«, т. е. язычниковъ. Но съ распространеніемъ и утвержденіемъ христіанства, вѣкъ язычества и невѣжества встрѣтилъ противодѣйствіе въ свѣтъ Христовой вѣры и въ учительной дѣятельности ея служи-

---

¹⁾ Значить: пристрить мужины и женщины, парня и дѣвицы, и скота.

телей, которые, вѣроятно, ревнуя съ одной стороны о сбереженіи своей паствы отъ паденія и уклоненій отъ вѣры, еще слабой въ нихъ, съ другой—не желая рѣзкими и рѣшительными мѣрами отъучать ихъ отъ языческихъ обычаевъ и укрѣпившейся вѣры въ домовыхъ, лѣшихъ, вѣдьмъ, колдуновъ и т. п., въ томъ числѣ и въ »пристритъ«—допустили ради этого своего рода крайность: начали освящать воду и соль »отъ пристрита«, замѣняющихъ собою чарующую силу колдуновъ и ворожей; и этимъ, конечно, желали отвратить вниманіе вѣрующихъ отъ нечистой и злой силы къ силѣ Божественной, святой. Подобно тому, какъ одинъ священникъ поставилъ на вербѣ икону »Распятія«, чтобы отвлечь къ ней вниманіе женщинъ, молившихся прежде самой вербѣ, которую, по народному вѣрованію, считали они женщиною же »Блиндою«, чудесно обратившеюся въ вербу ²⁾). Если мы въ своемъ предположеніи о происхожденіи »пристрита« и общая освящать воду для него не ошибаемся, то цѣль ослабить суевѣріе весьма похвальна, но принятое средство для этой цѣли—освящать воду и соль—намъ представляется весьма неудачнымъ, ибо освящать суевѣріе народа церковною обрядностію значитъ придавать ему непреложную силу и высокое значеніе, но »бое общеніе свѣта со тьмою«, или: »бое согласіе Христа съ вѣліаромъ«? ³⁾). Къ тому же намъ извѣстно, что положительныхъ основаній для этого, кромѣ помянутаго осужденія въ Номоканонѣ, нигдѣ не находится, ни въ уставѣ церкви, ни въ правилахъ и постановленіяхъ Апостольскихъ. А если и есть во 2-й молитвѣ надъ родильницею выраженіе: »сохрани ю... и отъ очесъ

---

²⁾ Черниговскія Губернск. Вѣд. 1860 г. № 19. Часть Не-
официальная.

³⁾ 2 Кор. 6, 14—15.

призора», чѣмъ собственно и желаютъ нѣкоторые изъ священниковъ оправдать вѣру въ »пристритъ« и считаютъ для себя достаточнымъ основаніемъ въ дѣйстви нарочитаго освященія воды и соли, какъ предохранительныхъ средствъ отъ »пристрита«,—то основаніе это не устоитъ и противъ простой поговорки: »слово-словомъ, а дѣло-дѣломъ«;—тѣмъ болѣе, когда слова молитвы, смыслъ и точное значеніе которыхъ требуетъ объясненія, имѣютъ исключительное значеніе и относятся собственно къ одной родильницѣ, а ничуть не къ новорожденному младенцу, котораго предостерегаютъ водою и солью, и тѣмъ болѣе — не къ скоту; не говоримъ уже, что слова переводить въ дѣйствіе есть произволь. Мы понимаемъ выраженіе: »отъ очесъ призора«, какъ пристальный взоръ (Прем. I. С. 41, 26) на жену, въ смыслѣ 7 заповѣди, какъ соревнованіе въ дѣлѣ рожденія и воспитанія дѣтей, что особенно замѣтно было въ ветхомъ завѣтѣ. Отсюда зависть и ревность—явленія, нарушающія правильный ходъ супружескаго счастья и благодатнаго воспитанія дѣтей; отсюда—и молитва церкви, какъ чадолюбивой матери, всегда заботящейся о сохраненіи между супругами вѣчной любви, цѣломудрія и святости. По крайней мѣрѣ можно положительно думать, что выраженію »отъ очесъ призора« церковь не придаетъ значенія »пристрита« какъ болѣзни или другой чарующей силы, такъ какъ въ одномъ и томъ же предложеніи она особо молится о соблюденіи родильницы »отъ недуга и слабости«, а »призоръ очесъ« ставятъ въ ряду понятій—ревность и зависть ¹⁾).

---

¹⁾ Вопросъ »о призорѣ очесъ« хотя и обсуждался въ нашей духовной періодической литературѣ, между прочимъ и въ нашемъ

Такъ или иначе, только вѣру въ »пристрить« и обычай освящать для него воду мы считаемъ равносильнымъ обряду снятія и сожженія такъ называемыхъ »вургулакъ« ¹⁾, или на малороссійскомъ языкѣ: »закрутокъ, за-

журналъ, но не былъ вполне исчерпанъ; равно какъ и настоящая за-
мѣтка не заключаетъ въ себѣ окончательнаго и безспорнаго сужденія по этому вопросу. *Ред.*

¹⁾ Суевѣріе это преслѣдуется въ Номонопонѣ шестилѣтнею эпителиею. Сущность этого суевѣрія состоитъ въ слѣдующемъ: желая поживиться, или просто—поигратъ мнительностію своего простака—сосѣда, нѣкоторые неблагонамѣренные поселяне дѣлаютъ эти »закрутки—завой« или на нивѣ, или уже въ снопахъ, въ скирдѣ хлѣба, то есть, въ беспорядкѣ заламываютъ въ одно мѣсто колосья и завязываютъ этотъ заломъ тѣми-же колосьями, а затѣмъ—или сами, или чрезъ другаго объявляютъ уже хозяину объ этомъ (если надѣются, что онъ вскорѣ самъ замѣтитъ), какъ о несчастномъ для него предвѣстіи, причемъ предлагаютъ или свои услуги, или рекомендуютъ немедленно обратиться къ другому знахарю, который непременно обставляетъ дѣло своего рода обрядностію, наконецъ сожигаетъ, окуривая при этомъ всю семью хозяина, а нерѣдко—избу, скоть и проч., смотря потому, на кого окажется, по его мнѣнію, завитая »закрутка«. Въ другихъ мѣстахъ для уничтоженія »завой« приглашаютъ священника, который нерѣдко выходитъ, мы слышали, съ крестнымъ ходомъ на ниву, гдѣ совершаетъ чинъ бываемый на нивахъ (Треб: гл. 60), изъ котораго чина, впрочемъ, только одна первая молитва нѣсколько говоритъ въ пользу этого обряда словами: »сохраните (урожай) невреденно отъ всякаго чарованія, и обаянія, и всякаго зла, оплазньства же лукаваго, и коварства лукавыхъ человѣкъ«. По совершеніи чина служенія (этотъ чинъ совершается обыкновенно при освященіи хлѣбныхъ злаковъ на нивахъ, по принятому обычаю, въ день св. Георгія Побѣд. (23 апр.), причемъ выпускается только вторая молитва, имѣющая свое исключительное значеніе). »Закрутка« вырывается, иногда при помощи креста, и сожигается самимъ священникомъ, конечно уже въ подражаніе знахарямъ, такъ заканчивающимъ свои волхвованія.

воевъ», который (обрядъ) допускался и теперь нѣкоторыми священниками допускается, ради успокоенія колеблющейся совѣсти мнительныхъ членовъ церкви. Но намъ кажется, что время сомнѣній и колебаній въ вѣрѣ христіанской (въ смыслѣ дуализма) для русскаго человѣка прошло, пора поэтому прекратить и всѣ послабленія и неопредѣленности, хотя бы то и въ народныхъ, но религіозныхъ обычаяхъ, для которыхъ нѣтъ точныхъ и положительныхъ основаній ни въ св. Писаніи, ни въ преданіи Церкви, а тѣмъ болѣе, когда обычай тотъ не есть достояніе большинства вѣрующихъ, и вызываетъ колебаніе совѣсти. Намъ извѣстно, что въ сѣверныхъ уѣздахъ Чернигов. епархіи и даже въ сосѣднихъ, напр. въ Сосницкомъ, обычая освящать воду отъ »пристрита« вовсе не существуетъ, хотя Срѣтенская вода и тамъ считается особеннымъ талисманомъ отъ »урокъ, призора и пристрита«, только собирать ее нужно до восхода солнца и лучше, если съ крыши, изъ сосулець, т. е. замерзшихъ потоковъ. Нужно замѣтить, что какъ вѣра въ »вуркулаки«, въ описываемой нами мѣстности, есть достояніе весьма уже не многихъ, почему и для уничтоженія ихъ большею частію ограничиваются своими ворожеями и бабами-шептухами, не приглашая на ниву священника; такъ точно въ сѣверныхъ уѣздахъ епархіи вѣрятъ въ »пристрить« далеко не всѣ, за то и ограничиваются Срѣтенскою водою отъ »пристрита«, безъ обряда освященія, иначе: безъ участія церкви. На основаніи выказаннаго, мы считаемъ »пристрить« суевѣріемъ, а Срѣтенскую воду и соль извѣстнаго рода талисманомъ, или лучше: признаемъ этотъ обрядъ совершенно излишнимъ, когда за мѣсяць до Срѣтенія Господня была освящена вода Богоявленская (6 января), которой сообщается особенная благодатная сила, »да вси почерпающіи и причащающіися имѣють ю ко очищенію души и тѣлеси, ко исцѣленію стра-

стей, ко освященію домовъ.... недуговъ исцѣленіе, демонъ губительну, сопротивнымъ силамъ неприступну и ко всякой пользѣ изрядну¹⁾; почему и рѣшились прекратить въ своемъ приходѣ обычай водоосвященія въ день Срѣтенія Господня, ради »пристрита«, порекомендовавъ прихожанамъ запасаться и сберегать на всякій случай, только, конечно, не ради »пристрита«, воду Богоявленскую, какъ извѣстную сватыню, которую и употребляютъ, какъ даръ освященія, въ отгнаніе »всякаго лукаваго и бѣсовскаго дѣйствія«²⁾. Не смотря, однакожъ, на наши убѣжденія прихожанъ по этому поводу³⁾, большинство изъ нихъ соблазнились и считали для себя великою потерей не имѣть Срѣтенской воды, особенно, почему-то, пчеловоды. Замѣчательно, что всякая другая вода, хотя бы то освященная и на другой день, и, конечно, по одному и тому же чину малаго освященія, не имѣетъ для нашего прихожанина особеннаго значенія и ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить собою воды Срѣтенской.

Не понятно, почему именно Срѣтенской водѣ, а не Богоявленской, или другой какой приурочено исключительное значеніе и дѣйствіе отъ »пристрита«. Но можно догадываться, что на это имѣло вліяніе самое названіе праздника Срѣтеніе, въ простонародьи—Стрѣтенье, или, что тоже: встрѣча; отсюда—»пристрить«. Нужно знать при этомъ, что въ простонародьи большая часть не имѣетъ яснаго понятія о праздникѣ Срѣтенія Господня, и весьма немногіе знаютъ краткую исторію его. Обыкновенно же, съ понятіемъ о праздникѣ, воображеніе простолюдина ри-

¹⁾ Молитва водоосвященія въ день Богоявленія.

²⁾ Чинъ освященія новаго дома.

³⁾ См. Поученіе на день Срѣтенія Господня противъ вѣры »пристрить«, помѣщен. въ приложеніи къ 26 №.

суетъ ему какую-то встрѣчу въ этотъ день двухъ совершенно противоположныхъ временъ года: зимы съ лѣтомъ, разрушительно дѣйствующихъ одно на другое, но въ борьбѣ своей рождающихъ пріятное появленіе весны. Очевидно отсюда, что вода, собранная изъ крышныхъ потоковъ, по мнѣнію народа, болѣе приближаетъ къ цѣли, ибо потокъ, »сосулька« выражаетъ видимый знакъ борьбы двухъ стихій и, значить, есть самое цѣлесообразное орудіе къ прогнанію »пристрита«, какъ болѣзни, въ которой представляется дѣйствіе двухъ противоположныхъ началъ добра и зла. Нельзя послѣ этого не раздѣлять мнѣнія Номоканона (ст. 23), по которому вѣра въ »устрѣтеніе« и другіе обычаи, заимствованныя отъ »Еллиновъ«, составляли когда-то достояніе дѣтей, ребячество: сами выводы къ тому приводятъ.

Однакожъ, въ виду давности обычая и кажущейся легальности его, такъ какъ на сторонѣ его находится немалое число клириковъ и вѣрующаго народа, мы не рѣшаемся сказать послѣднее слово къ рѣшенію вопроса о состоятельности или несостоятельности обычая освящать воду отъ »пристрита«. Скажемъ только, что мы сами противъ этого обычая и навсегда рѣшились отиѣвнть не установленное церковію, торжественное и нарочитое освященіе воды въ день Срѣтенія Господня. Окончательное же рѣшеніе вопроса о водѣ отъ »пристрита« оставляемъ вниманію лицъ болѣе компетентныхъ, и будемъ весьма рады, если узнаемъ положительное рѣшеніе его—за, или противъ.

Священникъ А. Пригоровскій.

Отрывки изъ моего дневника¹⁾.

18.

Послѣ утрени, въ воскресный день, прихожу я, по обыкновенію, въ сторожку... Сторожка была полна уже народомъ: кто сидѣлъ на лавкахъ, кто на полу, кто на печи, кто на полатяхъ лежалъ... Шумный разговоръ шелъ между крестьянами...

— Здравствуйте, православные! О чемъ такъ шумно разсуждаете сегодня?

— Да вотъ—тетка Мастрада *диво* намъ севодня разсказала!...

— Какое же это диво? Разскажи-ка и мнѣ Мастрада Ефимовна!—говорю я.

— Ахъ, батюшко! Вѣдь какой грѣхъ-то случился со мною на этой самой недѣлѣ!.. Не къ добру, знать!.. Не умереть бы нонече!.. Пошла это я на недѣлѣ-то къ дочкѣ побывать, вѣстимо убрамышись дома и отдоимши коровъ; темно уже было... Только иду я, скука такая взяла меня!... Никто, думаю про себя, не пройдетъ, не проѣдетъ по дорогѣ!.. Хотя бы кто проѣхалъ, да подвезъ меня: экая здѣсь поганая, дьявольская сторонущка! А въ этотъ разъ я только что сошла съ горы и пошла мостомъ черезъ рѣку.. Вдругъ,... батюшки мои!.. слышу: съ горы прытко-росирытко ѣдетъ кто-то!.. вѣзжаетъ на мостъ; вижу: мужикъ сидитъ »на волковенькахъ« (казанск. саняхъ)...

— »Здорово, тетка!—баеть,—садись, я подвезу!«

— »Да чей ты?« спрашиваю.

— »Али не узнала?!—Знакомый!.. Садись-садись: охотнѣе будетъ!«...

---

¹⁾ См. № 2.

Я загнула ногу и хотѣла сѣсть: »Господи, благослови!«—баю. Вдругъ—ни мужика, ни лошади, ни волковенекъ не стало: пропали!.. А тутъ, на мосту-то, изъ-за другихъ-то мостовинокъ, бревно длинное—раздлинное выпятилось вдоль-то рѣки. Это-то бревно я и обсѣдала, да и сижу на одномъ—ѣмъ, а подъ ногами-то рѣка!... Такъ я испужалась тутъ, Господи Боже!.. Сердечушко такъ и екнуло, такъ и замерло!.. Закрестилась я, зачитала молитвы, встала, побѣжала что было моченьки!.. Богъ еще спасъ! Кажись-бы такъ и въ рѣкѣ и была, такъ-бы тутъ и утонула, кабы не сказала: »Господи благослови! Вотъ диво-то какое!...

— Ничего удивительнаго нѣтъ, говорю я: бѣсъ, по Слову Божию, *какъ левъ рыкающій ходитъ, ища кого-бъ поглотить* изъ насъ!.. Спасеніе и оружіе противъ бѣсовъ: крестъ и молитва! А потому, православные, дома-ли бываете, идете-ли куда, дѣлаете-ли что, или отдыхаете: какъ можно чаще ограждайте себя крестнымъ знаменіемъ и всегда имѣйте на умѣ и на языкѣ своемъ молитву: отъ нихъ убѣжитъ врагъ нашъ діаволъ и не повредитъ намъ!.

— Испытала я это, батюшко, сказала таже Мастрадія, и ранѣ нонѣшняго,... ищѣ съ молодыхъ годовъ. »Въ дотѣ поры«, съ покойнымъ муженькомъ-то, царство ему небесное!—мы жили больно не ладно: такъ онъ меня, бѣдную, билъ, тиранплъ!.. Поролъ все ременной плеткой!.. Хлепеньями (кусками) такъ когда и отлетало тѣло!.. Не сходили съ него синяки и рубцы!.. Не въ моготу было жить, и я надумала... давиться!.. Пришла въ нежилую избу и завѣсила уже веревку... Только, завѣсимиши, сѣла на лавку, да и раздумалась: »что я надумала?!.. Господи!«—баю про себя, и начала креститься!.. Сичасъ же, послѣ этихъ словъ и послѣ моего крещенья, не помню уже и какъ, легла я на лавку и тутъ же уснула разкрѣпко крѣпко... Какъ въстѣну кто-то, точно большущимъ бревномъ, застучить!..

вѣстимо, пробудилась я.. »Эй!« кричить мнѣ толстымъ страшнымъ голосомъ, »что забыла?!«.. Я испужалась и—изъ избы опрометью... »Что же я забыла?« думаю про себя, »не знаю«, что забыла!.. Только, дня черезъ три уже, сноха моя и баеть мнѣ: »Эй, дѣвка! Не дѣло ты задумала!... Смотри, я скажу мужикамъ: такъ они тебѣ«!!—»Што такое?«—говорю я съ сердцемъ. »А веревку-ту, баеть, зачѣмъ завѣсила«??.. Тутъ только я и вспомнила, что надумала *трижды* дѣлать!.. »Родимая-кормилица! не сказывай мужикамъ-то«! прошу сноху. »Ладно, ладно, баеть, не скажу, только смотри—выброси изъ головы пустое«... Спасибо ей: такъ и не сказала!..

— Вотъ кресто-тъ какъ спасъ меня и тутъ! продолжала баба... Что вотъ это за голосъ только былъ? не вѣдаю... Страшный только!.. Надо быть врага-супостата!..

— Очень можетъ быть, говорю я, тѣмъ болѣе, что тебѣ напоминалъ онъ о твоёмъ пагубномъ намѣреніи, но крестъ и молитва и тутъ тебя спасли: стукомъ и крикомъ—бѣсъ хотѣлъ побудить тебя—доканчивать начатое тобою дѣло,—но Господь посмѣялся надъ злымъ его умысломъ: средствами этими онъ достигъ цѣли совсѣмъ не той, какой врагъ хотѣлъ достигнуть, а совершенно противоположной: ты не вспомнила, а вовсе уже забыла о своемъ намѣреніи, какъ будто у тебя его никогда и не бывало.

— У насъ, въ нашей деревнѣ,—заговорилъ одинъ молодой грамотный крестьянинъ,—сказываютъ, что тетка Дарья тоже хотѣла было въ прежнюю пору давиться, да перекрестилась: и также услышала голосъ, только голосъ,—говорить,—хорошій...

— Отъ чего же она давиться хотѣла?

— Отъ той-же худой жизни! Тоже не больно хорошо жила съ мужемъ-то, такъ не хорошо, что и говорить не остается!... Мужъ былъ ей не вѣренъ и билъ ее не на животъ,

а на смерть; часто выгонялъ изъ дому; все запиралъ отъ нея; не давалъ ѣсть когда—по цѣлымъ троемъ суткамъ: что буде покормить сосѣди, то и ладно,... а то хоть умирай съ голоду!... Вотъ она, сердешная, маялась-маялась, да разъ пришла въ сарай и говоритъ: »легче удавиться, чѣмъ жить въ такой кромѣшной мукѣ«!.. Подвѣсила веревку, сдѣлала петлю, подошла къ ней, перекрестилась: »Господи, благовослови«! сказала и стала совать голову въ петлю!... »Что ты дѣлаешь?!.. Перестань!.. Не вѣлю«!.. послышался ей въ это время изъ угла сарая голосъ, такой, говоритъ, голосъ хорошій, какого она отродясь не слыхала!... Она ужаснулась, и сичасъ же развязала петлю и сняла веревку: »Что же я и въ самомъ дѣлѣ дѣлаю?! Господи! Прости меня, окаянную! Не стану давиться! Пускай бьетъ меня мужъ, пускай убьетъ хотя до смерти: не стану давиться! буди воля Божия«!.. Проговорила это, и бросила совсѣмъ свои мысли объ удавкѣ... Такъ голосъ этотъ, батюшка,—заклучилъ молодой крестьянинъ,—должно быть, уже не бѣсовскій!..

— Вполнѣ съ тобой согласенъ, другъ мой! Голосъ этотъ не напоминалъ о самоубійствѣ, а строго запрещалъ его, и, безъ сомнѣнія, былъ голосомъ Ангела Хранителя, котораго привлекла къ себѣ несчастная женщина крестомъ и молитвой... Господь разные способы употребляетъ для избавленія насъ отъ сѣтей вражнихъ и для нашего спасенія... Онъ всегда готовъ помочь намъ въ нашихъ тяжкихъ искушеніяхъ, лишь бы мы не отчаявались и въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ самые скорбные дни жизни, призывали Его святое Имя, ограждая себя знаменіемъ креста!.. Но, въ рассказываемыхъ вами исторіяхъ, православные, я заинтересовываюсь особенно не »голосомъ« тѣмъ или другимъ: нѣчто другое тяжело, слишкомъ тяжело ложится на сердце, при вашихъ рассказахъ!.. Это: жестокое варварское обращеніе нѣкоторыхъ изъ васъ съ своими женами—такое об-

ращеніе, при которомъ несчастныя женщины предпочитаютъ жизни смерть, и смерть самую позорную, такое обращеніе, которое дѣйствительно иныхъ изъ нихъ доводитъ иногда до самоубійства!.. Грѣхъ, конечно, великій грѣхъ принимаютъ на свою душу эти жалкія жены, но не большій ли грѣхъ берутъ на себя тѣ жестокіе мужья, которые тиранствомъ своимъ доводятъ ихъ до отчаянія и самоубійства?! Берегитесь, православные мужья, жестокаго обращенія съ своими женами!... Въ нынѣшній день, по порядку нашихъ чтеній, какъ разъ подѣ статью вашимъ рассказамъ, мнѣ приводилось читать вамъ здѣсь *бесѣду* именно о томъ, *какъ жить мужу и женѣ*... Но время идетъ... и, за другими разговорами, я откладываю ее до обѣдни: за обѣдней уже, вмѣсто поученія, прочту ее вамъ, а вы слушайте внимательнѣй: она крайне для васъ полезна, необходима даже...

— Вотъ, батюшко, оголосилась тутъ одна женщина, обѣсахъ то мы разговорились сегодня: мнѣ и пришло на умъ, какъ у насъ Голыгинскую дѣвушку бѣсо-тъ завезъ въ большой глухой лѣсъ, въ самую чашу!..

— Рассказывай, какъ это случилось!.. Только... безъ излишнихъ прикрасъ!...

— Какихъ ээто, батюшко, прекрасъ?

— Это значить: говори прямо о дѣлѣ...

— Ей—право! Мать истинная-не лгу! забожилась баба. Спросите хоть всѣхъ нашихъ деревенскихъ бабъ и мужиковъ: вся деревня знаетъ,... три года молебны служили!...

— Ну-ну, что ужъ дѣлать-то съ тобой!.. Рассказывай поскорѣй!...

— Вотъ ээто, батюшко ты мой,—дѣвушка то, 14 годковъ ей было, и просилась у своей матери—къ выданной сестрѣ побывать... Мать спервоначалу никакъ не отпускала: не хотѣлось!... А дѣвка пристала къ ней: »отпусти, да отпусти«!.. Вотъ мать-то осерчала, да въ сердцахъ то и промолвила:

»да поѣзжай!... Черть-бы те унесъ«! Дѣвка собралась, поѣхала на лошади, одна, въ саняхъ: зимой дѣло было... Только и нагоняетъ на дорогѣ мужика. Мужикъ баетъ ей: »посади меня«! Дѣвка не сажаетъ: »я, баетъ, и одна доѣду«!. Мужикъ взялъ, да самъ и сѣлъ въ сани, спиной къ ней... Дѣлать нечего: дѣвка везетъ мужика: »да ты хоть повозничай! экой баринъ сидишь«! — баетъ ему. Мужикъ взялъ возжи въ руки и повезъ,... сначала ничего,... а тутъ своротилъ съ дороги, да и повезъ въ лѣсъ—большушшой, и завезъ въ самую чащину!... »Господи, помилуй! Куды ты везешь меня?!«—взмолилась дѣвка... Мужикъ всталъ съ саней и ростомъ сталъ ровень съ лѣсомъ, показался ей въ красномъ колпачкѣ и съ рогами. Дѣвка тахъ перепугалась, что сошла съ ума, да тахъ на томъ мѣстѣ и осталась!!! Ждали-ждали ее домой,... наконецъ стали искать... и нашли ее уже безъ ума, сумашедшею!.. Три года все молебны и пѣли!.. Теперь ничего... выздоровѣла!...

— Тото вотъ и есть, говорю я, вамъ матерямъ никогда не слѣдуетъ обзывать дѣтей своихъ »окаянными, дьяволами, проклятыми«, какъ часто вы обзываете ихъ, тѣмъ болѣе не слѣдуетъ употреблять въ отношеніи къ нимъ такихъ или подобныхъ выраженій: »черть-бы те унесъ«, тѣмъ болѣе не слѣдуетъ клясть ихъ. Много разъ я говаривалъ уже вамъ объ этомъ: »Смотрите, убѣждалъ я васъ, остерегайтесь, не равенъ часъ, не равно слово: иногда за одно слово отца или матери Богъ не даетъ счастья дѣтямъ«!..

— И дѣтки-то, вѣдь, батюшко, когда больно-больно досаждаютъ намъ! сказалъ одинъ степенный крестьянинъ. Вонъ Митрюшка Борзятинскій пріѣхалъ дотолече »съ Масквы:« и такой форсъ возимѣлъ!.. Напился пьяный, да батька-та и въ ухо!.. Каково родительскому-то сердцу переносить-т это—а?!

— Все же дурные поступки дѣтей не даютъ родителямъ основанія и права клясть ихъ... Богъ и безъ проклятій родительскихъ строго, еще здѣсь на землѣ, накажетъ злыхъ и непочтительныхъ дѣтей: грѣхъ непочтенія къ родителямъ и черная неблагодарность къ нимъ есть грѣхъ, вопіющій на небо объ отмщеніи! Примѣры этого отмщенія Божія предъ нашими глазами... Тотъ же Дмитрій Борзятинскій, пока жилъ съ отцемъ вмѣстѣ и былъ въ послушаніи у него: и человѣкъ былъ, и денегъ приносилъ домой съ Москвы не мало, и одѣтъ былъ прилично, и былъ въ чести у всѣхъ!. А теперь?!. Что случилось съ нимъ, въ какіе нибудь два—три года, послѣ того, какъ вышелъ изъ послушанія отцу, надѣлалъ ему смертельныхъ обидъ и затѣмъ—раздѣлился съ нимъ!.. Домъ и хозяйство его въ разстройство; жена сидитъ голодная; самъ онъ глазъ не кажетъ дому—чуть не безъ вѣсти пропалъ и,—говорятъ,—какъ нищій, оборванный и худой, съ опустившимся отъ пьянства лицомъ,—бродитъ по Москвѣ, питаясь дневными подачками!.. Земляки его, даже тѣ, которые прежде были у него работниками, отказываются отъ знакомства съ нимъ,—одной лишь встрѣчи съ нимъ—стыдятся!.. Или опять: слышали-знаете, чай, какъ Богъ наказалъ еще одного непочтительнаго къ отцу сына, дерзнувшаго бить своего отца?!... Гдѣ теперь тѣ руки, которыя онъ дерзко поднималъ на отца?!.. Пальцы на рукахъ отмерзли, отвалились, и онъ сталъ теперь уродомъ, на посмѣшище недобрымъ людямъ!.. Но,—я заговорился съ вами,—пора мнѣ въ церковь: до обѣдни надо исправить еще нѣкоторыя требы...

Я пошелъ

у самыхъ дверей остано-

вила меня одна женщина и тихо о чемъ-то спрашивала меня...

— Говори громче: не слышу! — говорю я ей.

Она сдѣлала нѣкоторое усиліе надъ собою и громко произнесла:

— Каша у меня этга изъ горшка вышла!.. Сама!.. И вся до зернышка!..

— Чтоже мнѣ дѣлать?! говорю я, крайне удивленный этимъ обращеніемъ ея ко мнѣ.

— Да какъ, батюшко, эето, бають, либо *кз покойнику*, либо *кз кладу*, только я, дурища, не умѣла, слышь, сдѣлать, а то бы узнала къ чему: надобе-бы, бають, подвѣчную скатерть (въ которой съ невѣстой возятъ въ церковь хлѣбъ и икону) разостлатъ на шестокъ и баять: »милости просимъ! Милости просимъ«!.. Каша пришла-бы, слышь, на скатерть и со скатертью пошла бы сама, а мнѣ бы только идти за ней: кабы она пришла и сѣла въ уголь, подъ иконы: эето, бають, къ покойнику, а кабы въ уголь, подъ иконы, она не сѣла: повела-бы и привела къ мѣсту, гдѣ кладъ!..

Женщина стояла, видимо нетерпѣливо ожидая отъ меня *рѣшительнаго* слова...

— Тебѣ, тетка, видно, кладу-ту больно хочется?! говорю я.

Успокойся: все, что тебѣ говорили о твоей, самовольно вытекшей изъ горшка, кашѣ — вздоръ: на скатерть твою она бы не пришла, въ уголь-бы не сѣла, кладу-бы не указала! Это ваше крестьянское суевѣріе, которое совѣтую тебѣ, а равно и всѣмъ вамъ, выбросить изъ головы вмѣстѣ со всѣми суевѣріями вашими »относительно кладовъ«. Я знаю, что относительно послѣднихъ, — суевѣрій у васъ очень много... Съ названіемъ *кладъ* вы всегда почти соединяете представленіе о дьявольской силѣ, въ кладахъ яко-бы дѣйствующей... Никакой дьявольской силы тутъ нѣтъ: кладъ — вещь совершенно естественная: отъ огня, отъ воровъ — разбойниковъ, или же воров — разбойники отъ добрыхъ людей, зарывали, а пожалуй и теперь иные зарываютъ сокровища свои въ землю.

По разнымъ обстоятельствамъ, сокровища эти такъ и остаются иногда въ землѣ—остаются и тогда, когда въ землю же сходятъ и сами полагатели ихъ... Эти то, невѣдомыя никому, кромѣ полагателей, сокровища, случайно или по примѣтамъ—догадкамъ какимъ-либо, люди находили и прежде, находятъ иногда и нынѣ... Все это, говорю, вещи простыя, естественныя, и тому, что *клады кладутъ* всегда будто-бы *на счастье* однихъ и *непремѣнную погибель* другихъ, на-примѣръ—на 12 на 100 головъ и т. п., а равно всѣмъ этимъ *явленіямъ кладовъ* въ видѣ *каши, курицы, свиньи* и т. д., всѣмъ этимъ дьявольскимъ дѣйствіямъ, яко бы бываемымъ *при явленіяхъ кладовъ*, не вѣрьте, православные: прошу васъ... И ты, тетушка, не думай больше о своей кашѣ, приходи въ церковь и молись тамъ усерднѣе, безъ всякихъ думъ подобныхъ!..

За обѣдней, въ обычное время, я говорилъ прихожанамъ: Во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Въ прошлое воскресенье, въ церковной сторожкѣ, я читалъ вамъ »бесѣду о почитаніи родителей«, о томъ, »за что почитать и какъ почитать родителей?« Нынѣ, по порядку нашихъ чтеній, я буду читать вамъ *бесѣду* о томъ »какъ жить мужу и женѣ«. Слушайте:

»Еще ближе другъ къ другу, чѣмъ дѣти къ родителямъ мужъ и жена; Самъ Богъ соединилъ ихъ въ таинствѣ брака въ одну плоть, *такъ что они уже не двое, но одна плоть* (Мф. 19, 6). Видите, мужъ и жена. какъ вы близки другъ къ другу, вы одна плоть. И какъ каждый человѣкъ самъ себя любитъ, самъ себѣ желаетъ добра, самъ себя бережетъ; такъ должны мужъ и жена другъ друга любить сердечно, желать другъ другу добра искренно, беречь другъ друга всячески. И какъ *никто никогда не имѣлъ ненависти къ своей плоти, но питаетъ и грѣетъ ее*; такъ и мужья должны любить своихъ женъ, какъ свои

тыла (Ефес. 5, 28, 29). такъ и жены должны любить своихъ мужей, должны заботиться о нихъ какъ о самихъ себѣ, должны бояться, чтобы чѣмъ либо дурнымъ не оскорбить своихъ мужей.

Но *мужъ есть глава жены* (Ефес. 5, 23); ему далъ Богъ больше ума, больше силы, чѣмъ женѣ. Поэтому ему особенно нужно заботиться о домѣ, о хозяйствѣ, о женѣ. И жена должна своей главѣ—мужу повиноваться, слушаться во всемъ добромъ и полезномъ, должна своему мужу помогать по своимъ силамъ, она сотворена помощницею мужу (Быт. 2, 20). Мужъ, имѣя Богомъ данную ему помощницу, долженъ совѣтоваться съ нею, что и какъ сдѣлать лучше въ хозяйствѣ, и все дѣлать по общему согласію; а то хорошо-ли будетъ, если мужъ будетъ дѣлать такъ, а жена иначе? Въ случаѣ несогласія нужно другъ другу уступать; можетъ быть и жена придумаетъ что нибудь еще лучше мужа; почему же мужу не согласиться съ ней? Вѣдь глупо и грѣшно дѣлать что либо на зло женѣ, по своему,—хоть хуже, да по своему. Тѣмъ хуже, тѣмъ грѣшнѣе настаивать на своемъ женѣ, когда мужъ не хочетъ чего-либо; Господь велѣлъ женѣ слушаться мужа. Только тогда уже нельзя женѣ соглашаться съ мужемъ, когда мужъ хочетъ дѣлать худое, грѣховное,—или обидѣть ближняго, или украсть что-либо; тѣмъ болѣе мужу не нужно слушаться жены, когда она склоняетъ его къ чему-либо недоброму, грѣховному.

Мужъ и жена, при вѣнчаніи ихъ въ церкви, предъ Самимъ Господомъ Богомъ дали обѣщаніе принадлежать другъ другу; мужъ, бывши женихомъ, на вопросъ священника: по доброй-ли волѣ вступаешь въ бракъ и не обѣщался ли иной невѣстѣ? отвѣчалъ священнику: имѣю добровольное, а непринужденное желаніе и крѣпкую мысль взять себѣ въ жену свою невѣсту; иной невѣстѣ никакой не обѣщался.

Тоже говорила жена, какъ невѣста, о своемъ женихѣ. И благодать Божія въ таинствѣ брака соединила ихъ на всю ихъ жизнь такъ крѣпко, что никто и ничто ихъ не можетъ разлучить, какъ только одна смерть. Послѣ таинства брака мужъ уже принадлежитъ не себѣ, а своей женѣ, а жена своему мужу; самъ св. Апостолъ Христовъ говоритъ: *жена не властна надъ своимъ тѣломъ, но мужъ, — равно и мужъ не властенъ надъ своимъ тѣломъ, но жена* (1 Кор. 7, 4). Поэтому они должны быть вѣрны другъ другу и никогда отнюдь не грѣшить съ кѣмъ либо другимъ. »И если бы какая блудница стала соблазнять тебя, мужъ, ты скажи ей: мое тѣло принадлежитъ не мнѣ, а женѣ. Тоже должна сказать и жена, когда кто посторонній сталъ бы склонять ее ко грѣху: мое тѣло принадлежитъ не мнѣ, а мужу« (св. Злат. см. Душеп. Чтен. Декабрь 1875 г. 409 стр.). И тѣ мужья, или жены, которыя грѣшатъ съ посторонними, оскверняютъ свои тѣла, не имъ уже принадлежащія, и тяжкій грѣхъ берутъ на свои души. Бойтесь же, супруги, этого тяжкаго грѣха, бойтесь оскорблять Господа Бога, соединившаго васъ въ таинствѣ брака; всегда помните, что ваши тѣла уже не принадлежатъ вамъ самимъ, но тѣло мужа принадлежитъ женѣ, а тѣло жены мужу.....

Мужъ есть глава жены, какъ и Христосъ глава церкви; и какъ церковь повинуется Христу, такъ и жены своимъ мужьямъ во всемъ, такъ учитъ св. Апостолъ (Ефес. 5, 23—24) Иные мужья поэтому думаютъ, что они могутъ дѣлать съ своими женами, что имъ вздумается, могутъ приказывать имъ дѣлать даже и неприличное. И чего-то не дѣлаютъ съ своими женами иные безжалостные мужья! Ругаютъ ихъ скверными словами, бьютъ, и бьютъ до увѣчья, иногда тиранятъ, выгоняютъ изъ дому на морозъ; случалось, что пные мужья запрягали своихъ женъ вмѣстѣ съ лошадьми и гнали ихъ, какъ не-

разумныхъ животныхъ. Что это за звѣрство такое, и въ комъ же это? Въ мужьяхъ, и въ мужьяхъ христіанскихъ!.. Знаете-ли вы, жестокіе мужья, что вы дѣлаете хуже, чѣмъ звѣри?! Видали-ли вы когда, чтобы какой звѣрь мучилъ свою самку? Какъ же вы, разумные люди, да еще крещенные, не боятесь Господа Бога и тираните своихъ женъ? »Да я, говоритъ жестокій мужъ, голова жены«. Такъ чтоже, что ты голова жены? Развѣ голова дана тебѣ для того, чтобы она не берегла, а тиранила свое тѣло? Ты свое тѣло не бьешь, не мучишь; зачѣмъ-же ты это дѣлаешь съ своею женою? Она твое тѣло, ты ея голова. Ты свое тѣло питаешь и грѣешь, любишь самого себя; такъ-же ты долженъ питать, грѣть,—долженъ крѣпко любить и свою жену, любить, какъ самого себя (Ефес. 5, 33). Вотъ ты и будешь голова своей жены, если такъ будешь обращаться съ своею женою, какъ съ своимъ тѣломъ; если-же ты не бережешь своей жены, тиранишь ее, то ты не голова своей жены, а тиранъ. Послушай еще, безжалостный мужъ, какъ велитъ тебѣ поступать съ своею женою Апостолъ Христовъ: *мужья, любите своихъ женъ, какъ и Христосъ возлюбилъ Церковь*; а Господь возлюбилъ церковь,—всѣхъ вѣрующихъ въ Него, до того, что *предалъ себя за нее* (Ефес. 5, 25),—умеръ за нее на крестѣ; вотъ какъ небесный Глава-Христосъ возлюбилъ Свое тѣло-Церковь! Какъ же ты иначе поступаешь съ своею женою, своимъ тѣломъ? Нѣтъ, ты не по христіански, не почеловѣчески поступаешь съ своею женою, когда бьешь ее, или тиранишь. Не дѣлай, мужъ, никакого оскорбленія своей женѣ, помни, что она нѣжнѣе, слабѣе тебя; поэтому обращай съ ней, какъ съ немогущимъ сосудомъ, а то разобьешь его; хуже тебѣ будетъ. Помни и то, что она наравнѣ съ тобою освящается благодатію Божіею въ таинствахъ, соединяется съ Самимъ

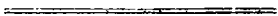
Христомъ, вкушая пречистое Тѣло и Кровь Господню; она, можетъ быть, еще угоднѣе Богу, чѣмъ ты; поэтому *оказывай ей честь, какъ сонаследницу благодатной жизни* (1 Петр. 3, 7) Люби ее сердечно, береги отъ всѣхъ непріятностей, не обижай ее даже худымъ словомъ. И она тебя будетъ уважать и любить, и она тебя будетъ слушаться.

Не хорошо дѣлають иныя и жены, когда бываютъ неуступчивы своимъ мужьямъ и дѣлають все на зло имъ! Тѣмъ они раздражаютъ своихъ мужей, и вотъ, мужья, выведенные изъ терпѣнія, оскорбляютъ своихъ женъ. Поберегите себя, жены, побойтесь Господа, Который велѣлъ вамъ повиноваться своимъ мужьямъ (Ефес. 5, 22), а уже никакъ не велѣлъ вамъ дѣлать что-либо имъ на зло. Помните, что Апостолъ Христовъ приравнялъ жену къ св. Церкви; а какъ Церковь всегда покорна Христу, свято исполняетъ Его заповѣди: такъ и жена должна быть покорна своему мужу во всемъ добромъ и Богу непротивномъ. Скромность и повиновеніе мужу жены—это самое дорогое украшеніе жены (1 Петр. 3, 5); и едва-ли за что другое мужья любятъ своихъ женъ болѣе, чѣмъ за это.

Господь соединилъ васъ, мужъ и жена, въ таинствѣ брака въ одно тѣло для того, чтобы вы, живя вмѣстѣ, помогали другъ другу въ своихъ житейскихъ дѣлахъ, а еще болѣе для того, чтобы вы помогали другъ другу въ великомъ дѣлѣ, дѣлѣ спасенія души. Берегите-же другъ друга отъ всего недобраго и Богу противнаго,—отъ всего, что свернуть душу христіанскую; если кто изъ васъ захочетъ сдѣлать что либо грѣховное, другой проси, умолай, запрещай не дѣлать этого. Помогайте другъ другу во всемъ добромъ и душеспасительномъ, учите другъ друга святой вѣрѣ Христовой и тому, какъ жить по заповѣдямъ Божиимъ, да и живите такъ, какъ велитъ вамъ св.

вѣра, какъ велить жить Самъ Господь, Царь небесный. И да будетъ съ вами всесильная Благодать Божія, оберегающая насъ отъ всего грѣховнаго и помогающая во всемъ Богу угодномъ и душеспасительномъ¹⁾. (Домаш. Бесѣд. пастыря съ простыми людьми. Какъ жить по православному вѣру Част. 2 Бесѣд. 3. Сочиненіе Протоіер. Іоанна Поспѣлова). Амины!..

Въ слѣдующее воскресенье, — заключилъ я отъ себя, — если Богъ благословитъ, я прочту вамъ изъ этой книжки слѣдующую, по порядку, *Бесѣду* «что дѣлать родителямъ для дѣтей» — о томъ, что «нужно заботиться о нихъ еще до рожденія ихъ, — заботиться объ ихъ тѣлѣ, беречь ихъ отъ болѣзней, — прививать имъ осну, — чѣмъ кормить ихъ, — заботиться о душѣ ихъ, — учить грамотѣ и всему доброму, — какъ навазывать дѣтей»²⁾. Приходите-же молиться, православные, — не лѣнитесь, да и лѣнивыхъ побуждайте спѣшить сюда, а не оставаться дома!..

---

¹⁾ *Бесѣда* приведена здѣсь съ нѣкоторымъ, небольшимъ пропускомъ...

²⁾ Желаящіе ознакомиться и познакомить другихъ съ этими „Бесѣдами“ могутъ выписать ихъ отъ автора, по объявленію, напечатанному въ 7, 8 и 9-мъ №№ Рук. для сельск. паст. за прошлый 1878 годъ.

ПОМОЩЬ ХРАБРЫМЪ ВОИНАМЪ.

Слава Богу! слава Богу!
Возвратились къ намъ войска,
Кончивъ дальнюю дорогу
Съ силой русскаго штыка.

Тамъ почти всѣ, безъ изъятя,
Проливали свою кровь

За Славянъ—родимыхъ братьевъ,
Чтобъ избавить отъ враговъ.

Тамъ они терпѣли нужды,
Скорбь, лишенія, бѣды;
Голодъ-холодъ съ ними въ дружбѣ
Былъ почти на всемъ пути.

Вотъ и турокъ побѣдили!
Миръ заключенъ, нѣтъ войны,
И славянъ освободили
Изъ подъ ига злой страны.

Слава Богу! слава Богу!
Возвратились къ намъ войска,
Кончивъ дальнюю дорогу
Съ силой русскаго штыка.

Но тому солдату только
Хорошо здѣсь будетъ жить,
У кого землицы—дольга,
Кому не о чемъ тужать.

Но солдатиковъ есть много,
Что у нихъ нѣтъ ничего,—
Ни имѣнья никакого,
Ни изъ близкихъ никого.

При подобномъ-то случаѣ
Отцы—пастыри церквей
Каждый долженъ въ своемъ краѣ
Средь духовныхъ сыновей

Объявить, чтобъ для работы
Брали первѣй сихъ солдатъ,
Какъ защитниковъ народа
Отъ невѣрныхъ супостатъ.

Н. Плетневъ.

Предложеніе Аполлоса, Епископа Вятскаго.

Нѣкоторые изъ священниковъ г. Вятки, провожая тѣла умершихъ на кладбище, слѣдуютъ въ погребальныхъ процессіяхъ въ экипажѣ, одѣтые въ церковное облаченіе и съ свѣчей въ рукѣхъ.

Такой способъ провожанія умершихъ не имѣетъ никакого основанія въ существующихъ на сей предметъ постановленіяхъ Церкви. Напротивъ, этими постановленіями требуется, чтобы священнослужители, при выносѣ умершихъ, *или* предъ гробомъ. Такъ въ послѣдованіи о погребеніи говорится: »вземше мощи, отходимъ ко гробу, послѣдующимъ всѣмъ людямъ, *предъидущихъ* же священникомъ поюще: Святый Боже«... Въ 26 правилѣ Кіевскаго собора, бывшаго въ 1640 г., изображено: »устанавливаемъ, абы священники умершаго проводячи,... *ходили* ведлугъ (согласно) звычаю св. великой церкви Константинопольской«. Противное церковнымъ правиламъ, провожаніе священниками умершихъ на кладбище въ экипажѣ, какъ непринятое обычаемъ, представляется и крайне неблагообразнымъ; церковное же облаченіе употребляется въ этомъ случаѣ, какъ дорожное платье. Православные, какъ миѣ заявлено, осуждаютъ священниковъ за такое провожаніе тѣлъ почившихъ, отходящихъ на судъ Божій.

Посему предлагаю Консисторіи строго воспретить это священникамъ Епархіи, о чемъ объявить чрезъ напечатаніе въ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ. 18 апрѣля 1879 года № 611.

(*Вятск. Епарх. Вѣдом. № 9-й*).

Леченіе хроническаго алкоголизма. Д-ръ *Д. Анкона* съ большимъ успѣхомъ даетъ пьяницамъ по полтора грана фосфида цинка (*in dosi refracta*) въ день, въ теченіи многихъ недѣль подъ рядъ. Благодѣтельное дѣйствіе средства проявляется даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ пациентъ не превращаетъ вполнѣ употребленія спиртныхъ напитковъ. *The medic. Record*, 1879, марта 29. (Вр. Вѣд.).

РУКОВОДСТВО

Д Л Я

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію га мѣстѣ
четыре руб., съ пересылкою пять **№ 29.**
рублей сереб.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журала, при кіевской
семинаріи.

1879 года. Іюля 15 го.

Содержаніе. По поводу брошюры: „Краткое руководство простымъ людямъ къ чтенію Новаго завіта“, изданной въ Обществѣ распространенія Свящ. Писанія въ Россіи.—Отрывки изъ моего дневника.—Объявленія.—*Въ приложеніи:* Поученіе на день св. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла (окончаніе).—Поученіе къ поселянамъ по окончаніи жатвы.—

ПО ПОВОДУ БРОШЮРЫ:

„Краткое руководство простымъ людямъ къ чтенію Новаго завіта“, изданной въ Обществѣ распространенія Свящ. Писанія въ Россіи.

Изъ отчетовъ Общества распространенія Св. Писанія за 1876—77 гг. въ Россіи и извѣстій за 1878—79 гг. видно, что участіе духовенства въ дѣятельности этого общества прогрессивно возрастаетъ. Но какъ ни значительно число священниковъ, принимающихъ теперь участіе въ дѣлахъ общества, въ качествѣ членовъ его или корреспондентовъ, все-таки это число, въ сравненіи съ остальною массою служащаго духовенства, еще остается ничтожнымъ, потому что далеко не достигаетъ цифры и 300. А между тѣмъ дѣло распространенія Свящ. Писанія и ознакомленіе прихожанъ съ

духомъ его есть одна изъ существенныхъ обязанностей каждаго пастыря церкви. Ни частое посѣщеніе службъ церковныхъ, ни внимательное слушаніе проповѣдей съ церковныхъ кафедръ—одни сами по себѣ вполнѣ не освоятъ прихожанъ съ духомъ Свящ. Писанія, если не утвердится обычай въ народѣ—имѣть при себѣ свящ. книги и читать или слушать чтеніе ихъ въ свободные часы. Эта истина давно подтверждена опытомъ и не требуетъ усиленныхъ доказательствъ. Христіане первыхъ вѣковъ, не смотря на то, что многіе часы дня проводили въ общественномъ богослуженіи, подолго каждый разъ назидаемы были ревностными пастырями,—сверхъ того, постоянно имѣли при себѣ книги Свящ. Писанія, читали ихъ и дома, и на пути, заучивали изъ нихъ цѣлыя отдѣлы, чтобы содержать ихъ въ памяти и среди самыхъ житейскихъ занятій; и, благодаря именно этому обычаю, они были истинными христіанами, носящими слово Божіе въ умѣ и сердцѣ, осуществляющими его на каждомъ шагѣ своей дѣятельности при всѣхъ тогдашнихъ препятствіяхъ—жить по-христіански.

Если когда, то именно въ настоящее время пастырямъ необходимо со всею ревностію взяться за дѣло распространенія книгъ Свящ. Писанія въ народѣ. Книги эти теперь уже всѣ переведены на общепонятный языкъ; среди народа, даже простого, уже не мало лицъ грамотныхъ и желаніе что-либо прочесть или послушать чтеніе время отъ времени усиливается; а что наиболѣе важно—въ настоящее время—народъ окруженъ опасностію воспринять ученіе лживое, прямо противоположное духу евангельскому, испровергающее основы религіи и доброй нравственности. Въ виду этой-то особенно опасности долгъ всякаго пастыря поспѣшить къ прихожанамъ съ книгами Свящ. Писанія, чтобы они, просвѣщаясь истиною изъ чистѣйшаго источника ея, въ состояніи были отличить истину отъ лжи и противодѣйствовать

обольщеніямъ лжи. Ничто столько теперь не благопріятствуетъ лжеучителямъ разсѣивать плевелы въ народѣ, какъ его скудное религіозно-нравственное вѣдѣніе. Преданія предковъ, утвердившіеся изстари религіозные обычаи, привязанность простого народа къ церковнымъ обрядамъ, все это еще слишкомъ слабый оплотъ противъ обольщеній лжеучителей.

И сколько удобствъ представляетъ приходскому пастырю существующее у насъ Общество распространенія книгъ Свящ. Писанія къ тому, чтобы этими книгами надѣлать возможно большее число прихожанъ. Общество не требуетъ предварительной высылки денегъ за выписываемыя книги, а на сумму до 10 р. отпускаетъ ихъ въ кредитъ; стоитъ священнику только заявить правленію Общества (находящемуся въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ близъ биржи, домъ № 3), о высылкѣ свящ. книгъ,—евангелій, новыхъ заветовъ, или полныхъ библій, и оно немедленно таковыя высылаетъ, соглашаясь ожидать уплаты по распродажѣ, разумѣется, въ срокъ не чрезмѣрно продолжительный. А священнику, при частыхъ столкновеніяхъ съ прихожанами, всегда есть случай предложить имъ для покупки эти многополезныя и необходимыя книги. Даже онъ имѣетъ возможность приглашать къ этому прихожанъ въ храмъ съ церковной каѳедры и открывать продажу книгъ при церковномъ свѣчномъ ящикѣ, какъ это и дѣлаютъ многіе священники—члены и корреспонденты Общества. Въ успѣхѣ распродажи можно быть вполне увѣреннымъ, потому что книги отличаются чрезвычайною дешевизною, наприм.: четверо-евангелія русскія, въ 32 д. листа въ коленкорѣ, стоятъ 12 коп., въ 16 д.—25 коп.; новые заветы, въ 32 д. л. въ коленкорѣ, 25 к., въ 16 д.—45 к.; псалтири, въ 16 д. въ коленкорѣ, 30 к. Какъ бы ни былъ бѣденъ простолюдинъ, такая незначительная сумма для покупки свящ. книги у него всегда найдется. А благоговѣніе къ Свящ. Писанію, живущее

въ нашемъ народѣ, послужить для простолюдина сильнѣйшимъ побужденіемъ къ приобрѣтенію этихъ книгъ, особенно если священникъ предварительно объяснитъ ихъ важное значеніе. Все это говоримъ не по предположенію, а на основаніи безчисленныхъ опытовъ, заявленныхъ въ годовыхъ отчетахъ и повременныхъ извѣстіяхъ Общества для распространенія Свящ. Писанія въ Россіи.

Само-собою разумѣется, что священникъ, давши простолюдину въ руки книгу Свящ. Писанія, не долженъ предоставлять его въ чтеніи самому себѣ. Книжки Свящ. Писанія хотя и переведены на общепонятный языкъ, но для человека съ скуднымъ религіознымъ вѣдѣніемъ и неразвитымъ умомъ, каковы вообще наши простолюдины, онѣ содержатъ въ себѣ очень много непонятнаго. Для простолюдина, начинающаго читать ихъ, затрудненія и недоумѣнія встрѣчаются почти на каждомъ шагѣ. Онъ можетъ задумываться надъ самыми, повидимому, простыми словами и выраженіями, каковы наприм: благодать, Агнецъ Божій, завѣтъ, фарисей, саддукеи, мытари, синагоги, дщерь Сіона, сынъ Давидовъ, князь міра сего, драхма, динарій, талантъ, лепта, стадія и множество подобныхъ. Онъ не имѣетъ никакихъ представленій о мѣстностяхъ, гдѣ совершались свящ. событія, о разныхъ обычаяхъ еврейскаго народа, среди котораго жили и дѣйствовали пророки, Спаситель и апостолы. Но сколько еще можетъ возникать трудно разрѣшимыхъ вопросовъ у простолюдина по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ вчитываться и вдумываться въ свящ. писаніе! Ему при этомъ дѣлѣ необходима разумная и скорая помощь; въ противномъ случаѣ онъ обратится за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній или къ невѣждѣ, выдающему себя за знатока Свящ. Писанія, или же къ человеку, который злонамѣренно не преманетъ при этомъ посѣять въ душѣ его ложныя и вредныя понятія или же, наконецъ, самъ криво истолкуетъ темныя мѣста по сво-

ему крайнему разумѣнію. А кому неизвѣстно, какъ упоренъ бываетъ нашъ простолюдинъ во мнѣніяхъ, которыя западуть въ его душу, и какъ трудно потомъ бываетъ исправлять складъ его понятій. Все это говоритъ о томъ, что приходскому пастырю, распространяющему книги Свящ. Писанія въ приходѣ, необходимо руководить прихожанъ въ чтеніи слова Божія. Дѣло чрезвычайно трудное, а въ иныхъ случаяхъ даже неисполнимое, именно тамъ, гдѣ священникъ едва можетъ управиться съ своими многосложными занятіями. Но Общество распространенія книгъ Свящ. Писанія, представляющее столько удобствъ приходъ кому пастырю надѣлать прихожанъ этими книгами, позаботилось облегчить его и въ дѣлѣ руководства прихожанъ при чтеніи Свящ. Писанія. Однимъ изъ членовъ, стоящихъ во главѣ общества, уже нѣсколько лѣтъ назадъ, издано «Краткое руководство простымъ людямъ къ чтенію Новаго Завѣта, т. е. св. евангелія и апостола». На эту-то брошюру мы считаемъ непремѣннымъ долгомъ своимъ обратить вниманіе приходскихъ пастырей, какъ на весьма важное для нихъ пособіе, которое они могутъ вручить каждому, начинающему чтеніе книгъ новозавѣтныхъ, оставивъ за собою разрѣшеніе только вопросовъ, какіе будутъ возникать у простолюдина при дальнѣйшемъ ознакомленіи съ Свящ. Писаніемъ.

Это руководство, кромѣ того, что вышло изъ подъ руки человѣка высокаго-образованнаго и глубоко изучившаго Свящ. Писаніе, составлено на основаніи многократныхъ наблюденій и опытовъ надъ простолюдинами, начинающими читать книги Свящ. Писанія. Въ правленіе Общества, съ самаго основанія его, отовсюду приносятся заявленія отъ главныхъ дѣятелей этого Общества—книгоношъ, которые не только распространяютъ книги Свящ. Писанія, но и часто слѣдятъ за чтеніемъ ихъ простолюдинами, а также заявленія отъ многихъ священниковъ—членовъ и коррес-

пондентовъ Общества; слѣд., автору упомянутого нами руководства, много лѣтъ уже всецѣло посвятившему себя на святое служеніе, болѣе чѣмъ кому-либо извѣстны вопіющія нужды простаго народа, принимающагося за чтеніе Свящ. Писанія, и отъ него болѣе чѣмъ отъ кого либо можно ожидать прямого и вѣрнаго удовлетворенія этимъ нуждамъ. Таково дѣйствительно изданное имъ ›Браткое руководство простымъ людямъ къ чтенію Новаго Завѣта‹. Оно состоитъ изъ шести отдѣловъ.

Первый отдѣлъ: *о первыхъ людяхъ и ихъ грѣхопаденіи; о заповѣдяхъ Божіихъ; о Спасителѣ и Его земной жизни и о новозавѣтныхъ книгахъ*. Это, можно сказать, весьма простой и общепонятный очеркъ всего домостроительства Божія о спасеніи человѣка. Здѣсь, не болѣе какъ на 12 страницахъ 16-й доли листа, живо изображены важнѣйшія эпохи въ жизни ветхозавѣтной церкви, исполненіе Божіихъ обѣтованій въ Новомъ Завѣтѣ, происхожденіе свящ. книгъ, ихъ первоначальный языкъ и ихъ переводы на славянскій и русскій языки. Ясное и простое изложеніе всего этого составляетъ важную подготовку къ чтенію Свящ. Писанія для простолюдина, проливая свѣтъ на бѣдственное состояніе падшаго человѣчества, на неоцѣненные заслуги Искупителя и на важное значеніе свящ. книгъ для каждаго христіанина, а чрезъ то предрѣшая многіе вопросы, могущіе возникать при чтеніи сихъ книгъ. По нашему мнѣнію, этимъ отдѣломъ можно было бы воспользоваться и законоучителямъ приходскихъ школъ, чтобы утвердить въ дѣтяхъ ясное понятіе о домостроительствѣ Божіемъ для спасенія человѣка. При незначительномъ объемѣ его, дѣтямъ ничего не стоило бы выучить его наизусть.

Во второмъ отдѣлѣ представляется *объясненіе нѣкоторыхъ словъ и выраженій, встрѣчающихся въ книгахъ Новаго Завѣта, а равно и нѣкоторыхъ обычаевъ*

тою времени, когда книги писаны. Вотъ какъ, напр., изъясняются слова Свящ. Писанія, на первый разъ непонятныя для читающаго: »*Агнецъ Божій*—такъ называлъ Иисуса Іоаннъ Креститель, указывая на Него народу: »се Агнецъ Божій, который беретъ на Себя грѣхъ міра«, сказалъ онъ (ев. Іоан. гл. 11, ст. 29). Въ ветхомъ завѣтѣ было такое постановленіе: если еврей согрѣшалъ и желалъ отъ грѣха очиститься, то бралъ овцу или ягненка (агица, по-славянски), клалъ животное на жертвенникъ и руку свою на голову ему—это означало, что грѣхъ съ его головы переносился на голову животного, а какъ за грѣхъ опредѣлена была Богомъ смерть, то животное убивалось. Такимъ образомъ за виновнаго человѣка умирало невинное животное; это было прообразованіемъ того, что нѣкогда Сынъ Божій, какъ Агнецъ Божій, пріиметъ на Себя грѣхи всего міра, то есть всѣхъ людей, и умретъ за нихъ, будучи Самъ безгрѣшенъ«. »*Сынъ Давидовъ* (см. ев. Марка, гл. 10, ст. 47)—такъ называли Иисуса тѣ изъ евреевъ, которые признали Его за обѣщаннаго имъ Мессію, то есть за Христа, такъ какъ предсказано было, что Христосъ произойдетъ (по плоти) отъ царя Давида«. Изъясненіе нѣкоторыхъ словъ нарочито поставлено въ связи, такъ что самую связью еще болѣе уясняется понятіе о нихъ и притомъ изъясненіе заключаетъ въ себѣ и назиданіе,—таковы слова: »*путь* пространный и узкій путь, покаяніе и обращеніе«. »*Путь*—такъ называется иногда наша земная жизнь (наши поступки); потому что она, по краткости своей, есть какъ бы путь, только ведущій въ другую жизнь, ожидающую насъ за гробомъ и которой нѣтъ конца«. »*Пространный и узкій путь*« (см. Ев. Матѳ. гл. 7, ст. 13—14)—пространнымъ путемъ идетъ или живетъ человѣкъ, когда ни въ чемъ себя не стѣсняетъ, но дѣлаетъ то, что ему захочется, что доставляетъ

ему удовольствіе, хотя бы и грѣховное. Узкимъ путемъ идетъ человѣкъ, когда сдерживаетъ свои похоти грѣховныя и старается жить по заповѣдямъ Божиимъ«. »*Покаяніе и обращеніе*—когда человѣкъ, идя доселѣ пространнымъ (грѣховнымъ) путемъ, наконецъ опомнится, по милости Божіей,—пойметъ, что путь этотъ ведетъ его въ погибель и начнетъ сокрушаться предъ Господомъ о грѣшныхъ дѣлахъ своихъ, то это есть *покаяніе*. Но этого еще мало; что пользы, если онъ пойметъ, что грѣхи его губятъ, и все-таки останется при старыхъ грѣхахъ своихъ, будетъ продолжатъ идти пространнымъ путемъ!—Нѣтъ, надобно обратиться съ пространнаго пути на узкій, устыдиться своихъ грѣховъ и сказать самому себѣ: доселѣ я только грѣшилъ, служилъ діаволу, буду отнынѣ служить Богу, буду только Его волю, Его святые заповѣди исполнять! Это есть *обращеніе*, которое, при помощи Божіей, узкимъ путемъ приводитъ человѣка въ жизнь вѣчную (см. Дѣян. гл. 26, ст. 18. 20; Ев. Матѳ. гл. 7 ст. 13—14)«. Также удобопонятно и просто изъясняются нѣкоторые восточные обычаи, при незнаніи которыхъ простолюдинъ, читающій Свящ. Писаніе, можетъ быть приведенъ въ затрудненіе, напримъ: »*обѣдали* вечеромъ, по окончаніи дневныхъ, работъ и ѣли не сидя, а лежа, *возлежали на ложахъ*, т. е. на скамьяхъ съ изголовьями, лѣвою рукою опираясь объ изголовья, правою брали пищу«. »*Дома* строили съ плоскими крышами, покрывая ихъ смѣсью глины, извести и соломы; такая плоская крыша дома, обнесенная перилами, служила какъ бы комнатою, гдѣ спали, принимали гостей, работали, молились (см. Дѣян. гл. 10 ст. 9); на крышу со двора вела лѣстница, по которой и можно было взойти на крышу (см. Ев. Марка гл. 2, ст. 4)«. Приведенные примѣры сами свидѣтельствуютъ о своихъ достоинствахъ. Въ такомъ же родѣ въ

этомъ отдѣлѣ представлены изъясненія многихъ другихъ выраженій Свящ. Писанія и восточныхъ обычаевъ.

Въ третьемъ отдѣлѣ предлагаются наставленія, *какъ должно читать слово Божіе*, чтобы получить душевную пользу отъ этого чтенія; причеиъ изъясняется, на основаніи мѣстъ изъ Свящ. Писанія, и многообразная польза, получаемая отъ надлежащаго чтенія слова Божія. Эгоиъ отдѣлъ направленъ къ тому, чтобы утвердигь читающаго въ мысли о предстоянн предъ лицомъ Божиимъ и внушить ему молитвенное расположеніе духа и твердую рѣшимость слѣдовать велѣніямъ Божиимъ, что составляетъ главное условіе благодатнаго просвѣщенія при чтеніи.

Въ четвертомъ отдѣлѣ излагается *указаніе главнѣйшихъ Евангельскихъ событій, по порядку времени, въ книгахъ Нового Завета*, какъ-то: дѣла Іоанна Крестителя, благовѣщеніе, рождество Іисуса Христа, крещеніе, преображеніе и т. д. Здѣсь ничего не разсказывается объ упоминаемыхъ событіяхъ, а только указываются мѣста, гдѣ можно въ новозавѣтныхъ книгахъ отыскать сказаніе о нихъ. Убазанія расположены не по порядку книгъ, а по особымъ педагогическимъ соображеніямъ, имѣющимъ цѣлію постепенно и систематически развивать въ умѣ читающаго понятіе о томъ или другомъ евангельскомъ событіи. Такъ, наприи., о рождествѣ Іисуса Христа авторъ сначала указываетъ на 2-ю главу Евангелія отъ Луки, отъ 1 до 20 стиха, гдѣ со всею подробностію описывается путешествіе Іосифа и Маріи въ Вифлеемъ, рожденіе Божественнаго Младенца въ вертепѣ Вифлеемскомъ и проблески Его славы въ первые моменты по рожденіи. Потомъ авторъ цитуетъ изъ Евангелія Матѳея, отъ 18 ст.

1 гл. до 12 ст. 2 гл., гдѣ преимущественно описываются обстоятельства, нѣсколько времени предшествовавшія рожденію, и обстоятельства, чрезъ нѣсколько времени послѣдовавшія за нимъ, т. е. явленіе ангела Іосифу, который подумалъ было тайно отпустить Марію, и поклоненіе волхвовъ новорожденному Спасителю. Или, наприм., сказаніе о воскресеніи Спасителя авторъ прежде всего предлагаетъ прочитатъ въ Евангеліи отъ Іоанна, въ главахъ 20 и 21, гдѣ со всею полнотою описано утро радостнаго перваго дня недѣли и вечеръ, явленіе Спасителя всѣмъ апостоламъ въ восьмой день по воскресеніи и явленіе Его нѣсколькимъ апостоламъ при морѣ Тиверіадскомъ; а потомъ уже указываетъ 28 гл. еванг. Матѣ. 16 гл. Марка и 24 Луки, въ которыхъ съ постепенностію болѣе и болѣе раскрываются подробности о воскресшемъ Спасителѣ. Такимъ расположеніемъ указаній для читающаго Свящ. Писаніе открывается путь къ самостоятельности или самостоятельной выработкѣ полного понятія о томъ или другомъ новозавѣтномъ событіи. А извѣстно, какъ глубоко утверждается въ памяти то понятіе, которое пріобрѣтается при участіи соображеній и размышленій.

Въ пятомъ отдѣлѣ заключаются *указанія евангельскихъ наставленій и примѣровъ*. Это опять сборъ цитатовъ изъ новозавѣтныхъ книгъ о милосердіи Спасителя къ бающимъ и вѣрующимъ грѣшникамъ, о вѣрѣ, надеждѣ любви, о милосердіи къ ближнимъ, противъ лицемерія, противъ гнѣва, ненависти, брани и т. д. Такихъ предметовъ насчитывается до 28; и опять указанія мѣсть расположены въ такомъ порядкѣ, что онѣ постепенно уясняютъ и раскрываютъ данныя понятія. Вотъ, наприм., сводъ мѣсть изъ новозавѣтныхъ книгъ о томъ, что не должно

заботиться ни о чемъ, а искать, прежде всего, царствія Божія: »не заботьтесь ни о чемъ, но всегда въ молитвѣ и прошеніи съ благодареніемъ отбрывайте свои желанія предъ Богомъ; и миръ Божій, который превыше всякаго ума, соблюдетъ сердца ваши и помышленія ваши во Христѣ Іисусѣ (Филип. гл. 4. ст. 6 и 7). Всѣ заботы ваши возложите на Него, ибо Онъ печется о васъ (1 Петра гл. 5, ст. 7). Не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть и что пить, ни для тѣла вашего, во что одѣться. Душа не больше ли пищи и тѣло одежды? Взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ. Вы не гораздо ли лучше ихъ? Да и кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту хотя на одинъ локоть? И объ одеждѣ что заботитесь? Посмотрите на полевая лиліи, какъ онѣ растутъ? Не трудятся, ни прядутъ. Но говорю вамъ, что и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ. Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будетъ брошена въ печь, Богъ такъ одѣваетъ; кольми паче васъ, маловѣры! и такъ, не заботьтесь и не говорите, что намъ ѣсть? или что пить? или, во что одѣться? Потому что всего этого ищутъ язычники; и потому что Отецъ вашъ небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ. Ищите же прежде Царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ (Матѣ. гл. 7, ст. 25—33). Царствіе Божіе не пища и питіе, но праведность и миръ, и радость во Св. Духѣ (Римл. гл. 14, ст. 17)«. По приведенному своду текстовъ можно судить, какъ широко можетъ раскрыться у простолюдина знаніе нравственныхъ обязанностей, ежели онъ съ надлежащимъ тщаніемъ воспользуется этимъ отбѣломъ,

для уясненія всѣхъ перечисленныхъ въ немъ предметовъ: этими предметами, можно сказать, исчерпано все нравственное богословіе, какое необходимо знать православному христіанину. Этимъ отдѣломъ, такъ разумно обработаннымъ, можетъ воспользоваться и самъ пастырь при изложеніи нравственныхъ обязанностей прихожанамъ съ церковной кафедры или въ частныхъ собесѣдованіяхъ. Въ особенности изученіе такого подбора текстовъ весьма полезно можетъ быть ему для краткихъ наставленій при исповѣди, гдѣ и одинъ, сказанный кстати, текстъ можетъ оставить глубокое впечатлѣніе въ душѣ кающагося.

Въ шестомъ отдѣлѣ помѣщены: *планъ города Иерусалима, карта Палестины и карта восточной части Римской имперіи*. На планѣ обозначены: храмъ Иерусалимскій, гора Сіонъ, дворецъ Ирода, голгофа, гора Елеонская и вообще всѣ мѣста, упоминаемыя въ Евангеліи. Въ приложенномъ къ нему объясненіи указаны главы и стихи, гдѣ упоминаются въ Евангеліи и Дѣянїяхъ апост. указанные мѣстности и, сверхъ того, представлено подробное и, можно сказать, картинное изображеніе храма Иерусалимскаго. Въ другихъ приложенныхъ картахъ обозначены тѣ только области, города, рѣки и моря, какіе упоминаются въ новозавѣтныхъ книгахъ; только въ послѣдней авторъ счелъ нужнымъ показать Дунай, Крымъ, Азовское море, Днѣпръ и Кіевъ, очевидно, съ тою цѣлю, чтобы читатели удобнѣе могли видѣть отношенія упоминаемыхъ въ священ. писаніи мѣстъ къ Россіи. Къ обѣимъ картамъ также приложены объясненія, въ которыхъ авторъ отчасти касается и современнаго состоянія нѣкоторыхъ мѣстностей, упоминаемыхъ въ новозавѣтныхъ книгахъ. Какъ на планѣ, такъ и на картахъ мѣстности обозначены такъ отчетливо, что по нимъ и мало развитый читатель

въ состояніи слѣдить за ходомъ новозавѣтныхъ событій. И если нужно для него при этомъ руководство со стороны знатока дѣла, то очень не большое, да и притомъ только на первый разъ.

Чтобы все исчисленное нами обиліе содержанія совмѣстить на одномъ печатномъ листѣ. Хотя и довольно убористой печати, изъ котораго состоитъ вся разбираемая нами брошюра, и при томъ изложить это содержаніе просто, удобопонятно и живо, очекино, стоило большаго труда автору; поэтому и цѣна брошюры кажется, должна бы быть не менѣе 10 коп. Но авторъ, занятый мыслію только о пользѣ простаго народа, назначилъ ей самую малую цѣну, которую едва ли оплачивается бумага, печать и довольно приличная брошюровка. Цѣна ея 2 коп.

П. Р—вз.

Стривки изъ моего дневника¹⁾.

19.

— »А пикёлка у васъ ничего .. хороша, батюшка!« говорили мнѣ крестьяне, жавшіе у меня пшеницу и пришедшіе, по окончаніи »помочи«, въ мой домъ »Помочь« была *въ четвергъ...*

— Много-ли нажали? спрашиваю.

— Да на нижнихъ-то »гонѣхъ« нажали 17 »кобылокъ« (пучекъ), по 30 сноповъ каждая, а на верхнихъ то 18 кобылокъ, тоже по 30 сноповъ; въ одну, правда, 3-хъ сноповъ не хватило... Ефъ и то сказать: не на »огнищѣ же«!-. присовокупили нѣкоторые...

— Спасибо—спасибо вамъ, православные, за труды! говорю я. Дай вамъ Богъ здоровья!... Садитесь же, садитесь, уса-

¹⁾ См. № 28.

живайтесь за столъ, и кушайте ястіе и питіе, во славу Божию!...

Помочане усѣлись за столъ...

— Вотъ у васъ, на вашихъ огнищахъ, такъ должно быть ужъ пшеницы были!.. обращаюсь я къ крестьянамъ.

— У насъ слава тебѣ, Царю Небесному! Пшѣнки больно, больно были хороши! Не пропали наши денежки!...

Крестьяне, бывшіе на помочи, года за два предъ тѣмъ купили нѣсколько земли съ лѣсомъ...

— У насъ, заговорилъ одинъ молодой парень, дядя Титъ ужъ и пѣсни сложилъ на радостяхъ отъ хорошей пшеницы, да теперь, подъ веселую руку, и поетъ когда... Еще и не пробовалъ своей пшеницы, а поетъ, ровно какъ и вправду ужъ свои пшеничные пироги ѣлъ.

— Благодарить Господа Бога надо за хорошіе урожай! говорю я.

— А повеселиться али уже и нельзя? отозвался дядя Титъ.

— Веселись, только »въ мѣру«,... и достойно православнаго!.. Бога, значить, не забываютъ, при своемъ веселіи!... Да у насъ, по правдѣ-то сказать, дядя Титъ, и радостей-то, собственно говоря, не много!.. За ясными, красными днями слѣдуютъ часто долгіе, пасмурные, ненастные дни: и у насъ короткое счастье зачастую смѣняется продолжительнымъ несчастьемъ!...

На этотъ разъ, одна старушка, поусердствовавшая придти ко мнѣ »на помочь«, не много кряхтѣвшая и охавшая и ранѣе, закряхтѣла и заохала »пуще прежняго«!...

— Слышите страданіе людское! Вотъ вамъ тутъ и веселость! говорю я крестьянамъ. Что съ тобою бабушка? обращаюсь я къ старушкѣ.

— О-о-охъ!... Спинушку больно-о!!.. Нѣтъ-нѣтъ, да такъ

ровно и затрещить что-то въ не-ей!.. *Четвергъ*, батюшко, помилуй меня, грѣшницу!..

— Гляди, дѣвка, *переходъ* у ней! заговорили между собою бабы...

— Гляди, парень, *утинъ* у ней! заговорили между собою въ то же время мужики...

— *Надо прощаться!* говорили однѣ изъ женщинъ.

— *Надо подкуриваться!* говорили другія.

— *Надо рубить утинъ!* говорили мужики.

— Ты-бы, старушка, ужъ дома сидѣла: гдѣ тебѣ съ молодыми тягаться?! говорю я.

— Да захотѣлось, батюшко, старухѣ послужить вамъ на послѣдокъ,—можё умру скоро: такъ, молю, батюшко схранить, да помянетъ меня!..

— Это доброе дѣло, бабушка!.. А какому ты «четвергу» молилась?..

— Какъ-же батюшко?! Сегодня вѣдь четвергъ, а я кажинному дню молюсь, только и молитвъ знаю, грѣшница: въ воскресенье говорю: «воскресенье, батюшко, помилуй меня; въ среду: среда, матушка, помилуй меня грѣшницу, али тамъ вторникъ, батюшко, не прогнѣвайся на меня»!!.

— Да вѣдь ты, старушка Божія, въ церковь похаживаешь нерѣдко, а тамъ вѣдь ты слышала, какъ молятся Богу? Какъ ты въ церкви-то молишься?

— И въ церкви, батюшко, я также молюсь: «воскресенье, батюшка»! Ну когда и такъ молюсь: «Троица, Матушка!... Матушка, Никола»!..

— Ты, видно, бабушка, не слушаешь, что поютъ и читаютъ въ церкви?... Плохо, видно, слушаешь и поученія мои?!...

— Я вѣдь, батюшко, глуха уже не много стала!.. Слышу, что ты читаешь когда въ церкви и говорю: «больно, говорю, батюшко, хорошо читаетъ!!! О-о-охъ!.. Опять затрещало!

»Духовныя« женщины, бывшія »на помочи«, чему-то засмѣялись тутъ...

— Смѣшно вамъ! говорю я... А старушкѣ во все не до смѣху!..

— Нѣтъ, вѣдьмы не тому смѣемся, заговорила одна изъ нихъ: мы вспомнили, какъ молилась, на паперти, одна Новошинская баба...

— Какъ-же она молилась?..

— Тутъ, на паперти, живопись то красная, а ей жизнь была плоха, она и молилась: »боги мои боги, красные ноги, помилуйте меня: я изъ новошина, Иванова жена, Нахонова (прозвище) сноха, изъ Жукова приведена«!..

— Сказки, я думаю, это?..

— Нѣтъ! Не сказки: истинная правда! серьезно отвѣтили »духовныя«.

— А вы-бы и учили ихъ молитвамъ-то, помогали такимъ образомъ священнику!..

Ихъ учить надо почти каждую отдѣльно. Вы можете учить ихъ у себя въ домѣ, когда онѣ сидятъ у васъ, въ воскресенье или въ праздникъ какой, между утреней и обѣдней. »Что бабушки, что тетушки, что дѣвушки, знаете ли вы молитвы, какія знаете и какихъ не знаете??? спросите ихъ. Онѣ вамъ скажутъ, а вы и поучите ихъ... Этимъ вы доброе дѣло сдѣлаете. Ты, бабушка, обращаюсь я къ заболѣвшей старушкѣ, приходи ко мнѣ когда нарочно: я поучу тебя молитвамъ! . А теперь пока хоть эту помни: Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй меня грѣшную«! А четверги и среды въ молитвѣ не поминай: дни у Бога, конечно, всѣ хорошіе, добрые, но дни не Богъ и не святые, могущіе слышать наши молитвы; молиться такъ, какъ ты молишься, грѣхъ...

— Ладно, батюшко, какъ нибудь побываю, только память-то у меня больно плоха уже стала!.. Да вотъ... о-о-охъ!.. Боюсь не развариться-бы-ы!..

— У тебя »утинъ«, бабушка! обратился къ старухѣ одинъ мужикъ; рубить его надо!

— Може и утинъ! кто его вѣдаетъ?! охая, отвѣтила старуха.

— Что это за утинъ? спрашиваю я крестьянина

— А вотъ, какъ спина заболить шибко: это и называется утинъ...

— Какъ-же это рубять его?

— А рубить-то можетъ только первой, либо послѣдній въ семьѣ (по рожденію); рубять топоромъ, по зорямъ... Хворой лежать долженъ на 3-хъ порогахъ, спиной къ верху; на спину долженъ положить лучину крестъ на крестъ; эту лучину и надо рубить на каждомъ порогѣ... »Что рубишь«? спросить хворой. »Утинъ«! скажетъ рубѣльщикъ. »Руби его пуще, чтобы не было«!. возгласить хворой. И на 2-мъ и на 3-мъ порогѣ тоже надо говорить и дѣлать... Не однажды и у меня бывалъ утинъ, продолжалъ крестьянинъ, тоже рубили, и ничего... прошло...

— А меня, батюшко, заговорила одна женщина, лечить утинъ учила тетка Митродора, а тетку Митродору научилъ дядя Мойсей, вотъ что у насъ ворожецъ былъ!

— Какъ-же тебя учили?

— Надо, па зорѣ, три раза обходить кругъ овина, проти солнышка только, и безперечь баять: »отрекся еси, отрекохся еси«!.. Какъ обойдешь въ первый разъ кругъ овина, пойдй къ овинному окошку, три раза на овинъ поклонись до земли, и въ кажинный разъ говори: »батюшко овинъ! Возьми мой утинъ«!.. Послѣ этова, надо дать три-же земныхъ поклона на востокъ и при каждомъ поклонѣ приговаривать: »мать сыра земля! Прости меня грѣшную«!..

Когда пойдешь кругъ овина во 2-й и 3-й разъ, также нужно приговаривать и класть поклоны... Стало-быть всего надо 18-ть поклоновъ сдѣлать: 9 на овинъ, да 9 на востокъ... Я сама дѣлала это дотолече, да попъ Андрей ругалъ меня за это: »это, говоритъ, какъ ребяты крестятъ, такъ говорятъ: отрѣкся еси«!..

— А вѣдь можетъ и не утинъ у ней?.. »Переходъ«, можетъ! въ одинъ разъ оголосились двѣ женщины.

— Какой-же это переходъ? Что это за переходъ такой? спрашиваю я.

— Не ужли, батюшко, и этова вы уже не знаете?!

— Какъ-бы зналъ: не спрашивалъ!..

— Переходъ!.. Вѣстимо, домовой сичасъ пройдетъ какимъ мѣстомъ, а ты сичасъ-же ээто мѣсто, гдѣ онъ шелъ, и перейдешь: вотъ ээто и переходъ значить! Тутъ завсегда спина, либо рука безпремѣнно забаливаетъ! Отъ перехода тоже *прощаются*, присовокупила крестьянка,..

— Съ кѣмъ это прощаются?..

Баба засмѣялась отъ моего вопроса и наставительно продолжала:

— Какъ знаешь, на коемъ мѣстѣ переходъ случился: на ээтомъ самомъ мѣстѣ и »прощаться« надо, а не знаешь: прощаться надо завсегда на востокъ, по зорѣ утренней, три земныхъ поклона кладутъ тутъ и баютъ: »Мать сыра земля! Прости меня, рабу грѣшную«!..

— Орина Анѣимовна Горошная, такъ та отъ перехода *подкуриваетъ*, и больно, слышь, пользительно бываетъ! заговорила другая женщина.

— Чѣмъ она подкуриваетъ?

— Травой такой; она ее нарощно собираетъ; набладетъ въ черепеньку горячихъ угольковъ; положить на угольки ээтой травки и подкуриваетъ больное мѣсто, а сама въ ээто время молитву читаетъ:

»Крестъ Хранитель,
Крестъ Спаситель,
Крестъ Ангелямъ слава,
Непріателямъ язва«!..

Она и *лихорадку жечь умѣетъ*... Къ ней многіе ходять у насъ и что спасибо-то говорить!.. Оновнясь у меня съ муженькомъ попритчилось: совсѣмъ затрясла, поганая!.. Я баю: «поди молъ къ теткѣ Оринѣ: она выжжетъ ее мерзавую!».. Муженѣкъ было не шелъ спервоначалу, а теперь мнѣ-же спасибо отъ него... Вѣдь ужаси подобно!—Я поглядѣла—сколько черныхъ—то пятенъ у него стало на спинѣ!..

— Всѣ-же я не понимаю, какъ это тетка Орина жжетъ у васъ лихорадки?..

— Свѣчей изъ желта воска; засвѣтитъ ее и огонѣкъ прикладываетъ къ тѣлу, въ коемъ мѣстѣ лихорадка,—тутъ тѣло затрещитъ: ээто она,—вѣдьма Кіевская,—выходить!.. А гдѣ—трещало,—тамъ остается уже одно черное пятно.... Гляди не лихорадка-ли у нашей Ульяны, коли у ней въ спинѣ потрескиваетъ: можетъ—еще только входитъ она въ нее?!.. Испробовать—бы ей: пожечься!..

Эхъ, православные, православные, говорю я. Невѣрьте вы, Бога ради, всѣмъ этимъ «переходамъ, всѣмъ этимъ подбуриваньямъ со жженьемъ лихорадокъ, всѣмъ этимъ хожденьямъ вкругъ овиновъ, всѣмъ этимъ прощаньямъ съ разными причитаньями, всѣмъ этимъ домовымъ?!.. Всѣ это и тому подобное, какъ я не разъ уже говаривалъ вамъ, съ одной стороны, ваши суевѣрія, которыми вы прогнѣвляете лишь Бога, не принося своему здоровью ни малѣйшей пользы, съ другой—обманъ, нерѣдко сознательный, наглый, нехорошихъ людей, которые суевѣрія ваши употребляютъ въ средство зашибить себѣ копѣйку, или кусокъ хлѣба!.. Посудите: есть-ли хоть капля здрава-

го смысла въ этомъ, напримѣръ, вашемъ обращеніи къ овину: »батюшка овинъ, возми мой утинъ«!. Да развѣ овинъ живое существо?!. Развѣ онъ можетъ слышать ваши мольбы?!. Развѣ можетъ сочувствовать вамъ?!. Или: есть-ли хоть сколько нибудь здраваго смысла въ вашихъ земныхъ поклонахъ предъ овиномъ и въ вашемъ прошеніи, которое вы посылаете землѣ: »мать сыра земля прости меня рабу грѣшную«?!.. Вѣдь выходитъ: дѣлая предъ ними земныя поклоненія и въ тоже время прося у нихъ прощенія грѣховъ, отпускать которые можетъ одинъ лишь Богъ, нашъ Творецъ и Спаситель, выходитъ: какой нибудь овинъ или мать сырую землю вы считаете, страшно сказать, за самого Бога!!.. Такъ дѣлать, какъ вы дѣлаете, свойственно лишь язычникамъ, а не христіанамъ православнымъ!.. И дѣйствительно: многое, очень многое, во что вы вѣруете теперь и что дѣлаете, перешло къ намъ отъ нашихъ давнихъ предковъ язычниковъ, которые не знали Бога истиннаго и поклонялись идоламъ бездушнымъ, истуканамъ, а пожалуй—и овинамъ и матери сырой землѣ, отъ предковъ, которые сидѣли, стало быть, во тьмѣ духовной и тѣни смертной... Бросайте-же, православные, остатки старины глубокой, темной, языческой, и идите къ свѣту Христову!..

— Какъ, батюшко?!. По вашему, и домовымъ вѣрить нельзя?!. Да у насъ, бають, дядя Харитонъ «самъ видѣлъ домовова!.. Большушшой такой!.. Въ шерсти весь!.. И съ рогами!..

— Все-же, вѣдь, сами не видали; кто »баеть«, тотъ тоже не видалъ, а дядя Харитонъ вретъ, что видѣлъ: онъ видѣлъ, можетъ корову какую нибудь, а не домового, котораго совсѣмъ нѣтъ!..

— Вотъ, батюшко ,спасибо, что о коровахъ-то вы на-
помнили намъ, сказалъ одинъ крестьянинъ«. Ребята!
хлебайте-ко поживѣе, да пора и къ домамъ«! обратился онъ
въ своимъ« помочанамъ, и затѣмъ, обращаясь ко мнѣ,
объяснилъ:« коровы у насъ, батюшко, »пострѣлы« никакъ
не ходять домой сами: всё мы ходимъ за ними«!.

— Дядя Филиппъ! отозвалась на это баба не изъ одной
деревни съ Филиппомъ: что даешь? я научу, какъ сдѣ-
лать, чтобы ходили домой коровы...

— Научи родная! Большое спасибо скажу!

— Ладно: только не нонече, а на будущій годъ они ста-
нутъ домой ходить сами безпремѣнно... Ты вотъ что сдѣ-
лай: въ великоденный четвергъ попроси кого-нибудь, на
зорѣ, взять въ руки *помяло* и съ этимъ помяломъ три
раза обѣжать кругъ дома со дворомъ; въ каждой разъ
подходить въ обошбу дома, стучать въ обошко помяломъ
и спрашивать:

— »Эй! Дома-ли хозяинъ?« А ты бай:

— »Дома «

— »Дома-ли коровушки?« А ты бай:

— »Дома, дома! Ище съ солнышкомъ пришли!«

— Вотъ тебѣ и весь секретъ! Сотвори такъ, и будетъ
ладно: коровы завсегда домой стануть ходить сами! заклю-
чила баба.

— Доживу, попробую сдѣлать эго безиремѣнно, сказалъ
мужикъ.

— А мой совѣтъ-не вѣрить суетвѣріямъ-забылъ?! говорю я.

— Да вѣдь какъ-же, батюшко—отецъ родной?!. Помо-
гаетъ,—слышь!..

— Въ школу-бы васъ всѣхъ—запирать!! говорю я.

— Хи-хи-хи!—засмѣялась тутъ одна *смѣшная* баба: и

насъ въ школу..!—говорить... Да насъ и безъ школы больно хорошо школятъ... мужевья наши!.. Вонъ, тетка Прасковья у насъ: и состряпать—то что безъ мужа не смѣть—боится!.. Мужъ всё,—до малости,—выдаетъ ей самъ, по выдачѣ, да и остатковъ ищѣ завсегда спрашиваетъ: всё думаетъ,—много изводитъ она по напрасну... Разъ какъ-то выдалъ онъ ей немножко мучки, да яйцо одно, и велѣлъ состряпать лапшу, а самъ пошелъ въ поле на покосъ; такъ она, бѣдная, не знала безъ него, что и дѣлать—то съ яйцомъ—то этимъ: выбѣжала изъ избы, встала на огородъ, да вслѣдъ мужу и кричить »во всю ивановскую«: »Масей!.. Масей!.. Всѣ-ли яйцо въ лапшу талкать?«...

— »Всѣ—все«!. откликается тотъ, на выхвалку... »Пушай намъ люди завидуютъ, что мы сладко ѣдимъ!«...

Помочане—всѣ расхохотались и—начали вставать изъ-за-стола... Помолнились Богу и, обратившись ко мнѣ, благодарили меня.

— За хлѣбъ—за соль, кормилецъ! Много давали!.. Благословите! .

— Богъ васъ благословить! Спасибо—большое спасибо вамъ за вашу »помочь«!.. Ну—а ты, бабушка Ульяна, какъ чувствуешь себя теперь?—обращаюсь къ заболѣвшей старухѣ.

— Да теперече ровно-бы какъ пооблегчало маленько!..

— Ну—слава Богу!—На вотъ тебѣ, на всякій случай, нашатырнаго спирту: мажь имъ спину, какъ она начнетъ забаливать...

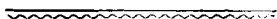
— Благодарствуй, кормилецъ!.. Много лѣтъ тебѣ священничать!..

»Навеселѣ«, — крестьяне пошли къ домамъ своимъ...

Я прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, оглашая *пустую избу* восклицаніемъ: *свѣту!.. свѣту!.. свѣту!..* этимъ темнымъ людямъ!.. и затѣмъ, — измученный физически и нравственно, — улегся *спать* и — заснулъ — *крѣпкимъ сномъ!..*

Священ. *Аркадій Левашевъ.*

Троица Чудца.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“ ВЪ 1879 Г.

Журналъ »Руководство для сельскихъ пастырей«, издаваемый, по благословенію Святѣйшаго Синода, при кievской духовной семинаріи съ 1860 года, издается и въ настоящемъ 1879 году.

Подписная цѣна на мѣсть 4 руб., а съ пересылкою во все мѣста Россійской имперіи 5 руб. серебромъ. Плата за журналъ по оффиціальнымъ требованіямъ, какъ—то: отъ консисторій, правленій духовныхъ семинарій и благочинныхъ, можетъ быть, по примѣру прежнихъ годовъ, разсрочена до сентября 1879 года.

Редакторъ, Ректоръ семинаріи архимандритъ Виталій.

ОКАНЧИВАЕТСЯ ПЕЧАТАНІЕМЪ

НОВАЯ КНИГА:

ХРИСТОМАТІЯ

для изученія русской церковной проповѣди,

съ общей характеристикой періодовъ ея, съ біографическими свѣденіями о замѣчательнѣйшихъ проповѣдникахъ русскихъ (съ XI—XVIII в. включительно) и съ указаніемъ отличительныхъ чертъ проповѣдничества каждаго изъ нихъ. Большой томъ, болѣе 500 страницъ убористаго шрифта (41 и 60 строкъ на страницѣ). Цѣна 2 р. 25 коп., съ пересылкою 2 р. 50 коп.

Съ требованіями обращаться: въ г. Кіевъ, преподавателю семинаріи, священнику Матѣею Поторжинскому.

Тамъ же продается СВЯТООТЕЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ съ біографическими свѣдѣніями о св. отцахъ проповѣдникахъ вселенской Церкви и съ указаніемъ отличительныхъ чертъ проповѣдничества каждаго изъ нихъ. Цѣна 1 р. 25 коп., съ пересылкою 1 р. 50 к.

 Выписывающіе оба изданія вмѣстѣ платятъ за одинъ экземпляръ того и другаго 3 р. 25 коп. безъ пересылки и 3 р. 50 коп. съ пересылкою. Выписывающіе *десять* экземпляровъ того и другаго изданія за разъ пользуются даровою пересылкою. Книгопродавцамъ уступка по соглашенію.

РУКОВОДСТВО

Д Л Я

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
четыре руб., съ пересылкою пять **№ 30.**
рублей сереб.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при кievской
семинаріи.

1879 года. Іюля 22-го.

Содержаніе. Объ общихъ условіяхъ правильности и дѣйствительности церков-
ныхъ наказаній.—Дѣятельность духовенства въ минувшую войну.—
Стравники, ихъ псалмы и канты.—*Въ приложеніи:* Поученіе къ посе-
лянамъ по окончаніи жатвы (окончаніе).— Поученіе въ 8-ю недѣлю по
пятидесятницѣ.

Объ общихъ условіяхъ правильности и дѣй- ствительности церковныхъ наказаній.

Въ карательномъ законодательствѣ всѣхъ народовъ древняго и новаго міра мы встрѣчаемъ рядъ правилъ, которыми должны руководиться судьи при разбирательствѣ различныхъ дѣлъ, которыми опредѣлялся ихъ образъ дѣйствія въ судѣ, и отъ такого или инаго соблюденія которыхъ зависѣла съ одной стороны правильность, законность судопроизводства, — съ другой — дѣйствительность и обязательность послѣдствій онаго, т. е. карательныхъ опредѣленій. Если судъ сформированъ былъ надлежащимъ образомъ, вполне согласно съ предписаніями закона относительно этого, если при судопроизводствѣ были соблюдены всѣ тѣ условія, которыя требовались закономъ, то виновный и наказанный долженъ былъ понести всѣ слѣд-

ствія своего преступленія, объявленные ему въ карательномъ приговорѣ; если же судопроизводство и судоустройство не согласовались съ предписаніями закона, то карательный приговоръ не могъ имѣть обязательной силы для осужденнаго.

Тоже самое видимъ мы и въ карательномъ законодательствѣ древней христіанской Церкви. И если обыкновенныя гражданскія общества, по чувству справедливости, заботились о томъ, чтобы не осудить невиннаго, не дать большаго простора личному произволу судіи, устранить возможность нареканія на дѣйствія суда,—то тѣмъ болѣе объ этомъ заботилась Церковь. Церковные судьи, по ясной заповѣди Самого Іисуса Христа, должны были слишкомъ осторожно дѣйствовать по отношенію къ подсудимымъ, не должны являться судьями—карателями въ строгомъ смыслѣ слова, лицами безжалостными, стремящимися единственно къ отмщенію за то или другое нарушеніе закона. Исправленіе виновнаго—вотъ главная цѣль, которую никогда не долженъ былъ опускать изъ виду церковный судья.

Съ другой стороны, если справедливое и заслуженное, но тяжкое и продолжительное наказаніе могло повергать грѣшника въ печаль и уныніе (2 Кор. 11, 6—8), то какихъ, спрашивается, слѣдствій нужно было ожидать отъ судебныхъ рѣшеній, несправедливыхъ, пристрастныхъ и произвольныхъ?—Ожесточеніе наказаннаго, презрительное отношеніе его къ Церкви, ея законамъ и учрежденіямъ,—вотъ что могло быть плодомъ отсутствія въ Церкви такихъ законоположеній, которыми долженъ опредѣляться образъ дѣйствій судьи. Поэтому Церковь, всегда заботившаяся о своей чести и достоинствѣ, хотѣла избѣжать разнаго рода нареканій и съ этой стороны, вѣннвъ въ непремѣнную обязанность своимъ судьямъ со-

блюденіе тѣхъ правилъ судопроизводства, которыя отчасти были уже указаны Самимъ Основателемъ Церкви (какъ это мы увидимъ). Къ этимъ онъ присоединила еще другія, вытекающія изъ самаго существа дѣла и находящіяся въ гражданскомъ законодательствѣ грекоримскомъ. Эти-то правила, или указанія и составляютъ тѣ условія, которыми опредѣлялась правильность наказаній. Сюда относилась:

а) Самимъ Христомъ данная заповѣдь, по которой согрѣшившаго брата *должно дважды или трижды увѣщавати*, прежде опредѣленія ему наказанія (Мѡ. 18, 15.—17). Древняя Церковь заботилась и строго соблюдала эту заповѣдь Господа, подтвержденную вновь ап. Павломъ въ слѣдующихъ словахъ къ Титу: *еретика человека по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся* (Тит. 3, 10). Доказательствамъ этому могутъ служить многочисленныя церковныя опредѣленія. »Если пресвитеръ, говоритъ, напр., 31-е апост. правило, отдѣлится отъ своего епископа и начнетъ устраивать отдѣльно собранія (богослужебныя), то онъ долженъ быть низложенъ. Такому же наказанію должны подвергаться и клирики, къ нему присоединившіеся. И сіе да будетъ, сказано далѣе, *по единомъ, второмъ и третіемъ увѣщаніи* отъ епископа«. О томъ же самомъ предметѣ св. Амвросій Медиоланскій рассуждаетъ такъ: *»съ болью отрѣзывается заразившаяся часть тѣла, и долго рассуждаютъ, нельзя ли ее вылѣчить; если нельзя, то врачъ отнимаетъ ее. Равнымъ образомъ добрый епископъ обязанъ, какъ должно, лѣчить нравственно больныхъ, уничтожать распространяющіяся раны, нѣкоторыя прижигать, а не рѣзать; остальное же неизлѣчимое съ болью отрѣзывать«*¹⁾—откуда ясно видно, что

¹⁾ De officiis, lib. 11 c. XXVII.

въ древней Церкви до произнесенія болѣе строгаго суда надъ виновнымъ прибѣгали къ мѣрамъ кроткимъ, каковыя мѣры всегда начинались съ увѣщанія. Существуютъ наконецъ и фактическія доказательства для этой мысли. Соборъ Ефесскій *трижды* призывалъ и *увѣщавалъ* Несторія и, когда онъ оказался упорнымъ и не только ни разу не явился, но не удостоилъ даже и отвѣта, соборъ эти самыя поступки Несторія направлялъ противъ него же и подвергъ наказанію, котораго онъ заслуживалъ¹⁾. Подобнымъ образомъ отцы собора Халкидонскаго, прежде произнесенія строгаго суда надъ Діоскоромъ, трижды увѣщавали его и звали на судъ²⁾. Требованіе древняго церковнаго законодательства о предварительномъ увѣщаніи согрѣшившаго выполнилъ и Синезій, предъ отлученіемъ отъ Церкви правителя Птолемаиды—Андроника. Долго Синезій *увѣщавалъ* и *просилъ* послѣдняго прекратить свою жестокость, притѣсненія и вообще худыя дѣйствія по отношенію къ невиннымъ гражданамъ. И только когда тираннъ обнаружилъ упорство и усугубилъ свои злодѣянія, епископъ объявилъ, что Андроникъ, какъ человѣкъ неисправимый, долженъ быть отлученъ отъ Церкви³⁾.

б) Для справедливаго осужденія кого-нибудь и опредѣленія церковнаго наказанія требовались *также два, или три свидѣтеля*, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ случаевъ, когда виновный самъ признавался въ своемъ преступленіи или когда оно было слишкомъ очевидно. Это узаконеніе въ сущности не было новымъ. Мы встрѣчаемъ его еще въ ветхозавѣтномъ законодательствѣ. Закономъ Моисея вообще требовалось нѣсколько свидѣтелей при

¹⁾ Евагрія Ц. Ист. кн. 1. гл. 4.

²⁾ Евагрія, Ц. ист. кн. 2, гл. 4.

³⁾ Binghami, Orig. eccles. vol 7, с. 2, § 6.

судебныхъ процессахъ, и число ихъ увеличивалось пропорціально важности дѣла и тяжести того наказанія, которе долженъ былъ понести виновный (числ. XXXV, 30; Второзак. XVII, 6; XIX, 15). Это ветхозавѣтное постановленіе относительно свидѣтелей не потеряло своей силы и значенія и въ Новозавѣтной Церкви, какъ постановленіе, вытекающее изъ самаго существа дѣла. Основатель христіанской Церкви подтвердилъ его въ слѣдующихъ словахъ: *»при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станеть всякъ глаголѣ«* (Мѡ. XVIII, 16). И ап. Павелъ ясно напоминаетъ о семъ, когда говоритъ Тимоѳею: *»на пресвитера хулы не приѣмли, развѣ при двою или тріехъ свидѣтеляхъ«* (1 Тимоѳею V, 19). Выраженіе *»двоухъ или трехъ свидѣтелей«* ¹⁾ нужно понимать такъ, что если одно и то же лице было и обвинителемъ и свидѣтелемъ преступленія, то для процесса, кромѣ его, нужны были еще два свидѣтеля. Если кромѣ обвинителя и свидѣтеля (въ одномъ лицѣ) находился еще одинъ только свидѣтель, то виновный долженъ былъ остаться безнаказаннымъ. Древняя Церковь строго соблюдала и это узаконеніе, доказательствомъ чего могутъ служить церковныя правила и практика первыхъ и послѣдующихъ вѣковъ христіанства. *»Во свидѣтельство противъ епископа не примати еретика: но и вѣрнаго единого не довольно. На устѣхъ бо двоихъ или тріехъ свидѣтелей твердо станеть всякъ глаголѣ«*, — такъ говоритъ 75 Апостольское правило. *»Да будетъ исключень изъ клира«*, постановилъ 1-й Вселенскій соборъ, тотъ изъ клириковъ, въ коемъ

---

¹⁾ »Это, говоритъ Молиторъ по поводу приведенныхъ словъ апостола, въ существѣ *общее начало*, только спеціально примѣненное къ образу доказательствъ въ судѣ обвиненія на пресвитера«. Kanonisches Gerichts—Verfahren gegen clericke s. 11.

обнаруженъ будетъ »нѣкоторый душевный грѣхъ« и который »будетъ обличенъ двумя или тремя свидѣтелями« (2). Очевидно, соборъ въ данномъ случаѣ опредѣленіе наказанія ставить въ тѣсную связь съ законнымъ количествомъ свидѣтелей. Блаженный Теодоритъ свидѣтельствуешь, что нарушеніе предписанія о количествѣ свидѣтелей въ древности прямо почиталось неправильностію и отступленіемъ отъ закона. Повѣствуя о незаконномъ осужденіи Евстаѳіа, епископа антиохійскаго, аріанами, выставившими противъ него подкупленную развратную женщину, Теодоритъ говоритъ: »Видя явную клевету, Евстаѳій приказалъ женщинѣ представить кого либо, кто бы зналъ, что она родила отъ сожительства съ Евстаѳіемъ. Когда же она отвѣчала, что у ней нѣтъ свидѣтеля ея обвиненія, то справедливейшіе изъ судей предложили ей поклясться, *хотя законъ прямо говоритъ, что слова должны быть подтверждены двумя или тремя свидѣтелями...* И такъ, заключаетъ Теодоритъ, презрѣвъ божественные законы, они безъ всякаго свидѣтельства приняли доносъ на столь великаго мужа«. ¹⁾ Если случилось, что сказавшій наединѣ епископу или пресвитеру о какомъ либо своемъ грѣхѣ, и потомъ, представленный имъ къ суду, не сознавался въ своемъ преступленіи, то судъ не могъ состояться за неимѣніемъ свидѣтелей (Каро. 147). Одинъ человѣкъ, по словамъ блаженнаго Августина, кто бы онъ ни былъ, не могъ быть и обвинителемъ и судьей. ²⁾ Тоже самое подтверждалось и государственными законами. Въ кодексѣ Теодосія встрѣчается такого рода постановленіе: »всенародно узаконяемъ,—не слушать показаній *одного* свидѣтеля, хотя бы онъ былъ и сенаторъ« ³⁾.

¹⁾ Ц. Ист. 1, 21.

²⁾ Вѣтрин., памят. хр. древн. кн. XV гл. 3.

³⁾ Cod Theod. lib. XI, ст. 29 о достовѣрности свидѣтелей, зак. 3.

Требую узаконеннаго числа свидѣтелей, древняя Церковь не безъ разбора допускала ихъ къ обвиненіямъ, но всегда обращала вниманіе на ихъ душевныя качества и вѣроисповѣданіе, котораго они держались. Въ случаѣ обвиненій или доносовъ на христіанъ—принадлежали ли они къ клиру, или къ разряду мірянъ—церковными постановленіями вмѣнялось въ непремѣнную обязанность судьямъ обращать вниманіе прежде всего на характеръ и сущность дѣлъ, по которымъ возникли обвиненія. Если это дѣла частныя, касающіяся лично обвинителя (напр., обиды, несправедливости и т. п.), то обвиненіе должно быть принимаемо, не смотря ни на личность обвинителя, ни на вѣру его. »Подобаешь бо всячески, говорить 6-е правило II-го Вселенскаго собора, и совѣсти священнаго лица быти свободною, и объявляющему себя обиженнымъ обрѣсти правосудіе, *какой бы вѣры онъ ни былъ*«. Но если приписываемое священнослужителю (а равно и мірянину) преступленіе будетъ церковное, т. е. будетъ касаться его священнаго служенія и духовныхъ обязанностей, тогда, говоритъ тоже правило—»подобаетъ рассмотреть лице обвинителя«. — И

1. По дѣламъ церковнымъ не дозволялось принимать обвиненій или доносовъ отъ еретиковъ. Во свидѣтельство противъ епископа еретика не пріимати«, говорятъ 75 Апостольское правило, повторенное и на вселенскихъ соборахъ (II Вс. соб.) и бывшее общимъ во всѣхъ церквяхъ (Каро. 144). Поэтому-то Аѳанасій Великій возставалъ и почиталъ несправедливымъ довѣріе къ тѣмъ обвиненіямъ, которыя ввозили на него аріане въ дѣлахъ церковныхъ¹⁾. Еретики дѣйствительно не могли быть лицами компетентными въ сужденіи о церковныхъ дѣлахъ. Они не могли

¹⁾ Athanas, apolog ad imp. Constant.

обнаруживать безпристрастія и возбуждать довѣріе къ своимъ показаніямъ. Какъ стали бы они обвинять другихъ въ томъ, въ чемъ и сами заблуждались, напр., въ догматахъ вѣры, или въ чемъ сами виноваты, напр., въ нарушеніи правилъ церковныхъ, ими самими отвергнутыхъ? Издавая такого рода узаконеніе, святые отцы защищали не одну личность христіанъ, но ограждали правоту господствующей, православной Церкви, не допуская вмѣшательства въ дѣла ея чуждыхъ ей враждебныхъ людей, а государство, покровительствуя Церкви, также и съ своей стороны всегда охраняло ее, и издавало по этимъ дѣламъ сообразныя съ правами и пользами ея законы¹⁾. Иное дѣло отношенія гражданскія, или частныя, личныя, которыя не касаются Церкви и которыхъ Церковь не касается; здѣсь каждый членъ общества имѣетъ свои права, опредѣленные точными законами гражданскими. Съ этой стороны и правила церковныя опредѣляютъ, какъ мы видѣли: »не пріимати въ разсужденіе вѣры обвинителя, подобаетъ бо обиженному обрѣсти правосудіе, какія бы вѣры онъ ни былъ«.

II. Въ древней Церкви не принимались также обвиненія *отъ низложенныхъ клириковъ, отлученныхъ отъ Церкви мірянъ и тѣхъ, которые сами подвергались обвиненіямъ и еще не оправдались* (1 Вс. соб. 6 сн. IV Вс. соб. 21, Кор. 8, 25, 143). И это также само по себѣ понятно. Ибо всѣ такія лица, по законамъ, сами должны находиться подъ судомъ и, какъ опороченные, не могутъ имѣть права на свидѣтельство.

III. Церковь не принимала далѣе обвиненій *отъ рабовъ*, ибо, по выраженію Матѳея Властаря, рабъ по самой при-

---

¹⁾ Сими законами запрещалось допускать еретиковъ къ обвиненіямъ православныхъ не только въ дѣлахъ церковныхъ, но и гражданскихъ. Cod Iustin de haeret 21.

родѣ—врагъ господину¹⁾), и отъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ и гражданскіе законы не допускали въ свидѣтельствамъ на судѣ (Карө. 144), т. е. людей не благонаправныхъ, опороченныхъ, также умопомѣшанныхъ, несовершеннолѣтнихъ (Карө. 146) и проч. Вообще церковными постановленіями древней Церкви требовалось, чтобы предварительно изслѣдовано было общественное мнѣніе о доносителяхъ, »не приимати доноса просто и безъ изслѣдованія«, постановилъ IV Всел. соборъ.

Но указаніемъ нравственныхъ качествъ обвинителей древнее церковное законодательство не ограничивалось. Опасаясь осудить невиннаго и подвергнуть наказанію чело-вѣка, не заслуживающаго наказанія, оно также сдѣлало нѣсколько постановленій относительно образа дѣйствія на судѣ: а) *обвинителей* и в) *обвиняемыхъ*.

Что касается первыхъ, то, по требованію церковныхъ правилъ, они должны были подтверждать свои обвиненія на судѣ *въ присутствіи обвиняемыхъ*. Для этой цѣли подсудимый всегда вызываемъ былъ въ судъ и до его прибытія дѣло не подвергалось разсмотрѣнію. Если доносчикъ во время разбирательства дѣла скрывался, то судъ прекращалъ дѣло и подвергалъ его самого наказанію²⁾). Если во время судопроизводства обнаруживалось, что обвинитель принадлежитъ къ разряду лицъ опороченныхъ и не имѣющихъ права на обвиненіе, то судъ прекращалъ засѣданія по этому дѣлу и оставлялъ оное безъ послѣдствій³⁾). Исключеніе дѣлалось только въ томъ случаѣ, когда

¹⁾ Sintagm. litter b, cap. 9.

²⁾ Карө. пр. 28. Оно говоритъ собственно о характерѣ отношеній суда къ обвинителямъ епископовъ; но при сравненіи его съ дальнѣйшимъ правиломъ (29) того-же собора оказывается, что оно соблюдалось и при обвиненіяхъ на прочихъ клириковъ.

³⁾ Тамъ же.

предметомъ доноса служили какія либо частныя, гражданскія дѣла, а не церковныя¹⁾. Далѣе, обвинитель, не довольный рѣшеніемъ первой судебной инстанціи, хотя и могъ апеллировать къ высшему суду, но подъ условіемъ понести то самое наказаніе, если апелляція окажется несправедливою, какое по законамъ должно быть опредѣлено подсудимому, въ случаѣ справедливости обвиненія (II Вс. соб., пр. 6).

Что касается обвиняемыхъ, то церковнымъ законодательствомъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность судьямъ *вызывать ихъ въ судъ и предоставлять имъ право защиты*. Осуждать подсудимаго въ его отсутствіи строго запрещалось, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ самъ не хотѣлъ являться на судъ. По опредѣленію собора Кароагенскаго судьи, не соблюдашіе этого правила, подвергаются отвѣтственности и наказаніямъ, и рѣшеніе ихъ не должно быть почитаемо дѣйствительнымъ и имѣющимъ обязательную силу для осужденнаго (пр. 30). Имѣя это въ виду, Блаженный Августинъ упрекаетъ донатистовъ за то, что они произнесли приговоръ Цециліану, епископу Кароагенскому, не позвавши его предварительно на судъ и не выслушавши его²⁾. Приведши слова писанія: *«первое, неже испытати, не порицай, уразумѣй прежде, и тогда запрещай»* (Сирах. 11, 71), Августинъ замѣчаетъ: *«если Духъ Святый хочетъ, чтобъ до изслѣдованія дѣла никто не былъ порицаемъ, то не большее ли зло содѣлываютъ тѣ, кои не только обвиняютъ (порицаютъ) отсутствующихъ, но и изрекаютъ имъ приговоръ»*³⁾. По этому же самому сторонники I. Златоуста возстали противъ

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Epist. CCXII.

³⁾ Epist. XLIII.

Θеоφίλα александрійскаго, когда онъ началъ производить судъ надъ Гераклидомъ, въ отсутствіи послѣдняго (по поводу незаконнаго будто бы рукоположенія его св. Златоустомъ) и смѣло заявили ему, что суда надъ отсутствующимъ производить не должно¹⁾.

Подсудимый долженъ былъ явиться на судъ въ опредѣленный правилами срокъ (для этого назначался обыкновенно мѣсяцъ, а по нуждѣ и два (Карѳ. соб. пр. 28)²⁾; и если не являлся, то лишаемъ былъ церковнаго общенія «доколѣ, по выраженію собора карѳагенскаго, не очиститъ себя доказательствами по дѣлу» (тамъ же). Совсѣмъ не явившійся на соборъ, послѣ троекратнаго вызова, подвергался заочному рѣшенію дѣла, по собственному усмотрѣнію собора (Ап. 74). Это послѣднее строго предписывалось церковнымъ законодательствомъ и строго было соблюдаемо, за небольшими впрочемъ исключеніями. По свидѣтельству Евагрія, въ разсмотрѣнію дѣла Несторія соборъ приступилъ и произнесъ приговоръ только тогда, когда онъ, послѣ троекратнаго приглашенія, не явился на судъ³⁾. Іоаннъ, епископъ антиохійскій, III Вс. соборомъ трижды призываетъ былъ для очищенія себя по дѣлу епископовъ Кирилла и Мемнона, которыхъ онъ низложилъ, и только послѣ третьяго зова соборъ лишилъ его общенія⁴⁾. По свидѣтельству Сократа, св. Златоустъ былъ низложенъ

¹⁾ Сократ. Ц. Ист. кн. 6 гл. 17.

²⁾ Другимъ карѳаген. правиломъ для защищенія дѣла назначается цѣлый годъ. Кто не воспользовался этимъ срокомъ, отъ того оправданіе не принималось уже (90). Подсудимый впрочемъ все это время долженъ находится подъ запрещеніемъ.

³⁾ Ц. Ист. кн. 1 гл. 4. Самый приговоръ обвинительный начинался словами: „такъ какъ, кромѣ всего прочаго, почтеннѣйшій Несторій не захотѣлъ послушаться нашего зова“ и т. д.

⁴⁾ Евагрія Ц. Ист. кн. 1 гл. 5.

мѣстнымъ соборомъ только тогда, когда, будучи вызываемъ четыре раза, не явился на судъ¹⁾. Точно также поступилъ соборъ Халкидонскій съ Діоскоромъ, епископомъ александрійскимъ²⁾.

Итакъ, приглашеніе обвиняемаго въ судъ, предоставленіе ему права защиты, присутствіе узаконеннаго числа обвинителей, или свидѣтелей преступленія, устраненіе изъ нихъ числа тѣхъ, которые не имѣли права обвиненія, троекратное увѣщаніе преступника и т. д. вотъ тѣ условія, которыми опредѣлялась правильность и дѣйствительность церковныхъ наказаній въ древней христіанской Церкви.

Ив. Миловановъ.

---

¹⁾ Кн. 6 гл. 15.

²⁾ Кн. 2, гл. 4.

Дѣятельность духовенства въ минувшую войну.

Православное русское духовенство, во время минувшей войны Россіи съ Турціею, своими благотворными трудами и патріотическою дѣятельностію, пріобрѣло себѣ почетную страницу въ русской исторіи вообще и въ исторіи Церкви въ частности.

Еще задолго до объявленія Россіею войны Турціи, духовенство наше глубоко принимало къ сердцу страданія нашихъ православныхъ соплеменниковъ—славянъ подъ игомъ магометанскихъ турокъ. Оно шло впереди русскаго общества и предводило его христіюлюбивымъ движеніемъ въ пользу несчастныхъ братій и сестеръ своихъ по вѣрѣ и крови. Еще съ начала возстанія герцеговинцевъ и босняковъ, оно дружно отозвалось на приглашеніе къ пожертвованіямъ въ ихъ пользу. Когда поприще борьбы расширилось, и

сербскія и черногорскія войска начали вести борьбу славянства съ исламомъ, и когда, вслѣдствіе этого, увеличилось число страждущихъ братьевъ, оно болѣе прежняго воодушевилось благороднымъ порывомъ къ благотворительности несчастнымъ семьямъ возставшихъ. Благодаря проповѣднической дѣятельности архипастырей и пастырей, возбуждавшей и поддерживавшей на огромныхъ пространствахъ Россіи любовь къ возставшимъ противъ турецкаго ига славянамъ, составлялись громадныя средства славянскихъ комитетовъ.

Съ объявленіемъ Россіею войны Турціи, которая принята была на защиту нашихъ единовѣрцевъ, проповѣдническая дѣятельность духовенства приняла болѣе широкіе размѣры. Пастыри церкви, направляемые архипастырями, и своимъ словомъ и собственнымъ примѣромъ располагали прихожанъ къ пожертвованіямъ какъ въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ, такъ и на другія нужды дѣйствующей арміи. При всей своей матеріальной необеспеченности, наше духовенство бѣлое и монашествующее, по словамъ «Новаго Времени», собрало изъ своихъ средствъ пожертвованій по случаю войны свыше 600,000 р., не считая громадныхъ кучъ корпіи, бинтовъ, бѣлья и другихъ лазаретныхъ принадлежностей, приготовленныхъ въ женскихъ обителяхъ Россіи для больныхъ и раненыхъ воиновъ. Громадность вещественныхъ пожертвованій духовенства оцѣнится также свыше 600,000 р., если сосчитать всѣ издержки нашихъ монастырей по устройству больницъ, лазаретовъ и госпиталей въ при-монастырскихъ зданіяхъ, полное содержаніе въ монастырскихъ учрежденіяхъ больныхъ и раненыхъ воиновъ и обезпеченный пріютъ въ нѣкоторыхъ обителяхъ сиротъ—дѣтей, оставшихся послѣ геройской смерти павшихъ на полѣ битвы воиновъ.

Какъ громадны были пожертвованія во время минувшей войны, собранныя съ народа на обширномъ пространствѣ нашего отечества, при участіи пастырей церкви, объ этомъ мы говорить не будемъ; также не будемъ говорить и о томъ, какъ дѣйствовали пастыри въ этомъ случаѣ на своихъ пасомыхъ, а ограничимся только приведеніемъ одного факта, характеризующаго ихъ въ этомъ отношеніи. Благочинный 2 го благочинническаго округа Бугурусланскаго уѣзда, о. Цвѣтковъ, въ своемъ отчетѣ о состояніи церквей ввѣреннаго ему округа и причтовъ при нихъ во второй половинѣ прошлаго 1878 года, пишетъ между прочимъ, что духовенствомъ округа собирались пожертвованія деньгами и хлѣбомъ, въ пользу раненыхъ воиновъ и ихъ семействъ, преимущественно на Св. Пасху, во время хожденія съ иконами по домамъ прихожанъ. Каждый домохозяинъ, съ полною охотою и чувствомъ христіанской любви и братолюбія, приносилъ свою жертву на пользу своего ближняго—хлѣбъ и деньги; дѣлился хлѣбомъ сѣмяннымъ, тѣмъ самымъ, который онъ приготовилъ, по мѣстному обычаю, для поставленія на немъ св. иконъ и руконоснаго вѣста. Собранныя такимъ образомъ жертвы по приходу раздавались, съ согласія и указанія попечителей прихода, семействамъ солдатъ: хлѣбъ для обѣщененія полей, а деньги на обработку поля. Возвратившіеся съ поля военныхъ дѣйствій солдаты весьма были обрадованы, что о семьяхъ ихъ пеклись однообщественники, а на засѣянныхъ поляхъ оказалась хорошая жатва. Общая сумма денежныхъ пожертвованій, собранныхъ въ теченіе полугода духовенствомъ округа, кромѣ частныхъ пожертвованій, простиралась до 500 рублей съ лишнимъ. Часть этой суммы представлена правительству, часть роз-

дана на мѣстѣ солдатскимъ семействамъ, а часть оставлена для раздачи на первый разъ раненымъ воинамъ¹⁾.

Не ограничиваясь сборомъ пожертвованій въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ и на нужды бѣдствующей арміи, пастыри церкви и въ храмахъ и внѣ храмовъ разъясняли народу нашу родственную связь съ славянами, объясняли причины войны съ Турціею, дѣлились съ народомъ свѣдѣніями о ходѣ военныхъ дѣйствій. Поэтому въ храмы наши православные простолюдины спѣшили не только изъ желанія принести искреннюю молитву Богу за успѣхи русскаго оружія, но и затѣмъ, чтобы услышать слово пастыря объ этомъ предметѣ. На воскресныя и праздничныя собесѣдованія священниковъ съ прихожанами, которыя ведутся у насъ теперь во многихъ мѣстахъ, крестьяне приходили послушать не только религіозно-нравственныя бесѣды пастыря, но и получить отъ него свѣдѣнія съ театра военныхъ дѣйствій. Является по обыкновенію, говорить о. Цвѣтковъ, священникъ на собесѣдованіе, прочитаетъ дневное евангеліе или статью духовно-нравственнаго содержания, объяснить значеніе праздника, молитву. Народъ слушаетъ хотя и со вниманіемъ, но чего-то ждетъ еще отъ священника. »Батюшка, говоритъ кто-нибудь изъ собесѣдниковъ, ты читаешь газеты, поразскажи намъ что-нибудь про войну. Отъ сына, вотъ, давно вѣстей нѣтъ, живъ ли онъ?—А гдѣ онъ служитъ?—» Въ Лифляндскомъ полку.—Лифляндскій полкъ, какъ видно изъ газетъ, стоитъ за Балканами.—Тутъ протѣснится впередъ старушка, подастъ письмо, полученное ею отъ сына съ театра военныхъ дѣйствій, и проситъ прочитать его въ слухъ. Начинается чтеніе, всѣ слушаютъ со вниманіемъ, а въ письмѣ только и написано, что перечислены

---

¹⁾ „Церковно-Общ. Вѣстникъ“ № 29-й 1879 года.

десятки именъ родныхъ и знакомыхъ, которымъ кланяется воинъ до сырой земли, что онъ живъ и здоровъ и впредь уповаешь на Бога, да просить родительскаго благословенія, на вѣки нерушимаго... При чтеніи многіе плачутъ. Священнику, въ видахъ удовлетворенія пытливости собесѣдующихъ, приходилось иногда на долгое время оставаться на собесѣдованіи, читать выдержки изъ газетъ о геройскихъ подвигахъ нашихъ воиновъ и перечитывать по нѣскольку разъ не хитрыя письма воиновъ, полученные ихъ родными.

Кромѣ того, сознавая, что одни матеріальныя пожертвованія не составляютъ еще всего, въ чемъ имѣютъ нужду русскія войска, а также сознавая и то, что сообщеніе свѣдѣній о ходѣ военныхъ дѣйствій не можетъ охранить народный духъ отъ унынія въ случаяхъ неудачи, и что въ этомъ случаѣ нужна еще поддержка нравственная, благословеніе Божіе, архипастыри и пастыри возносили въ св. храмахъ молитвы ко всеблагому Богу о ниспосланіи побѣды русскому воинству, совершали напутственные молебны отправлявшимся войскамъ на театръ военныхъ дѣйствій, призывали прихожанъ къ благодарности Богу въ случаѣ успѣховъ русскаго оружія, и молились о подожившихъ жизнь свою русскихъ воинахъ за правое и святое дѣло, за освобожденіе славянъ изъ подъ турецкаго ига. Можно сказать съ увѣренностію, что русское православное духовенство въ минувшую войну вполне выполнило свою нравственную задачу.

Что касается военнаго духовенства, то оно, исполняя свои обязанности на полѣ брани, подъ градомъ пуль, явило рѣдкіе подвиги неустрашимости, самоотверженія и неутомимой заботливости о духовныхъ нуждахъ войскъ. Къ сожалѣнію, замѣчаетъ «Новое Время», о дѣятельности военнаго духовенства слишкомъ мало печатныхъ извѣстій.

Тогда какъ церковная лѣтопись о дѣятельности приходскаго духовенства за время русско-турецкой войны обезпечена для исторіи массою проповѣдей, рѣчей, архинастырскихъ воззваній, посланій и т. п. матеріала, въ изобиліи печатавшагося въ »Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ« и другихъ изданіяхъ,—лѣтопись о трудахъ военного духовенства на полѣ брани ограничивается немногими отрывочными корреспонденціями полковыхъ священниковъ. Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣній, что во время войны въ церковной практикѣ военного духовенства встрѣчалось множество интересныхъ случаевъ, эпизодовъ и фактовъ. Геройскіе труды полковыхъ священниковъ достойно отличены почетными наградами. Полковыхъ священниковъ, имѣющихъ за русско-турецкую войну 1877—1879 г. наперстные кресты на георгіевскихъ лентахъ (награда, замѣняющая духовнымъ особамъ орденскіе знаки св. Георгія), насчитывается въ настоящее время до 100 человѣкъ.

Въ заключеніе скажемъ, что полезные и благотворные труды русскаго православнаго духовенства въ минувшую войну Россіи съ Турціею почтены знакомъ Монаршаго вниманія и благоволенія. Государь Императоръ, въ 4 й день февраля сего 1879 года, »за доблестное и разнообразное на пользу, честь и славу нашего отечества дѣйствованіе православнаго духовенства во время минувшей брани«, выразилъ »искреннюю признательность Святѣйшему Правительствующему Синоду, преосвященнымъ архіереямъ, главнымъ священникамъ, настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей и всему православному русскому духовенству«.

Странники, ихъ псалмы и канты

(очеркъ изъ религіозной жизни русскаго народа).

I. Приступая къ описанію быта странниковъ, мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что подъ странничествомъ мы разумѣемъ не страническую себту, извѣстную подъ этимъ именемъ въ исторіи раскола, а явленіе, существующее въ средѣ православнаго нашего народа. Это странничество составляетъ особый подвигъ, принимаемый для спасенія души, подвигъ, нерѣдко соединяющійся съ подвигомъ юродства. Странники наши имѣютъ нѣкоторое сходство съ древнерусскими паломниками и калѣками переходящими: съ паломниками наши странники сходны въ томъ, что, по примѣру ихъ, предпринимаютъ путешествія ко св. мѣстамъ съ религіозною цѣлю; а съ калѣками они сходны въ томъ, что, подобно имъ, всю свою жизнь проводятъ въ путешествіяхъ. Но, при такомъ сходствѣ странничества съ древнимъ палонничествомъ и калѣчествомъ, между первымъ и послѣднимъ есть значительная разность, тогда какъ калѣки ходили и славили имя Божіе для снисканія себѣ пропитанія, наши странники имѣютъ свою цѣлю самое странничество. Милостыни они не просятъ, между тѣмъ имѣютъ все необходимое для себя отъ поданій христіанцевъ и пользуются этими подаваніями, какъ бы законною данію. Прежніе паломники предпринимали путешествія ко св. мѣстамъ вслѣдствіе обѣтовъ, по выполненіи которыхъ они снова становились въ рядъ обыкновенныхъ людей; между тѣмъ какъ странники весь свой вѣкъ путешествуютъ, и только на недолгое время останавливаются то у христіанцевъ, то въ монастыряхъ. О сами себя нерѣдко сравниваютъ съ птичкой Божьей, которая не знаетъ ни заботы, ни труда, не свиваетъ се

долговѣчнаго гнѣзда, вѣчно поеть только хвалу Божію, и Богъ одѣваетъ и питаетъ ее. Сравненіе довольно мѣткое, хорошо опредѣляющее характеръ и направленіе жизни нашихъ странниковъ. Почти всѣ они не имѣютъ своего крова, собственнаго дома и хозяйства, и постоянно почти гостятъ въ чужихъ мѣстахъ. Поживетъ странникъ недолгое время въ извѣстномъ мѣстѣ, пока не наскучитъ ему здѣшняя жизнь, и онъ отправляется далѣе, то на повлечение мѣстнымъ святынямъ русской земли, то на храмовые и другіе праздники въ сосѣдніе города и села. По дорогѣ у странника, долго упражнявшагося въ этомъ подвигѣ, есть извѣстныя станціи, знакомые ему благочестивые люди, которые даютъ ему, въ случаѣ нужды, пріютъ и пропитаніе и снабжаютъ его, чѣмъ Богъ послалъ, для дальнѣйшаго странствованія. Встрѣчая на своемъ пути товарищей по подвигу, странникъ сообщаетъ и имъ про странно-пріимныхъ людей и рекомендуетъ имъ домъ ихъ, какъ свой собственный. А гдѣ еще не проторена дорога для странниковъ, гдѣ они не знаютъ еще странно-пріимныхъ людей, тамъ навѣдываются объ этихъ людяхъ у ихъ односельцевъ и нерѣдко находятъ пріютъ въ домахъ священниковъ и церковно-служителей. Случается, что и сами странно-пріимцы, завидя божьяго человѣка, запрашиваютъ его въ свой домъ и угощаютъ его, какъ желаннаго гостя. А странника всегда легко узнать по смиренному его виду, длиннымъ волосамъ и по монашеской одеждѣ, посоху и дорожной сумѣ за спиной.

И недаромъ потратится христолюбивый человѣкъ, принимающій въ своемъ домѣ странниковъ. Живя въ какомъ нибудь захолустьѣ и погруженный въ сельско-хозяйственныя занятія, онъ хоть на короткое время отрѣшится отъ этихъ занятій, облегчитъ свою душу въ бесѣдѣ съ людьми божьими. А странники—большіе мастера бесѣдовать о душе-

спасительныхъ предметахъ и рассказывать видѣнное и слышанное ими, такъ что опытность нѣкоторыхъ странниковъ въ этомъ дѣлѣ заслуживаетъ иногда удивленія. Мы неразъ видали, какъ какой нибудь грамотный странникъ изъ мѣщанъ, исходившій всю Россію вдоль и поперекъ и имѣвшій разнообразныя столкновенія съ людьми, не только обнаруживалъ вѣрныя познанія относительно географіи, этнографіи и промышленности Россіи, но и пускался въ сужденія объ европейской политикѣ, вовсе не такъ наивныя, какъ бы слѣдовало, по видимому, отъ него ожидать. Но чѣмъ особенно наши странники располагаютъ въ себѣ христолюбивыхъ людей, такъ это своими »псалмами« и »кантами« духовнаго содержанія. Псалмы и канты эти выражаютъ собою такое или иное настроеніе религіознаго чувства, возбуждаемаго различными обстоятельствами человѣческой жизни. Въ нихъ есть и скорбныя тоны, вызывающіе слушателя на слезы и заставляющіе его выплакать накопившееся на душѣ горе; есть и энергическія воззванія къ грѣшной душѣ, чтобы она пробудилась отъ грѣховнаго сна на землѣ и искала вѣчнаго покоя на небесахъ; наконецъ, есть псалмы, воспѣвающія величіе Божіе и блаженство праведныхъ на небѣ. Неграмотные изъ странниковъ большею частію знаютъ эти канты наизусть, а грамотные имѣютъ ихъ на бумагѣ; тѣ и другіе во время странствованія все болѣе и болѣе увеличиваютъ запасъ такихъ кантъ и псалмъ. Странно-пріимцы тоже перенимаютъ ихъ или наизусть, или записываютъ, если они грамотны, въ особые сборнички. Намъ приводилось видѣть сборники, зяблывшіе въ себѣ до полутораста № №; тутъ найдутся канты, соотвѣтствующіе какому угодно душевному настроенію, и странники выбираютъ изъ нихъ такіе, которые подходили бы къ душевному настроенію пріотившаго ихъ странно-пріимца.

Нужно однако замѣтить, что не всѣ странники одного и того-же покроя и характера. Между ними существуетъ значительное различіе, опредѣляемое какъ условіями, вызвавшими на странничество, такъ и личнымъ характеромъ и развитіемъ каждаго странника. Разница эта доходитъ иногда до противоположности, и вслѣдствіе этого—до соперничества и вражды между странниками. Намъ пришлось встрѣчаться болѣе, чѣмъ съ двадцатью странниками, в личномъ опытомъ убѣдиться въ чрезвычайной разнообразности ихъ. Большая часть изъ нихъ принадлежала къ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ; незначительное меньшинство происходило изъ мѣщанъ. Въ низшихъ своихъ представителяхъ странничество сближается иногда съ раскольническими толками и мнѣніями и если не сложилось еще въ расколъ, то, какъ кажется, единственно только потому, что ихъ мнѣнія и бредни еще не систематизировались, остаются большею частію неизвѣстными нашему духовенству, не подвергаются ихъ опроверженіямъ и въ свою очередь не получили еще оппозиціоннаго характера. Но лучшіе представители странничества приближаются къ чистотѣ православнаго міровоззрѣнія. Послѣдніе принадлежатъ большею частію къ мѣщанству и свободнымъ сословіямъ, а первые принадлежали къ помѣщичьимъ крестьянамъ.

Странники изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ принимали на себя подвигъ странничества или по искреннему влеченію къ богоугодной жизни, или просто изъ желанія избавиться тягостей брѣвостнаго быта. Во всякомъ случаѣ, странники этого рода носятъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ брѣвостничества. Прежде всего этимъ людямъ предстояли большія затрудненія къ тому, чтобы посвятить себя на подвигъ странничества. Помѣщику невыгодно было лишиться работника, и потому онъ не давалъ ему паспорта

для свободнаго странствованія, такъ что любителю странничества оставалось уходить отъ помѣщика тайно и странствовать безъ паспорта. При такихъ условіяхъ, странникъ изъ крестьянъ постоянно находился въ страхѣ быть пойманнымъ и возвращеннымъ помѣщику, могъ странствовать только вблизи отъ мѣста своего жительства и постоянно скрываться. Нерѣдко случалось, что такихъ безпаспортныхъ странниковъ ловили и возвращали помѣщикамъ, которые наказывали ихъ и заставляли отбывать повинности, и въ рѣдкихъ только случаяхъ предоставляли имъ свободу странствовать, когда видѣли, что съ ними нельзя ничего сдѣлать, и утѣшались только мыслию, что получившій свободу странникъ будетъ молить за нихъ Бога. Но не у всякаго помѣщика можно было добиться свободы и не у всякаго изъ желающихъ странствовать доставало твердости воли и рѣшимости добиваться себѣ свободы путемъ указанныхъ истязаній и мытарствъ. Поэтому въ большинствѣ случаевъ крестьяне и крестьянки, желающіе спасенія души, не отваживались принимать на себя подвига вѣчнаго странничества и ограничивались только ношеніемъ полумонашеской одежды и періодическими путешествіями къ ближайшимъ святынямъ и на годовые праздники въ сосѣдніе города и села, а также принятіемъ странниковъ въ своихъ домахъ, пѣніемъ странническихъ псалмъ и кантъ и т. п. Но такіе люди извѣстны уже болѣе не подъ именемъ странниковъ, а подъ именемъ богомоловъ и богомоловъ.

Другую черту брѣвостничества отличающую странниковъ помянутаго разряда составляетъ отсутствіе грамотности, свойственное почти всѣмъ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ. Къ этому нужно прибавить еще то обстоятельство, что странники этого рода почти совершенно лишены возможности странствовать въ отдаленныя мѣста а слѣдов. и расширить свой кругозоръ опытами собствен-

ныхъ похожденій, и мы поймемъ, каковъ долженъ быть уровень развитія этихъ людей, претендующихъ иногда быть народными учителями въ дѣлѣ религіи. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе ихъ грубый, эгоистическій взглядъ на дѣло личнаго спасенія, которое притомъ они поставляютъ во внѣшнихъ дѣйствіяхъ и проявленіяхъ грубаго юродства. Странничество этихъ людей сопровождается иногда оставленіемъ своего собственнаго семейства на произволъ судьбы. Посвятивъ себя служенію Богу, или лучше спасенію своей души, странники этого рода считаютъ себя людьми Божиими, которымъ остальные смертные должны оказывать всякое вниманіе и уваженіе и не отказывать имъ ни въ чемъ. Намъ случилось видѣть одну старушку—странницу изъ крестьянокъ, которая любила распорядиться въ домѣ принявшихъ ее людей, какъ въ своемъ собственномъ, ворчала, бранилась, требовала себѣ того, что ей нравилось, и на отказы отвѣчала упреками, что они не даютъ ради Бога, а не ради ея. Другіе изъ подобныхъ странниковъ поступаютъ еще хуже, думая угодить Богу и спасти свою душу посредствомъ соблазна и искушенія другихъ. Крайне уродливо понятая заповѣдь христіанская о неосужденіи другихъ служить у нихъ поводомъ къ тому, что они намѣренно дѣлаютъ публичные грѣхи для того, чтобы ихъ осуждали другіе, въ той увѣренности, что грѣхъ снимется съ согрѣшившаго и перейдетъ на осудившаго. »Не судите, да не судими будете«, этимъ выраженіемъ Спасителя они прикрываютъ иногда свои пороки, дурныя наклонности и привычки. Мы видимъ, говорятъ они, какъ человѣкъ грѣшитъ, но не видимъ, какъ онъ молится и кается. А можетъ быть, что кающийся грѣшникъ святѣе насъ самихъ осуждающихъ и грѣшитъ только для того, чтобы мы его осудили; притомъ же грѣхъ нужно судить не по его наружности и внѣшнему

проявленію, а по духу и намѣренію допускающаго этотъ грѣхъ. Можно допустить какой угодно тѣлесный грѣхъ, но не участвовать въ немъ мыслию и духомъ, и грѣхъ не-виѣнится согрѣшающему. На этомъ основаніи одна странница—дѣвка, прижившая ребенка, нисколько не стѣснялась этимъ обстоятельствомъ и не потеряла своей репутаціи въ глазахъ своихъ собратій и странно-пріимцевъ. Одинъ странникъ изъ крестьянъ, отецъ семейства, принявшій на себя личину юродства, странствовалъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ ученицъ его дѣвицъ, находился въ подозрительныхъ отношеніяхъ къ нимъ и очень часто публично повторялъ свою любимую прибаутку:

Иванушко съ Моловыхъ
 Любить дѣвушекъ молодыхъ:
 У него только и родни,
 Что дѣвушки одни.

Эта прибаутка сопровождалась у него кривляньями и восклицаніями: »тѣль, тѣль, тѣль«! Другой странникъ, Степанушко ¹⁾, по слухамъ, оскпившій себя ради Христа, обыкновенно бѣгалъ въ красной или разноцвѣтной одеждѣ съ колокольчикомъ въ рукѣ, ѣлъ публично скоромное по постамъ и ходилъ въ баню съ женщинами. Народъ питалъ къ нему такое уваженіе, что испрашивалъ »для благословенія« лоскутки его одежды. Степанушко разрывалъ свои рубашки на клочки и раздавалъ ихъ своимъ почитателямъ. До чего можетъ доходить мистически настроенное воображеніе странниковъ изъ крестьянъ,—это можно видѣть на крестьянинѣ Аникѣ. Будучи болѣзненнымъ отъ природы, Аника былъ плохой работникъ у помѣщика, постоянно уклонялся отъ выполненія работъ и повинностей и наконецъ задумалъ спасти свою душу. Путемъ долгихъ и настой-

---

¹⁾ Странники съ примѣсю юродства обыкновенно называются уменьшительными именами: Иванушко, Степанушко и т. д.

чивыхъ усилій удалось ему отбиться отъ своего помѣщика, который наконецъ махнулъ на него рукой и предоставилъ жить, какъ ему угодно. Получивъ свободу, Аника присталъ сначала къ странникамъ, подучился немного грамотѣ, отпустилъ себѣ волосы и странствовалъ не вдалекѣ отъ своего дома. Вѣроятно, усвоенные имъ внѣшніе приемы странничества возбудили въ Аникѣ мысль, что онъ уже достигъ духовнаго совершенства и сдѣлался святымъ. Развиваясь болѣе и болѣе, это самообольщеніе дошло наконецъ до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что Аника вообразилъ себя Христомъ и сталъ подбирать себѣ учениковъ, чтобы отправиться съ ними на проповѣдь; но въ самомъ началѣ своей миссіи онъ былъ открытъ и отданъ въ руки властей. Къ чести остальныхъ странниковъ нужно замѣтить, что они пришли въ ужасъ, когда узнали о самозванствѣ Аники.

Съ прекращеніемъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и слѣдов. съ уничтоженіемъ общественныхъ условій, вызывавшихъ подобнаго рода странничество и опредѣлявшихъ его характеръ, должны исчезнуть и неграмотные странники—бродяги изъ крестьянъ, отличающіеся грубою и уродливостію своихъ воззрѣній; но едва ли уничтожатся странники другого рода, выходящіе изъ другихъ сословій, напр. изъ мѣщанства. Эти странники представляютъ собою болѣе отрадное явленіе въ религиозной жизни русскаго народа, хотя и они, по крайней мѣрѣ на первыхъ ступеняхъ своего подвига, ощупью, такъ сказать, идутъ къ дѣлу собственнаго спасенія и цѣлымъ рядомъ ошибокъ и заблужденій доходятъ до большей или меньшей чистоты христіанскаго міровоззрѣнія. Для примѣра сообщимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни одного знакомаго намъ странника и богомола изъ мѣщанъ,

А. А. Д.—Мать Д. въ молодости отличалась веселымъ характеромъ, который не оставлялъ ее и во время старости. Она имѣла двухъ сыновей и одну дочь. Младшій сынъ А. уродился въ мать: былъ рѣзвый и шаловливый мальчишъ. Въ отрочествѣ своемъ онъ однажды придралъ себѣ деревянныя крылья, взшелъ на гору и хотѣлъ было полетѣть вверхъ, но, бросившись со своими крыльями съ горы, полетѣлъ внизъ и, къ счастію, остался живъ. Достигнувъ зрѣлаго возраста, А. Д. отправился на промыслы въ Сибирь, просрочилъ тамъ свой паспортъ и былъ возвращенъ на мѣсто жительства по этапу. Это обстоятельство сильно подѣйствовало на молодого, живого и впечатлительнаго Д. и расположило его къ богоугодной жизни: онъ видѣлъ въ этомъ обстоятельствѣ наказаніе Божіе для себя и рѣшился искупить свои грѣхи покаяніемъ и подвижничествомъ. Начитавшись житій святыхъ, А. Д. построилъ себѣ въ родительскомъ огородѣ двѣ келійки, изъ коихъ одна служила постояннымъ его мѣстожительствомъ, а другая назначалась для покаянныхъ подвиговъ, во дни поста или во время діавольскихъ искушеній. Не довольствуясь этимъ, онъ ископалъ себѣ пещеру въ одномъ лѣску, опоясывающемъ ту самую гору, съ которой онъ нѣкогда хотѣлъ взлетѣть вверхъ. То былъ курганъ, носившій на себѣ слѣды искусственной обработки, съ которымъ доселѣ соединяются замѣчательныя устные народныя преданія. Курганъ этотъ, вмѣстѣ съ соседнимъ оврагомъ, отдѣляетъ село, въ которомъ жилъ Д., отъ древняго города, носящаго финское названіе, или лучше отъ соборной церкви этого города, окруженной валомъ. По мѣстнымъ преданіямъ, въ незапамятныя времена подступила къ этому городу дѣвка—татарка, предводительствовавшая татарскимъ войскомъ. Она велѣла насыпать помянутый курганъ, взяла громадную желѣзную палицу, встала на

курганъ и бросила этой палицей въ соборную городскую церковь. Громадная палица нисколько не повредила церкви и отскочила на лугъ, на которомъ образовалось послѣ этого бездонное озеро, существующее и до сихъ поръ. На курганѣ же до послѣдняго времени находятъ »чортовы пальцы« (окаменѣлости), свидѣтельствующіе о чудесномъ спасеніи города отъ дѣвки—татарки, и граждане этого города доселѣ употребляютъ слѣдующую, по ихъ мнѣнію, самую сильную клятву: »вотъ тѣ Церкви соборная!«—Вотъ, въ этомъ-то лѣску, опоясывающемъ собою подошву таинственнаго кургана, вырылъ себѣ А. Д. пещеру подъ корнями одного дерева, поставилъ въ ней распятіе, привѣсилъ лампаду и по временамъ удалялся въ нее отъ мірскихъ суетъ, для спасенія своей души. Долго ли, коротко ли спасался онъ въ этой пещерѣ,—одному Богу извѣстно. Однажды дьяконъ, односелецъ Д., отправился въ помянутый лѣсокъ нарубить себѣ жердей для огорода, какъ—быть сталъ рубить то дерево, подъ которымъ ископана была пещера Д., и провалился въ нее. Каково же было его изумленіе и ужась, когда онъ очутился въ пещерѣ, ископанной руками человѣческими! Не разсматривая подробностей обстановки пещеры, діаконъ побѣжалъ въ село и рассказалъ всѣмъ, что онъ открылъ кабую-то пещеру, по всей вѣроятности, убѣжище разбойниковъ; нужно было освидѣтельствовать, кто проживалъ въ этой пещерѣ, чтобы предпринять надлежащія средства. Послѣ молитвы избранные смѣльчаки вошли въ пещеру. Здѣсь нашли они распятіе и лампаду и только по этимъ признакамъ убѣдились, что то было не пещера разбойниковъ, а убѣжище какого нибудь угодника Божія. Общественное мнѣніе указывало на А. Д.—Нѣкоторые бобоязненные люди, послѣ этого, стали уважать его, какъ святаго чловека, а другіе сочли его за святошу и изувѣра и от-

носились къ нему съ насмѣшками и презрѣніемъ. Самъ Д. сконфузился неожиданнымъ для него открытіемъ его пещеры и замѣнилъ свой подвигъ отшельничества подвигомъ странничества.

Различныя тревоженія и неудачи на поприщѣ спасенія образумили нашего Д. и сгладили многія изъ крайностей его религіознаго увлеченія. Въ послѣдующее время нашъ Д., не забывая совершенно своихъ келзій, періодически отлучался въ недалекія странствованія, носилъ полумонашескую одежду и длинные волосы, называлъ своихъ сверстниковъ и сверстницъ братьями и сестрами, а старшихъ отцами и матерями, и любилъ пѣть въ церкви на клиросѣ, а дома—странническія псалмы и канты. Онъ и до сихъ поръ живетъ и отличается веселостью нрава, которая еще болѣе умѣряетъ крайности его аскетическаго настроенія.

Кромѣ Д., мы знаемъ и другихъ странниковъ изъ мѣщанъ. Мы незнакомы съ обстоятельствами ихъ жизни и потому не можемъ сказать, переживали ли они такіе же обстоятельства, какія пережилъ Д., но видимъ уже ихъ на той степени духовнаго развитія, на какой оставили Д. Подобно Д., и они носятъ полумонашескую одежду и длинные волосы, поютъ церковныя пѣсни и свои канты и псалмы и проч.; но отличаются отъ нашего Д. болѣею опытностію и большими свѣдѣніями. Объ этихъ-то людяхъ мы замѣчали выше, что они не только обнаруживаютъ вѣрные познанія относительно географіи, этнографіи и промышленности Россіи, но и пускаются въ сужденія объ европейской политикѣ. Что касается ихъ религіозныхъ воззрѣній, то они преимущественно выражаются въ духовныхъ псалмахъ и кантахъ.

РУКОВОДСТВО

Д Л Я

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
четыре руб., съ пересылкою пять № 31.
рублей сереб.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при кievской
семинаріи.

1879 года. Іюля 29-го.

Содержаніе. Пособіе къ уразумѣнію темныхъ мѣстъ молитвенника.—Странники, ихъ псалмы и канты.—На прощанье съ Палестиной.—Патмосъ (стихотворенія).—*Въ приложеніи*: Поученіе въ 8-ю недѣлю по пятидесятницѣ (окончаніе).—Поученіе къ поселянамъ по окончаніи жатвы.

Пособіе къ уразумѣнію темныхъ мѣстъ молитвенника.

Въ № 29 нашего журнала мы говорили, какъ необходимо людямъ, начинающимъ чтеніе свящ. Писанія, имѣть подъ руками краткое пособіе, которое бы разрѣшало вопросы, невольно возникающіе при первоначальномъ ознакомленіи съ свящ. книгами, и указали такое пособіе въ брошюрѣ, изданной однимъ изъ членовъ Высочайше утвержденного общества для распространенія свящ. Писанія въ Россіи. Надѣемся, что наши читатели вполнѣ оцѣнятъ эту брошюру, хотя пущенную въ продажу по чрезвычайно дешевой цѣнѣ, но весьма дорогую по своему содержанію. Недавно мы встрѣтили подобное же пособіе для чтенія молитвенника; далеко неизлишнимъ считаемъ ознакомить

нашихъ читателей и съ этимъ произведеніемъ.

Свящ. писаніе и молитвенникъ, употребляемый православными христіанами, находятся между собою въ тѣсной, неразрывной связи. Первое просвѣщаетъ умъ, второй питаетъ и развиваетъ религіозное чувство. Въ первомъ мы слышимъ голосъ Бога, бесѣдующаго съ нами, какъ съ дѣтьми своими, второй открываетъ возможность каждому изъ насъ бесѣдовать съ Богомъ, какъ съ своимъ отцемъ. При такой тѣсной связи обѣ эти книги равно необходимы для каждаго православнаго христіанина. Отсюда само-собою понятно, что и пастырь одинаково обязанъ заботиться какъ о распространеніи свящ. писанія между прихожанами, такъ и о распространеніи молитвенника.

Но если при чтеніи книгъ свящ. писанія, которыя теперь уже всѣ переведены на общепонятный языкъ, неизбѣжны затрудненія и недоумѣнія, требующія наставленій и руководства со стороны пастыря, то тѣмъ болѣе нужно это сказать о молитвенникѣ, который употребляется только на славянскомъ языкѣ. Притомъ славянскій переводъ его, кромѣ словъ и выраженій устарѣвшихъ, содержитъ много неточностей, крайне затемняющихъ смыслъ молитвъ даже для людей съ высшимъ, но не спеціально богословскимъ образованіемъ. Непростительно пастырю предоставить прихожанъ въ употребленіи молитвенника самимъ себѣ. Неудобопонятность многихъ мѣстъ у однихъ будетъ запинать молитвенное чувство, въ другихъ совсѣмъ охлаждать, а сынамъ вѣка сего можетъ открытъ даже поводъ въ глумленію надъ православіемъ. Но съ другой стороны надлежащее уясненіе молитвенника, при многосложныхъ пастырскихъ занятіяхъ, есть дѣло столь же трудное для пастыря, какъ и руководство прихожанъ въ чтеніи свящ. писанія. Въ этомъ случаѣ готовое пособіе къ уразумѣнію темныхъ мѣстъ молитвенника есть, можно сказать, для

пастыри находка, точно такъ какъ и рекомендованное нами пособіе при чтеніи свящ. писанія. Такое именно пособіе недавно мы встрѣтили въ журналѣ «Русская старина». Оно изложено въ письмѣ Преосвящ. Иннокентія Херсонскаго къ В. Кн. Константину Николаевичу, просившему у Высокопреосвященнаго Архiepiscopa разъясненія непонятныхъ мѣстъ въ молитвенникѣ.

Кажется, уже одно указаніе на имя достопочтеннаго автора сего произведенія достаточно свидѣтельствуешь о неоспоримыхъ достоинствахъ его; поэтому не считаемъ нужнымъ распространяться о нихъ. Замѣтимъ только, что преосвященный, приготовляя свое произведеніе для Высокой Особы, употребилъ все свое усердіе, чтобы сдѣлать его во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительнымъ. Онъ въ письмѣ къ В. Князю говоритъ: «такъ какъ темнота въ молитвенникѣ происходитъ не отъ самаго предмета, а отъ образа его изложенія, то есть, отъ неточности и устарѣлости славянскаго перевода, то для разсвѣнія ея естественно надлежало обратиться къ подлиннику греческому и еврейскому, что и сдѣлано мною съ возможною точностію... Гдѣ самый подлинникъ, особенно еврейскій, но глубокой древности языка и оригинальности выраженій не представлялъ желанной ясности,—тамъ призвана была мною на помощь свящ. археологія». Вся ученая работа, употребленная для истолкованія темныхъ мѣстъ, не приводится авторомъ, такъ какъ это, по словамъ его, только распространило бы примѣчанія и придало бы имъ школьный видъ; онъ излагаетъ одни результаты своей ученой работы, въ которыхъ и состоитъ существенная надобность.

Мы увѣрены, что издатели полезныхъ книгъ рано или поздно оцѣнятъ этотъ замѣчательный трудъ и поспѣшатъ распространить его для общей пользы. Но пока-то появятся у насъ особыя изданія его, мы считаемъ дол-

гомъ сообщить его въ полномъ составѣ приходскимъ пастырямъ, какъ имѣющимъ неотложную нужду руководить прихожанъ въ ихъ домашнихъ молитвахъ. Предлагая имъ это пособіе, мы однакоже признаемъ нужнымъ замѣтить, что въ настоящемъ видѣ оно не можетъ считаться настолько достаточнымъ, чтобы освобождало пастыря отъ дальнѣйшихъ трудовъ. Оно писано для Особы, высоко стоящей по образованію, и потому басається сравнительно не многихъ мѣстъ молитвенника, такихъ, которыя указаны были автору В. Княземъ, но, кромѣ ихъ, для людей умственно неразвитыхъ встрѣтится множество другихъ; да и самыя изъясненія, представленныя авторомъ, хотя они вообще отличаются образцовою ясностію изложенія, по той же самой причинѣ, не всѣ вполне могутъ быть усвоены простыми людьми безъ особаго руководства со стороны пастыря. Мы собственно предлагаемъ этотъ трудъ какъ образецъ для приходскихъ пастырей, какъ вести дѣло объясненія прихожанамъ темныхъ мѣстъ молитвенника. Этимъ трудомъ для нихъ путь теперь проложенъ; сдѣлать дополненіе къ нему, сообразно съ потребностями прихожанъ, или еще болѣе упростить заключающія въ немъ толкованія уже—дѣло легкое, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время въ нашей литературѣ не мало сочиненій, при помощи которыхъ можно сдѣлать такія дополненія. Желательно было бы, чтобы кто-либо изъ приходскихъ пастырей, идя по слѣдамъ преосв. Иннокентія, составилъ полное толкованіе молитвенника, пригодное для всякаго простолюдина.

Въ предлагаемомъ трудѣ преосв. Иннокентія толкованія расположены въ порядкѣ страницъ, которыя показаны по Кіевскому изданію молитвенника 1850 г.; нумерація въ началѣ стиховъ показываетъ именно эти страницы.

3. *Блажени испытующіи свидѣнія Его.*

Вникающіе съ усердіемъ въ повелѣнія Его.

— *Оправданія Твоя сохраню.*

Уставы Твои я буду соблюдать.

— *Въ чесомъ исправитъ юнѣйшій путь свой.*

Какимъ образомъ юноша можетъ управить съ успѣхомъ путь своей жизни?

— *Научи мя оправданіемъ Твоимъ.*

Уставамъ—заповѣдямъ Твоимъ, кои оправдываютъ человека, имъ слѣдующаго.

— *Въ заповѣдяхъ твоихъ поглумлюся.*

О заповѣдяхъ Твоихъ всегда буду размышлять съ удовольствіемъ.

4. *Рабъ же твой глумлящійся въ оправданія Твоихъ.*

А рабъ Твой продолжалъ размышлять о заповѣдяхъ Твоихъ.

5. *Отыми поношеніе мое, еже не щевахъ, яко судьбы Твои благи.*

Отврати отъ меня поношеніе, котораго страшусь; ибо судьбы Твои благи.

— *И хождахъ въ широть, яко заповѣди Твоя взыскахъ.*

Я ходилъ свободно, какъ по равнинѣ; ибо взыскалъ повелѣній Твоихъ.

— *И глаголахъ о свидѣніяхъ Твоихъ предъ цари и не стыдяхся.*

Буду говорить объ откровеніяхъ Твоихъ предъ царями и не постыжуся.

6. *Усырися, яко млеко, сердце ихъ, азъ же закону твоему поучихся.*

Огрубѣло сердце ихъ, какъ сгустившееся молоко, а я закономъ Твоимъ утѣшаюсь.

7. *Исчезаетъ во спасеніе Твое душа моя, на слова Твоя уповахъ.*

Исчезаетъ душа моя отъ желанія спасенія Твоего; на слова Твои я уповаю.

- *Исчезоша очи мои въ слово Твое, глаголюще: когда утѣшиши мя; зане быхъ, яко мѣхъ на слани, оправданій Твоихъ не забыхъ.*

Выглядѣлъ я глаза на слово Твое, говоря: когда же Ты утѣшишь меня? Сталъ я похожъ на мѣхъ въ сильномъ дыму (то есть содѣлался унылъ, дряхлъ и неспособенъ къ дѣлу); но уставовъ Твоихъ не забылъ.

- *Во вѣкъ не забуду оправданій Твоихъ, яко въ нихъ оживилъ мя еси.*

Во вѣкъ не забуду повелѣній Твоихъ, ибо Ты ими оживляешь меня.

Среда

Средина.

8. *Всякія кончины видѣхъ конецъ, широка заповѣдь Твоя зѣло.*

Я видѣлъ предѣлъ всего совершеннаго; но Твоя заповѣдь крайне обширна.

- *Наслѣдовахъ свидѣнія Твоя во вѣкъ, яко радостіи моего сердца суть.*

Я усвоилъ себѣ откровенія Твои на вѣкъ; ибо они составляютъ радость для моего сердца.

- *Истаяла мя есть ревность Твоя, яко забыша слова Твои врази мои.*

Ревность моя свѣдаетъ меня, видя, какъ мои враги забыли слова Твои.

- *Предварихъ въ безгодіи и воззвахъ, на словеса Твоя уповахъ.*

Съ греч. подлинника: во время безгодія и несчастія спѣшу къ Тебѣ и взываю, ибо на слова Твои я уповалъ.

Съ еврейскаго: предваряю разсвѣтъ и взываю къ Тебѣ: ибо на слова Твои уповаю.

19. *Разбогѣютъ красная пустыни.*

Затучиѣютъ пажити пустынные, то есть—сдѣлаются плодоносными.

— *Рцыте Господеви: коль страшна дѣла Твоя во множествѣ силы Твоея, солжутъ Тебѣ враги Твои.*

Рцыте Богу: коль страшенъ Ты въ дѣлахъ Твоихъ; по безмѣрной силѣ Твоей преклоняются предъ Тобою, хотя не искренно, самые враги Твои.

21. *Путесотворите возшедшему на запады.*

Равняйте—готовьте путь шествующему на западъ.

Съ еврейскаго: пустынею.

— *Царь силъ возлюбленнаго, красотою дому раздѣлити корысти.*

Царь воинствъ Возлюбленнаго дастъ власть раздѣлить добычи для украшенія дома.

Съ еврейскаго: цари воинствъ бѣгутъ, бѣгутъ, а сидящая дома дѣлитъ добычу.

— *Аще поспите посредъ предѣлъ.*

Когда вы успокоитесь въ своихъ предѣлахъ (то есть—по занятіи земли Ханаанской).

— *Внегда разнствитъ небесный цари на ней оснѣжатся въ Селмонѣ.*

Съ еврейск: когда небесный (Владыка) разсвѣтъ царей на землѣ (ханаанскихъ), то они (Израильтяне) будутъ блистать, какъ снѣгъ на Селмонѣ.

22. *Вскую нещуете горы усуренныя, гора, юже благоволитъ Богъ жити въ ней, ибо Господь вселится*

до конца.

Съ еврейск: что завистливо смотрите вы, горы холмистыя? Вотъ гора, на которой Богъ благоволилъ обитать, и на которой Господь будетъ жить вѣчно! (то есть—гора Сіонская, Іерусалимъ).

— *Колесница Божія тмами темъ, тысяща побужающихъ.*

Колесницъ Божіихъ тмы, тысячи тысячъ.

— *Рече Господь: отъ Васана обращу, обращу во глубинахъ морскихъ.*

Господь сказалъ: отъ (горы) Васана приведу, приведу изъ глубины морской.

— *Запрети звѣремъ тростнымъ, сонмъ юнецъ въ юницахъ людскихъ, еже затворити искушенная сребромъ.*

Укроти звѣря, живущаго въ тростникѣ (Египетъ), стадо воловъ съ тельцами народовъ (Сирію), чтобы они поверглись предъ Тобою съ слитками сребра.

Псаломъ LXVII, изъ коего выставлены пять предшествующихъ мѣстъ, есть одинъ изъ самыхъ трудныхъ къ разумѣнію, даже въ подлинникѣ еврейскомъ, по причинѣ неопредѣленности его предмета и множества намековъ на разныя малоизвѣстныя историко-географическія обстоятельства. Къ разумѣнію его можетъ служить истолкованіе псалма, изданное преосвящ. митрополитомъ московск. Филаретомъ.

23. *Углубохъ въ тмѣніи глубины и нѣсть постоянія.*

Я увязъ въ блатѣ глубокомъ и не на чемъ остановиться.

24. *Да не потопитъ мя буря водная, ниже сведетъ о мнѣ ровенникъ устъ своихъ.*

Да не увлечетъ меня стремленіе водъ, да не погло-

титъ меня пучина, да не затворить надо мною колодезь отверстія своего.

25. *Угодно будетъ Богу паче тельца юна, роги носяща и пазнокти.*

Сіе Господу пріятнѣе, нежели юный телець, у коего только показываются рога и раздвояются копыта.

Богородиченъ.

Пѣснь въ честь пресв. Богородицы.

Ірмосъ.

Съ греческаго —связь; такъ названы заглавные стихи въ каждой пѣсни канона, потому что ими опредѣляется порядокъ и размѣръ другихъ стиховъ, за ними слѣдующихъ.

- *Халдеи же опаляюще вельніе Божіе, мучителя увѣща вопити...*

Пламень, попавившій, по повелѣнію Божію, Халдеевъ (Вавилонянъ), побудилъ самаго мучителя. (Навуходоносора) дать славу Богу.

31. *Водитель милости извѣствованъ, яко Богъ милостивъ.*

Провозвѣщенная благожелательнице милости, яко божество премилосердное, трисвѣтлая единице и проч...

33. *Господоначальную Херувимъ и Богоначальную безъ сравненія Серафимъ.*

Начальствующую надъ Херувимами, подобно Господу, и надъ Серафимами, подобно Богу.

- *Упакои гласа.*

Упакои съ греч. значитъ *послушаніе*. Такъ называется стихъ, достойный особеннаго вниманія. *Гласъ* — особый напѣвъ, коихъ въ составѣ церковнаго пѣснопѣнія восемь. *Упакой гласа*, слѣдовательно, есть *упакой* того гласа, который въ извѣстную недѣлю поется въ церкви.

34. *Аще языкомъ неизбѣжныхъ и стропотныхъ и крѣпкихъ сътей обьяхомся.*

Или если чрезъ языкъ мы уловлены въ неудобноизбѣжныя, лукаво запутанныя и крѣпкія сѣти (врага).

44. *Яко положиши я хребетъ, во избытцѣхъ Твоихъ уготовиши лице ихъ.*

Потому что Ты сокрушилъ силу (хребетъ) ихъ; но, по избытку Своей благодати, Ты сохранишь лице ихъ.

47. *И начинаемъ шестопсалміе со всякимъ молчаніемъ и...*

То есть чтеніе избранныхъ шести псалмовъ съ особеннымъ благоговѣніемъ.

— *Пострадахъ и слякохся до конца.*

Я утрудился, согбенъ и поникъ чрезмѣрно.

49. *Яко отъ тука и масти да исполнится душа моя.*

Душа моя да исполнится тука (сытости) и елея (радости).

— *Предадутся въ руки оружія, части лисовомъ будутъ.*

Сражены будутъ ударомъ меча, достанутся въ добычу лисицамъ (шакаламъ).

54. *Въ понедѣльникъ перваго троична... а у прочихъ двою троичновъ глаголати.*

На утрени, когда поется *Аллилуія*, а не *Богъ Господь*, напр., во дни четырдесятницы, то вслѣдъ за симъ поются или читаются *троичны* — пѣсни во славу пресв. Троицы, заканчиваемыя словами: *святъ, святъ, святъ еси, Боже нашъ*, съ присовокупленіемъ въ каждый день недѣли особеннаго припѣва, напр., въ понедѣльникъ: *предстательствы безплотныхъ твоихъ*, въ среду: *силою креста твоего* и проч. Троичновъ по числу гласовъ пѣнія восемь.

62. *Ікосъ.*

Икосъ съ греческ. буквально *домъ*. Такъ называется пѣснь, непосредственно слѣдующая въ канонѣ за кондакомъ, въ которой подробнѣе и пространнѣе излагается мысль *кондака*, обыкновенно заключающаго въ себѣ изображеніе праздника или святаго только въ чертахъ общихъ.

64. *Аще убо пѣсть недѣля, по ирмосъ: достойно есть, аще же недѣля или полудней пѣтъ, по катавасіи ектенія.*

Если тотъ день, когда совершается служба, не есть воскресный, то, по окончаніи ирмосовъ, поется тотчасъ: *достойно есть*; если же будетъ воскресный или полудней (служеніе полупраздничное), то, послѣ ирмосовъ, поется катавасія (пѣснь, для которой сходятся оба хора на средину церкви), а за нею ектенія. *И свѣтиленъ.*

Свѣтильны суть особыя пѣсни, непосредственно слѣдующія за канономъ, въ коихъ содержится прошеніе о ниспосланіи свѣта чувственного и духовнаго; ибо вслѣдъ за ними, послѣ пс. (148): *хвалите Господа съ небесъ*, возглашается служащимъ: *слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ.*

66. *Ексапостиларія вся седмицы.*

Ексапостиларій—стихъ, для пѣнія боего высылался изъ клироса на средину церкви особый пѣвецъ; *вся седмицы* въ продолженіе всей недѣли.

Крестобогородиченъ.

Въ пѣсняхъ сего рода Богоматерь представляется при крестѣ оплакивающею страданія І. Христа.

67. *Троицу почитать святую, апостолы Спасовы.* Апостолы Спаса І. Христа, шедше, проповѣдали по всей подсолнечной истинно святое воплощеніе Христа отъ Дѣвы, обращая язычниковъ отъ заблужденій,

просвѣщая и поучая всѣхъ почитать св. Троицу.

Подобны.

Это пѣсни, составленныя по напѣву и размѣру *самогласновъ*, кои сами составлены безъ подражанія другимъ пѣснямъ, какъ по числу слоговъ, такъ и по напѣву.

Предсѣдателя мурликійскаго Николая.

Предстоятеля церкви въ Мурликин, духовнаго вождя паствы Мурликійской.

68. *Хвалите Господа отъ земли, огонь, градъ, сныгъ
»голооть«.*

Голооть—гололедица, иней и туманъ.

69. *Да восхвалятъ имя Его въ лицъ, въ тимпанъ и
псалтири да поютъ Ему.*

Да хвалятъ Его цѣлымъ хоромъ, на тимпанѣ и гусляхъ да бряцаютъ Ему.

80. *Тукъ свой затвориша, уста ихъ глаголаша гордыню.*
Они затворили сердце свое; устами своими говорятъ гордо.

81. *Смятохся отъ гласа вражія и отъ стуженія
грѣшника.*

Я смущаюсь отъ молвы вражеской, отъ притѣсненія нечестивыхъ.

85. *Не дастъ во вѣкъ молвы праведнику. Ты же, Боже,
низведши я въ студенецъ истлѣнія.*

Во вѣки не дастъ Онъ поколебаться праведнику. Ты же, Боже, низведешь ихъ (грѣшниковъ) въ ровъ погибели.

86. *Не убоишися отъ стрѣлы, отъ сряща и бѣса по-
луденнаго.*

Не убоишься ужасовъ ночи, стрѣлы летящей днемъ, отъ встрѣчи (съ заразою) и отъ злаго дыханія (вѣтра) полуденнаго (самума).

89. *И аще убо Богъ Господь нѣтъ есть, изобрази-
тельная илаголемъ здѣ.*

Изобразительный—служащій къ изображенію чего
либо. Служба изобразительныхъ есть братскій образъ
чего либо, потому и поется иногда вмѣсто обѣдни
и называется въ просторѣчій *обѣдницею*.

92. *Боже, и не предложиша Тебѣ предъ собою.*
(Гордые) не представляли Тебя предъ собою.

95. *Начало изобразительныхъ.*
Смот. выше.

97. *Заступи отъ житейскихъ страстей прилога.*
Защити отъ прираженія житейскихъ страстей.

99. *Кондакъ.*

Небольшой стихъ, въ которомъ кратко изложена
сущность праздника или жизнь и подвиги праздну-
емаго святаго.

*Аще же есть храмъ Господскій, илаголи первъ
храма.*

Если же храмъ (въ коемъ совершается служеніе)
посвященъ не святому, а воспоминанію о какомъ
либо событіи изъ земной жизни Господа Иисуса, то
читай прежде кондакъ храма; напр. въ Преображен-
скомъ храмѣ читай прежде: *на горѣ преобразился
еси* и т. д.

— *Яко шипокъ священнѣйшій отъ земли обрѣтеся.*
Какъ священнѣйшій цвѣтокъ...

— *Тезоименитому Твоему новому жителству.*

Новому жителству (христіанскому), тебѣ соименному
(Христосъ—христіане).

103. *Тебѣ молюся и Тебѣ милися дню.*

Тебѣ молюся и Тебя съ особеннымъ усердіемъ и
смиреніемъ прошу.

110. *За упованіе, отложенное намъ.*

По упованію, намъ предуставленному.

111. *Сотворивъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмоути намъ понести.*

Господь при искушеніи даетъ и облегченіе такъ, чтобы имѣть силу перенести его.

119. *Во исповѣданіе и велелъноту облеклся еси.*

Ты облеченъ величіемъ и благолѣпіемъ.

— *Тамо птицы возинъздятъ, еродіево жилище предводительствоуетъ ими.*

Тамъ птицы будутъ вить свои гнѣзда, жилище аиста предводительствуетъ ими.

121. *Стихословіе псалтыри.*

Чтеніе извѣстныхъ псалмовъ по стихамъ, расположенное по особенному правилу. Зри уставъ церковный.

122. *Пожерты быша при камени судіи ихъ.*

Разсыпались по каменнымъ утесамъ судіи ихъ. (2 Паралип. XXV, 12).

— *Услышатся глаголы мои, яко возмоуша: яко толща земли просъдеса на земли.*

Будутъ слышаны слова мои, поелику они возымѣли силу: багъ глыба земли, такъ они (грѣшники) распадутся по земли.

123. *Стихиры.*

Извѣстныя пѣснопѣнія, поемыя въ началѣ, срединѣ и подъ конецъ вечерняго служенія.

— *Снѣди сладкія видѣніемъ смерть исходаматахъ и страненъ ея ради Божія славы и жизни явихся.* Возрѣніемъ на сладкую снѣдь я стяжалъ себѣ смерть, и чрезъ нее (снѣдь) сдѣлался чуждымъ Божіей славы и жизни.

124. *Утоли пажить гръховную.*

Уничтожь во мнѣ то, чѣмъ, какъ на пажити, питается грѣхъ.

125. *Прокимны.*

Краткіе стихи, кои поются на утрени и на молебнахъ предъ чтеніемъ Евангелія, на литургіи предъ чтеніемъ Апостола, на вечерни послѣ *Свѣте тихій* и предъ чтеніемъ паремій. Иныя изъ нихъ называются *великими*, по особенной торжественности своихъ напѣвовъ.

127. *На стиховнь стихиры.*

Стиховны—стихиры: на вечернѣ, предъ *нынѣ отпускаеши*, и на утрени, предъ *благо есть*, называются такъ потому, что предъ ними (исключая первую стихиру) возглашается по стиху изъ псалмовъ.

— *Поношеніе гобзующихъ.*

Поруганіе отъ надменныхъ.

131. *Великій канонъ.*

Поется на великихъ повечеріяхъ 1-й недѣли великаго поста и въ среду 5-й недѣли. Твореніе св. Андрея Критскаго.

135. *Яко слышахъ гажденія многихъ, живущихъ окрестъ.*

Ибо слышалъ злорѣчіе отъ многихъ, живущихъ въ окрестности.

Настоящіе тропари.

Пѣсни, составленныя по размѣру и напѣву ирмосовъ.

142. *И кости моя яко сушило сохощася.*

И кости моя, какъ сушило (мѣсто, гдѣ что либо сушатъ), иссохли.

— *Уподобихся неясоти пустынный.*

Я сдѣлался подобенъ неясоти (пеликану) пустынной.

— *Бдѣхъ и быхъ, яко птица, особящаяся на здѣ.*

Не сплю и сижу, какъ одинокая птица (струфъ) на кровлѣ.

143. *Да напишется сіе въ родъ инъ и людѣ зиждеміи восхвалятъ Господа.*

Пусть напишется о семъ послѣдующимъ родамъ, и поколѣнія, имѣющія явиться на свѣтъ, будутъ хвалить Господа.

— *Не возведи мене въ преполовеніе дней моихъ, въ родъ родовъ лѣта Твоя.*

Не восхитъ меня (отъ среды живыхъ) въ половинѣ дней моихъ! Твои лѣта въ роды родовъ.

147. *Духъ Твой благій наставитъ мя на землю праву.*
Духъ Твой благій да руководствуетъ меня на землю правую (гдѣ живетъ одна правда и истина).

149. *Хвалите Его въ тимпанъ и лиць, хвалите въ кимвалъхъ восклицанія.*

Хвалите его съ тимпаномъ цѣлымъ хоромъ; хвалите въ кимвалахъ съ восклицаніемъ (во храмѣ Іерусалимскомъ были не только хоры пѣвчихъ, но и различныя музыкальныя орудія, какъ то: гусли, трубы, рога, литавры, цымбалы и пр.).

158. *Страстей мя смущаютъ прилози.*

Меня смущаютъ прираженія и нападенія отъ разныхъ страстей, напр. честолюбія, сребролюбія и проч.

159. *Богородице предвари и отъ бѣдъ избави насъ.*

Предвари, то есть—поспѣши избавить (еллинскій оборотъ рѣчи).

— *Страстей моихъ смущеніе кормчю рождшая Господа.*

Богоневѣсто! Ты, которая родила Господа—великаго кормчаго, утиши волненіе моихъ страстей и бурю согрѣшеній моихъ.

160. *Самъ ся издавъ смерти.*

Самъ себя добровольно предавшій во власть смерти.

— *Напастей рѣшащу молвы и налоги бѣсовъ отгоняющую.*

Я знаю, Дѣво, что Ты освобождаешь отъ множества

напастей и избавляешь отъ искушеній бѣсовскихъ.

170. *Соблюди насъ отъ всякаго мечтанія и темныхъ
сластей кромѣ...*

Сохрани насъ отъ всякаго (во снѣ) мечтанія и без-
сознательнаго темнаго сладострастія.

178. *Радуйся, Божественная ручко манны!*

Радуйся, Божественная рукоятъ манны.

— *Радуйся, адамово воззваніе.*

Радуйся, чрезъ которую Адамъ воззванъ (къ перво-
бытному блаженству).

179. *Да возведетъ человѣка, яко единъ силенъ, въ пер-
вое достойніе съ раствореніемъ.*

Дабы, какъ единъ Всесильный, чрезъ соединеніе въ
себѣ Божеской и человѣческой природы (съ раство-
реніемъ) возвелъ человѣка къ первоначальному его
достоинству.

180. *Канонъ благодаренъ, его же краегранесіе сицево.*

Канонъ—до слова съ греч.—правило; въ смыслѣ
церковныхъ пѣснопѣній канонъ есть собраніе irmo-
совъ со стихами, обыкновенно въ числѣ 8-ми, а иногда
4-хъ и 3-хъ. Краегранесіе (акростихъ стиха) есть
такой стихъ, котораго каждая буква служитъ по по-
рядку начальною буквою послѣдующихъ стиховъ
всего канона.

— *Живый и независтный источникъ.*

Независтный—ни въ чемъ не завидующій другимъ и
ни въ комъ не возбуждающій зависти, по безмѣрному
и для всякаго всегда готовому обилію своихъ водъ—
источникъ.

180. *Радуйся, стамно, маннуносящая.*

Радуйся, сосуде, маннуносящій.

183. *Отъ тебе роса укану.*

Отъ тебя роса ниспаа.

— *Пристанище намъ буди влающимъ.*

Будь пристанищемъ для насъ, обуреваемыхъ волнами моря (житейскаго).

185. *Радуйся, еже како ни единого же научившая!*

(Радуйся, свѣтъ неизреченно родившая!) Радуйся, никого не научившая, какъ совершилось это рожденіе!

— *Радуйся, ниво, растящая гобзваніе щедротъ.*

Радуйся, нива, произращающая обиліе щедротъ.

187. *Радуйся, тмѣніа изимающая дѣль.*

Радуйся, освобождающая отъ нечистоты грязныхъ дѣлъ.

190. *Витіа многогъщанная, яко рыбы безгласная видимъ.*

Витій многорѣчивыхъ мы видимъ, какъ рыбъ безгласныхъ, когда имъ нужно говорить о Тебѣ.

191. *Радуйся, Ты бо наказала еси окраденная умомъ.*

Радуйся, Ты, которая просвѣтила скудныхъ умомъ! (еллинскій оборотъ рѣчи).

— *Радуйся, тлителя смысловъ упраздняющая.*

Радуйся, приводящая въ ничто растлителя умовъ (діавола)!

201. *Исхити мя изъ руки льстиваго Веліара.*

Веліаръ—идолъ языческій; въ переносномъ смыслѣ—діаволъ.

218. *Студныхъ помысленій во мнѣ точитъ.*

Какое—тинистое и грязное блато, отлучающее умъ мой отъ Бога, источаетъ изъ себя во мнѣ постыдныя мысли! Заступниче мой, иссуши его во мнѣ.

220. *Облечеса псаломски изъ Тебе, Богомати, въ краснѣйшее благолѣпіе.*

И облечся, какъ въ псалмѣ (92) сказано, изъ Тебя, Богомати, въ краснѣйшее благолѣпіе (во святую плоть).

221. *Милуя стeneши и сътуеши и дряхлуеши, посу-
ленія исполненъ, Избавителю мой.*

Милуя, стенаешь, сътуешь и скорбишь, и видъ Твой
долю преклоненъ, Защитниче мой.

— *Ставиломъ дубравы и горы мѣриломъ разума
поставивый.*

По ставилу (орудіе для правильного установленія чего
либо) устроившій дубравы и по мѣрилу—своего ра-
зума—горы.

228. *И отъ онудными свѣтлостями облиставаеми, и
свѣтолѣтїи вѣчно сіяюще и свѣти бывающе вторїи.*

Безплотные ангелы Божїи, престолу предстоящіе, и
истекающими оттуда сіяніями просвѣщаемые, и вѣчно
сіяющіе обиліемъ свѣта, посему и сами—вторые
свѣты...

— *Свѣта исполняеми и свѣщи сообращаеми, при-
лично показуеми.*

Полные свѣта, и яко свѣтильники одинъ къ другому
соображающіеся, и въ стройномъ чинѣ являющіеся.

— *Тропарь.*

Пѣснь, содержащая самый краткій обзоръ жизни свя-
того или событій праздника.

231. *И веселіе бысть во спасенїи твоємъ безвѣщномъ,
вопїющимъ...*

И веселіе бысть во спасенїи твоємъ невещественнымъ
(духамъ), вопїющимъ Тебѣ...

234. *Въ купинѣ огнемъ Приснодѣвы Моисееви тайну
явльшаго.*

Открывшаго тайну Приснодѣвы Моисею въ горячей,
(по несгорающей), купинѣ (кустѣ терновомъ).

246. *На стиховнѣ стихиры самогласны.*

Пѣсни самогласныя, то есть составленныя безъ под-
ражанія другимъ, какъ по числу слоговъ, такъ и по

напѣву.

— *Воскресни, Господи, въ покой Твой, Ты и кивотъ святыни Твоея.*

Стань, Господи, на мѣстѣ покоя Твоего, Ты и ковчегъ святыни Твоей.

249. *Постиже руку досадительнаго дерзаго, утѣченіемъ судъ нанесъ.*

Буйныя руки дерзкаго (Афеонія) судъ постигъ, утѣченіемъ ихъ Богу, ко славѣ своей, сохранивъ честь одушевленнаго своего кивота, въ немъ же слово плоть бысть (Этотъ еврей Афеоній устремился на несомый апостолами гробъ Богоматери, чтобы опровергнуть его; но руки его, какъ только прикоснулись ко гробу, отпали отъ своего тѣла).

— *Отъ мертвыхъ чреслъ произведшися, естествомъ подобна, чистая, исхожденіе разрыши.*

Родившись отъ смертныхъ чреслъ, чистая, Ты совершила исходъ (подверглась смерти) сообразно естеству (человѣческому), а, какъ породившая истинную жизнь, Ты представилась въ жизни божественной и упоасной.

250. *Испражненіе преходящее земная, яко чудна дѣла Твоя.*

Чудно было видѣть одушевленное небо Царя всѣхъ проходящимъ всѣ пространства земныя, яко чудны дѣла Твои.

251. *Сосудъ подобаше избранный птіемъ Ти весь удивляемъ, Дѣвице, исходенъ, весь освященъ Богови...*
На пѣснопѣніе во славу Твою, Дѣво, подобалъ сосудъ избранный, полный восторга, весь внѣ себя отъ радости и проч.

252. *Безстудный ярости же и огню божественное желаніе сопротивлялся, огонь убо орошаше, ярости*

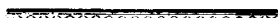
же смѣющаяся, Богодухновенною словесною преподобныхъ тривѣщанною цѣвницею противовѣщая мусикійскимъ органомъ, посреде пламене: препрославленный отецъ и нашъ Боже, благословенъ еси. Любовь къ Богу, сопротивляясь лютой ярости (мучителя) и огню, росой охлаждала огонь, а ярости посядалась; на громъ музыкальныхъ орудій, изъ среды пламени, она противуотвѣчала богодвижимою, словесною, троезвучною цѣвницею святыхъ: благословенъ Ты, великій славою, Боже нашъ и отецъ!

255. *На хвалитехъ стихиры.*

Пѣсни, кои поются на утрени по канонѣ и по прочтеніи псалма: *хвалите Господа съ небесъ.*

259. *И еже по образу окаляхъ, чистая, и по подобію.*

О, несчастный я! Въ гордынѣ ума моего, Пречистая, я осквернилъ то, что есть во мнѣ по образу и подобію Божію, и куда теперь обращаюсь? но Ты, Дѣво, защити и помоги мнѣ.

Странники, ихъ псалмы и канты¹⁾.

II. Странническія псалмы и канты преимущественно распѣваются грамотными странниками изъ мѣщанъ; любимую ихъ псалмою служитъ псалма о духовномъ странничествѣ, выражающая ихъ идеальныя стремленія. Вотъ эта канта:

Что ты спишь, душе моя,
 Неиробуднымъ грѣшнымъ сномъ,
 Почиваешь, грѣшная,

---

¹⁾ См. № 30.

На краю погибельномъ?
 Гостейка ты въ міръ семъ
 Съ горнихъ, дальнихъ, лучшихъ странъ;
 Тамъ отечество твое,
 Не забудь же свой талантъ!
Странница ты на землѣ,
 Вовсе чуждой для тебя, —
 Не засни въ чужой странѣ,
 Не просни, мой другъ, себя!
 Путница ты на пути;
 Тѣсенъ путь, далекъ, высокъ,
 Но его назначилъ Богъ,
 И тебѣ должно идти.
 Смертные товарищи,
 Друзья, братья и сестры,
 Ваши дѣды, прадѣды, —
 Всѣ туда уже ушли,
 И тебѣ пора идти
 Съ полной вѣрой и живой,
 Держись праваго пути
 Къ вѣчной родинѣ святой!
 Весело тамъ будетъ жить
 Въ домѣ мудраго отца,
 Вѣчну сладость, радость пѣть
 Бога, твоего Отца.
 Полно спать, душе моя!
 Вспомни небо, свѣтлый рай,
 Вспомни, другъ, Создателя,
 Вспомни свой родимый край!
 Тамъ архангелы поютъ,
 Тамъ блаженства нѣтъ конца,
 Они всѣхъ къ себѣ зовутъ
 Славить щедраго отца.

Такъ и мы пойдемъ съ тобой,
 Другъ, безсмертная душа,
 И возмемъ елей съ собой
 Встрѣтить свѣтлаго Царя.

Эта псалма чаще всего употребляется странниками, и нужно видѣть и слышать, съ какимъ восторгомъ и паѳосомъ они поютъ ее.

Остальныя странническія псалмы и канты представляютъ изъ себя, можно сказать, дальнѣйшее развитіе мыслей и чувствъ первой псалмы: онѣ изображаютъ различныя состоянія души, стремящейся къ духовному совершенству. Въ однихъ изъ нихъ еще замѣтенъ осадокъ привязанности къ міру и скорбь по случаю бѣдствій сего міра; въ другихъ рекомендуется оставить мірскія прелести и утѣхи въ виду мукъ, предстоящихъ грѣшникамъ на томъ свѣтѣ; въ иныхъ воспѣваются вѣчныя награды праведникамъ на небесахъ и величіе Божіе, какъ источникъ всѣхъ небесныхъ радостей. Скорбію о потерянныхъ радостяхъ міра отзывается слѣдующая псалма:

Ахъ, несчастная моя доля,
 Что досталось вѣкъ страдать!
 Живучи я противъ воли,
 Гдѣ отрады мнѣ искать?

Такъ какъ редакція этой псалмы, которою мы пользуемся, довольно искажена; то мы приведемъ изъ нея только нѣкоторые отрывки.

Видно, вѣкъ въ слезахъ я проживу,
 Нѣтъ надежды къ утѣшенью,
 А все, къ несчастью моему,
 Ничего нѣтъ облегченья

Нѣжду сердцу моему.
 Сердце ноетъ, грудь страдаетъ...
 Дни цвѣтушіе проходятъ,
 А я въ горести живу.
 Злы напасти не отходятъ,
 Повсечасно новыхъ жду:
 Лишь одна напасть проходить,
 А другая настаетъ,
 Полно мнѣ слезами омываться,
 Жить въ мученьи, какъ въ огнѣ!
 Ты, Владыко надъ сердцами,
 Помогай несчастной мнѣ!
 Ахъ, судьба моя презлая,
 Въ коей я зарождена!
 Такъ на что ты меня мучишь,
 Иль на то я рождена?
 За слезой слеза катится,—
 Боже, будетъ ли конецъ?

Конецъ страданіямъ будетъ только на томъ свѣтѣ:
 Тамо съ Богомъ нѣтъ разлуки,
 Вѣкъ въ весельи буду жить.

Другая канта такъ же жалуется на суету и обманчивость міра, но преобладающій элементъ въ ней—обращеніе къ Богу и надежда на Него.

Нынѣ, нынѣ я печаленъ,
 Нынѣ радости лишенъ,
 Я остался безотраденъ,
 Провождаю дни въ слезахъ;
 Безпрестанно воздыхаю,
 Токи слезъ лію изъ глазъ;
 Крѣпко въ перси ударяю,
 Вознося къ Творцу мой гласъ:

Ты услышь мое стenanье,
 Боже мой, Небесный Царь!
 Призри на мое страданье,
 Укрѣпи безсильну тварь!
 Ты въ бѣдахъ мнѣ будь отрада,
 Непостижный въ небесахъ!
 Ты избавь меня отъ ада,—
 Вопію къ Тебѣ въ слезахъ.
 Ты унылыхъ ободритель,
 Неба и земли творецъ,
 Будь въ скорбяхъ мнѣ покровитель,
 И заступникъ и отецъ.
 На Тебя я уповаю,
 О всесильный Боже мой!
 И съ надеждою взываю:
 Защити въ печали злой!
 Не боюсь я напасти,
 Если будешь Ты со мной.
 Разоритель адской власти,
 Управляй моею судьбой!
 Ты утѣшь мой духъ смущенный!
 Я, грѣхами отягченный,
 Прибѣгаю въ Твой покровъ.
 Ты услышь мое моленье,
 Съ небеси мой гласъ вземли,
 Дажь блаженно мнѣ владѣнье,
 Тамо жить мнѣ повели!
 Умъ плѣнился мой Тобою,
 Управителю сердець!
 Духъ стремится мой къ покою,
 Гдѣ печалямъ всѣмъ конецъ.

Подобнаго содержанія другая псалма:

Боже, жизнь мою управи

Всемогущею рукой,
 И отъ бѣдъ меня избави,
 Даруй въ жизни мнѣ покой!
 Боже, зри мое смиренье,
 Зри мои плачевны дни,
 Зри мое Ты огорченье,
 И меня не обвини,
 Что я смертна тварь дерзаю
 Говорить съ моимъ Творцемъ,
 И что грѣшный называю
 Безпорочнаго Отцемъ.
 Покажи мнѣ путь къ спасенью,
 Въ сердцѣ утверди законъ,
 Ухо приклони къ моленью
 И услышь мой тяжкій стонъ!
 Всю надежду полагаю
 На тебя, всещедрый Царь,
 И всегда къ Тебѣ взываю,
 Не надѣясь на тварь.
 Боже, Ты меня не остави,
 Коль оставилъ человѣкъ,
 И отъ бѣдъ меня избави,
 И храни меня во вѣкъ!
 Не на то даны дни вѣка,
 Чтобъ другъ друга намъ губить:
 Человѣку человѣка,
 Творче, Ты велѣлъ любить.

Въ этому же разряду псалмъ можно отнести псалмъ:
 »Жертву Богу приношу, благодати я прошу: Господи,
 помилуй созданіе Твое«, и плачь Іосифа, начинающійся
 словами: »Кому повѣмъ печаль мою«¹⁾.

---

¹⁾ См. послѣднюю канту въ сборникѣ Безсонова „Калѣки
 переходіе“.

Всѣ эти псалмы, можно сказать, только примиряютъ человѣка съ земными печалями и бѣдствіями; за то другія псалмы совѣтуютъ забывать прелести міра сего и не прилѣпляться къ нимъ, и совѣты свои мотивируютъ Божиимъ наказаніемъ, какое неминуемо постигнетъ грѣшниковъ, и мыслію о смерти и послѣднемъ судѣ. Вотъ отрывки нѣкоторыхъ изъ сего рода псалмъ:

Чу уныло завываетъ
Томный звонъ колоколовъ!
Знать роднаго провожаютъ,
Спать въ долину средь гробовъ.

Отъ смерти ближняго пѣвецъ переноситъ мыслію къ своей собственной смерти:

И за мною смерть съ косою
Ходитъ бодренно, не спитъ.
Она ходитъ, назираетъ,
Чтобы снять съ кого главу.
Она съ бѣднаго снимаетъ
И богатыхъ нещадитъ...
Такъ на чтожъ я сучуся,
Когда участь такова,
Когда въ землю возвращуся,
Какъ суха—суха трава?

Другая псалма начинается такимъ образомъ:

Увы плачевно провожаю
Жизнь мою на свѣтъ семь,
Рай, блаженство забываю
И всея красоты въ немъ.
Я предалъ себя забавамъ,
Подражаю суетамъ,
И злодѣйскимъ своимъ нравомъ

Жизнь мою въ грѣхахъ веду.

Между тѣмъ за всякимъ человекомъ смерть бродитъ,
какъ тать, чтобы нечаянно похитить его жизнь:

Какъ класы пожинаетъ
Вельможей и царей,
Какъ вѣтки посѣкаетъ
Отъ вѣка смерть людей.
Ни златомъ, ни дарами
Ее не обольстишь;
Ни теплыми слезами
Возможно умолить;
Ни царскія палаты,
Ни воинскій булатъ,
Ни лукъ, ни мечъ, ни латы
Отъ ней не защитятъ.
Въ пещерѣ ли мнѣ скрыться,
Гдѣ свѣту невидать,—
Отъ смерти несокрыться,
Никакъ неизбежать.
Отъ смертныхъ я родился,
Мнѣ должно умереть.
Что въ жизни? Чѣмъ ни льститься,—
Все долженъ я презрѣть.
И я умру, о Боже!
Какъ бранный человекъ:
Гробъ тѣлу будетъ ложе,
А духу иной вѣкъ.

Самый исходъ души изъ тѣла и посмертный судъ на томъ свѣтѣ описывается въ слѣдующей кантѣ:

Съ другомъ я вчера сидѣлъ,
Нынѣ къ смерти мой придѣлъ.

О горе мнѣ великое!

Плоть мою во гробъ кладуть,
Душу же на судъ ведутъ.

О горе мнѣ великое!

За тѣмъ описываются результаты Божіаго суда:
Милости не будетъ тамъ,
Не помилованъ я самъ.

Душа, осужденная на мученіе, проходитъ мимо царства небеснаго:

Мимо царства прохожу,
Слезно плачу и кричу:

О горе мнѣ великое!

Образъ страшнаго суда представляетъ собою всемірный потопъ, который составляетъ содержаніе особой псалмы:

Потопъ страшный умножался,
Народъ, видя, испужался.

Гнѣвъ идетъ, и проч. ¹⁾.

Въ виду тѣнноти мірскихъ благъ и страха будущихъ мученій, нѣкоторыя псалмы рекомендуютъ стоять въ этой жизни на стражѣ креста Христова:

Пребуди при крестѣ Иисуса,
О бѣдная душе моя!

Да въ день тяжкаго искуса
Не помрачится мысль твоя.

Ты въ юдоли сей пустыни
Не безопасна никогда.

Воюй же со врагами нынѣ,
Чтобы стяжать вѣнецъ тогда,
Когда ты вѣрой и любовью,

---

¹⁾ Калѣки Перехожіе, Бозсонова, вып. 6, стр. 3 и слѣд.

И скорбью на путяхъ креста,
Омытая завѣтной кровью,
Покой заслужишь отъ Христа. —

Бодрствованіе на стражѣ спасенія частиѣе опредѣляется различными подвигами, особенно пустынно-жительствомъ:

Я въ пустыню удаляюсь,
Отъ мірскихъ бѣгу суетъ,
Тою мыслью утѣшаюсь,
Что спасенья въ мірѣ нѣтъ, и проч.

Другая псалма говоритъ о томъ, какъ —

Совѣталася свята братья
Во единъ тайный совѣтъ

о томъ, чтобы угодить Богу, какъ она удалялась въ пустыню и зарывалась здѣсь рудожелтыми песками. Третья канта въ примѣръ пустынно-жителей указываетъ на Варлаама и Іоасафа и начинается словами:

Изъ пустыни старецъ
Въ царскій домъ приходитъ,
Онъ съ собой приноситъ

Камень драгій, и проч. ¹⁾).

Немаловажнымъ поощреніемъ къ подвигамъ покаянія и спасенія является въ псалмахъ раскрытіе евангельской притчи о заблудшей овцѣ, которую пастырь отыскалъ, взялъ на рамо и принесть къ отцу своему:

Гдѣ ты, агница, сокрылась,
Та, которую люблю,
И отъ пастыря отлучилась?
О душѣ ея скорблю.
Агница моя, найдися,
Пастырь ищетъ твой тебя,

---

¹⁾ Тамъ же, вып. 3, стр. 734.

И къ тому ты возвратися,
 Съ неба сшелъ кто за тебя!
 Агница моя не внемлетъ,
 Дальше отъ меня бѣжить;
 Но какъ пастырь ея не дремлетъ,
 О душѣ ея скорбитъ!
 Вы, луга, лѣса и рѣчки,
 Рцыте вашему творцу,
 Невидали ли овечки,
 Гдѣ овечку я сыщу?

Чѣмъ ближе мысль странниковъ касается заслугъ Искупителя, тѣмъ она становится успокоительнѣе и торжественнѣе. Душа, вкусившая сладости безцѣнныхъ заслугъ Искупителя, хочетъ войти во внутреннее, таинственное общеніе съ Нимъ и имѣть Его своимъ вождемъ и руководителемъ жизни:

Безцѣнный мой Спаситель,
 Приди царемъ въ мой домъ!
 Ты, Богъ, будь въ немъ властитель,
 Душѣ Ты будь вождь!
 Узналъ я уязвленный
 Твою любовь къ себѣ.
 О, сколь Ты благъ, безцѣнный,
 Сколь счастливъ я въ Тебѣ!
 Въ Тебѣ когда бываю,
 Всего земнаго чуждъ;
 Весь въ небо улетаю,
 Ни въ чемъ не знаю нуждъ.

Очень часто также можно услышать отъ странниковъ извѣстный гимнъ:

Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ и проч.

Къ этому же роду хвалебныхъ, торжественныхъ кантъ можно отнести хвалебную канту Богородицѣ:

На горахъ Сіонскихъ
Завѣтъ положенъ, и проч. ¹⁾.

Наконецъ, есть канты, воспѣвающія блаженство праведныхъ на небесахъ и обители Христовы, какъ напр. канта, начинающаяся словами:

Грядите вы, невѣсты,
Въ чертоги небесны и проч.

Вотъ кругъ странническихъ псалмъ и кантъ, слышанныхъ нами въ разныя времена отъ странниковъ и частію записанныхъ нами на память, частію заимствованныхъ изъ двухъ имѣющихся у насъ небольшихъ странническихъ сборниковъ псалмъ и кантъ. Чтобы дать имъ болѣе полную и вѣрную оцѣнку, скажемъ нѣсколько словъ объ ихъ происхожденіи.

---

¹⁾ См. эту канту въ сборникѣ Бозсонова „Калѣки Перехожіе“ вып. 4, стр. 5 и сл.

На прощанье съ Палестиной

(въ виду Яффы).

И такъ, на родину!.. Кругомъ сверкаетъ море
И манитъ свѣжестью лазурнаго пути;
А мнѣ такъ тяжело... въ душѣ печаль и горе,
И больно мнѣ сказать послѣднее »прости«!

Кому прости!? Тебѣ, святая Палестина,
Тебѣ, носившая пророковъ и Христа!
Отъ дѣтскихъ лѣтъ къ тебѣ влекла меня,
какъ сына
Къ далекой матери, любимая мечта.

И вотъ свиданіе продлилось больше года,
 И вотъ прощаніе настало для меня:
 Зачѣмъ же горько такъ гляжу я съ парохода?
 Въ душѣ печаль... о чемъ? боюсь сознаться я.

—

И нѣтъ печали той ни выхода, ни мѣры...
 Болитъ душа моя, остывшая отъ лѣтъ...
 Какъ мало въ ней и здѣсь святой любви и вѣры!
 Какъ горько правъ былъ ты, великій нашъ поэтъ! ¹⁾.

—

Вотъ цѣлый долгій годъ рисуется мнѣ смутно,
 Какъ эта длинная песчаная коса:
 Ни домика на ней, ни зелени уютной,
 Лишь пятна темныя бросаются въ глаза.

—

И ту морская ширь какъ будто поглощаетъ,
 И ту вотъ наконецъ теряю изъ очей:
 Вотъ такъ и жизнь меня охватить, забросаетъ,
 И палестинскій годъ замретъ въ немного дней...

—

Гляжу на край святой съ единой малой данью
 Съ любовью передъ нимъ, съ печалью о себѣ...
 Ужъ море между насъ лежитъ широкой гранью, —
 Увидимся ль еще? И въ лучшей ли судьбѣ?

—

Ахъ, зыбь душевная сильнѣй, чѣмъ зыбь мор-
 ская!

---

¹⁾ Гоголь: „Еще никогда не былъ я такъ мало доволенъ состояніемъ сердца своего, какъ въ Іерусалимѣ и послѣ Іерусалима« (изд. 1857 г. VI, 460).

Вздыхая, ваяся, томительно скорбя,
И, можетъ быть, на вѣвѣ святыню покидая,
Послѣднее »прости« твержу я про себя.

Прости, еще прости! прощаюся часть цѣлый
И все отъ берега отвести не въ силахъ глазъ,
И чуть замѣтные священные предѣлы
Цѣлую мысленно еще единый разъ.

Порой, за дальнія смѣющія ея горы,
Туда, гдѣ высится великихъ танихъ градъ,
Еще летятъ мои тоскующіе взоры,
Еще бы пасть предъ нимъ, заплакать былъ бы
радъ.

Хоть вѣра шепчетъ мнѣ, что вся земля—Го-
сподня,
И духомъ, истиной найдешь Его вездѣ;
Но сердце бѣдное одно твердитъ сегодня,
Что гроба Господа другого нѣтъ нигдѣ.

И весь священ. край, въ прощальное мгновенье,
Наводитъ на сердце угрюмостью своей
Такую грусть-тоску, такое умиленье,
Что лучше многихъ благъ и радостей людей...

Благословижъ меня, незримый ангель края,
Благослови, прости, любовію покрой!
О, много-много разъ, живя и умирая,
Твой Іерусалимъ я вспомню всей душой.

И нынѣ, изъ святынь земли свѣтлосіянной,

Какъ часто всходятъ мнѣ на память и уста,
 Какъ ясно видятся душѣ моей туманной
 Голгоѳа тихая и свѣтлый гробъ Христа!

—

И все, что свято въ ней, что время охладило,
 Теперь—далекое—такъ празднично горить,
 Все больше прежняго и радостно и мило,
 И предъ душой моей евангельскимъ глядитъ.

—

Къ вамъ мой послѣдній бликъ, сердца мнѣ
 дорогія,
 Иерусалимскіе, далекіе друзья:
 Когда пошлетъ вамъ Богъ моленія благія,
 У гроба Господа вы вспомните меня!

* *

*

ПАТМОСЪ.

Вотъ Патмосъ!.. Вдали надъ водой
 Въ туманѣ прозрачномъ возстали
 Бугры съ обнаженной главой,
 Отвѣсныя яркія скалы.
 Печально глядятъ свысока
 Остатки селенья и храма,
 Лишь кой-гдѣ въ крутые бока
 Цѣпляется зелень упрямо.
 Гдѣ люди? гдѣ жизнь? Ничего
 Не вижу на немъ съ отдаленья,
 И только бывшее его
 Несетъ мнѣ живыя видѣнья:
 На берегъ сей дикой земли

Свершители царскаго слова
 Однажды въ ладѣхъ привезли
 И бросили друга Христова.
 Но горя апостолъ не зналъ,
 Гнѣздилися орломъ по вершинамъ,
 О *Другъ* своемъ вспоминалъ
 И жилъ Иисусомъ единымъ,
 И, Имъ вдохновенный, онъ тамъ
 Грядущія тайны увѣдалъ
 И словомъ возвышеннымъ намъ
 Свое » *Откровеніе* « предалъ.
 Онъ въ ссылкѣ любовью дышалъ
 И лицамъ знакомаго круга
 Всегда говорилъ и писалъ:
 » *О, дѣти! любите другъ друга!*
 И вѣрный себѣ каждый мигъ,
 Считалецъ сей необычайный
 И вѣчность любовью постигъ,
 И понялъ предвѣчныя тайны.
 Однажды, тамъ » *въ духъ онъ былъ* «
 И, полный восторга святаго,
 Торжественно онъ возгласилъ:

» *Въ началѣ кѣхъ Гласко* « ...

С. Пономаревъ.

Въ Средиземномъ морѣ.

Май 1874 г. .

РУКОВОДСТВО

Д Л Я

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
четыре руб., съ пересылкою пять
рублей сереб.

№ 32.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при кievской
семинаріи.

1879 года. Августа 5-го.

Содержаніе. О различіи между православною и римскою Церковію въ ученіи о таинствѣ Евхаристіи.—„Жертва неразумнаго воспитанія“.—Одна изъ мѣръ для борьбы съ хлѣбнымъ жукомъ.—Средство отъ подагры.—Замѣтка отъ редакціи.—*Въ приложеніи:* Поученіе къ поселянамъ по окончаніи жатвы (окончаніе).—Поученіе на день Св. пророка Божія Іліи.

О различіи между православною и римскою Церковію въ ученіи о таинствѣ Евхаристіи.

Различіе между греко-россійскою православною и западною римскою Церковію въ ученіи о святѣйшемъ таинствѣ Евхаристіи состоитъ въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) православная Церковь учитъ, что въ таинствѣ Евхаристіи должно употреблять хлѣбъ квасный¹⁾, а Церковь западная употребляетъ хлѣбъ опрѣсночный²⁾; 2) православная Церковь вѣруеть и учитъ, что преложеніе хлѣба и вина въ истинное тѣло Христово и истинную кровь Христову совершается дѣйствіемъ Духа Святаго тогда, когда священнодѣйствующій, по произнесеніи словъ самого Господа,

---

¹⁾ Правосл. Исповѣд. Каѳол. и Апост. Церкви. Ч. 1 вопр. и отв. 107.

²⁾ Concil. Florent. apud. Harduin Acta Concil. tom. IX. col. 986.

изреченныхъ Имъ при установленіи таинства Причащенія, именно: *пріимите, ядите: сіе есть Тѣло Мое,—пійте отъ нея вси: сія есть кровь Моя новаго Завета* ¹⁾), особенною молитвою Церковною призываетъ Святаго Духа на подлежащіе дары и, благословляя ихъ, говоритъ «и сотвори убо хлѣбъ сей честное Тѣло Христа Твоего; а еже въ чаши сей честную кровь Христа Твоего, предложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ ²⁾»; а Церковь западная учитъ, что пресуществленіе предложенныхъ даровъ бываетъ во время самаго произнесенія словъ Господнихъ: *пріимите, ядите: сіе есть Тѣло Мое... и сія есть Кровь Моя* ³⁾); 3) наконецъ, православная Церковь заповѣдуетъ пріобщать Таинъ Христовыхъ каждому вѣрующаго подъ обоими видами, т. е. подъ видомъ хлѣба и вина ⁴⁾); а Церковь римская не позволяетъ этого никому, кромѣ священнодѣйствующихъ; прочихъ же вѣрующихъ она повелѣваетъ пріобщать только подъ видомъ хлѣба ⁵⁾).

Такое различіе въ ученіи православной и римской Церкви хотя касается не самой сущности таинства Св. Евхаристіи, но во всякомъ случаѣ оно не маловажно, потому что Евхаристія есть величайшее изъ таинствъ христіанскихъ, въ которомъ и малѣйшая неточность и нововведеніе не должны имѣть мѣста. Посему между учителями восточной и западной Церкви происходили сильныя пренія касательно этого предмета—всякій разъ, какъ только какой нибудь случай вызывалъ на это тѣхъ и другихъ. Въ наше время споры эти умолкли; но такъ какъ разногласіе продолжается, то необходимо знать сущность спор-

¹⁾ Мат. 26, 26. 27.

²⁾ Прав. Исповѣд. вопр. и отв. 107.

³⁾ Concil. Trident. sess XIII can. 3.

⁴⁾ Прав. Исповѣд. вопр. и отв. 107

⁵⁾ Concil. Trident Sess. XXI. can. 1.

наго дѣла и, по крайней мѣрѣ, для себя рѣшать подобные вопросы со всею основательностію.

1) *На какомъ хлѣбѣ должно совершать свя-
тѣйшее таинство Евхаристіи?*

Мы знаемъ, что въ первенствующей и во всей древней христіанской Церкви таинство Св. Причащенія совершалось на хлѣбѣ квасномъ. Это извѣстно какъ изъ самаго образа совершенія сего таинства въ то время, такъ и изъ прямыхъ свидѣтельствъ объ этомъ св. отцевъ Церкви и писателей церковныхъ.

Въ древней Церкви не приготовляли особеннаго хлѣба и вина для св. таинства Причащенія; но, обыкновенно, брали для этого части отъ народныхъ приношеній, ибо тогда былъ повсемѣстный обычай—приносить къ алтарю Христову хлѣбъ и вино. Вѣрующіе приносили ихъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ, смотря по тому, кто сколько могъ и хотѣлъ. Изъ этихъ приношеній отдѣлялись части для служителей алтаря и бѣдныхъ и, кромѣ того, устраивались вечера любви, на которыхъ богатый дѣлился своимъ приношеніемъ съ бѣднымъ, и всѣ вмѣстѣ вкушали отъ священной трапезы¹⁾. Во времена апостольскія эти вечера не отдѣлялись отъ самаго причащенія. Св. апостоль Павелъ, обличая злоупотребленія въ этомъ случаѣ Коринѣскихъ христіанъ, пишетъ къ нимъ такъ: *сходящимся вамъ вкупу, нѣсть Господскую вечерю ясти: кійждо бо свою вечерю предваряетъ въ снѣденіе, и овъ убо алчетъ, овъ же упивается. Еда бо домовъ не имате во еже ясти и пити; или о Церкви Божіей нерадите, и срамляете немущія; что вамъ реку; похваляю ли вы о семъ; не похваляю. Азъ бо пріяхъ отъ Господа, еже и предахъ вамъ, яко Господь*

¹⁾ Начертаніе Церкви. Исторія. Част. 1. Отдѣл. IV.

Иисусъ въ ночь, въ нюже преданъ бываше, приѣмъ хлѣбъ, и благодаривъ преломи, и рече: приимите, ядите: сѣ есть Тѣло Мое, еже за вы ломимое: сѣ творите въ Мое воспоминаніе. Такожде и чашу, по вечера, глаголя: сѣ чаша, новый завѣтъ есть въ Моей крови: сѣ творите, елижды аще пѣте, въ Мое воспоминаніе. Елижды бо аще ясте хлѣбъ сей, и чашу сію пѣте, смерть Господню възвѣщаете, дондеже приидетъ. Тѣмже иже аще ястъ хлѣбъ сей, или пѣтъ чашу Господню недостойнъ, повиненъ будетъ тѣлу и крови Господни. Да искушаетъ же человекъ себе, и тако отъ хлѣба да ястъ, и отъ чаши да пѣтъ ¹⁾. Изъ этихъ словъ апостола Павла ясно видно, что вѣрующіе причащались святыхъ даровъ Христовыхъ, уготованныхъ священнодѣйствующимъ изъ ихъ же собственнаго приношенія. Обычай этотъ долго существовалъ въ древней Церкви; на него указываютъ св. отцы и писатели Церкви различныхъ временъ. Такъ, послѣ св. Іустина Мученика ²⁾ и Тертулліана ³⁾, въ третьемъ вѣкѣ св. Кипріанъ ясно указываетъ на него въ твореніи своемъ о трудѣ и милостынѣ, обличая въ немъ нѣкую богатую жену, которая, приходя въ храмъ и причащаясь Таинъ Христовыхъ, не приносила ничего къ алтарю Христову: »Ты, говоритъ онъ, приѣмлешь часть жертвы, которую принесть бѣдный ⁴⁾. Въ четвертомъ вѣкѣ блаженный Августинъ почти тѣми же словами говоритъ о томъ-же предметѣ. Увѣщевая народъ къ усердію въ приношеніяхъ Церковныхъ, онъ говоритъ: »кто можетъ дѣлать приношенія

¹⁾ 1 Кор. XI, 20—29.

²⁾ Apolog. II. p. 89.

³⁾ Apolog. cap. XXXIX.

⁴⁾ Cyprian. de opere et eleemosyna. pag. 203.

къ алтарю и не дѣлаетъ, тому надобно стыдиться, когда онъ приобщается отъ чужаго приношенія¹⁾. Въ древнемъ жизнеописаніи св. Григорія Двоеслова, которое надобно относить, по крайней мѣрѣ, къ концу шестаго вѣка, встрѣчается не менѣе ясное свидѣтельство о такомъ же обычаѣ въ Церкви того времени; въ немъ приводится замѣчательное сказаніе о нѣкоей женщинѣ, которая, при причащеніи, услышавъ отъ св. Григорія слова: тѣло Господа нашего Іисуса Христа и проч., не могла воздержаться отъ улыбки, и на вопросъ Святителя о причинѣ такого неблаговременнаго смѣха отвѣчала: „я этотъ хлѣбъ приготовила собственными руками, а ты говоришь, что это — тѣло Христово“²⁾. Изъ этихъ свидѣтельствъ видно, что въ таинствѣ св. Евхаристіи всегда употребляемъ былъ хлѣбъ квасный. Приношенія вѣрующихъ къ алтарю Христову, очевидно, состояли изъ того хлѣба и вина, которые каждодневно употреблялись въ пищу и питіе. Еслибъ вѣрующіе должны были готовить для этого особенный хлѣбъ, то на это было бы непременно правило Церковное; но такого правила нигдѣ не находимъ. Притомъ, во времена гоненій на Церковь Христову, когда литургія совершалась не въ опредѣленное время, а тогда, когда это было возможно, нельзя и предполагать особенныхъ приношеній для Церкви: каждый представлялъ то, что имѣлъ, т. е. квасный пшеничный хлѣбъ, бывшій во всеобщемъ употребленіи, и, у кого было, виноградное вино.

Такое заключеніе, и само по себѣ ясное и неоспоримое, подтверждаютъ еще свидѣтельства св. отцевъ Церкви. Такъ, напримѣръ, св. Амвросій Медиоланскій, говоря о таинствѣ св. Причащенія, представляетъ слѣдующее возраженіе:

¹⁾ *August. sermo 215. de tempore.*

²⁾ *Gregor. M. vita. lib. II cap. XLI.*

»ты, можетъ быть, скажешь: мой хлѣбъ есть хлѣбъ обыкновенный?—Но онъ называется такимъ до произнесенія таинственныхъ словъ«¹⁾. А св Епифаній Кирскій, говори о ереси евіонитовъ, замѣчаетъ, какъ особенность, употребленіе у нихъ опрѣсноковъ²⁾. Въ жизнеописаніи римскихъ первосвященниковъ Мельхіада и Сириція находятъ, что въ Римѣ самое таинство Евхаристіи именовалось иногда просто *fermentum*, что значитъ—хлѣбъ квасный³⁾.

Итакъ, въ древней Церкви таинство Евхаристіи всегда и вездѣ совершалось на квасномъ хлѣбѣ. Обычай этотъ, какъ мы видѣли, ведетъ свое начало отъ временъ апостольскихъ. Но почему св. апостолы совершали св. Евхаристію на квасномъ хлѣбѣ? Чьимъ примѣромъ руководствовались они въ этомъ священномъ дѣлѣ? Безъ сомнѣнія, примѣромъ самаго Господа Иисуса Христа, изъ пречистыхъ рукъ Котораго они въ первый разъ приняли и вкусили Его истинное тѣло и истинную кровь подъ видомъ обыкновеннаго хлѣба и вина. Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ св. евангелистъ Іоаннъ, точнѣе другихъ евангелистовъ обозначившій время совершенія тайной вечери Господней. Приступая къ описанію вечери Господней и бывшему на ней омовенію ногъ, онъ говоритъ, что это было *прежде праздника Пасхи*⁴⁾. Въ самомъ описаніи вечери св. евангелистъ замѣчаетъ одно обстоятельство, изъ котораго ясно видно, что въ тотъ день Іудеи еще не совершали свою Пасху. Когда Спаситель, разумѣя предательство Іуды, сказалъ ему: *друзе, еже твориши, твори скоро*⁵⁾, и

¹⁾ De Sacramentis lib. IV. cap. 4.

²⁾ Epiphan. Haeres. XXX. Ebionit. n. 16.

³⁾ Bingham. vol. VI. lib. XV. pag. 268.

⁴⁾ Іоан. XIII, 1.

⁵⁾ Ст. 27.

предатель удалился потомъ съ вечера, то апостолы подумали, что Господь повелѣлъ ему купить, что нужно, для праздника¹⁾. Слѣд., тогда еще готовились къ празднику, а самого праздника не было. Въ праздникъ Іудеи не могли ни покупать, ни продавать. Приведши Іисуса Христа на судилище Пилата, Іудеи, по замѣчанію св. евангелиста Іоанна, не вошли въ преторъ, *да не осквернятся, но да ядятъ Пасху*²⁾, а это уже было на другой день вечера Господней. День этотъ, день страданія Господня, св. евангелистъ называетъ *пяткомъ пасцѣю*, *параскевѣю тоѣ Пасха*³⁾, т. е. приготовительнымъ къ пасхѣ: значить, въ этотъ только день вечеромъ должно было совершать Пасху. Слѣдующую за тѣмъ субботу онъ именуетъ днемъ по преимуществу великимъ: *бѣ бо великъ день тоя субботы*⁴⁾. Почему же такъ? Очевидно потому, что суббота совпадала съ пасхою, ибо вечеръ пятка принадлежалъ субботѣ. Все это показываетъ, что Господь совершилъ послѣднюю вечерю съ учениками своими днемъ прежде, чѣмъ Іудеи совершали тогда свою Пасху, почему на этой вечера, какъ еще непасхальной, несомнѣнно былъ хлѣбъ квасный.

Здѣсь не бесполезно будетъ обратить вниманіе на самое названіе хлѣба, послужившаго къ совершенію таинства Причащенія на вечера Господней. Хлѣбъ сей именуется на греческомъ языкѣ *ἄρτος*⁵⁾. Но пасхальный хлѣбъ Іудеевъ нигдѣ такъ не называется въ св. Писаніи; его исключительное, единственное наименованіе—*ἄζυμος*—

¹⁾ Ст. 29.

²⁾ Іоан. XVIII, 28.

³⁾ XIX, 14.

⁴⁾ Ст. 31.

⁵⁾ Мат. XXVI, 26. Мар. XIV, 22. Лук. XXII, 19. Кор. X, 16. XI, 23.

опрѣснокъ, почему и самые дни пасхальные именовались опрѣсночными ¹⁾. Словомъ же ἄρτος всегда означается хлѣбъ квасный. Греки, безъ сомнѣнія, лучше всѣхъ могли знать смыслъ этого слова; посему-то они и указывали римскимъ богословамъ на употребленіе этого слова въ Евангеліи, какъ на одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ защищаемой ими истины.—Итакъ, православная Церковь, употребляя въ таинствѣ Евхаристіи хлѣбъ квасный, основывается на преданіи апостольскомъ и всей древней Церкви Христовой, и на примѣрѣ самаго Господа Іисуса Христа.

Обычай совершать таинство св. Евхаристіи на опрѣснокахъ есть нововведеніе въ Церкви западной. Такъ какъ до XI вѣка не было спора о немъ, то весьма вѣроятно, что онъ не былъ тамъ всеобщимъ и узаконеннымъ правилами ранѣе десятого или даже одиннадцатаго вѣка. Употребленіе опрѣснокъ въ таинствѣ Евхаристіи встрѣчаемъ первоначально только у еретиковъ, именно у послѣдователей Евіона, еретика 1 вѣка, и другихъ неправыхъ ревнителей іудейства, которыхъ обличалъ Епифаній Кипрскій. Вѣроятно, отъ евіонитовъ употребленіе прѣснаго хлѣба при литургіи заимствовано аріанами и аполлинаристами, коихъ заблужденія имѣютъ много сходнаго съ заблужденіемъ евіонитовъ. Аріанами и аполлинаристами употребленіе опрѣсноковъ введено сперва въ нѣкоторыхъ мѣстахъ востока, а потомъ и на западѣ, — первоначально при дворѣ Карла, а потомъ и въ Римѣ, гдѣ въ 800 году они были съ нимъ во время его коронованія. Непротиворѣча этому, объясняютъ начало опрѣсноковъ у нѣкоторыхъ христіанъ и писатели западные. Бона пишетъ: »въ употребленіи опрѣсноковъ согласны съ Латинянами Марониты и Армяне. Марониты говорятъ, что сей обычай

¹⁾ Лук. XXII, 1. Дѣян. XII, 3.

ихъ есть древнѣйшій, но начало его указать не могутъ. Объ Армянахъ мнѣнія различны. Нѣкоторые говорятъ, что Григорій великій, первый просвѣтителъ и патріархъ Арменіи, отправясь въ Римъ вмѣстѣ съ Тиридатомъ, Армянскимъ царемъ, обращеннымъ въ христіанство, для заключенія союза, тамъ узналъ объ употребленіи опрѣсннковъ и предалъ оное своей Церкви. Истинно или нѣтъ это повѣствованіе, но за вѣрное должно полагать, что тогда римская Церковь еще не употребляла опрѣсннковъ. Другіе догадываются, что обычай такого употребленія первоначально приняли тѣ, кои послѣдовали еutihіанамъ, исповѣдая симъ приношеніемъ одно естество во Христѣ, поелику опрѣснокъ не имѣетъ никакого соединенія. Изъ исторіи армянъ видно также, что они около временъ VI вселенскаго собора начали приносить прѣсный хлѣбъ и вино безъ воды, какъ бы въ знакъ отдѣленія своего отъ Церкви вселенской. Спустя почти четыре вѣка послѣ VI вселенскаго собора возникъ споръ между Греками и Латинянами о хлѣбѣ прѣсномъ и квасномъ*. Вопросъ о хлѣбѣ квасномъ и прѣсномъ въ то время, когда римскіе первосвященники имѣли съ патріархомъ константинопольскимъ Фотіемъ пренія, не остался бы безъ вниманія. Патріархъ Фотій обличалъ западныхъ епископовъ во многихъ нововведеніяхъ: опустилъ ли бы онъ безъ замѣчанія такое нововведеніе, каково употребленіе опрѣсннковъ въ пресвятѣйшемъ таинствѣ Евхаристіи? Михаилъ Керулларій первый возсталъ противъ этого новаго обычая; по сему, надобно думать, что обычай этотъ въ его только время принять былъ на Западѣ за правило. Такъ думаютъ нѣкоторые и изъ самыхъ западныхъ писателей, болѣе другихъ безпристрастные изслѣдователи древностей христіанскихъ. Кардиналъ Бона весьма правдоподобно объясняетъ и самое происхожденіе опрѣсннковъ. Такъ

какъ, говоритъ онъ, народъ не приобщался уже такъ часто, какъ было въ древнія времена, и не дѣлалъ приношеній къ алтарю Христову, то начали употреблять весьма немного хлѣба для таинства Евхаристіи, и приготовленіе онаго поручили лицамъ, принадлежащимъ къ клиру церковному. Поелику же приготовленіе опрѣсночнаго хлѣба гораздо легче и удобнѣе, чѣмъ хлѣба кваснаго, особенно въ маломъ количествѣ, то и начали употреблять, вмѣсто кваснаго хлѣба, опрѣсноки ¹⁾). Конечно, это нововведеніе не вдругъ распространилось. Однакожъ восточные отцы церкви только въ XI вѣкѣ узнали объ немъ и начали укорять за него Латинянъ. Но такъ какъ западные первосвященники не любили уступать никому и считали какъ бы униженіемъ для себя—исправлять нравы и обычаи подвластныхъ имъ Церквей, по замѣчаніямъ греческой Церкви, то, вмѣсто уничтоженія новаго и ни на чемъ не основаннаго ученія или обычая, они начали оправдывать его, и такимъ образомъ дѣлали повсемѣстнымъ и какъ бы законнымъ. Такъ было при появленіи ученія объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына; такъ же, по всей вѣроятности, случилось и при введеніи опрѣсноковъ.

Защищая новый обычай употребленія опрѣсноковъ при таинствѣ св. Евхаристіи, западные богословы ничѣмъ не могутъ оправдать его введенія и узаконенія. Посему то являлись и на западѣ люди, болѣе добросовѣстные, которые осмѣливались порицать нововведеніе опрѣсноковъ ²⁾; только голосъ ихъ не былъ слышенъ. Въ позднѣйшія времена, когда изученіе древностей христіанскихъ лучше всякаго другаго способа начало служить къ опредѣленію правоты или неправоты обычаевъ разныхъ Церквей, запад-

¹⁾ *Bingham*. vol. VI. lib. XV. pag. 269.

²⁾ *Ibid*. pag. 270 и 271.

ные ученые не могли не сознать незаконности употребленія опръспоковъ въ Евхаристіи; но уже не хотѣли отказаться отъ него, продолжая доказывать или его законность, или, по крайней мѣрѣ, безразличіе по отношенію въ сущности св. Евхаристіи. Такъ остается дѣло и доселѣ.

II) *Когда и какъ совершается преложеніе хлѣба и вина въ таинствѣ Евхаристіи въ истинное тѣло Христово и въ истинную кровь Христову?*

Въ литургіи православной Церкви, непосредственно за благодарственною молитвою Богу о всѣхъ Его благодареніяхъ роду человѣческому, особенно же о величайшей, несравненной, неисповѣдимой Его милости къ намъ, явленной въ искупленіи насъ грѣшныхъ безцѣнною кровію Господа нашего Иисуса Христа, слѣдуетъ воспоминаніе объ установленіи таинства Евхаристіи, съ произношеніемъ самыхъ словъ установленія: *пріимите, ядите: сіе есть тѣло Мое; пійте отъ нея вси: сія есть кровь Моя*,— а за тѣмъ молитва о ниспосланіи Духа Святаго и преложеніи подлежащаго хлѣба и вина въ истинное тѣло и истинную кровь Христову: »и сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло Христа твоего, аминь, а еже въ чаши сей честную кровь Христа Твоего, аминь, преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ, аминь, аминь, аминь«. Молитва священнодѣйствующаго сопровождается благословеніемъ даровъ—знаменіемъ крестнымъ, и въ сіе то время, какъ несомнѣнно вѣруетъ православная Церковь, на подлежащіе дары нисходитъ Духъ Святой и прелагаетъ ихъ въ истинное тѣло и истинную кровь Христову, такъ что послѣ сего остаются только *виды хлѣба и вина* ¹⁾. Въ литургіи римской Церкви нѣтъ сей молитвы о преложеніи даровъ; она учитъ, что преложеніе даровъ совершается во

¹⁾ Прав. Исповѣд. вопр. и отв. 107.

время произнесения священнодѣйствующимъ словъ Господнихъ: *пріимите, ядите: сіе есть тѣло мое...* и потомъ: *пійте отъ нея вси: сіа бо есть кровь моя* и проч. Православная Церковь и въ этомъ случаѣ неуклонно слѣдуетъ первенствующей Церкви; а ученіе римской Церкви есть опять нововведеніе и, при томъ, совершенно не основательное.

Что Церковь православная въ образѣ освященія даровъ неуклонно слѣдуетъ первенствующей Церкви Христовой, это видно изъ древнѣйшихъ литургій, сохранившихся до нашего времени, и изъ отеческихъ свидѣтельствъ о семъ предметѣ.

Въ постановленіяхъ апостольскихъ излагается древнѣйшая литургія во всей полнотѣ ея, и тамъ, послѣ благодарственной молитвы Богу за всѣ Его щедроты и милости къ человѣку, находится слѣдующая молитва: «помяная все, что Онъ (Господь нашъ Іисусъ Христосъ) претерпѣлъ за насъ, благодареніе приносимъ Тебѣ, Боже всемогущій, не елико долженствуемъ, но елико можемъ, и заповѣдь Его соблюдаемъ. Ибо Онъ въ ту ночь, въ которую былъ преданъ, пріявши хлѣбъ святыми и непорочными руками Своими и воздвигши очи къ Богу и Отцу своему, преломилъ и далъ апостоламъ, говоря: сіе есть таинство Новаго Завѣта: пріимите отъ него, ядите: сіе есть тѣло Мое, за многія лозимое, во оставленіе грѣховъ. Подобно и чашу съ виномъ, растворивши водою, освятилъ и далъ имъ, говоря: пійте отъ нея вси, сіа бо есть кровь Моя, за многія изливаемая, во оставленіе грѣховъ. Сіе творите въ Мое воспоминаніе. Помяная убо страданія Его и смерть, и воскресеніе изъ мертвыхъ, и восшествіе на небо, равно и второе Его пришествіе, въ которое Онъ придетъ со славою и властію судити живымъ и мертвымъ и воздати комуждо по дѣломъ его, Тебѣ, Царю и Богу,

хлѣбъ сей и чашу сію приносимъ, по заповѣди Его, благодареніе Тебѣ воздавая чрезъ Него же, поелику Ты удостоилъ насъ стати предъ Тобою и священствовать. И молимъ Тебя, неоскудный Боже, милостиво воззри на дары сіи, предложенные предъ Лицемъ Твоимъ, и благоволи въ нихъ въ честь Христа Твоего, и на жертву сію послѣ Духа Твоего Святаго, свидѣтеля страданій Господа Иисуса, да содѣлаетъ хлѣбъ сей тѣломъ Христа Твоего и чашу сію кровію Христа Твоего, да причащающіеся Его утвердятся въ благочестіи, сподобятся отпущенія грѣховъ, свободятся отъ діавола и грѣха его, исполнятся Духомъ Святымъ, содѣлаются достойными Христа Твоего, и обрящутъ жизнь вѣчную, примирившись съ Тобою, Боже всемогущій¹⁾. Подобныя молитвы есть во всѣхъ древнѣйшихъ литургіяхъ, съ различіемъ между ними въ однихъ только словахъ; слова же *освященія* даровъ почти одни и тѣже во всѣхъ этихъ молитвахъ²⁾. Отсюда очевидно, что св.

¹⁾ Constit. Apostol. lib. VIII cap. XII.

²⁾ Такъ въ литургіи св. ап. *Іакова*, брата Господня, послѣ повѣствованія строенія Христова и по изреченіи словъ Господнихъ: *пріимите, ядите* и проч., находится слѣдующая молитва призванія св. Духа о совершеніи даровъ: „помилуй ны, Боже вседержителю, и ниспосли на насъ и на предложенные дары сіи Духа Твоего Всесвятаго, Господа животворящаго, сопрестольнаго Тебѣ Богу и Отцу... да пришедъ святымъ и благимъ и славнымъ Своимъ присутствіемъ освятитъ и сотворитъ хлѣбъ сей тѣло святое Христа твоего аминь, и чашу сію честную кровь Христа Твоего, аминь“ (Max. Biblioth. tom. II. p. 6. edit. Lugdun. 1677 г.).— Въ литургіи св. *евангелиста Марка*, по повѣствованіи строенія Господня и словъ Господнихъ, есть молитва призванія св. Духа: „молимъ Тя, человеколюбче Блаже, ниспосли съ высоты святыя Твоея, изъ готоваго жилища Твоего, отъ неописанныхъ нѣдръ Твоихъ... на ны, и на хлѣбы, и на чаши сіи, Духа Твоего Святаго, да освятитъ ихъ и совершитъ, яко всемогущій Богъ: и сотворитъ убо—хлѣбъ—тѣло, чашу же—кровь Новаго Завета, самаго Господа и Бога и Спасителя и верховнаго царя нашего Иисуса Христа (jbid. pag. 13)“.

апостолы, первые строители таинъ Божіихъ, совершали освященіе даровъ не чрезъ одно только воспоминаніе Божественнаго установленія св. таинства Причащенія и повтореніе словъ Іисуса Христа: *пріимите, ядите* и проч., но и чрезъ призваніе животворящаго Духа Божія на дары сіи. Всѣ литургіи, несомнѣнно, происходятъ отъ св. апостоловъ, хотя письменно изложены онѣ уже послѣ временъ апостольскихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. литургія св. Апостола Іакова, брата Господня по плоти, перваго епископа Іерусалимскаго, и св. апостола и евангелиста Марка, по преданію, даже написаны самими апостолами, подъ именами которыхъ онѣ и извѣстны ¹⁾. Будучи совершенно согласны между собою касательно существенныхъ пунктовъ своихъ, древнія литургіи тоже согласіе представляютъ и въ отношеніи ко времени и образу освященія даровъ. Слѣдовательно, въ нашихъ литургіяхъ св. Василия великаго и св. Іоанна Златоустаго, которыя также древни, какъ и прочія,—или, лучше сказать, которыя суть одна и таже литургія, которую совершали сами апостолы и потомъ предали преемникамъ, по званію священства Христова, съ различіемъ только въ несущественныхъ принадлежностяхъ,—чинъ освященія даровъ есть чинъ апостольскій. Напротивъ, въ римской литургіи, въ которой нѣтъ словъ призванія Святаго Духа на дары, сдѣлано опущеніе или исключеніе изъ сего древне-апостольскаго чина.

Въ писаніяхъ отеческихъ также находимъ множество свидѣтельствъ въ подтвержденіе этой истины. Опуская тѣ изъ нихъ, которыя менѣе другихъ ясны, приведемъ самыя очевидныя и вразумительныя для каждаго. Св. Кириллъ Іерусалимскій въ тайноводственныхъ поученіяхъ

---

¹⁾ См. Щитъ вѣры. Патр. Іоакима. лист. 176.

своихъ говорить: »хлѣбъ, уготованный для таинства Евхаристіи, послѣ *призыванія св. Духа*, не есть уже болѣе *хлѣбъ обыкновенный*, но тѣло Христово ¹⁾«. И еще: »освятивши себя сими духовными пѣснями, мы молимъ человеколюбиваго Бога, чтобы Онъ послалъ *Духа Святаго* на предложенные дары, да содѣлаетъ хлѣбъ тѣломъ Христовымъ, а вино—кровію Христовою ²⁾«. Св. Василиій великій въ книгѣ своей о святомъ Духѣ, доказывая важность священнаго преданія, говоритъ между прочимъ: »кто изъ святыхъ оставилъ намъ въ письмени *слова призыванія*, произносимыя при освященіи Евхаристіи и чаши благословенія ³⁾«? Блаженный Θεодоритъ въ одномъ изъ разговоровъ своихъ еще яснѣе говоритъ о томъ же предметѣ, именно: »какъ ты называешь приносимый даръ, прежде чѣмъ священникъ совершитъ *призываніе* (πρὸ τῆς ἱερατικῆς ἐπικλήσεως)?—Пищею изъ такихъ-то сѣмянъ... А послѣ *освященія* какъ называешь это?—Тѣломъ Христовымъ и кровію Его ⁴⁾«. Св. Амвросій Медіоланскій въ трактатѣ о вѣрѣ пишетъ: »всякій разъ, какъ пріемиемъ тайны, которыя таинственною *силою священной молитвы* предлагаются въ тѣло и кровь, мы возвѣщаемъ смерть Христову ⁵⁾«. Блаженный Іеронимъ главною обязанностию священниковъ поставляетъ совершать *молитвами* таинство тѣла и крови Христовой ⁶⁾.

На чемъ же, послѣ этого, думаютъ основывать римскіе богословы свое ученіе объ освященіи даровъ повтореніемъ словъ Господнихъ: *пріимите, ядите* и проч?.

¹⁾ Тайновод. Поуч. III, 3.

²⁾ Тайновод. Поуч. V, 5.

³⁾ Глав. XXVII.

⁴⁾ Theodor. tom. IV. Dialog. II.

⁵⁾ Lib. IV. cap. V.

⁶⁾ Epist. 85 ad Euagrium.

Миная св. Писаніе, западные богословы въ этомъ случаѣ основываются первѣ всего на своихъ *заключеніяхъ*, выводимыхъ ими изъ примѣра самого Господа, Учредителя святѣйшей Евхаристіи, и изъ понятія о силѣ и значеніи словъ Его: *пріимите, ядите* и проч., т. е. они утверждаютъ, что на самой вечери Господней обыкновенные хлѣбъ и вино преложены въ истинное тѣло и истинную кровь Христову сими словами Іисуса Христа ¹⁾, и что никакія другія слова не могутъ имѣть такой же силы и значенія въ семъ таинственномъ и высочайшемъ священнодѣйствіи ²⁾.

Но если св. апостолы, руководимые Духомъ Святымъ, составили Божественную литургію по примѣру самого Господа и Спасителя, въ чемъ нѣтъ никакого сомнѣнія, то таинственный порядокъ самой вечери Господней надобно объяснять по преданію апостольскому, т. е. надобно вѣрить, что таинство преложенія хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову уже совершено было, когда Господь подалъ то и другое ученикамъ своимъ и сказалъ: *пріимите, ядите* и проч.—Въ самомъ дѣлѣ, это не только не противорѣчитъ повѣствованію святыхъ евангелистовъ о послѣдней вечери Господней, но даже основательно и справедливо можетъ быть подтверждено онымъ. Св. евангелистъ Матѳей такъ описываетъ установленіе св. таинства причащенія: *ядущимъ же имъ, пріемъ Іисусъ хлѣбъ, и благословивъ преломи, и дающе ученикомъ, и рече: пріимите, ядите: сіе есть тѣло Мое. И пріемъ чашу, и хвалу воздавъ, даде имъ, глаголя: пійте отъ нея*

---

¹⁾ *Bellarmin. de Sacram. Eucharist. lib. IV. cap. XIII. tom. III. edit. Colon. 1619 г. Feïer. de Euchar. tom. VI. pag. 118. 1820 г.*

²⁾ *Chemnit. Examen. decretor. Concil. Trident. pars II. pag. 119. 120.*

вси: сія бо есть кровь Моя новаго завета, яже за многія изливается, во оставленіе грѣховъ ¹⁾). Отсюда видно, что раздаянію св. Евхаристіи предшествовало благословеніе хлѣба и вина и благодарственная молитва къ Богу Отцу.—Не силою ли этого благословенія и молитвы и совершилось самое освященіе хлѣба и вина и преложеніе ихъ въ тѣло и кровь Христову? Такъ, безъ сомнѣнія. Посему-то св. апостолъ Павелъ чашу причащенія называетъ *чашею благословенія: чаша благословенія, юже благословляемъ, не общеніе ли крове Христовы есть* ²⁾), указывая тѣмъ на самый способъ, которымъ Господь преложилъ вино въ кровь свою. Чтобъ еще яснѣе видѣть основательность такого заключенія, прочитаемъ священное повѣствованіе о той же вечери Господней св. евангелиста Марка: *и ядущимъ имъ, говорится въ Евангеліи отъ Марка, пріемъ Іисусъ хлѣбъ, и благословивъ преломи, и даде имъ, и рече: пріимите, ядите: сіе есть тѣло Мое. И пріемъ чашу, хвалу воздавъ, даде имъ: и пиша отъ нея вси; и рече имъ: сія есть кровь Моя новаго завета, за многи изливается* ³⁾). Въ этомъ повѣствованіи замѣчательно для насъ особенно то, что Господь, подавъ чашу св. апостоламъ своимъ, сказалъ имъ: *сія есть кровь Моя* и проч. тогда, когда они *вси пиша отъ нея*. Не ясно ли отсюда, что таинство преложенія хлѣба и вина совершилось прежде раздаянія ихъ апостоламъ, и прежде произнесенія Іисусомъ Христомъ вышеозначенныхъ словъ: *ядите... пійте?* Если возражать, что св. евангелистъ Маркъ неточно обозначаетъ порядокъ событія, то мы должны имѣть самыя ясныя до-

¹⁾ Матѣ. XXVI, 26—28.

²⁾ 1 Кор. X, 16.

³⁾ Мар. XIV, 22—24.

казательства на это отъ возражающихъ, чтобъ приписать какую нибудь силу этому возраженію. Но гдѣ найти такія доказательства? Читая св. Евангеліе отъ Марка, замѣчаемъ въ немъ, какъ одно изъ главныхъ, отличительныхъ свойствъ его, особенную точность въ обозначеніи самыхъ частныхъ предметовъ повѣствованія ¹⁾).

Итакъ, въ Евангеліи не только нѣтъ основанія для ученія римской Церкви о времени пресуществленія даровъ, но есть прямое почти обличеніе несправедливости онаго. Чтоже касается до ученія православной Церкви объ этомъ предметѣ, то оно не требуетъ и доказательствъ справедливости своей, будучи основано не на какихъ либо выводахъ или заключеніяхъ, а на прямомъ и ясномъ преданіи св. апостоловъ, которые составили чинъ священной литургіи по примѣру самого Господа, вечерявшаго съ ними. Иисусъ Христосъ заповѣдалъ имъ творить, въ Его воспоминаніе, тоже самое, что Онъ совершилъ тогда предъ ними и для нихъ и они, соблюдая заповѣдь Его, дѣйствительно воспоминаютъ въ литургіи, предъ освященіемъ даровъ, неизмѣримыя и неизчислимыя благодѣянія Его къ роду человѣческому, воспоминаютъ, какъ Онъ самъ пріобщалъ ихъ пречистаго тѣла и пречистой крови своей, а потомъ молятся, чтобъ тоже таинство совершилось и на предложенныхъ дарахъ, т. е. чтобъ подлежащіе хлѣбъ и вино преложились, силою и дѣйствіемъ Духа Святаго, въ истинное тѣло Христово и истинную кровь Христову. И какъ Спаситель совершилъ таинство благословеніемъ и молитвою, такъ и они къ молитвѣ присовокупили благословеніе, при освященіи даровъ Евхаристіи. Такимъ образомъ, что было на вечери Господней, тоже повторяется

---

¹⁾ Мар. III, 5. VIII, 33. IX, 15. X, 17. 32. XI, 16. XIV, 60 и проч.

и теперь въ литургіи православной Церкви, преданной отъ святыхъ апостоловъ, именно, повторяются благословеніе и молитва освященія даровъ, повторяются и слова Спасителя, сказанныя св. апостоламъ при раздаяніи освященныхъ Имъ даровъ, съ тѣмъ только различіемъ, что Господь нашъ, по молитвѣ и благословеніи, желая открыть таинство апостоламъ, рекъ: *примите, ядите* и проч.; нынѣ же священнодѣйствующій, прежде воспоминаетъ предъ Богомъ Отцемъ все строеніе Сына Его о спасенія человѣковъ, тайную вечерю и слова, произнесенныя Имъ на вечери, а потомъ молится, призываетъ Святаго Духа, благословляетъ хлѣбъ и вино знаменіемъ честнаго креста, произнося къ Богу Отцу: »и сотвори убо хлѣбъ сей« и проч.

Говорятъ: могутъ ли имѣть слова человѣческія такое великое значеніе и такую силу, чтобы ими совершилось величайшее таинство Евхаристіи, и какъ можно предпочитать ихъ словамъ Господа? Но слова *призыванія* въ нашей литургіи, конечно, не сами по себѣ имѣютъ такую силу, чтобъ служить въ совершенію святѣйшаго таинства Евхаристіи, да и никакое слово, само по себѣ, не можетъ имѣть такого значенія. Таинство совершается потому, что Господь Самъ даровалъ избраннымъ лицамъ право и власть священно-дѣйствовать и призывать Духа Святаго, и обѣговалъ несомнѣнно благодать предложенія хлѣба и вина въ тѣло и кровь Свою. Какія бы слова ни произносилъ человѣкъ, необлеченный сею властію, таинство не совершится; но кто поставленъ отъ Бога на такое служеніе, чтобъ быть строителемъ таинъ Божіихъ, тотъ совершаетъ эти тайны и словомъ, и дѣломъ; и его слова и дѣйствія сильны потому, что законны, что происходятъ отъ него по волѣ Божіей, а не по его собственному произволу, что онъ облеченъ властію свыше совершать священнодѣй-

ствія. Съ другой стороны, слова *призыванія* въ литургіи не измышлены кѣмъ нибудь, а преданы апостолами; слово же апостольское есть слово Духа Святаго, научившаго всему первыхъ строителей таинъ Божіихъ. Нѣтъ нужды, что молитва церковная, при освященіи даровъ, не во всѣхъ древнихъ литургіяхъ читается совершенно одинаково: различіе здѣсь не касается самаго смысла и духа молитвы, но состоитъ только въ словахъ и выраженіяхъ, а потому нисколько не подвергаетъ сомнѣнію Богодухновенности означенной молитвы. Наконецъ, слова *призыванія* въ литургіи находятся въ соотвѣтствіи не словамъ самого Господа, изреченнымъ Имъ при раздаяніи св. Евхаристіи апостоламъ, а Его благословенію и молитвѣ, которыя совершилъ Онъ надъ хлѣбомъ и виномъ, претворяя ихъ въ тѣло и кровь Свою, какъ мы показали это выше. Слѣдовательно, ихъ подлежало бы сравнивать, еслибы то было возможно, съ тѣмъ *призываніемъ*, которымъ Господь совершилъ таинство, а не съ тѣми словами Его, которыя Онъ изрекъ при раздаяніи освященныхъ даровъ своихъ. Но Господь, по выраженію св. отцевъ, »тѣло свое и кровь неизреченными призываніи совершилъ«¹⁾, »неизреченными словесы тогда предложеніе сотворилъ«²⁾. Ни въ евангеліи, ни въ писаніяхъ апостольскихъ нѣтъ ни одного изъ сихъ Божественныхъ словесъ. Кто же, послѣ этого, кромѣ апостоловъ, могъ преподать чинъ совершенія святѣйшей Евхаристіи? Они и преподали его, и православная Церковь строго и свято хранить его.

Западные богословы искали и въ отеческихъ писаніяхъ подтвержденія своему ученію о времени пресуществленія даровъ, и находили мѣста, по видимому, благопріятствующія имъ. Но такъ какъ смыслъ этихъ мѣстъ, по большей

¹⁾ Златоустъ въ словѣ 50 о Пасхѣ.

²⁾ Теофилактъ Болгар. въ толков. на 26 гл. Матѳея.

части, не ясно опредѣленъ, то на нихъ единственно основываться невозможно. Они, напр., ссылаются на одно мѣсто изъ бесѣдъ св Златоуста. Выписываемъ его вполнѣ. » Не человѣкъ творить подлежащіе дары тѣломъ и кровію Христовою, но самъ распятый за насъ Христосъ. Устами священника произносятся слова: *сіе есть тѣло Мое*, а силою и благодатіею Божіею освящаются дары. И какъ тотъ гласъ божественный, который Онъ изрекъ нѣкогда (первымъ человѣкамъ): *раститесь и множитесь, и на полняйте землю* (Быт. 1, 28), хотя изреченъ однажды, но никогда не престаётъ сообщать силу природѣ нашей къ чадорожденію: такъ и сіе слово, хотя сказано однажды, но, на всѣхъ трапезахъ церковныхъ, отъ того времени доселѣ, и даже до будущаго пришествія Его, содѣлываетъ и будетъ содѣлывать жертву священною и спасительною « ¹⁾. Еслибы у святаго Златоуста находилось одно только это мѣсто касательно разсматриваемаго нами предмета, то можно было бы подумать, что Онъ имѣлъ мнѣніе объ образѣ и времени пресуществленія даровъ, сходное съ мнѣніемъ нынѣшней церкви римской. Но вотъ другое мѣсто изъ бесѣдъ тогоже святителя, гдѣ ясно говорится о пресуществленіи даровъ, чрезъ призываніе на нихъ священнодѣйствующимъ Духа Святаго. » Что ты дѣлаешь, человѣкъ! восклицаетъ Златоустъ, обличая неблагоговѣйно стоящихъ въ храмѣ Божіемъ, — что ты дѣлаешь! когда священникъ стоитъ предъ святою трапезою, воздѣвши къ небу руки, *призывая* Духа Святаго, да пріидетъ и коснется подлежащихъ даровъ, когда Духъ Святой сообщаетъ благодать Свою, когда нисходитъ и касается подлежащихъ даровъ, когда видишь Агнца закланнаго и раздробленнаго, тогда производишь шумъ и проч. « ²⁾. Значить, приведенное мѣсто

¹⁾ De proditiōe Iudae Homil. XXX tom. V. pag. 463.

²⁾ Homil. XXXII in caemelerii appellationem. pag. 487. tom. citat.

надобно объяснять не такъ, какъ объясняютъ его римскіе богословы. И въ самомъ дѣлѣ, выкинувши лучше въ смыслъ его, мы можемъ и должны толковать его слѣдующимъ образомъ: Христосъ—Спаситель, изрекшій къ апостоламъ: *примите и ядите: сіе есть тѣло Мое* и проч., и заповѣдавши имъ творить тоже, что Самъ совершилъ на вечери съ ними, даровалъ имъ и власть пресуществлять хлѣбъ и вино въ пречистое тѣло и пречистую кровь Его, такъ что собственныя слова Его: *сіе есть тѣло Мое, сіа есть кровь Моя*, предшествуя нынѣ освященію даровъ, служатъ несомнѣннымъ ручательствомъ продолженія таинства, Имъ установленнаго и совершеннаго. Нѣкогда Онъ сказалъ: *раститесь и множитесь* и проч., и слово Его доселѣ исполняется, *и неправды въ Немъ нѣтъ*; такъ точно и слова Его: *сіе есть тѣло Мое, сіа есть кровь Моя* доселѣ исполняются, повторяемыя надъ хлѣбомъ и виномъ строителями таинъ Божіихъ; ибо Самъ Онъ доселѣ невидимо совершаетъ это таинство. Уста священнича повторяютъ слова Его, а сила и благодать Божія дѣйствуютъ въ таинствѣ. Впрочемъ, какъ бы ни объясняли это мѣсто, но ссылатся на святаго Златоуста римскимъ богословамъ значитъ вызывать противъ себя одного изъ величайшихъ свидѣтелей правоты святой Церкви нашей: ибо самая литургія наша, преданная намъ святымъ Златоустомъ, совершается въ такомъ точно видѣ. Послѣ словъ установленія таинства, въ ней полагается молитва о предложении святыхъ даровъ въ тѣло и кровь Іисуса Христа: это было бы совершенно излишне, если бы, по вѣрѣ Златоуста, предложеніе сіе совершалось словами установленія и немедленно послѣ ихъ произнесенія.

Другихъ основаній для ученія римской церкви о времени и образѣ освященія даровъ Евхаристіи нѣтъ и не можетъ быть, посему неправота его очевидна. Когда и

какъ образовалось оно, не довольно извѣстно. По свидѣтельству Бержье ¹⁾, оно появилось не ранѣе XIV вѣка; слѣдовательно, очень ново по своему происхожденію.

Не считаемъ излишнимъ припомнить здѣсь, что въ концѣ XVII вѣка это ученіе проникло было въ наше отечество и было принято нѣкоторыми. Но патріархъ Іоакимъ и ученые Лихуды, прибывшіе къ тому времени изъ Греціи въ Россію, вооружились противъ него со всею ревностію. Россійскій патріархъ сносился по этому случаю съ патріархами восточной церкви и отъ нихъ получилъ собраніе свидѣтельствъ изъ преданій апостольскихъ и писаній отцевъ церкви. Преемникъ Іоакима, патріархъ Адріанъ, также писалъ объ этомъ къ восточнымъ патріархамъ, которые и отвѣчали ему *соборно*, и въ отвѣтѣ ихъ пишется о пресуществленіи св. тайны Евхаристіи слѣдующимъ образомъ: »О таинствѣ мнѣніе католической церкви пріеми́мъ и утверждаемъ, и благочестивомудрственно умствуемъ же и учимъ, вѣрующе несомнѣнно, яко подлежащія на жертвенницѣ хлѣбъ и вино прелагаются по существу, по Господнихъ словесѣхъ, нашествіемъ святаго Духа и освященіемъ въ самое оно, истинное тѣло и кровь Господа и Бога, и Спаса нашего Іисуса Христа²⁾. Такимъ образомъ, неправославное ученіе скоро было посрамлено у насъ и не могло утвердиться. Отъ того времени остались для насъ превосходныя сочиненія, написанныя патріархомъ Іоакимомъ или Лихудами, подъ его руководствомъ, именно: *Остенъ и Щитъ вѣры*, въ которыхъ подробно и основательно раскрывается и защищается ученіе православной церкви о времени пресуществленія даровъ Евхаристіи.

---

¹⁾ Dictionnaire de Theologie sous le mot: consécration. tom. II. pag 294. edit. 1823.

²⁾ Щитъ вѣры лист. 1 на оборотѣ.

III) *Всѣ ли христіане должны приобщаться пречистыхъ таинъ Христовыхъ подѣ обоими видами, т. е. подѣ видомъ хлѣба и вина?*

Православная церковь Христова и въ этомъ отношеніи неизмѣнно соблюдаетъ древній апостольскій обычай приобщать таинъ Христовыхъ всегда и всѣхъ вѣрующихъ подѣ обоими видами святѣйшей Евхаристіи, т. е. подѣ видомъ хлѣба и вина ¹⁾. Напротивъ, римская церковь постановила, чтобы, кромѣ священно-дѣйствующихъ, никто не приобщался подѣ обоими видами, а только подѣ однимъ видомъ хлѣба. Такое постановленіе сдѣлано было на соборахъ Констанскомъ (1415 г.), Базельскомъ (1437 г.) и Тридентинскомъ (1551 г.). Что римская церковь и въ этомъ случаѣ отступила отъ обычая древней церкви и отъ примѣра самого Спасителя, въ этомъ уже ясно и откровенно сознаются сами западные писатели; но за то они стараются *оправдать* нововведеніе своей церкви, доказывая основательность и безразличіе того или другаго образа причащенія въ дѣлѣ спасенія ²⁾. Но кто съ полнымъ без-

---

1) Однихъ только младенцевъ она дозволяетъ приобщать подѣ однимъ видомъ крови.

2) Вотъ слова римскаго Кардинала Іоанна Боны: „до XII вѣка всегда и вездѣ вѣрующіе причащались святыхъ Таинъ подѣ видомъ хлѣба и вина; съ XII же вѣка мало по малу началъ измѣняться сей обычай (разумѣется на западѣ), потому что многіе епископы, опасаясь неосторожности и невнимательности народа, по которой онъ могъ пролить святѣйшую кровь Христову, начали давать ему Евхаристію подѣ однимъ только видомъ хлѣба... Такая перемѣна сдѣлана была сначала нѣкоторыми епископами во своихъ церквахъ, а потомъ на Констанскомъ соборѣ это обращено было въ общее правило для всѣхъ (Bon. Reg. Liturgicar. Lib. II. cap. XVIII. § 1. См. у Бингама lib. XV. pag. 432). Отсюда уже видно, можно ли какую нибудь силу давать словамъ Беллармина, Эккія и другимъ, когда они голословно утверждаютъ, что въ древней

пристрастіемъ захочетъ изслѣдовать это дѣло, тотъ не можетъ не убѣдиться, что пріобщеніе мірянъ и вообще не священнодѣйствующихъ, по обычаю римской церкви, подъ однимъ видомъ хлѣба, какъ, съ одной стороны, ново и не основано на примѣрѣ древней церкви, такъ, съ другой стороны, не имѣетъ достаточныхъ основаній къ оправданію своему, и наконецъ никакъ не можетъ считаться нововведеніемъ безразличнымъ, неважнымъ въ дѣлѣ спасенія вѣрующихъ.

Пріобщеніе подъ однимъ видомъ хлѣба несогласно ни съ примѣромъ самого Господа, учредившаго таинство Евхаристіи, ни съ ученіемъ и дѣяніями святыхъ апостоловъ касательно сего предмета, ни съ обычаемъ всей древней церкви христіанской.

Въ евангельскихъ повѣствованіяхъ о тайной вечери Господней весьма опредѣленно говорится, какъ Спаситель сподобилъ святыхъ учениковъ своихъ пречистаго тѣла и пречистой крови своей, и потомъ заповѣдалъ имъ творить сіе въ Его воспоминаніе, т. е. творить для вѣрующихъ то, что Онъ Самъ для нихъ сотворилъ, и творить такъ, какъ Онъ самъ сотворилъ. Достоинно особеннаго замѣчанія то, что Господь Іисусъ Христосъ, подавая на тайной вечери хлѣбъ, сказалъ просто: пріимите, ядите..; но, подавая чашу, прибавилъ: пійте отъ нея *все*, какъ бы предвидя отступленіе отъ этого римской церкви и желая напередъ предотвратить и обличить оное при самомъ установленіи святѣйшаго таинства.

Говорятъ, что святые апостолы принимали святѣйшую Евхаристію подъ обоими видами потому, что они постав-

---

церкви причащеніе подъ однимъ и подъ обоими видами было одинаково извѣстно и употребительно. Тоже почти повторено было потомъ и на Тридентинскомъ соборѣ. См. Chemniliі Exam. Decret. Conc. Trident pars. II. de communione sub utraque specie.

лены были строителями таинъ Божіихъ, точно такъ, какъ и теперь, въ римской церкви, соверщающіе таинство Евхаристіи приѣмлютъ его подъ обоими также видами. Но, *вопервыхъ*, ни самъ Спаситель, ни апостолы не показали никакого различія въ приобщеніи святыхъ Таинъ между самими священно-дѣйствующими и только присутствующими при священно-дѣйствіи; *вовторыхъ*, сами апостолы не были еще священнодѣйствующими въ то время, когда въ первый разъ сподобились причаститься животворящихъ Таинъ Христовыхъ. Тогда священно-дѣйствующимъ былъ единый Господь нашъ Іисусъ Христосъ; апостолы же, хотя призваны были къ своему служенію, но не были еще посвящены въ оное осѣненіемъ благодати Духа Святаго, дарованной имъ уже по воскресеніи, а наипаче по вознесеніи Господнемъ, въ день Пятидесятницы.

Какъ на историческое свидѣтельство въ свою пользу изъ временъ апостольскихъ, богословы римской церкви указываютъ особенно на слѣдующее мѣсто въ книгѣ дѣяній апостольскихъ: *по вся же дни терпяще единодушно въ церкви, и ломяще по домохъ хлѣбъ, приимаху пищу въ радости и въ простотѣ сердца, хваляще Бога и имуще благодать у всѣхъ людей*¹⁾. Мѣсто это они разумѣютъ о приобщеніи христіанъ пресвятой Евхаристіи и потому выраженіе: *ломающе хлѣбъ по домохъ* принимаютъ за указаніе на самый древній обычай причащенія христіанъ подъ однимъ видомъ. Но если въ этомъ мѣстѣ и дѣйствительно говорится не о простыхъ только вечерахъ, но и о трапезѣ Господней (бывавшей за вечерами любви), то изъ него нельзя выводить такого заключенія, какое выводятъ западные писатели. Здѣсь, очевидно, не вполнѣ описывается причащеніе древнихъ

¹⁾ Дѣян. II, 46 47.

христіанъ (ибо оно не различается даже отъ простой вечери); а подобныя неполныя мѣста надобно объяснять болѣе полнѣйшими, а не наоборотъ. Полнѣйшее мѣсто о семъ предметѣ мы имѣемъ въ писаніяхъ апостола Павла, именно, въ первомъ посланіи его къ Коринѳянамъ (XI, 20—29), гдѣ онъ именно говоритъ о причащеніи святыхъ Таинъ Христовыхъ. Мы уже приводили это мѣсто: теперь только указываемъ на него, какъ на яснѣйшее и неопровержимое свидѣтельство того, что въ апостольской церкви всѣ вѣрующіе пріобщались тѣла и крови Христовой подъ обоими видами.

Послѣ святыхъ апостоловъ въ древней церкви Христовой не дѣлали никакого различія въ этомъ отношеніи между христіанами: священно-дѣйствующіе и несвященно-дѣйствующіе, служители церкви Божіей и міряне, люди знатные и простой народъ, всѣ одинаково пріобщались святыхъ Таинъ Божіихъ, т. е. вкушали тѣло и кровь Христову подъ видами хлѣба и вина. Святый Игнатій Богоносецъ, въ посланіи къ Филадельфійцамъ, обращаясь ко всѣмъ вѣрующимъ, заповѣдуетъ имъ имѣть одну вѣру, одно евангеліе, одну Евхаристію: »ибо, говоритъ,—одно есть тѣло Господа Іисуса, и одна кровь Его, за насъ изліянная; одинъ также хлѣбъ, всѣмъ преломляемый, и одна чаша, всѣмъ раздѣляемая«. Святый Златоустъ, въ XVIII бесѣдѣ на второе посланіе къ Коринѳянамъ, еще яснѣе говоритъ о томъ же предметѣ: »теперь не такъ, какъ во времена ветхаго завѣта, когда одно (изъ жертвы) отдѣлялось для священника, другое же народу, и что назначалось священнику, того нельзя было давать народу, теперь всѣмъ преподается одно тѣло и одна чаша«. Въ литургіяхъ Василія великаго и Іоанна Златоустаго священникъ молится: »вонми, Господи Іисусе Христе Боже нашъ, отъ святаго жилища Твоего, и отъ престола славы цар-

ствія Твоего, и прииди, во еже освятити насъ, Иже горѣ со отцемъ сѣдай, и здѣ намъ невидимо спребываяй: и сподоби державною Твоею рукою преподати намъ пречистое тѣло Твое, и честную кровь, и нами всѣмъ людемъ «¹⁾ Словомъ, въ древней церкви христіанской никогда и ни по какимъ причинамъ не приобщали мірянъ пречистыхъ таинъ Христовыхъ подѣ однимъ видомъ хлѣба ²⁾).

Появлялись отступленія отъ такого правила, но были обличаемы, какъ заблужденія. Въ третьемъ вѣкѣ нѣкоторые (Енкратиты) начали было употреблять въ Евхаристіи одну воду безъ вина, подѣ предлогомъ воздержанія; и за то подверглись строгимъ обличеніямъ священно-мученика Кипріана ³⁾. Въ четвертомъ и пятомъ вѣкѣ Манихеи, гнушавшіеся виномъ, какъ произведеніемъ темной силы, и почитавшіе плоть Іисуса Христа призрачною, хотѣли ввести также причащеніе подѣ однимъ видомъ; но святые отцы ревностно предостерегали православныхъ чадъ своихъ отъ такого заблужденія ⁴⁾. Въ концѣ пятаго вѣка на западѣ въ римской церкви, явились нѣкоторые уже не изъ еретиковъ, а изъ православныхъ, которые также уклонялись отъ чаши Христовой; но это было по суевѣрію, которое жестоко осуждаемо было пастырями тойже западной церкви ⁵⁾. Вотъ примѣры изъ древнихъ временъ упо-

¹⁾ Въ служебн. лист. 78 и 122 по Москов. изд.

²⁾ Когда отсылали святые дары больнымъ въ дома, и тогда не допускали никакого раздѣленія таинства: приобщили также подѣ видомъ хлѣба и вина (*Iustin, Apolog II pag. 97*). Равно, хранившіе св. дары у себя дома или запасавшіеся ими во время далекихъ путешествій (что не возбранялось въ древности) имѣли всегда не одинъ, но оба вида евхаристіи. *Gregor Nas. Orat de Sorigonio. Ambros Orat. de obitu fratris tom. III p. 19 edit. Basiliens. 1555.*

³⁾ *Cypr. Opp. lib. II, epist. 3.*

⁴⁾ *S. Leon. Serm. IV de Quadragesima.*

⁵⁾ *Gelasius de consecrat. distinct. II. сáп. XII.*

гребленія святѣйшей Евхаристіи подѣ однимъ видомъ: безъ сомнѣнія, на нихъ никто не захочетъ основываться.

Не на примѣрахъ и основано обыкновеніе римской церкви приобщать народъ подѣ однимъ видомъ. Начало этого обыкновенія относится къ XIII вѣку, когда въ подлинное ученіе церкви начали вторгаться мудрованія схоластиковъ. Тогда въ нѣкоторыхъ церквахъ западныхъ начали отказывать народу въ чашѣ, изъ опасенія и страха пролить кровь Христову. Какъ потомъ распространялось такое нововведеніе и къ XV вѣку сдѣлалось уже почти всеобщимъ обычаемъ на западѣ, не вполне извѣстно. Безъ сомнѣнія, оно принято было въ самомъ Римѣ и тамъ получило силу закона. Но прежде чѣмъ утвердили его цѣлые соборы западной церкви, оно встрѣчало большія сопротивленія и со стороны народа, не хотѣвшаго быть отчужденнымъ отъ чаши новаго завѣта¹⁾, и даже со стороны ученѣйшихъ и знаменитѣйшихъ мужей западной церкви того времени²⁾. Отсюда уже видно, что появленіе этого обычая было совершенно случайно; не было никакихъ важныхъ побужденій и причинъ къ отчужденію вѣрующихъ отъ общенія пречистой и животворящей крови Христовой. Опасеніе неосторожности со стороны народа при причащеніи чаши Христовой, очевидно, не можетъ служить такою причиною. Посему соборы не упоминаютъ объ этомъ; они постановляютъ новый законъ, но основаній для него совершенно никакихъ не показываютъ, безъ

1) *Chemnit. de commun. sub utraque specie* pag. 241.

2) Такъовы были Албертъ великій (*in IV sent. dist. S. artic. 13*) и Тома Аквинатъ (*III summae quaest 66. artic. 2*). Хотя они не хотѣли отвергать дѣйствительности таинства подѣ однимъ видомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно утверждали, что полное и совершенное таинство святѣйшей Евхаристіи можетъ и должно быть только подѣ обоими видами.

сомнѣнія потому, что не могли показать ни одного основанія; они только повелѣваютъ вѣрить, что таинство святой Евхаристіи, и подъ однимъ видомъ, полно и совершенно, стараясь, такимъ образомъ, оправдать свое нововведеніе ¹⁾).

Конечно, еслибъ это послѣднее доказательство имѣло полную силу и справедливость, то оно хотя бы и не оправдывало исполнѣ нововведенія, по крайней мѣрѣ защищало бы его догматическую непогрѣшимость. Но не такъ думали святые отцы церкви о лишеніи чаши Христовой, какъ думаютъ отцы западныхъ соборовъ: пріобщеніе Таинъ Христовыхъ подъ однимъ или подъ обоими видами, по ихъ ученію, никакъ не безразлично.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, что говорили касательно этого древніе пастыри и святители церкви. Св. священно-мученикъ Кипріанъ, вооружаясь противъ тѣхъ, кои не хотѣли употреблять вина въ таинствѣ святой Евхаристіи, говоритъ, что « въ семь случаѣ надобно непремѣнно держаться истины евангельской и преданія божественнаго, и никакъ не отступать отъ того, что заповѣдалъ и учредилъ самъ верховный Наставникъ Іисусъ Христосъ. Если кто, прибавляетъ онъ, изъ предшественниковъ нашихъ, по невѣдѣнію или по простотѣ, не того держался, не то дѣлалъ, что словомъ и примѣромъ преподалъ намъ Господь, то еще можно извинить такому человѣку простоту его, и Богъ, по милости своей, простить ему; но мы, зная важность и силу установленія Господня, не заслужимъ такого помилованія ²⁾ ». Скажутъ, что обличеніе св. Кипріана направлено не противъ обыкновенія пріобщать святѣйшей Евхаристіи подъ однимъ видомъ. Но

¹⁾ Coneil. Trident. Sess. V. cap. III cap 3.

²⁾ См. вышеуказ. мѣсто изъ твор. св. Кипріана.

если онъ такъ сильно вооружался противъ тѣхъ, кои замѣняли въ этомъ таинствѣ вино водою, то не болѣе ли того сказалъ бы противъ людей, совсѣмъ удаляющихся или удаляющихъ другихъ отъ чаши Господней? Впрочемъ, мы имѣемъ и другія, еще яснѣйшія и сильнѣйшія, обличенія святыхъ отцевъ противъ уклоненія отъ чаши Христовой. Такъ, св. Левъ, папа римскій, говоритъ: »нѣкоторые недостойными устами приѣмлютъ тѣло Христово, а кровь искупленія нашего совсѣмъ отметають... Если святотатственное притворство такихъ людей откроется и докажется, то властію священническою отлучать ихъ отъ общенія святыхъ«¹⁾. Геласій подобнымъ же образомъ говоритъ: »мы узнали, что нѣкоторые ограничиваются только святою частію священнаго тѣла, а отъ чаши священной крови совсѣмъ уклоняются, по какому-то суевѣрію. Такіе люди или пусть принимаютъ всецѣлое таинство, или совсѣмъ не причащаются онаго, ибо раздѣленіе одного и того же таинства не можетъ быть безъ величайшаго святотатства«²⁾.

Можно ли сказать, послѣ этого, что въ древней церкви христіанской безразлично смотрѣли на приобщеніе святыхъ Таинъ подъ однимъ или двумя видами, когда древніе отцы и учителя церкви первый образъ приобщенія называютъ святотатственнымъ раздѣленіемъ таинства? Эти послѣдніе свидѣтельства достойны замѣчанія особенно потому, что принадлежать отцамъ западной же церкви и явно даютъ разумѣть, что западные христіане отступили во многомъ отъ ученія не только восточныхъ отцевъ, но и древнихъ отцевъ собственной своей церкви.

Съ другой стороны, кабую силу могутъ имѣть доказательства позднѣйшаго изобрѣтенія о законности при-

1) См. вышеуказан. мѣсто изъ твор. св. Льва.

2) См. вышеуказ. мѣсто изъ твор. Геласія.

чащенія подѣ однимъ видомъ противъ древняго апостольскаго ученія о святѣйшей Евхаристіи и противъ примѣра самого Господа и Спасителя нашего? Говорятъ, что Господь всецѣло пребываетъ подѣ каждымъ видомъ святѣйшей Евхаристіи. Но почему же Онъ самъ преподалъ ее подѣ обоими видами? Почему святые апостолы, а за ними вся христіанская церковь неуклонно держалась высочайшаго примѣра сего? Можно ли допустить въ такомъ высочайшемъ таинствѣ что нибудь произвольное? *Аще не съѣсте плоти Сына человѣческаго, ни пїете крове Его, живота не имате въ себѣ*¹⁾: такъ училъ самъ Господь, такъ показалъ и на дѣлѣ, установивъ таинство святѣйшей Евхаристіи. Онъ не раздѣлялъ таинства, и заповѣдалъ творить тоже навсегда. Этому ученію и примѣру должно слѣдовать, и ему всегда слѣдовала и донинѣ слѣдуетъ православная, католическая, апостольская церковь, которой чадѣми удостоилъ насъ быть Господь Іисусъ Христосъ.

---

1) Іоан. 6, 53.

„Жертва неразумнаго воспитанія“.

Въ Февральской книжкѣ »Странника« помѣщенъ очеркъ *Братцева* подъ выписаннымъ нами заглавіемъ. Признавая, что содержаніе этого очерка вполне соотвѣтствуетъ дѣйствительности недавняго прошлаго, мы полагаемъ, что онъ будетъ имѣть для нашихъ читателей не только, такъ сказать, интересъ историческій, но и педагогическій. А потому мы считаемъ неизлишнимъ передать содержаніе названнаго очерка.

Главные герои очерка »Жертвы неразумнаго воспитанія«—два мальчика: семи или восьмилѣтній Петя—

сынъ священника, и сверстникъ его Федя, сынъ пономаря. Перваго авторъ характеризуетъ такъ: жиденькій, золотушный и изнѣженный ребенокъ, любимецъ и баловень матери«. Къ тому въ немъ съ самаго ранняго возраста сказывался сластолюбецъ. Вѣчно гулялъ-ли онъ или сидѣлъ дома, въ карманѣ, а иногда во рту, былъ кусокъ сдобной лепешки или по крайней мѣрѣ сахару«. Отецъ, благодаря тому взгляду, что на мальчика не стоитъ обращать вниманія до той поры, пока не настанетъ время учить грамотѣ, оставилъ его на исключительномъ попеченіи матери. Это бы, пожалуй, и не бѣда. Но дѣло въ томъ, что мать, любившая свое ненаглядное дѣтище до безумія, всегда потворствовала его естественной склонности къ капризамъ и не сдерживала его дурныхъ привычекъ и наклонностей. Мало того: когда отецъ или кто другой указывалъ ей на проказы или вообще на дурное направленіе мальчика, она всегда брала сторону послѣдняго, а сынъ еще »пуще прежняго начиналъ кричать, капризничать и своевольничать«. Такъ постепенно складывалось дурное направленіе мальчика и тотчасъ же сказалось во всей наготѣ, когда онъ вошелъ въ кругъ своихъ товарищей. Обижать тѣхъ, кто послабѣе его, злорадствовать, когда по его винѣ наказываютъ тѣхъ, кого онъ самъ не въ состояніи обидѣть, не подчиняться въ играхъ ихъ требованіямъ и произвольно нарушать послѣднія, мѣшая другимъ—стало отличительными чертами Пети

Совершенно другой типъ мальчика представлялъ собою Федя. Физически здоровый, онъ отличался наблюдательностію, терпѣливостію и уступчивостію. Не было, правда, никого такого, кто развивалъ бы его хорошіе задатки; но за то на первыхъ порахъ, никто не имѣлъ на него исключительно дурнаго вліянія. Старикъ отецъ, забывая о

сынѣ, только и зналъ тругъ изъ-за куска хлѣба; мать давно умерла, а тетка, искренно любившая племянника, хотя и не имѣла »добраго вліянія на умственное развитіе ребенка«, но и не развращала его. Предоставленный своимъ силамъ, мальчикъ развивался въ кругу окружающей его природы. Невольно она манила къ себѣ мальчика и приковывала его дѣтское вниманіе: у мальчика развивалась наблюдательность. Развившееся же чувство любви къ природѣ родило въ немъ стремленіе къ воспроизведенію ея: онъ самъ принялся рисовать окружающіе его предметы. Отдаваясь своимъ работамъ, Федя какъ бы забывалъ о товарищахъ. Но когда »веселые крики и голоса раздавались подъ его окномъ«, онъ вспоминалъ о сверстникахъ и также довѣрчиво и вполне отдавался товариществу, какъ и природѣ.

Долго эти мальчики развивались бы на свободѣ въ томъ направленіи, какое каждый изъ нихъ получилъ первоначально.

Но вотъ о. Матвѣй (отецъ Пети), видя что мальчикъ испорченъ баловствомъ матери, предпринимаетъ, наконецъ, исправить сына и »засаживаетъ его за азбуку«. Послѣднее онъ совѣтуетъ сдѣлать и Федосѣичу (отцу Феде), потому что »неученыхъ въ школу не повезешь«. Такимъ образомъ, начинается для нашихъ героев роковое въ ихъ жизни ученіе. Дѣйствительно, о. Матвѣй сначала усердно принялся за дѣло исправленія сына. Но, во первыхъ, онъ пользовался для того неправильными средствами, а во вторыхъ, не отличался настойчивостію въ своихъ начинаніяхъ. Онъ полагалъ, что если усадить мальчика за »азъ и склады«, то дурное направленіе пройдетъ само собою, помимо хорошихъ примѣровъ и наставленій отца и матери. Поставивъ цѣлю исправить мальчика, онъ только на нѣкоторое время лишалъ его свободы и несколько не за

ботился ни объ изысканіи дѣйствительныхъ средствъ исправленія, ни объ устраненіи дурнаго вліянія матери. А между тѣмъ мать при всякомъ удобномъ случаѣ твердила сыну: »ишь у тебя отецъ-то какой безжалостный: совсѣмъ тебя, моего милаго, замучилъ; только и знаетъ, что держить за книгой. А что толку то и-дѣло сидишь за ней: еще усиѣшь намаяться въ училищѣ! Не видя добрыхъ плодовъ своей дѣятельности, о. Матвѣй пришелъ къ мысли: »безъ битья тутъ должно быть не обойдешься«... и приложилъ её къ дѣлу. Но какъ и это ни къ чему доброму не приводило, онъ опустилъ руки, сказавъ: »что миѣ тутъ съ нимъ возиться понапрасну! какъ нибудь въ училище его опредѣлю, а тамъ пусть его учать, какъ знаютъ; на то и школа, чтобы учить, учителямъ лучше знать какъ ребятъ на умъ—разумъ наставлять! И дѣйствительно онъ совершенно устранилъ себя отъ воспитанія, если не считать воспитаніемъ того, что всё же таки на нѣкоторое время засаживалъ онъ сына въ комнату и насильно заставлялъ его твердить книгу. И вотъ уже въ семьѣ, гдѣ получаютъ задатки на всю жизнь, Петя росъ такимъ мальчикомъ, для котораго повѣсничать, бѣгать по селу и задворкамъ съ пастушескимъ кнутомъ, передразнивать нищихъ, калѣкъ, стариковъ, опустошать чужіе огороды, заводить ссоры съ мальчишками, бить собакъ, разорягъ птичьи гнѣзда—было обыкновеннымъ и почти постояннымъ занятіемъ».

Если непостоянство о. Матвѣя дурно сказалось на его сынѣ, имѣвшемъ уже, впрочемъ, дурное направленіе, то, съ другой стороны, не приносила пользы и настойчивость Ѳедосѣича. Если первый своею небрежностію способствовалъ укрѣпленію въ сынѣ дурнаго направленія, то своимъ вниманіемъ второй тормозилъ развитіе и убивалъ хорошіе задатки своего сына. Взавшись обучать его, будучи самъ почти неграмотнымъ, Ѳедосѣичъ свои собственные

недостатки переносилъ на сына и винилъ въ нихъ ни въ чемъ не повиннаго ребенка. Не будучи въ состояніи удовлетворить любознательности дитяти, онъ пришелъ къ убѣжденію, что сынъ его »тупица«, и старался бить мальчика и сѣчь его, какъ можно болѣе. Онъ думалъ, что умъ и память »пришиваются« розгой. Впрочемъ, какъ бы тамъ ни велось первоначальное воспитаніе, ему скоро наступилъ конецъ: мальчиковъ опредѣлили въ школу.

Одея, съ первыхъ дней поступленія въ школу, началъ проявлять примѣрное прилежаніе и усердіе. Хотя и смутно, но всё таки онъ сознавалъ, что теперь можетъ многое узнать, многому научиться. Но приученный отцемъ къ безсознательному, механическому усвоенію памятью, онъ вообразилъ, что каждый урокъ нужно зубрить »буква въ букву«. (Правиломъ отца было: »тверди, тверди, хорошенько тверди урокъ«). До поту бѣдный мальчикъ трудился иногда, лишь-бы усвоить урокъ. И такъ трудился онъ не по причинѣ недостатка способностей, а по причинѣ неумѣнья взяться за дѣло. Впрочемъ, къ счастью Одея, одинъ добрый учитель показалъ ему, какъ нужно усвоить уроки, и для него »открылся новый свѣтъ и приготовленіе уроковъ не стало представлять прежнихъ затрудненій«. Мальчикъ замѣтно началъ оказывать успѣхи; но къ сожалѣнію, это хорошее время миновало для него скоро, и миновало безвозвратно. Причиною этому было слѣдующее обстоятельство. Шалуна Петю, его товарища, наказали за проказы; случилось такъ, что въ тотъ же день пріѣхала его мать, и онъ обвинилъ Одея, какъ причину наказанія. Разсерженная такой вопіющей неправдою мать, пріѣхавши домой, приказала Оедосѣвичу »унять« своего сорванца. Оедосѣвичъ, для котораго слова матушки были закономъ, отправился въ городъ, задалъ »Оедьѣ« самую жаркую баню самъ и »поступился полтиной« старшимъ квартирн-

тамъ, »прося еѣчь мальчишкѣ безъ жалости« Съ удовольствіемъ и аккуратностію принялись тѣ за исполненіе отцовскаго порученія. Издѣвательствомъ, обидамъ, побоямъ не было конца, и этимъ бѣдный мальчикъ былъ такъ разстроенъ физически, что совершенно началъ тупѣть и глупѣть. Чувство, впрочемъ, самосохраненія взяло свое: »мальчикъ бѣжалъ«. Пойманный и представленный въ училище, онъ былъ исключенъ изъ него. Вскорѣ потомъ онъ умеръ...

Совершенно иначе повліяла школьная обстановка на Петю. Правда, и ему, какъ Ѳедѣ, трудно давалась школьная наука. Но онъ не задумывался надъ этимъ. »Какъ только урокъ бывалъ ему не подъ силу или почему-либо казался скучнымъ, Петя бросалъ книгу и уходилъ въ амбаръ, гдѣ были у него лепешки, яблоки, орѣхи и другія лакомства«. А надобно замѣтить, что неразумно-заботливая мать доставляла ему все это въ изобиліи. Вліяніе товарищей было недоброе, хотя проявлялось оно по отношенію къ Петѣ и не въ такой формѣ, какъ по отношенію къ Ѳедѣ. Теперь эти товарищи льстили Петѣ и угождали ему, проматывали съ нимъ всѣ деньги и посвящали его »во многія несвойственные его лѣтамъ удовольствія, развлеченія и пороки«. Въ такой нравственной обстановкѣ Петя »потерялъ всякую совѣсть и одеревенѣлъ ко всему доброму. Онъ сталъ думать и заботиться только о томъ, чтобы добыть у матери какъ можно больше денегъ и промотать ихъ. Когда же недоставало добытыхъ денегъ, онъ не задумывался въ средствахъ къ изысканію: сорванца Петрушку заподозрили, наконецъ, въ воровствѣ и чуть было не исключили. Всего этого мать какъ будто не замѣчала: ея слѣпая любовь смежила ей глаза. Но скоро горькимъ опытомъ пришлось ей разочароваться въ своемъ любимцѣ.—О. Матвѣй занемогъ и на смертномъ одрѣ пожелалъ благословить своего сына. Привезли его изъ училища домой, и тутъ онъ, пользуясь суматохой и домашними хлопотами о погребеніи отца, стащилъ деньги у матери. Не скоро спохватилась мать, а когда спохватилась, то пришла къ мысли: »неужели это Петино дѣло?—кромѣ него никто не зналъ, гдѣ спрятаны деньги«... Надѣялась мать, что сынъ сознается и возвратитъ похищенные деньги. »Не тутъ-то было. Петя клялся и бо-

жился, что денегъ не бралъ. Напрасно умоляла его мать сжалиться надъ ней и отдать деньги, напрасно указывала на свое сиротство, на бѣдность, на то, что ему и ей вскорѣ вѣсть нечего будетъ, — ничто не дѣйствовало. Послѣ, впрочемъ, оказалось, что онъ дѣйствительно стащилъ деньги, и изъ похищеннаго мать возвратила едва половину. Не ждала уже бѣдная мать чего-нибудь хорошаго отъ своего баловня сына; но все таки не предполагала и того горькаго несчастья, какое скоро постигло какъ сына, такъ и ее. Лѣнивый, сластолюбивый, испорченный Петрушка не могъ быть долѣе терпимъ въ школѣ: его исключили. Шатаясь по городу, онъ свелъ знакомство съ подобными ему людьми. Вмѣстѣ съ ними онъ былъ поймавъ въ воровствѣ со взломомъ и съ ними же, по судебному приговору, сосланъ въ одну изъ отдаленнѣйшихъ мѣстностей Россіи.

По дорогѣ въ ссылку догнала мать своего сына — арестанта; но эта грустная встрѣча, вызванная материнскою любовію къ погибающему, не облегчила, а лишь усилила ее горе и отчаяніе. Теперь она въ послѣдній разъ и окончательно убѣдилась, что сынъ ее погибъ безвозвратно. Не раскаялся онъ въ своихъ проступкахъ, не обнаружилъ сожалѣнія къ любящей матери, не вспомнилъ онъ объ отцѣ... Одно было у него на умѣ и на языкѣ въ эти минуты послѣдняго свиданія — это упрекъ матери, что она не привезла ему денегъ!...

Одна изъ мѣръ для борьбы съ хлѣбнымъ жукомъ.

Въ № 16 »Земледѣльческой газеты«, за текущій годъ, нѣкто г. Соколовъ—Бородкинъ рекомендуетъ слѣдующую мѣру для истребленія хлѣбнаго жука:

Необходимо сдѣлать запасы не вполне разложившагося навоза и собрать травы, дающія ѣдкій дымъ (полынь, нѣмицу, нехворощь молочай и т. п.), а также, если есть, конопляную полову, бодиль табака, но только перебродившаго, и т. д. Эти растенія изрубить и смѣшать съ навозомъ; къ послѣднему можно примѣшать сѣру или другія вещества, способныя давать при горѣннѣ ѣдкій дымъ.

Навозъ раскладывается частыми кучами вокругъ нивъ, занятыхъ жукомъ; кучи укутываются перегнившею, или какою другою пологою, предварительно смоченною на столько, чтобы она не могла легко горѣть. Когда это все сдѣлано, рабочіе снабжаются, кромѣ обычныхъ вилъ, лопатъ и грабель, жердями или палками, длиною въ 2—3 аршина, съ желѣзными наконечниками, и навозъ зажигается.— Жерди съ желѣзными наконечниками служатъ для того, чтобы управлять горѣніемъ кучъ, и именно: не давать огню пробиваться въ верхъ, для чего дѣлаются почаще отверстія у основанія кучъ съ той стороны ихъ, которая обращена къ нивѣ.—При умѣломъ управленіи горѣніемъ, дымъ потянется сплошнымъ потокомъ по землѣ, черезъ всю ниву, у корней хлѣбовъ или травъ.

На основаніи собственныхъ опытовъ, г. Соколовъ—Бородкинъ ручается, что, при употребленіи этого средства, жукъ не успеетъ спастись, и весь съ имѣющимся зародышемъ погибнетъ.

Средство отъ подагры.

Въ »Аугсбургской газетѣ« напечатано письмо, слѣдующаго содержанія: »28 марта, въ одну изъ самыхъ мучительныхъ минутъ, зашелъ ко мнѣ товарищъ и упомянулъ о какомъ-то новомъ средствѣ, входящемъ теперь въ моду: объ уколѣ больного мѣста пчелою. Какъ ни наивенъ показался мнѣ его совѣтъ, но боль превозмогла—я согласился, и приладилъ небольшую коробочку къ больной ногѣ такъ, что могло выползати только по одной пчелѣ. Чтобы извлечь оттуда насѣкомое, я капнулъ медомъ на ногу—приманка помогла, и—уколъ слѣдовалъ за уколомъ. Спусти нѣкоторое время, какъ только унялась боль отъ ужаленія, я повыдергивалъ изъ опухоли жала, и ломота была какъ рукою снята. Въ тотъ же день я могъ встать съ

постели, и безпренятственно приступить къ отправленію своихъ обязанностей (я лѣсничій). Дней 5 еще продолжался жаръ въ ногѣ, но боль не возобновлялась уже цѣлая шесть недѣль. Довожу этотъ случай до свѣдѣнія всѣхъ ревматиковъ, и желаю искренно, чтобъ жало пчелы исцѣлило ихъ такъ же скоро, какъ меня.

(Живопис. Обзор. № 22).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

НОВАЯ КНИГА:

ЗА ВѢРУ И ПРОТИВЪ НЕВѢРІЯ

ИЛИ: †

Общепонятная защита главныхъ основаній христіанскаго вѣроученія.

Составилъ по лучшимъ апологетамъ законоучитель 3-ей Кіевской Гимназіи и преподаватель Кіевской Духовной Семинаріи священникъ *Х. М. ОРДА*. Цѣна 60 коп. съ пересылкою.

Можно получать въ конторѣ редакціи ВОСКРЕСНАГО ЧТЕНІЯ при Кіевской Д. Академіи, въ Кіевскихъ книжныхъ магазинахъ, въ *Москвѣ* у книгопродавца *А. А. Терапонтова* и въ *С. Петербургѣ* у *Н. Оглоблина*.

ЗАМѢТКА ОТЪ РЕДАКЦІИ

Съ 27 № нашего журнала счетъ страницъ, по ошибкѣ наборщика и по недосмотру корректора, оказался невѣрнымъ. Поэтому настоящій 32 № долженъ начинаться не съ 385-й стр., а съ 349-й.

РУКОВОДСТВО

Д Л Я

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
четыре руб., съ пересылкою пять
рублей сереб.

№ 33.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при кievской
семинаріи.

1879 года. Августа 12-го.

Содержаніе. Отношеніе христіанской религіи къ благосостоянію гражданскихъ обществъ.—Странники, ихъ исальми и канты.—При отъѣздѣ отъ береговъ Востока.—Предъ отъѣздомъ съ Авона.—У береговъ Россіи (стихотворенія).—Объявленіе отъ редакціи.—*Въ приложеніи:* Поученіе на день Св. пророка Божія Іліи (окончаніе).—Поученіе на „Спасовъ день“.—Поученіе на 6-е августа—на Преображенъевъ день.—Поученіе къ поселянамъ въ день Преображенія Господня объ одеждѣ тѣлесной и душевной и предъ св. причащеніемъ.

Отношеніе христіанской религіи къ благосостоянію гражданскихъ обществъ.

»Во всѣ времена«, по свидѣтельству христіанскихъ богослововъ, »противники христіанства обвиняли его въ томъ, что оно своею строгою моралью (будто бы) убиваетъ благородные порывы природы человѣческой,—что евангеліе, по мнѣнію ихъ, ослабляетъ любовь къ семейству, отечеству, стремленіе къ добру, прогрессу и свободѣ,—что любовь къ Богу уничтожаетъ всякую привязанность къ твари, отечество небесное заставляеть забывать объ отечествѣ земномъ,—что даже самый прогрессъ есть слово безъ значенія для того, кто владѣеть совершенною и неизмѣнною истиною, данною міру уже болѣе 18 ти вѣковъ«. Да, во всѣ времена божественная религія и ея исповѣдники терпѣли и терпятъ такого рода обви-

ненія и клеветы, которыя, впрочемъ, по различію временъ и обвинителей варьировались на разные манеры и лады... Въ первыя времена появленія божественной религіи въ міръ, удивляемые и устрашаемые быстрымъ распространеніемъ ея—язычники и даже іудеи слагали на христіанъ вину общественныхъ бѣдствій, сіяясь доказать, что они, по законамъ своей религіи, не почитаютъ императоровъ, не уважаютъ ихъ правителей, предаются гнуснымъ порокамъ, проводятъ время въ праздности и бездѣйствіи, и такимъ образомъ, становясь врагами власти и общественного благосостоянія, наводятъ на себя и прочихъ членовъ государства гнѣвъ боговъ, кару небесъ. Ни знаменитыя апологіи святаго Іустина и Тертулліана, ни сочиненія бл. Августина (*de civitate Dei*) и другихъ апологетовъ христіанства не могли искоренить въ язычникахъ мысли о вредѣ христіанства для общественнаго благосостоянія,—она могла умереть только съ смертію самаго язычества. Но какъ съ смертію древняго язычества не умеръ исконный врагъ божественной истины, то не прекратились и клеветники на христіанство. Бѣдствія христіанскихъ народовъ, повременно посѣщавшія ихъ, частыя войны ихъ между собою и съ народами иныхъ вѣръ, особенно—такъ называемыя религіозныя войны, бывшія на западѣ, — соблазнительное поведеніе нѣкоторыхъ представителей западной церкви, ихъ деспотизмъ, ихъ антипрогрессивныя тенденціи, ихъ враждебное отношеніе къ успѣхамъ цивилизациі, индефферентизмъ къ общественной пользѣ,—все это и тому подобныя несчастія христіанскихъ обществъ, со времени отдѣленія западной церкви отъ восточной и особенно—съ развитіемъ раціонализма—стали выставять на видъ къ униженію достоинства самой религіи христіанъ. Являлись и доселѣ являются въ средѣ уже самихъ христіанскихъ обществъ лица, (—разумѣется—уже не хри-

стіане по вѣрѣ и жизни), которыя если не всегда печатно, то устно не стыдятся проповѣдывать, что христіанская вѣра сама въ себѣ заключаетъ начала, не благопріятствующія благосостоянію гражданскихъ обществъ, что своимъ положительнымъ ученіемъ, законами и уставами внѣшняго культа связываетъ, будто-бы, и умъ, и волю человѣка, останавливаетъ ихъ естественное развитіе и тѣмъ пренятствуетъ развитію общественной цивилизаціи. Другіе въ своихъ сужденіяхъ о христіанской вѣрѣ идутъ далѣе, утверждая, что самая цивилизація европейскихъ христіанскихъ государствъ, сложившаяся подъ вліяніемъ началъ христіанства, служила и служить источникомъ многихъ бѣдствій, — что если современная цивилизація и приноситъ благотворные плоды для человѣчества, то эти плоды суть слѣдствіе развитія естествознанія, которое «сломило господство старой, отжившей свое время, лжи, потушило костры вѣдъ и еретиковъ, сняло цѣпи съ нашего ума, раскрыло предѣлы познанія, научило своихъ учениковъ смотрѣть безъ головокруженія внизъ съ воздушной верхушки скептицизма, на мѣсто произвола и сверхъестественности поставило законъ, освободило даже чорнаго человѣка (т. е. негра), покорило міръ совершенно другимъ образомъ, чѣмъ когда-то Александръ Великій Македонскій и Римляне, сдѣлалось истинною междунаціональною связью народовъ».

Посмотримъ, такъ-ли это? И во 1-хъ, дѣйствительно-ли христіанская вѣра заключаетъ въ себѣ начала, не благопріятствующія благоденствію гражданскихъ обществъ, во 2-хъ, въ такомъ ли отношеніи она находится къ гражданскимъ обществамъ и въ такое ли отношеніе она ставитъ ихъ къ себѣ, въ какихъ изображаютъ ее враги ея, и въ 3-хъ, въ ней ли источникъ общественныхъ бѣдствій и тамъ ли наше счастіе, гдѣ указываютъ намъ

наши попечители и усердные поклонники естествознанія?

I.

Гражданское общество, какъ общество людей, соединенныхъ между собою единствомъ законовъ и постановленій, нравовъ и обычаевъ, не рѣдко и единствомъ религіи и языка, справедливо сравниваютъ съ индивидуумомъ. Какъ въ послѣднемъ всѣ части, каждая занимая въ цѣломъ свое мѣсто, живутъ одною жизнію, подъ управленіемъ одной силы ума, и совмѣстно дѣйствуютъ одна въ пользу другой; такъ и въ каждомъ гражданскомъ обществѣ должна быть основная идея, опредѣляющая его жизнь и назначеніе, проникающая собою всѣ законы и учрежденія, и каждый отдѣльный членъ, жизни собственною жизнію, долженъ жить общею идеею, подчиняться законамъ и общественнымъ учрежденіямъ, исполняя каждый свои частныя обязанности, направлять свою дѣятельность и къ общему благу. Отселѣ благоденствіе всякаго гражданского общества обуславливается, во-первыхъ, мудрыми законами и постановленіями, которые бы не противорѣчили ни вообще народному духу и характеру, ни въ частности личнымъ правамъ и интересамъ членовъ, и прямо вели-бы общество къ его цѣли,—во вторыхъ, точнымъ и честнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей со стороны каждаго члена общества—отъ главы до послѣдняго подданнаго,—въ третьихъ, чистотою нравовъ членовъ вообще, затѣмъ—возможно большею степенью просвѣщенія и наконецъ—тѣмъ трудолюбіемъ, отъ котораго зависитъ развитіе промышленности, торговли и т. под. средствъ собственно къ виѣшнему благосостоянію народа.—Въ какомъ же отношеніи св. вѣра христіанская находится къ этимъ условіямъ общественнаго благоденствія? Что касается перваго условія, то въ христіанской вѣрѣ не только

нѣтъ ни одного начала, которое противорѣчило бы этому условію, а наоборотъ—только въ ней-то и заключается то идеальное начало жизни и благоденствія человѣка, къ какому стремится и какого ищетъ въ теченіи вѣковъ заблудшее человѣчество. Основное начало христіанской жизни есть начало той безпредѣльной *любви*, на которой, по слову Господа, весь законъ и пророцы висятъ. Это начало жизни и дѣятельности человѣка не ограничивается ни мѣстомъ, ни временемъ, ни духомъ и характеромъ народнымъ; оно вездѣ можетъ найти себѣ почву и гдѣ только находитъ, вездѣ приносить съ собою жизнь, благо и счастье. Для него не нужно ни условій народности, ни условій мѣстности и почвы, или лучше—каковы бы ни были эти условія, оно легко сживается съ ними, все измѣняя и направляя къ лучшему, но само никогда не измѣняясь. Стоитъ только вспомнить тѣ гражданскія общества, въ которыхъ любовь христіанская поставляется въ основу всѣхъ законовъ и учрежденій, чтобы видѣть, какія благотворныя перемѣны происходили въ нихъ. Не достало бы времени исчислить всѣ тѣ плоды, которые приносило съ собою это святое начало тѣмъ государствамъ, въ которыхъ оно положено было въ основу законовъ и учрежденій. Знакомымъ съ исторіею жизни народовъ достаточно вспомнить состояніе римской имперіи со временъ мудраго императора ея, св. и равноапостольнаго Константина, и нашего роднаго отечества со временъ св. равноапостольнаго князя Владиміра, и сравнить это состояніе съ тѣмъ, въ какомъ находились сіи государства до принятія христіанской вѣры. Да и можетъ ли такое начало гражданской жизни, какова любовь христіанская, не быть прочнымъ основаніемъ благосостоянія общества, когда оно есть—такъ сказать—всемирное начало жизни? И сами противники христіанства не задумаются сказать,

что это начало есть основаніе всей жизни, всей дѣятельности, какъ всякаго нравственнаго индивидуума, такъ и всякаго человѣческаго общества, къ какому бы племени оно ни принадлежало, какую бы религію ни исповѣдывало, въ какомъ бы состояніи просвѣщенія и цивилизаціи ни находилось. И эта гуманность и эта филантропія, о которой такъ громко проповѣдуютъ современные прогрессисты—не въ той ли же любви имѣеть свое начало? А эта любовь гдѣ чище, возвышеннѣе и совершеннѣе и вмѣстѣ яснѣе и подробнѣе опредѣлена и раскрыта, какъ не въ христіанствѣ?—При такомъ началѣ гражданской и государственной жизни, положенномъ въ основаніе законовъ и учрежденій, не можетъ быть ни языческаго деспотизма, ни грубаго насилія и угнетенія, ни того рабства, низводящаго человѣка на степень безсловеснаго животнаго, какое узаконено было въ древнихъ языческихъ государствахъ, какое и нынѣ свойственно не христіанскимъ народамъ. Это начало исключаетъ собою всякое притязаніе со стороны высшихъ на права и интересы низшихъ и всякое посягательство на личную свободу, потому что на основаніи его св. вѣра христіанская положительно запрещаетъ подобныя насилія и притязанія; высшимъ она заповѣдуетъ исполнять относительно низшихъ все, къ чему обязываются они или добровольнымъ условіемъ, или гражданскими постановленіями (Матѹ. 10, 10. 20, 8. Лук. 17, 7. 8. 1. Кор. 9, 9. 1 Тим. 5, 18. Іак 5, 4.). Мало того, она заповѣдуетъ имъ дѣлать все, что полезно для души, тѣла, имущества, чести и внѣшняго благосостоянія низшихъ (Втор. 5, 14. Матѹ. 8, 6. Ефес. 6. 9. Фил. 1, 16). Супругамъ заповѣдуетъ взаимное уваженіе и любовь (Еф. 5, 28. 29. 1 Кор. 7, 3), трудиться другъ для друга (Мар. 10, 7. 8. Еф. 5, 28),—мужу—уважать свою жену, какъ сонаслѣдницу царства Божія

(1 Петр. 3, 7), женѣ—послушаніе и покорность мужу и должное почитаніе, какъ своей главѣ и образу самаго Христа въ отношеніи къ тѣлу—Церкви Его (Еф. 5, 22—24. Кол. 3, 18. Тим. 2, 5. 1 Петр. 3, 1. 6),—всѣмъ же вообще предписываетъ: »не пожелай дому ближняго, ни села его, ни раба его, ни вола его, ни осла его...« Короче: св. вѣра христіанская заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ правила жизни, которыя всѣми здравомыслящими признаются какъ необходимыя для соблюденія надлежащихъ отношеній между членами общества, и опредѣляетъ эти отношенія такъ, какъ требуютъ того ихъ права и общественныя положенія и какъ требуютъ самые враги христіанства. Можно ли же послѣ сего упрекать ее въ томъ, что она заключаетъ въ себѣ начала, неблагопріятствующія благоденствію гражданскихъ обществъ? Если же она и допускаетъ рабство,—въ чемъ упрекаютъ ее враги ея,—предписывая рабамъ послушаніе ихъ господамъ не только благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ (т. е. строгимъ), то это рабство отнюдь не такого характера, какой имѣло оно въ древнія времена у язычниковъ, и не то рабство, которое убиваетъ нравственную жизнь человѣка, отнимая у него свободу, и которое дѣйствительно вредитъ общественному благосостоянію. У древнихъ народовъ смотрѣли на раба, какъ на существо безличное, не имѣющее никакихъ правъ, кромѣ права жизни (и то не вездѣ и не всегда). Тамъ это мертвящее рабство не ограничивалось одними слугами,—оно простиралось еще дальше: тамъ и частные члены общества были рабами въ отношеніи къ цѣлому обществу, потому что не имѣли самостоятельности въ своихъ дѣйствіяхъ; ихъ значеніе, ихъ свобода были совершенно задавлены и уничтожены идеею общества; тамъ все, что принадлежало низшему, считалось собственностію высшаго,—

дѣти и жена—отцу и мужу, что было для себя—принадлежало сильному, пока наконецъ самая высшая власть и сила не принадлежала ничему. Такимъ образомъ и въ отношеніи къ обществу человѣкъ былъ тогда не гражданиномъ отечества, а совершеннымъ рабомъ его; всѣ права и всѣ чувства его были искажены и нарушены. Но то рабство, какое допускаетъ христіанская вѣра, есть не что иное, какъ только одна изъ степеней общественнаго положенія человѣка, на которую онъ самъ себя ставляетъ или добровольно, или по стеченію обстоятельствъ,—состояніе, условія котораго онъ долженъ исполнять, какъ свою обязанность. Допуская такое рабство, св. вѣра не позволяетъ отнимать свободы у рабовъ, ни посягать на ихъ человѣческія права,—она ясно и положительно заповѣдуетъ господамъ: *gospodie! правду и уравненіе рабамъ подавайте, видяще, яко и вы имате Господа на небесѣхъ* (Кол. 4, 1.), и повелѣваетъ имъ быть милосердыми, кроткими и сострадательными къ слугамъ своимъ (Еф. 6, 9. Іак. 2, 13. Мѡ. 8, 5—14). Могутъ ли же быть худыя слѣдствія отъ такого ученія христіанской вѣры о рабствѣ для благосостоянія гражданскихъ обществъ? Нѣтъ, христіанское рабство, или лучше—рабство по духу вѣры Христовой, есть не что иное, какъ взаимное отношеніе низшихъ и высшихъ, основанное на личныхъ свойствахъ и правахъ ихъ и по духу всеобщаго начала любви. А тамъ, гдѣ есть любовь, не можетъ скрываться зло,—доброе древо и плоды добрые приносить (Матѡ. 7, 17).

Итакъ, одно это чистое и святое, благотворное и спасительное, все проникающее и все освящающее начало жизни и дѣятельности христіанской—*начало любви* ручается за достоинство святой вѣры христіанской и совершенно устраняетъ мысль о ея виновности въ неблагополучіи гражданскихъ обществъ. Этимъ и можно бы было

закончить рѣчь объ отношеніи христіанской вѣры къ первому условію благоденствія гражданскихъ обществъ. Но въ ней есть еще не менѣе важное начало жизни и дѣятельности для человѣка и человѣческихъ обществъ, котораго уже совершенно не понимаютъ враги божественной религіи: это начало *самоотверженія*. Они говорятъ, что христіанская вѣра, проповѣдуя самоотверженіе, хочетъ исторгнуть человѣка изъ среды земныхъ существъ, заставляеть его быть какимъ то не земнымъ существомъ, препятствуетъ свободному развитію его силъ и умственныхъ, и физическихъ, дѣлаеть его безхарактернымъ, вялымъ и слабымъ членомъ общества, и потому мало способнымъ къ устроенію общественнаго благосостоянія. Говоря такимъ образомъ, враги вѣры Христовой или забываютъ, или не знаютъ, что самоотверженіе христіанское есть не презрѣніе человѣка къ самому себѣ, по которому бы онъ нисколько не заботился объ образованіи своихъ силъ, или о своемъ благосостояніи, оно есть отсутствіе того самолюбія и самоугожденія, которое заставляеть человѣка удовлетворять всѣмъ своимъ склонностямъ и всѣмъ страстямъ; оно есть постоянная готовность человѣка лишаться всего лестнаго и пріятнаго, всего даже драгоцѣннаго, коль скоро пріобрѣтеніе пріятнаго и драгоцѣннаго, или пользование онымъ, соединено съ чѣмъ либо противнымъ закону Божію, или будетъ угрожать уму, волѣ и сердцу человѣка своимъ плѣномъ. Очевидно, что такое самоотверженіе предполагаетъ съ одной стороны бдительность и зоркость ума, твердость и несокрушимость воли, съ другой чистоту и непорочность сердца, возвышенную нравственность,—словомъ, такіа качества, которыя составляютъ идеаль разумно свободного существа. Вотъ какъ понимаютъ и объясняютъ эту заповѣдь Спасителя святые исполнители Его ученія: »Христосъ желаетъ«, говоритъ св. Златоустъ

въ объясненіе словъ Спасителя: *да отвержется себе*, — Христосъ желаетъ, чтобы не жалѣли своего тѣла: бьютъ ли, гонятъ ли, жгутъ ли тебя, или другое что съ тобою дѣлаютъ, не жалѣй себя. Ибо это самое и значитъ жалѣть себя. Такъ и отцы тогда жалѣютъ своихъ дѣтей, когда, поручая ихъ учителямъ, приказываютъ не щадить ихъ. Подобнымъ образомъ и Христосъ. Онъ даже не сказалъ: *не жалѣй себя*, но гораздо сильнѣе: *отвергнись себя* (Мар. 8, 34), т. е. ничего не имѣй общаго съ самимъ собою, но обрекай себя на опасности, и это переноси такъ, какъ бы то терпѣлъ кто либо другой» (Весѣд. 55-я на ев. отъ Матѣ.). Можетъ ли же быть плохимъ гражданиномъ такой человекъ, который, не жалѣя себя, станетъ обречать себя на всѣ опасности и переносить оныя съ такимъ терпѣніемъ и мужествомъ? Не такіе то ли напротивъ люди и суть истинные граждане, благонадежнѣйшіе члены общества? И не изъ числа ли именно такихъ-то самоуниженныхъ большею частію являются герои отечества въ минуты политическихъ бурь и невзгодъ и вообще общественныхъ бѣдствій? Такъ, если кто, то именно эти самоотверженные и самоуниженные всѣхъ болѣе и способны къ самопожертвованію на пользу своихъ ближнихъ, во благо своихъ согражданъ. Для героизма Орлеанской дѣвы, для героизма Минина и Сусанина, спасшихъ отечество наше отъ такихъ тяжкихъ бѣдствій и, можетъ быть, отъ конечной гибели, мы не находимъ иного начала, кромѣ этого благодѣтельнаго начала христіанской жизни—самоотверженія. Только оно могло подвигнуть ихъ на столь великіе подвиги въ пользу своихъ ближнихъ и принести себя въ жертву злодѣямъ для спасенія жизни и благоденствія своихъ соотечественниковъ.

Повторяемъ, христіанская вѣра, кромѣ добрыхъ, прочихъ и твердыхъ началъ общественной жизни ничего

иного не даетъ гражданскимъ обществамъ. Посмотримъ теперь на ея отношеніе къ другимъ условіямъ благосостоянія гражданскихъ обществъ.

Странники, ихъ псалмы и канты¹⁾

(очеркъ изъ религіозной жизни русскаго народа).

III. Говоря о происхожденіи странническихъ псалмъ и кантъ, мы будемъ имѣть въ виду не весь извѣстный нынѣ составъ ихъ и ограничимся только тѣми псалмами и кантами, которыя лично подслушаны или записаны нами отъ странниковъ, и о которыхъ мы говорили прежде. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что въ такомъ тѣсномъ кругѣ странническихъ псалмъ и кантъ, какой мы беремъ для себя, трудно указать происхожденіе каждой изъ нихъ, взятой въ отдѣльности; а потому намъ придется сопоставлять указанія нами канты и псалмы съ другими подобными, извѣстными въ нашей ученой литературѣ, и ограничиваться иногда только параллелями и соображеніями общаго характера.

Стихи духовнаго содержанія появились въ Россіи въ очень древнія времена, можетъ быть, съ самаго введенія христіанства въ Россію. Православная вѣра наша, допуская при богослуженіи родной языкъ народа, этимъ самымъ содѣйствовала развитію народной поэзіи въ религіозной области. Но не такого происхожденія наши псалмы и канты, какъ показываетъ уже и самое ихъ названіе. Названіе «канта» происходитъ отъ латинскаго слова cantus и обязано своимъ происхожденіемъ латинской школѣ и церкви, въ которой дѣйствительно употреблялись кантычки духовнаго содержанія. Слово «псалма» есть искаженіе

¹⁾ См. № 31.

слова »псаломъ« и въ настоящемъ своемъ значеніи тоже перешло къ намъ изъ католической Польши. По свидѣтельству Симеона Полоцкаго въ предисловіи къ его римованной псалтири, православные христіане не только въ Малороссіи и Бѣлороссіи, но и въ самой Москвѣ любятъ распѣвать псалмы польскаго переложенія, хотя и непонимаютъ попольски, а довольствуются только сладостію одного пѣнія¹⁾. По образцу польскихъ кантычекъ и псалмовъ и въ униатской церкви существовали пѣсни благоговѣйныя, или вновь сочиненныя униатами, или же передѣланныя изъ народныхъ пѣсень. Намъ извѣстны два униатскихъ сборника духовныхъ стиховъ: »Пѣсни благоговѣйныя, въ кратцѣ собранныя, поемыя при божественной литургіи чтенной (тихой мшѣ), къ симъ же праздникамъ Господскимъ, богородичнымъ и нѣкоторымъ святымъ«... Почаевъ 1806 года, и »Богогласникъ, пѣсни благоговѣйныя праздникомъ господскимъ, богородичнымъ и нарочитымъ святымъ чрезъ весь годъ приключающимся, къ симъ же нѣкоторымъ чудотворнымъ иконамъ служащия«... Почаевъ, 1825 года²⁾. Въ самыхъ православныхъ южнорусскихъ школахъ любили переводить и сочинять духовныя стихотворенія, переложенія молитвъ, духовныхъ пѣсней, и псалмы, и канты. Псалмы и канты писались преимущественно на Рождество и Пасху какъ воспитанниками, такъ и наставниками. Потомъ ихъ произносили, а чаще всего распѣвали, иногда цѣлымъ хоромъ пѣвчихъ, предъ училищнымъ начальствомъ, въ домахъ богатыхъ и знатныхъ людей, которые за это распѣвавшимъ ученикамъ давали нѣкоторые

¹⁾ Истор. русской слов., Порфирьева, 1870 г., т. 1, стр. 531.

²⁾ Нѣкоторыя пѣсни этихъ сборниковъ напечатаны у Безсонова, хотя и безъ указанія на источникъ. Содержаніе сборниковъ кратко указано въ книгѣ о. Хойнацкаго: »Западно-русская церковная унія въ ея богослуженіи и обрядахъ«. Кіевъ, 1871 года.

подарки, и даже на улицѣ, передъ народомъ. Въ сборникѣ г. Безсонова »Калѣки перехожіе« напечатано весьма много псалмовъ и кантовъ и другихъ стихотвореній духовнаго содержанія. Кромѣ стихотвореній на Рождество и Пасху, здѣсь есть стихи на Благовѣщеніе, рождество Іоанна Предтечи, Крещеніе, Преображеніе, входъ Господень въ Іерусалимъ ¹⁾. Сочинялись, наконецъ, и стихотворенія чисто лирическаго характера, выражающія собою какое-либо религіозное чувство. Образцами для южнорусскихъ ученыхъ въ этомъ дѣлѣ служили, кромѣ польскихъ кантычекъ и пѣсней набожныхъ, латинскіе гимны Мурета, составленные имъ по подражанію Горацию, какъ напр., гимны его »о св. мученицѣ Варварѣ«, о св. Еккатеринѣ, *de vita instituenda*, стихи о страхѣ смерти, объ адскихъ мукахъ, и т. п. Кромѣ того, южнорусскіе ученые переводили и передѣлывали библейско-историческія элегіи Барлея, напр., кантъ о потопѣ, описывающій сцену всемірнаго потопа, когда, при шумѣ разливающихся водъ, отъ страха бѣжали жены съ дѣтьми, люди оставляли столъ, разлучались женихъ и невѣста и сѣѣшили спастись на высотахъ горъ, а также его элегіи ко Христу висящему, объ Іосифѣ, о св. Соломоніи, матери Маккавеевъ, и т. д. Но особеннымъ уваженіемъ южнорусскихъ ученыхъ пользовались, кажется, элегіи Германскаго мистика Гуго-Германа изъ его сочиненія: *Pia desideria* Есть основаніе думать, что его элегіи переводились на русскій языкъ еще въ XVII вѣкѣ ²⁾.

Изъ школы обычай писать стихи переходилъ и въ жизнь. Стихи, вмѣстѣ съ рѣчами разнаго рода, составляли необходимую принадлежность всякаго торжества, цер-

¹⁾ Истор. русской слов., Порфирьева, т. 1, стр. 481 и 483.

²⁾ О словесн. наукахъ въ Кіев Акад., въ Труд. К. Д. А. янв., 1867 г., стр. 87, 95—97.

жовнаго и гражданскаго. Кромѣ праздниковъ, они писались на дни тезоименитствъ, по случаю посѣщенія знаменитыхъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ. При изданіи книгъ, стихи составляли также неизбѣжное украшеніе ¹⁾).

Во второй половинѣ XVII в., вмѣстѣ съ освобожденіемъ Бѣлой Руси и присоединеніемъ Малой, двинулись отсюда массою всѣ вліянія, всѣвы работанные результаты, всѣ главные и ревностные дѣятели, шедшіе на Москву питаться отъ нея и питать ее своимъ образованіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ перешли на сѣверъ Россіи не только готовые псалмы и канты, но и авторская производительность ихъ. Выходцы продолжали здѣсь обработку стиховъ, правильнѣе псалмъ и кантъ, съ собою принесенныхъ, вообще продолжали свое творчество на письмѣ, въ литературѣ. Такъ, при переводной исторіи Варлаама и Іоасафа сложена въ стихахъ и напечатана молитва Іоасафа. Извѣстна также стихотворная псалтирь Симеона Полоцкаго. Литературные стихи, дѣло выходцевъ, сначала распространены были лишь въ верхнихъ слояхъ общества и въ теченіи XVIII в. перешли всего болѣе къ духовенству. Здѣсь обстановка совершенно благопріятствовала ихъ развитію, потому что по образцу южнорусскихъ школъ возникли здѣсь такія же школы, отличавшіяся стихотворною производительностію. Но стихи этихъ школъ и людей уже значительно отличаются отъ южнорусскихъ большею высотой, теплотою чувства и хорошимъ изложеніемъ, какъ напр, стихи, сочиненные св. Димитріемъ Ростовскимъ, и образуютъ собою второй слой рукописей, родившихся уже на Великой Руси и уцѣлѣвшихъ въ достаточномъ количествѣ. Затѣмъ послѣдовало изданіе цѣльнаго сборника ихъ въ печати,

¹⁾ Истор. русской слов., Порофирьева, т. 1, стр. 483.

сдѣланное впервые Добрынинымъ въ Москвѣ 1799 года¹⁾. Изъ позднѣйшихъ изданій, предшествовавшихъ сборнику Безсонова, мы знаемъ только небольшой сборничекъ Мусатова, изданный въ 1851 г. Кіевѣ, подъ заглавіемъ: «Благоговѣйныя чувства души, стремящейся къ Богу, или духовныя псалмы», между которыми есть стихи св. Дмитрія Ростовскаго и Стефана Яворскаго.

Во второй половинѣ XVIII в., а особенно къ концу его, школьныя псалмы и канты потерпѣли значительное видоизмѣненіе. Съ этого времени духовныя наши школы стали знакомиться съ произведеніями тогдашней нашей свѣтской литературы, съ различными одами, гимнами и пѣснями, которые стали заноситься въ семинарскіе сборники пѣсенъ. Въ этихъ сборникахъ нерѣдко можно было встрѣтить почти до позднѣйшаго времени различныя произведенія свѣтской литературы, какъ напр., оду Анакреона, переведенную Ломоносовымъ: «ночною темнотою покрылись небеса», пѣсни Богдановича: «пятнадцать мнѣ минуло лѣтъ», Николева «вечеркомъ въ румяну зорю», Карамзина: «кто могъ любить такъ страстно», Дмитриева «голубка», «ахъ, когда бъ я прежде знала», «всѣхъ цвѣточковъ болѣ», Нелединскаго—Мелецкаго: «выйду я на рѣченьку», «у кого душевны силы», «ты велишь мнѣ равнодушнымъ», а въ послѣдствіи времени Мерзлякова «среди долины ровныя», «я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить», и проч., а также пѣсни: «я въ пустыню удаляюсь отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ», «заря утрення взошла, ко мнѣ Машинька пришла», «взвейся выше, понесися сизокрылый

---

¹⁾ «Калѣки Перехожіе», Безсонова, выпуск. 4, предисловіе, стр. XXXVII—XL.

голубокъ» и др. ¹⁾ Подъ вліяніемъ этой свѣтской литературы, духовныя канты и псалмы перемѣнили свое силлабическое стихосложеніе на тоническое; при этомъ нерѣдко случалось такъ, что духовные стихи поддѣлывались подъ тонъ и ладъ свѣтской пѣсни, и наоборотъ свѣтскія пѣсни передѣлывались въ духовныя псалмы. Такъ напр., пѣсня семинарскаго сборника —

Я въ пустыню удаляюсь
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ.
Сколько горестей смертельныхъ
Мнѣ въ разлукѣ должно снѣсть.

Передѣлана въ стихъ духовнаго содержанія:

Я въ пустыню удаляюсь,
Отъ мірскихъ бѣгу суетъ,
Тою мыслью утѣшаюсь,
Что спасенія въ мірѣ нѣтъ.

Довольно фривольная, сочиненная пѣсня »заря утрення взошла, ко мнѣ Катенька пришла«, говоритъ г. Безсоновъ по рукописямъ передѣлана въ стихи »заря утрення взошла, мнѣ святая мысль пришла«. Подобная же романтическая пѣсня »взвейся выше, понесися, сизокрылый голубокъ« превращена въ стихъ »взвейся выше, понесися, о безсмертный, чистый духъ«! Въ одной рукописи... намъ случилось даже видѣть извѣстную оду Анакреона, переведенную Ломоносовымъ: »ночною темнотою покрылись небеса«, только вмѣсто Купидона является посланникъ небесъ. Подобнымъ образомъ встрѣчаемъ: »Гдѣ ты агница сокрылась, Та, которую люблю« ²⁾.

¹⁾ Таково принадлежащее намъ рукописное »Собраніе лучшихъ и новѣйшихъ російскихъ пѣсенъ“., помѣченное 1831 годомъ и принадлежавшее ученику Аннопольской (нынѣ Волынской) семинаріи.

²⁾ »Калѣки Перехожіе«, Безсонова, вып. 4, предислов., стр. XLVI.

Бѣмъ производились подобныя передѣлки свѣтскихъ пѣсенъ въ духовные стихи, это видно какъ изъ того, что нѣкоторые изъ этихъ стиховъ, какъ увидимъ ниже, помѣщаются въ семинарскихъ сборникахъ пѣсенъ, такъ и изъ содержанія и характера нѣкоторыхъ изъ этихъ переложений. Въ одномъ семинарскомъ сборникѣ пѣсенъ мы нашли переложеніе извѣстной пѣсни «не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ» въ стихи «не шей ты мнѣ, батюшка, рясы голубой», выражающіе собою чувства окончившаго курсъ воспитанника семинаріи, и слѣдовательно обязанные своею передѣлкою какому либо семинаристу. Впрочемъ, можетъ быть, что изъ переложений свѣтскихъ пѣсенъ на духовный ладъ сдѣланы русскими мистиками XVIII и начала XIX в., старавшимися возвести плотскую чувственную любовь, составляющую содержаніе этихъ пѣсенъ, въ любовь идеальную, духовную. По крайней мѣрѣ на это намекають нѣкоторые духовные стихи, очевидно позднѣйшаго происхожденія, которые восиѣвають внутреннее, таинственное единеніе человѣка со Христомъ.

Такъ или иначе произошли передѣлки свѣтскихъ пѣсенъ въ духовные стихи, трудно опредѣлить: во всякомъ случаѣ то несомнѣнно, что онѣ сдѣланы людьми, помазанными школьною мудростію и знакомыми съ техникою тоническаго стихосложенія. Впослѣдствіи времени онѣ перешли въ народъ, или лучше, къ странникамъ и доселѣ тщательнѣе переписываются и поются ими. Тѣмъ болѣе могли перейти къ странникамъ и занять мѣсто между ихъ псалмами и кантами духовныя оды Ломоносова и Державина, ихъ переложенія псалмовъ и т. п. Между псалмами и кантами г. Безсоновъ находилъ слѣдующія гимны и оды XVIII в.: «Хвалу всевышнему Владыкѣ потщися, духъ мой, восиѣвать», «Безсмертныхъ тварей обладатель, Правитель небу и земли»,

»Господи, кто обитаетъ въ свѣтломъ домѣ выше звѣздъ«, Блаженъ, кто къ злымъ въ совѣтъ не ходитъ«, »Кто принесетъ хвалу, достойну Твоимъ, о Боже, чудесамъ«, »О Ты, пространствомъ безконечный« и т. д., иногда съ естественными передѣлками и объясненіями, иногда просто цѣликомъ ¹⁾).

Что касается собственно того небольшого круга странническихъ псалмъ и кантъ, который мы имѣемъ въ виду, то только нѣкоторыя изъ нихъ носятъ на себѣ слѣды болѣе или менѣе древняго происхожденія и могутъ быть относимы къ XVII в. Сюда прежде всего нужно отнести канту о всемірномъ потопѣ—»потопъ страшный умножался«, которая, по всей вѣроятности, происходитъ, хотя и не по прямой линіи, отъ элегіи Мурета тогоже содержанія. Равнымъ образомъ не новаго происхожденія всѣ канты, по видимому, написанныя первоначально силлабическимъ размѣромъ, какъ напр. плачь Іосифа—»Кому повѣмъ печаль мою« и стихъ объ Іоасафѣ и Варлаамѣ—»Изъ пустыни старецъ въ царскій домъ приходитъ«, имѣющія своихъ предшественниковъ на Юго-западѣ Россіи. Стихъ о Варлаамѣ и Іоасафѣ отпечатанъ былъ, хотя и въ другомъ видѣ, еще въ 1637 году при исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Кромѣ того, въ домѣ одного священника К... губерніи мы видѣли занесенный къ нему странникомъ списокъ стиха объ избавленіи Почаевскаго монастыря молитвами Богородицы и Іова Почаевскаго отъ нашествія турокъ въ 1675 году, съ подстрочными примѣчаніями, заключающими въ себѣ объясненіе неопятныхъ словъ Западно-русскаго происхожденія. Эта пѣснь, вѣроятно, составлена какимъ либо ученымъ монахомъ Почаевской Лавры вскорѣ послѣ чудеснаго событія, но написана

¹⁾ Тамъ-же.

на основаніи народныхъ преданій: въ ней разсказывается о томъ, какъ турки отрубили голову одному Почаевскому монаху, который послѣ этого взялъ свою голову, принесъ ее предъ икону Богородицы и здѣсь испустилъ духъ свой ¹⁾),—мотивъ, извѣстный въ древнихъ народныхъ преданіяхъ о Меркуріѣ Смоленскомъ ²⁾). Изъ кантъ и псалмъ великорусской редакціи до сихъ поръ распѣвается странниками канта: »на горахъ Сіонскихъ завѣтъ положень«, и по содержанію, и по напѣву своему показывающая, что она прежде составляла поздравительный школьный стихъ на праздникъ Благовѣщенія ³⁾). Языкъ ея обличаетъ сѣверно-русское происхожденіе. Что подобныя канты обязаны своимъ происхожденіемъ сѣверно-русскимъ духовнымъ школамъ XVIII в.,—это можно видѣть изъ другого подобнаго стиха—»Въ кимвалѣхъ Давидскихъ«, составленнаго на Рождество Христово ⁴⁾), который до послѣдняго времени распѣвался хоромъ въ духовныхъ училищахъ.

Далѣе, значительное число нашихъ кантъ изложено тоническимъ стихотворнымъ размѣромъ, и слѣдов. по формѣ своей онѣ принадлежать позднѣйшему времени, но содержаніемъ и характеромъ своимъ напоминаютъ псалмы и канты южно-русскаго происхожденія. Такъ напр. канта—»Безцѣнный мой Спаситель« напоминаетъ собою содержаніе стиховъ на Рождество Христово, находящихся въ рукописной риторикѣ Георгія Конисскаго—»Кто есть царь страстемъ, богатъ въ добродѣтель, къ сему яко царь

---

¹⁾ См. эту пѣснь въ брошюрѣ г. Хойнацкаго объ Іовѣ Почаевскомъ, 1871 г., стр. 89—91.

²⁾ Историч. очерки русск. слов., Буслаева, т. II, стр. 110 и др.

³⁾ »Калѣки Черехожіе«, Безсонова, вып. 4, стр. 5.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 61.

идеть Вседержитель¹⁾; Канта—»Что ты спишь, душе моя« сходна по содержанію съ силлабическимъ стихомъ *къ простцу*,—»Безумне, окаянне челоѣче, въ лѣности время губиши²⁾; Канта—»Грядите вы, невѣсты, въ чертоги небесны«—такого же содержанія, какъ и отпечатанная въ пятомъ выпускѣ сборника Безсонова—»Свѣтлыя въ небѣ палаты, трапезы тамо богаты«, отзывающаяся силлабическимъ стихосложеніемъ³⁾; наконецъ канти о суетѣ мірской, смертномъ часѣ, Божьемъ судѣ и издвоздаяніи за гробомъ, напоминаютъ собою подобныя канти Кіевскихъ ученыхъ, возникшія подѣ влияніемъ элегій Барлея, Гуго-Германа и др.⁴⁾. Можетъ быть, онѣ представляютъ изъ себя только передѣлку или подновленіе прежнихъ силлабическихъ псалмъ и кантъ.

Наконецъ, между нашими псалмами и кантами есть и такія, которыя передѣланы въ духовные стихи изъ свѣтскихъ пѣсенъ. Такимъ образомъ передѣлана псалма—»Я въ пустыню удаляюсь, отъ мірскихъ бѣгу суеть«. Приведенная нами псалма—»Ахъ несчастная моя доля«—во многихъ мѣстахъ напоминаетъ собою выраженія пѣсенки Нелединскаго—Мелецкаго—»Выйду я на рѣченьку« и, по всей вѣроятности, передѣлана изъ нея. Псалма—»Боже, жизнь мою управи Всемогущею рукой« первоначально была стихотвореніемъ полудуховнаго содержанія и имѣла куплеты несовсѣмъ скромныя, выражающіе какъ бы нѣкоторую угрозу Богу:

¹⁾ О словесн. наук. въ Кіев. Ак. Труд. К. Д. А., Генв., 1867 г., стр. 87—88.

²⁾ „Калѣки Перехожіе“, Безсонова, вып. 6, стр. 6 и сл.

³⁾ Тамъ-же, вып. 5, стр. 256 и сл.

⁴⁾ О слов. наук. въ Кіев. Акад., въ Труд. К. Д. А., Генв., 1867 г., стр. 95—100.

Если жъ Ты меня оставишь,
 Я въ отчаянїе впаду;
 И отъ бѣдъ какъ не избавишь,
 Во мгновенье пропаду ¹⁾.

Но въ рукахъ странниковъ она приняла другой видъ, и опустила нѣкоторые изъ своихъ куплетовъ. Такое же измѣненіе и сокращеніе испытала канта »Богу жертву приношу«. Происхожденіе этихъ кантъ изъ свѣтскихъ пѣсенъ доказывается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ болѣе полномъ видѣ своемъ эти канты попадаются и въ семинарскихъ сборникахъ пѣсенъ, наряду съ свѣтскими пѣснями. Такъ напр., въ имѣющемся у насъ сборникѣ мы нашли три канты: »Боже, жизнь мою управи«, »жертву Богу приношу«, »Ахъ ты свѣте лестный«.

Такимъ образомъ составъ странническихъ псалмъ и кантъ отличается чрезвычайнымъ разнообразіемъ происхожденія. Между ипродителями своими онѣ могутъ считать канты католическаго происхожденія, какъ напр. канты Мурета и Барлея, мистическія изліянія чувствъ Гуго-Германа, школьныя упражненія южно русскихъ и сѣверно-русскихъ ученыхъ, и въ позднѣйшемъ развитіи своемъ подчинились вліянію свѣтской пѣсенной литературы, а, можетъ быть, и мистицизма франкъ—масоновъ. Но всѣ эти разнообразныя элементы давно перемѣшались между собою и сгладились и служатъ только различными аккордами въ одномъ общемъ тонѣ мистическаго настроенія странниковъ. Разсматриваемыя независимо отъ личности пѣвцовъ и слушателей, эти канты и псалмы сами по себѣ хороши и могутъ располагать душу человека къ религіознымъ чувствамъ и помысламъ. Но бѣда, если тѣже самыя канты и псалмы сильно подѣйствуютъ на впечатлительную душу какого нибудь неграмотнаго или

¹⁾ Въ принадлежащемъ автору семинарскомъ сборникѣ пѣсенъ.

полуграмотнаго Аники и даже нашего знакома Д., способнаго самымъ крайнимъ образомъ понимать, усвоить и проводить въ жизнь схваченныя имъ религіозныя и нравственныя истины, внѣ связи ихъ съ другими сродными истинами! Тогда канты и псалмы, съ ихъ мистическимъ характеромъ, съ отвращеніемъ отъ дѣйствительнаго міра, могутъ породить только изувѣровъ и пусто-святровъ.

Н. П.

При отъѣздѣ отъ береговъ Востока
(у Портъ-Саида),

Грохочеть якорь; по немногу
 Зашевелился пароходъ,
 Какъ будто ощуныю дорогу
 Онъ тихо пробуетъ впередъ.

И вотъ ужъ слѣдъ живой, бугристый
 Волнисто вьется за кормой,
 Свѣтлозеленый, словно льдистый,
 Съ пушистой бѣлой бахромой.

Винтъ мощно движетъ великаномъ
 И пѣнитъ волны по слѣдамъ
 И вверхъ разсыпчатымъ фонтаномъ
 Онъ мечетъ брызги по водамъ.

А море полной грудью дышетъ,
 Неся могучаго пловца,
 По лону зыбкому колышетъ
 И напѣваетъ безъ конца;

Играетъ съ нимъ безъ остановки
 То нѣжно ластится съ боковъ,
 То пышно рядится въ обновки
 Все разныхъ складокъ и цвѣтовъ.

А тамъ, какъ вольныя рѣзвухи,
 Несутся Богъ знаетъ куда

Бѣлоголовыя верхушки
И тонуть въ морѣ безъ слѣда.

Раскинувъ ленту дымовую
И разсѣкая массу водъ,
Все вдоль, на ширь и глубь морскую,
Отважно мчится пароходъ.

Иной онъ шагъ беретъ у моря
Какъ будто съ бою на проломъ,
И торжествуетъ, шумно споря,
Лишь отряхнется потомъ.

Порой надъ бездною загрохочетъ
И словно не хоти, дрожа,
Онъ опускаетъ и бормочетъ
И всходитъ, трепетно дыша.

И мощь его, величье моря
Меня невольно увлекали
Отъ края вѣры, края горя,
Отъ тихой жалостной земли.

Прости, Востокъ! прости, жslанный!
Стою въ волненьи предъ тобой;
Тускнѣешь ты въ дали туманной,
Тускнѣетъ взоръ печальный мой.

На дальній берегъ, на заливы
Полупрозрачный налъ покровъ,
И только горныя извивы
Видны подъ слоемъ облаковъ...

Предъ отъѣздомъ съ Аѳона.

Въ дорогу!.. На прощанье
Поклонъ всему Аѳону!
За хлѣбъ-соль, за вниманье
По новому поклону!
За теплое жъ моленье,
За помощь сердцу въ вѣрѣ,
Одно лишь провидѣнье
Воздастъ въ достойной мѣрѣ!

Еще поклонъ пустынь
Мірскаго человѣка:
Святой Аѳонъ! и нынѣ,
И присно, и до вѣка
Тверди о Богѣ людямъ,
Молись о людяхъ Богу,
Да всѣ готовы будемъ
Въ далекую дорогу!

У береговъ Россіи.

Конецъ всѣмъ странствіямъ, конецъ!

Ужъ близко!... вотъ видна Россія!

И льется радость изъ сердець,

Шумятъ привѣтствія живыя.

О, здравствуй, родина моя,

Веселый край воды и хлѣба,

Вы—разноцвѣтныя поля,

Ты—свѣтлосѣренькое небо!

О, здравствуй, стройный рядъ церквей,

И шумъ Одессы щеголихи,

И говоръ лѣса и полей,

И запахъ меду и гречихи!

Повсюду добрая моя

Блеститъ плѣнительной окраской

И свято радуется меня,

И несравненной вѣетъ лаской.

Какъ передъ матерью родной

Я въ умиленіи смолкаю,

И переполненной душой

Ея дыханію внимаю.

С. Пономаревъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ: Приложеніе относящееся къ 30-му № журнала разослано подписчикамъ при № 31 мѣ.

РУКОВОДСТВО

Д Л Я

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
четыре руб., съ пересылкою пять
рублей сереб.

№ 34.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при нѣвской
семинаріи.

1879 года. Августа 19-го.

Содержаніе. Отношеніе христіанской религіи къ благосостоянію гражданскихъ обществъ.—Домашняя бесѣда съ сельскими пастырями по окончаніи уборки хлѣбовъ.—Вопросы пастырства.—*Въ приложеніи:* Поученіе на 15-е августа—на день усненія Пресв. Богородицы.—Поученіе на праздникъ Успенія Богородицы.

Отношеніе христіанской религіи къ благосостоянію гражданскихъ обществъ¹⁾.

Благосостояніе гражданскихъ обществъ, какъ было замѣчено, обусловливается еще точнымъ, безпристрастнымъ и честнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей со стороны каждаго члена общества. Св. вѣра христіанская и это условіе не только не лишаетъ силы, но и поддерживаетъ и освящаетъ своими ясными предписаніями, представляя вмѣстѣ и сильнѣйшія, высоконравственныя побужденія къ соблюденію онаго. Лицамъ, облеченнымъ верховною властію, она предписываетъ подражать въ исполненіи своихъ обязанностей святѣйшему, премудрому и правосудному Богу, Котораго слугами они поставляются

---

¹⁾ См. № 33.

на землѣ (Рим. 13, 7), и возвѣщаетъ имъ, что ихъ благочестіе можетъ имѣть результатомъ благочестіе и добродѣтельную жизнь самихъ подданныхъ (2 Цар. 23, 3). А что же можетъ быть пріятнѣе и утѣшительнѣе для верховной власти, какъ не добродѣтельная, высоконравственная жизнь членовъ государства? Съ другой стороны и всѣмъ подданнымъ св. вѣра христіанская зановѣдуетъ почтеніе и повиновеніе не только верховной, но и *всякой власти Господа ради: еще царю, яко преобладающую: еще ли же княземъ, яко отъ него посланнымъ* (1 Петр. 2, 13. 14. Дѣян. 4, 22. Рим. 13, 1); противленіе же властямъ называетъ противленіемъ волѣ самого Господа (Рим. 13). Къ соблюденію этихъ обязанностей св. вѣра побуждаетъ съ одной стороны высотой и важностію верховной власти, съ другой благоденствіемъ самихъ гражданъ, которое представляетъ она, какъ естественное слѣдствіе должныхъ отношеній подданныхъ къ верховной власти и особенно молитвы *за царя и за всѣхъ, иже во власти суть* (1 Тим. 2, 1—3).

Заповѣдую свято соблюдать свои обязанности верховнымъ властямъ; св. вѣра тоже зановѣдуетъ и всѣмъ низшимъ властямъ, и каждому члену общества. Начальникамъ запрещаетъ гордость, предписываетъ обращать вниманіе на заслуги подчиненныхъ и награждать ихъ по достоинству, чтобы не ослабить ихъ ревность въ служеніи; судьямъ заповѣдуетъ безпристрастіе и правосудіе въ подражаніе правосуднѣйшему Богу, нелицепріятіе и безкорыстіе, напоминая имъ, что они представители на землѣ праведнаго суда Божія (Втор. 1, 16. Исх. 23, 6. 8. Втор. 16, 19. 2 Пар. 19, 6. Сир. 3, 18—20. 10, 7. 27. 25, 6. 7.); воспитателямъ и наставникамъ — заповѣдуетъ стараться внушать питомцамъ страхъ Божій, развивать въ нихъ истинное благочестіе, вѣрность и пре-

данность верховной власти, послушаніе и уваженіе къ начальству и родителямъ (Притч 1, 7. 13, 1. Ефес. 6, 1); торговцамъ запрещаетъ она обманъ и ложь (Притч. 20, 10. 23. Втор 25, 13), и заповѣдуетъ продавать товаръ по вѣрному вѣсу и вѣрной мѣрѣ (Притч. 11, 1. Втор. 25, 14. 15. Лев. 19, 31); самимъ художникамъ и земледѣльцамъ она преподаетъ свои правила, внушая имъ предъ всякимъ дѣломъ обращаться съ молитвою о помощи къ всемогущему Художнику Богу (Исх. 31, 3—5) и о благословеніи трудовъ ихъ. Вотъ каковы предписанія христіанской вѣры членамъ общества касательно исполненія ихъ обязанностей. Можно ли думать, что они не согласны съ тѣми требованіями, какія налагаетъ на своихъ членовъ само общество, какія естественно вытекаютъ изъ сущности ихъ обязанностей. Очевидно, что всѣ эти предписанія христіанской вѣры не только не противорѣчатъ сказаннымъ требованіямъ, но вполне согласуются съ ними,—мало того, они возвышаютъ и усиливаютъ значеніе и важность послѣднихъ, привносятъ съ собою новыя побужденія. Результатомъ такихъ чистыхъ и высоконравственныхъ предписаній ничего не можетъ быть, кромѣ счастья и благоденствія общества.

Благоденствіе гражданскихъ обществъ обусловливается также чистотою нравовъ членовъ тѣхъ обществъ и возможно высшею степенью умственного развитія и просвѣщенія. Чтобы видѣть, въ какомъ отношеніи христіанская вѣра находится къ этому условію, намъ нужно бы было а) сдѣлать сравненіе нравственности, проповѣдуемой христіанствомъ, съ нравственностію древнихъ народовъ иныхъ вѣръ и нравственными понятіями новыхъ моралистовъ, и б) посмотрѣть на состояніе просвѣщенія до появленія христіанства и со времени его появленія. Но такъ какъ подробное изслѣдованіе всего этого повело бы

насъ слишкомъ далеко, то мы ограничимся лишь краткими замѣчаніями.

Что касается нравственности, то сравнивать христіанскую нравственность съ нравственностію древнихъ языческихъ народовъ и новыхъ моралистовъ—противниковъ христіанства, значить тоже, что сравнивать бѣлое съ чернымъ, свѣтъ со тьмою. Тамъ, гдѣ не было ни истиннаго понятія о законѣ нравственномъ, гдѣ самое слово »добродѣтель« видоизмѣнялось на столько ладовъ, сколько было головъ, умовъ, или частныхъ школъ, гдѣ не было ни сильныхъ побужденій къ добру, ни самаго понятія о добрѣ,—не могло быть и хорошей нравственности, не могло быть и благотворнаго вліянія нравственнаго ученія и нравственныхъ правилъ на благосостояніе обществъ; а такова именно и была нравственность языческихъ народовъ: что одни изъ нихъ почитали добромъ и согласнымъ съ нравственнымъ закономъ, то другимъ казалось беззаконіемъ, и что въ сущности противно нравственному закону и истинному понятію о добрѣ, то принималось за самое добро, выдавалось за нравственное правило, поставлялось нравственною обязанностію. Одни, напримѣръ, умерщвляли дѣтей слабаго тѣлосложенія и думали, что это согласно съ нравственнымъ закономъ; у другихъ дѣти питались мясомъ своихъ умершихъ отцовъ въ той увѣренности, что только этимъ они и воздаютъ должное почтеніе и почетное погребеніе драгоцѣнному для нихъ тѣлу. Женъ и рабовъ закалывали на гробахъ супруговъ и господъ, считая такой подвигъ священною обязанностію, выраженіемъ искренней преданности умершимъ. Сенека, Лукіанъ, Тертуліанъ рассказываютъ о цѣлыхъ націяхъ, исполненныхъ мужеложства и разврата, которыя предавались своимъ гнуснымъ порокамъ въ полной увѣренности, что ихъ дѣла не противозаконны. О любви всеобщ-

емлющей, всепрощающей, которая долго терпѣть, милосердствовать, не завидѣть, не превозносится, не раздражается, не мыслить зла (1 Кор. 13, 4—5),—и особенно о любви ко врагамъ язычники не имѣли понятія; всякій инновѣрецъ и чужестранецъ былъ для другаго уже врагомъ или варваромъ, достойнымъ одной ненависти, преслѣдованія и смерти. Даже славнѣйшіе изъ учителей, какъ Сократъ, говорили, что греки только на себя должны смотрѣть, какъ на братьевъ, а на всѣхъ варваровъ—какъ на враговъ; называли грековъ (разумѣется—греческіе мудрецы) друзьями по самой природѣ, а всѣхъ варваровъ по той же природѣ своими врагами. О братскомъ союзѣ и гражданской равноправности не было тамъ и рѣчи: цари и жрецы были тираннами, заграждавшими путь къ чести и счастію своихъ подданныхъ; всякій господинъ былъ неограниченнымъ судьей, коего страшный деспотизмъ простирался на жизнь и смерть ему подчиненныхъ ¹⁾. Духъ постыднаго, унижительнаго и гибельнаго рабства проникалъ даже въ семейныя отношенія язычниковъ: жена не была тамъ помощницею мужа,—это было слабое существо, порабощенное сильнѣйшимъ, и лишенное всякаго права на самостоятельность и уваженіе въ обществѣ; сынъ не былъ другомъ своего отца, соединеннымъ узами взаимной любви и преданности: это была *вещь*, которую домашній тираннъ могъ продать и даже убить. Такимъ нравственнымъ началамъ и убѣжденіямъ соотвѣтствовала и самая жизнь язычниковъ. По изображенію одного древняго мудреца, язычники «нижѣ житія, нижѣ браковъ чистыхъ хранили; единъ другаго или навѣтомъ убивалъ, или блудя оскорблялъ: вся же смѣшана суть, кровь и

---

¹⁾ Сравни. настоящее положеніе черной расы въ центральной Африкѣ. *Сынъ отечест.* Воскр. № 17, въ отд. Иностран. Хроники, 1879 г.

убійство, татьба и лєсть, растлѣніе и смятеніе, душамъ оскверненіе, рожденію премѣненіе, браковъ безчиніе, прелюбодѣніе и студодѣніе* (Премуд. Сол. 14. Ср. Римл. 1, 26—32). Лучшіе изъ язычниковъ видѣли эту мрачную бездну, въ которую повергло міръ нечестіе, но не имѣя ни силъ, ни средствъ къ избавленію своихъ согражданъ отъ гибели, открыто заявляли, что человѣкъ долженъ ждѣть своего спасенія только отъ Бога. Такъ Платонъ, приписывая Сократу живое сознаніе человѣческаго безсилія въ дѣлѣ нравственнаго исправленія и ожиданіе высшей помощи, училъ, что къ благочестію можно руководить только при содѣйствіи Божіемъ. Ямвлихъ въ описаніи Пифагоровой жизни говоритъ: »угодное Богу трудно познать, и это можетъ знѣть развѣ только слышавшій посланника Божія, или самого Бога«. Цицеронъ, часто высказывавшій жалобы на человѣческое невѣдѣніе, заблужденія, испорченность нравовъ и безсиліе человѣка къ исправленію оныхъ ¹⁾, прямо говорилъ, что законы человѣческіе недостаточны ни для того, чтобы руководствовать людей къ добрымъ дѣйствіямъ, ни для того, чтобы удерживать ихъ отъ худыхъ ²⁾. Вѣчная гибель частныхъ лицъ, бѣдствія и гибель цѣлыхъ обществъ, паденіе и гибель языческихъ государствъ были и всегда должны быть естественнымъ слѣдствіемъ тѣхъ нравственныхъ началъ, какихъ держались невѣдающіе Бога истиннаго и Его святаго закона, и той безнравственности жизни, какую мы видимъ у языческихъ народовъ.

Но лишь только явилась на землѣ вѣра христіанская, какъ въ тоже время люди получили и истинное понятіе о

---

¹⁾ De natura deorum L. I. c. I. et coeter. Qu aest. Tuscul. L. II. III.

²⁾ De leg. L. I, c. 14. 15.

нравственности, и высочайшіе законы нравственной дѣятельности, и всѣ средства къ жизни истинно благочестивой и святой. Она опредѣлила эту нравственность не только въ своихъ заповѣдяхъ, но и въ живомъ лицѣ Богочеловѣка. Въ Немъ именно воплотился тотъ идеаль нравственности, къ которому стремился родъ человѣческій въ продолженіе тысячелѣтій, а вмѣстѣ съ Нимъ и отъ Него являются и всѣ высочайшія правила нравственной дѣятельности. Вмѣсто прежней, ограниченной любви христіанство заповѣдуетъ любовь безграничную, безкорыстную, свободную отъ всякихъ человѣческихъ расчетовъ, любовь не къ однимъ друзьямъ, или соотечественникамъ, но даже и ко врагамъ, не на словахъ только, но и на дѣлѣ (1 Іоан. 3, 18), которая побуждаетъ человѣка полагать душу свою за ближнихъ своихъ (Іоан. 15, 12—13). Вмѣсто привязанности къ пагубнымъ чувственнымъ наслажденіямъ, она заповѣдуетъ воздержаніе и чистоту, нестяжательность и безкорыстіе, трезвенность и цѣломудріе, словомъ—такое совершенство и святость, какія и выразилъ въ себѣ свѣтѣйшій изъ святыхъ Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ (Ефес. 5, 1. 2). Что же должно быть слѣдствіемъ столь возвышеннаго ученія, столь чистыхъ и совершенныхъ правилъ нравственной дѣятельности, кромѣ чистоты и возвышенности мыслей и чувствъ, кромѣ святости жизни исполнителей сихъ правилъ? Это мы и видимъ на самомъ дѣлѣ: съ самаго начала появленія христіанской вѣры міръ увидѣлъ такихъ подвижниковъ добродѣтели, которымъ удивлялись самые враги христіанства, восторжествовавшихъ надъ всѣми низкими и плотскими стремленіями и возвышенныхъ до той степени святости, гдѣ душа, проникнутая пламенною жаждою совершенства небеснаго, не ограничивается уже добродѣтелями отрицательными, т. е. не дѣлать только того, что запрещено, но стремится осуще-

ствить все то, что повелѣно и что есть самаго лучшаго, самаго дорогаго въ природѣ человѣческой, и не удовлетворяясь никакими подвигами, старается болѣе и болѣе расширять кругъ своей нравственной дѣятельности, и стремится съ безконечнымъ совершенствомъ самаго Бога. Такіе люди были и во всѣ времена христіанства, они есть и теперь, хотя и не извѣстны міру, и будутъ они дотолѣ, пока стоитъ міръ, а міръ будетъ стоять, пока будутъ они, потому что только *сѣмя свято* *столніе его*, по ученію слова Божія. Если же такъ чисто, возвышенно и спасительно нравственное ученіе христіанства и такъ дѣйствительно совершенна нравственность исполнителей онаго, какъ нигдѣ, ни въ какой религіи, ни у какого народа внѣ христіанства, то очевидно, что христіанская вѣра не только не можетъ вредить благосостоянію гражданскихъ обществъ, но въ ней-то одной они и могутъ найти истинные и необходимые для нравственной чистоты и совершенства своихъ членовъ законы, побужденія и образцы, слѣдовательно — и дѣйствительное условіе своего благосостоянія.

Въ столь же благотворномъ отношеніи находится христіанская вѣра и къ умственному образованію людей. Оставленный самъ себѣ въ древнія времена человѣкъ не имѣлъ истиннаго понятія ни о Богѣ и мірѣ духовномъ, ни о мірѣ внѣшнемъ, ни о себѣ самомъ; хотя и много было людей, искавшихъ истины, иные и близко подходили къ ней, но самой истины они не видали и не могли указать другимъ; каждый изъ нихъ шелъ къ ней своимъ путемъ, теряя изъ виду главный и прямой; нерѣдко они сталкивались между собою, но въ ту же минуту снова расходились все далѣе и далѣе, пока наконецъ окончательно не заблудились въ темномъ лабиринтѣ самоизмы-

шленныхъ системъ. Цицеронъ говоритъ, что «не было ни одной нелѣпости, которой бы не училъ какой философъ», — и предъ появленіемъ христіанства не стало самой науки, ее смѣнилъ губительный скептицизмъ.

Но то, чего не могъ достигнуть разумъ человѣческій собственными силами, христіанская вѣра открыла и воплѣтъ уяснила. Она открыла ему міръ духовный, сообщила чистѣйшее и возвышенное понятіе о Богѣ истинномъ, какъ началѣ всего сущаго и единственномъ міроправителѣ, о самомъ мірѣ и человѣкѣ, его природѣ и назначеніи, его обязанностяхъ и послѣдней судьбѣ, словомъ, дала ему все, что нужно знать и что необходимо для удовлетворенія его стремленій и его успокоенія. Ей-то именно и обязаны своимъ развитіемъ и совершенствомъ всѣ науки. Въ самыхъ нехристіанскихъ системахъ философіи новаго времени нельзя не видѣть вліянія христіанства, но крайней мѣрѣ ихъ составители и представители должны сознаться, что развитіемъ философскаго мышленія они обязаны именно христіанской вѣрѣ; а что есть лучшаго и вполне достойнаго уваженія въ ихъ системахъ, то рѣшительно все принадлежитъ христіанству. На первый взглядъ эта мысль можетъ показаться странною; а враги христіанства прямо назовутъ ее нелѣпостью. Они говорятъ, что христіанское ученіе есть ученіе положительное, слѣдов. исключающее возможность свободнаго мышленія и свободнаго развитія разума; а отселѣ заключаютъ, что христіанская вѣра не столько благопріятствуетъ, сколько пренятствуетъ умственному развитію и просвѣщенію гражданскихъ обществъ. Но въ самомъ ли дѣлѣ христіанское ученіе стѣсняетъ свободную дѣятельность разума?—То несомнѣнно, что разумъ человѣка, какъ разумъ ограниченный и притомъ поставленный среди двухъ видовъ бытія, чувственнаго и духовнаго, не можетъ имѣть абсолютнаго знанія; его знаніе

можетъ простираться только на одно конечное и условное; что выше конечнаго, въ тому есть у него одно стремленіе, одинъ только инстинктъ и жажда къ удовлетворенію этого инстинкта. Гдѣ же теперь онъ долженъ искать средствъ къ утоленію своей жажды? Въ себѣ самомъ и въ мірѣ чувственномъ онъ не можетъ ихъ найти, потому что найденное всегда будетъ само конечно, не выше его самого, и слѣдовательно—ниже того, что выше его. Очевидно, для познанія высшаго себя ему нужно имѣть высшія себя средства; для познанія сверхъестественнаго нужно имѣть и средства сверхъестественныя; слѣдовательно, сверхъестественное ученіе, или тайны вѣры Христовой, превышающія разумъ человѣка, во первыхъ—совершенно необходимы для разума въ дѣлѣ знанія, во вторыхъ—весьма благодѣтельны, какъ дополняющія собою естественныя знанія разума и удовлетворяющія его врожденному стремленію къ вышеопытному; а изъ всего этого слѣдуетъ, что онѣ нисколько и не стѣсняють свободной дѣятельности разума. Не стѣсняють, очевидно, потому, что онѣ начинаются тамъ, гдѣ разумъ совершенно уже безсиленъ, гдѣ, слѣдовательно, ничего не значить для него и свобода, гдѣ—можно сказать—и нѣтъ уже этой свободы. Тоже самое надобно сказать и вообще объ ученіи христіанской религіи. Тѣ истины этого ученія, которыя не превышаютъ понятій разума, она предлагаетъ ему, какъ его собственныя, давно ему знакомыя, которыхъ онъ не имѣетъ права не принять, съ которыми необходимо слѣдуетъ ему соглашаться; предлагая такія истины, христіанская вѣра, очевидно, не стѣсняетъ свободы разума, не насилуетъ ее, а оканчиваетъ услуги и облегченію, потому что избавляетъ его отъ напрасныхъ трудовъ—искать того, что уже найдено, изслѣдовать—что раскрыто и разъяснено. Разуму остается только принять эти истины, какъ несомнѣныя, вникать въ сущ-

ность ихъ, болѣе и болѣе постигать важность и святость ихъ, чтобы по нимъ располагать всю жизнь и дѣятельность свою, съ помощію ихъ и на основаніи ихъ идти далѣе и далѣе въ своемъ развитіи и усовершенствованіи. Притомъ же надобно помнить, что христіанская вѣра, внушая разуму подчиненіе въ послушаніе вѣры, требуетъ отъ него не безусловнаго и не такого слѣпнаго послушанія, которое не имѣетъ никакихъ твердыхъ началъ и основаній и которое исключало—бы всякую самодѣятельность съ его стороны,—она требуетъ отъ него, такъ сказать, сочувствія, предлагаетъ ему свой союзъ, отъ котораго онъ все получаетъ, но ничего не теряетъ; она не соединяется съ нимъ насильно, но предлагаетъ ему принимать свои истины съ полнымъ сознаніемъ, »вся искушающе добраго держаться«, чѣмъ не только не стѣсняетъ его свободы, но еще расширяетъ сферу его дѣятельности, распространяетъ перспективу его умственнаго зрѣнія. Въ этомъ отношеніи ее можно сравнить съ телескопомъ, который расширяетъ область чувственнаго зрѣнія; иначе, т. е. безъ пособія вѣры, разумъ доселѣ блуждалъ бы во тьмѣ невѣдѣнія, противорѣчій и заблужденій.

Такимъ образомъ и къ умственному развитію и просвѣщенію человѣчества христіанская вѣра стоитъ въ самыхъ благотворныхъ отношеніяхъ. Она обогащаетъ разумъ новыми истинами и познаніями, даетъ ему прочныя начала для мышленія и чрезъ то содѣйствуетъ прочности и успѣхамъ всѣхъ наукъ. Мало того, она просвѣщаетъ разумъ свѣтомъ своего божественнаго ученія, утверждая и укрѣпляя его силы, и открывая ему путь къ божественной истинѣ, къ самой вѣчной Премудрости, даетъ ему возможность познавать истину и Премудрость въ ея истинномъ значеніи, въ ея полномъ и совершенномъ видѣ. Вотъ почему такъ быстро и развивается просвѣщеніе у наро-

довъ, исповѣдающихъ христіанскую вѣру, вотъ почему они такъ высоко стоятъ предъ народами иныхъ вѣръ! И мы смѣло можемъ говорить, что только то просвѣщеніе и прочно, которое основывается на началахъ вѣры Христовой,—тѣмъ болѣе, что это сознавали даже самые враги христіанства (напр. Волтеръ); говорить же, что вѣра стѣсняетъ разумъ и препятствуетъ успѣхамъ просвѣщенія, значить—не понимать ни вѣры, ни самого разума!

Слѣдовало бы сказать еще объ отношеніи вѣры христіанской къ послѣднему условію благосостоянія гражданскихъ обществъ—къ развитію промышленности, торговли и т. под. средствъ собственно къ внѣшнему благосостоянію народовъ. Но изъ того, что сказано объ отношеніи христіанской вѣры вообще къ трудолюбію и исполненію обязанностей каждаго члена общества ясно уже видно, что она отнюдь не противорѣчитъ и этому послѣднему условію. Ибо если она заповѣдуетъ каждому ревностное прохожденіе и честное исполненіе своихъ обязанностей,—если трудъ, по ея ученію, совершенно необходимъ для человѣка: то этимъ уже самымъ она и позволяетъ, и освящаетъ промышленность и всѣ другія благородныя и честныя средства къ устроенію внѣшняго благосостоянія. Ея благопріятныя отношенія къ этому условію, какъ и отношенія къ другимъ условіямъ, подтверждаетъ и исторія жизни христіанскихъ обществъ, которая представляетъ намъ удивительныя открытія и усовершенствованія относительно матеріальныхъ средствъ къ внѣшнему благосостоянію людей, какихъ не знали ни древніе народы, славившіеся промышленностію, которыя не извѣстны еще и современнымъ народамъ иныхъ вѣръ, особенно язычникамъ.

Изъ всего сказаннаго доселѣ ясно, что христіанская вѣра не только не содержитъ въ себѣ ничего неблаго-

пріятствующаго благосостоянію гражданскихъ обществъ,—
напротивъ, въ ней то именно и заключаются тѣ истин-
ныя начала и правила, тѣ сильныя побужденія и дѣй-
ствительныя средства, которыя надёжно и прочно обуслов-
ливаютъ это благосостояніе.

Домашняя бесѣда

съ сельскими прихожанами, по окончаніи уборки хлѣбовъ.

Нынѣшній годъ—годъ счастливый для насъ, право славные!. Богъ »излилъ на насъ благословеніе Свое, отверзъ намъ сокровище Свое великое и благое, посылалъ намъ благовременный дождь, ранній и поздній, отгонялъ отъ насъ вся снѣдающая плодъ нашъ земный... (Треби. молит. надъ сѣяніемъ): и наши хлѣба ржаные и яровые были много—много лучше, сравнительно съ годами прежними... Каждый изъ васъ, въ достаточномъ количествѣ, запасся теперь хлѣбомъ для себя и для семьи своей... Луга ваши тоже нынѣ принесли вамъ радость: съ избыткомъ вы запасли пищи и для своего домашняго скота... И веселѣе теперь смотрите вы въ будущее... И легче дышетъ ваша бѣдная труженическая грудь... »Слава тебѣ, Господи!—Слава тебѣ, Господи!«—слышится тамъ и здѣсь, отъ того и отъ другаго изъ васъ.

Пріятно и отрадно пастырю вашему видѣть въ васъ это проявленіе благодарнаго чувства *сердца, отъ избытка* котораго ваши *уста говорятъ*. Неблагодарность, при видѣ Божіихъ милостей и благодѣяній, свойственна только сердцамъ черствымъ, жествымъ, загрубѣлымъ, каменнымъ... Ваши сердца—не таковы!.. Но, православные, и хорошія сами по себѣ чувства сердца могутъ потерять свою цѣну

и значеніе, если не поведутъ насъ къ дѣламъ хорошимъ, добрымъ, а словесное выраженіе, изліяніе вами вашихъ хорошихъ чувствъ можетъ обратиться вамъ даже въ грѣхъ, если въ слѣдъ за этимъ изліяніемъ хорошихъ чувствъ вы стане дѣлать дѣла, нимаго имъ не соотвѣтственныя, прямо худыя...

»Слава тебѣ, Господи! Нынѣ хлѣбушка довольно, и травки были хороши«! говорить иной изъ васъ, и въ то же самое время беретъ долю отъ своихъ избытковъ и съ этой долей отиравается.... куда? на сосѣдній базаръ, гдѣ продаетъ свое добро часто за безцѣнокъ, а вырученныя деньги оставляетъ въ кабацѣ!.. »Слава тебѣ, Господи«! твердитъ онъ и въ питейномъ, сидя за виномъ, съ своими сосѣдами знакомыми... »Слава тебѣ, Господи«! иногда лепечетъ онъ, дойдя даже до бессмысленнаго и безчувственнаго состоянія Идя домой въ такомъ положеніи, онъ тоже повторяетъ »славу«. Возвратившись домой перессорится съ женою и дѣтьми, поколотить ихъ изрядно, выгнать изъ дому на всѣ четыре стороны, перебьетъ посуду, плошки и горшки и т. д. и т. и... Въ устахъ такого православнаго что значить его славословіе? »Слава тебѣ, Господи, что ты далъ мнѣ возможность пьянствовать и буйствовать«! Вотъ что выражаетъ, къ чему сводится его славословіе!.. Сводится къ напрасному призыванію имени Божія, къ вощунству!.. Не такъ ли, православные? Разсудительные и степенные изъ васъ, конечно, сей часъ—же согласятся со мною и скажутъ, что это совершенная правда, а по примѣру ихъ, думаю, согласятся со мною всѣ остальные и тоже самое скажутъ.. Не злоупотребляйте же милостію Божіею,—не употребляйте ее въ средство къ вашимъ грѣхамъ!... Пьянство,—самимъ вамъ извѣстно,—губить насъ; пьянствомъ

мы и Бога прогнѣваемъ и »въ люди—хорошіе и худые—пропускаемъ о себѣ худую славушку«... И теперь даже вездѣ уже знаютъ наши дурныя замашки, наши грѣховныя поползновенія... Злой человѣкъ смѣется надъ нами, а добрый жалѣетъ насъ и преподаетъ намъ добрыя совѣты... Есть между вами грамотные? Смотрите и читайте, что написано,—напримѣръ, въ одной душеполезной книгѣ, печатаемой во святомъ, уважаемомъ всѣми нами, градѣ Кіевѣ.—Вотъ статья: *горе отъ питей*.—Смотрите, что въ ней пишутъ:

»Какъ мы видимъ часто
Межъ простыхъ людей,
Что у нихъ несчастья
Идутъ отъ питей«.

Мужички лишь встануть,
Въ кабацкѣ идутъ,
Дома кой—что стянуть
И туда несутъ:

Тотъ идетъ съ овчиной,
Тотъ идетъ съ холстомъ,
Добытымъ съ кручиной,
Съ тягостнымъ трудомъ.

Въ ихъ семьяхъ голодныхъ
Плачъ и вопли женъ,
Дѣти ихъ безплодный
Ипускаютъ стонъ.

Руси православной
Православной людъ!
Лучше жить исправно
И беречь свой трудъ.

Не ходи въ губительный
Для души притонъ:
Всѣмъ ядъ заразительный

Разливаетъ онъ» (Руков-для сел. паст.
1878 г. № 32).

Не станемъ же, православные, заражать себя ядомъ пьянства и губить себя!.. Повторяю: если когда, то нынѣ—то особенно, при видѣ Божіихъ благодѣяній, на насъ изліянныхъ, намъ и слѣдуетъ слушаться этихъ хорошихъ совѣтовъ добрыхъ людей, чтобы невоздержною и нетрезвенною жизнію не прогнѣвать Царя Небеснаго и, вмѣсто милостей Божіихъ, не навлечь на себя Его праведное наказаніе!...

Было бы, однакожь, большою несправедливостію съ моей стороны, еслибы я сказалъ обо всѣхъ васъ, что всѣ вы Божіи милости и благодѣянія обращаете въ средства къ жизни невоздержной: я знаю,—между вами есть много людей совершенно трезвыхъ и воздержныхъ... Но въ этой воздержной средѣ, къ сожалѣнію, есть люди, обращающіе Божіи милости въ средство для удовлетворенія другой страсти, тоже пагубной для душъ нашихъ... Хорошо и нужно »беречь свой трудъ«,—но всему есть и должна быть *мѣра*... А этой то »мѣры« у иныхъ трезвыхъ и воздержныхъ людей и нѣтъ... Вѣдь не секретъ ни для кого, что у нѣкоторыхъ изъ васъ амбары полны хлѣбомъ еще старымъ—залежалымъ... Безо всякой пользы для кого—бы то нибыло, хозяинъ держитъ его въ своихъ амбарахъ, ожидая, не придетъ ли для православнаго міра година тяжелая, трудная, чтобы въ эту годину ему можно было сбыть свой хлѣбъ за высокую цѣну и чтобы такимъ образомъ еще тверже упрочить свое благополучіе на развалинахъ благополучія другихъ!.. Между тѣмъ, и отъ такого православнаго слышать можно славословіе. »Слава тебѣ, Госноди«! говоритъ и онъ, снявши хорошій урожай хлѣба и подальше прибравши его!... Въ устахъ этого человѣка что выражаетъ

его славословіе? Не то-ли оно значить: »Слава тебѣ, Господи, что ты даешь пищу моей скуности, жадности и скардености, что даешь мнѣ возможность конить и гноить хлѣбъ и затѣмъ, въ голодное время, этотъ залежалый и затхлый хлѣбъ продать бѣднымъ людямъ по высокой цѣнѣ«?! Не въ кошунству-ли, стало быть, сводится славословіе и такого православнаго, *богатыющаго въ себя, а не въ Бога?!* Было-бы для него очень полезно и душеспасительно сколь можно чаще припоминать себѣ эти евангельскія слова, сказанныя Спасителемъ въ притчѣ о богачѣ: *безумный! въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя, кому-же достанется то, что ты заготовилъ* (Лук. 12, 20)?—припоминать себѣ чаще эти слова и громомъ этихъ рѣчей будить свою спящую, нерадящую о своемъ спасеніи, душу!..

Къ чести вашей надо поставить вамъ на видъ, что есть между вами и такіе, которые свое благодарное чувство къ Богу, при видѣ Божіихъ милостей, стараются выразить не словами только, но и дѣломъ; по окончаніи уборки хлѣбовъ, воздавъ свою словесную славу Богу, сѣшать возблагодарить Бога дѣломъ хорошимъ... *Никольщины*, которыя они устрояютъ, по случаю счастливой уборки хлѣбовъ, вотъ ихъ хорошее дѣло!.. Но во первыхъ это дѣлаютъ только *нѣкоторые*, а во вторыхъ дѣло это, какъ оно дѣлается у васъ, развѣ *въ нѣкоторой* только *степени* можетъ быть для васъ душеспасительно... Что это за »Никольщины«, которыя иные изъ васъ устрояютъ? »Позовутъ священника къ себѣ въ домъ со св. иконами, отслужатъ въ домѣ всенощную и молебень Святителю Николаю, освятятъ домъ«! Хорошее дѣло это, повторяю, но для благодарнаго чувства, надлежаще направленного, этого хорошаго дѣла еще мало для при-

несенія Богу достойной жертвы хвалы и благодаренія за Его благодѣянія!. Положимъ, вы въ слѣдъ за молитвою обыкновенно предлагаете угощеніе своимъ »духовнымъ«, своимъ роднымъ, сосѣдямъ, знакомымъ— это дѣло хорошее само по себѣ. Но вѣдь вы угощаете тѣхъ, кто въ вашемъ угощеніи собственно не совсѣмъ и нуждается, и кто такъ же, какъ и вы, по случаю хорошаго урожая собственныхъ хлѣбовъ, можетъ угостить и васъ, на что, конечно, почти всегда и рассчитываютъ дѣлающіе »никольщину«... А Спаситель нашъ сказалъ намъ: *когда ты дѣлаешь пиръ, не зови друзей своихъ, ни братьевъ твоихъ, ни родственниковъ твоихъ, ни сосѣдей богатыхъ, чтобы и они тебя когда не позвали, и не получилъ ты воздаянія, но зови нищихъ, увѣчныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ* (Лук. 14, 12—13)... Слѣдовательно, если и угощеніе на вашей »никольщинѣ«, дѣлаемое вами для вашихъ друзей и знакомыхъ, приложить къ вашей молитвѣ въ домѣ и этимъ только ограничить вашу благодарность къ Богу за Его благодѣянія: она будетъ все-таки мала и для васъ мало спасительна, особенно, если принять во вниманіе, что »никольщины« ваши, какъ и вообще всѣ ваши праздники, по большей части кончаются у васъ не-трезвостію, ссорами, драками и т. д.

»Что-же дѣлать намъ«? вы спросите. »Какъ достойно возблагодарить Бога за Его великія благодѣянія и милости«?

Для этой благой цѣли вамъ нужно, православные, рѣшиться: послѣ принесенія, въ домѣ или въ храмѣ, благодарственной молитвы Господу Богу за Его милости и щедроты, часть полученныхъ вами даровъ Божіихъ употребить на пользу души своей и на пользу братій своихъ ближнихъ, въ вашей помощи нуждающихся...

Прежде всего я совѣтую вамъ: отъ излишнихъ на

вась даровъ Божіихъ—плодовъ земныхъ приносить жертву въ церковь Божію: этимъ вы исполните и свою обязанность въ отношеніи къ церкви, и сдѣлаете доброе дѣло собственно для себя самихъ на пользу души своей.

Знаете-ли?.. Всѣ мы люди, по душѣ своей, какъ говорить слово Божіе, *и несчастны, и жалки, и нищи, и слѣпы, и наги* (Апок. 3, 17)... Кто-же насъ *одѣваетъ*? Кто *богатитъ*? Кто доставляетъ радость и счастье (ст. 18)?—Это церковь Божія, церковь Христова... Кому изъ васъ не извѣстно, что лишь только родится человѣкъ, церковь вводитъ его »въ крещеную вѣру« и *облачаетъ его нечистую, грѣховную душу въ бѣлую одежду*... за тѣмъ сообщаетъ ему дары Духа святаго, помазуя его священнымъ мѣромъ; падшихъ послѣ крещенія церковь снова насъ поднимаетъ, возстановляетъ чрезъ таинство св. покаянія; церковь питаетъ насъ Божественною пищею—тѣломъ и кровію Христовою; церковь доставляетъ людямъ семейное счастье, благословляя и освящая союзъ двухъ лицъ—мужчины и женщины въ таинствѣ брака; церковь врачуетъ наши недуги душевные и тѣлесные въ таинствѣ елеосвященія; церковь *приготавливаетъ* и доставляетъ намъ пастырей и учителей въ таинствѣ священства; церковь учитъ насъ истинамъ св. вѣры и правиламъ нравственности; церковь молится за насъ; церковь освящаетъ наши дома, наши поля, наши луга, наши »входы и исходы«... Коротко: церковь, отъ самаго появленія нашего въ міръ сей даже до могилы, заботливо сопутствуетъ намъ на всѣхъ путяхъ земнаго странствованія нашего и наконецъ молитвенно провожаетъ насъ и »на тотъ свѣтъ«, не преставая и послѣ того возсылать о насъ свои св. молитвы къ Богу объ упокоеніи душъ нашихъ *въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злани*... Видите, сколь благотѣльна для насъ св. церковь!.. Она низводитъ на всю жизнь нашу благословеніе Божіе, она, что особенно важно, доставляетъ намъ

блага духовныя, небесныя, вѣчныя — настолько высшія благъ земныхъ, насколько духовное выше мірскаго, небо — земли вѣчная жизнь — жизни временной... Но церковь, для преподанія намъ благодати, освященія и спасенія, нуждается во многихъ необходимыхъ для того вещахъ; она для совершаемыхъ въ ней священнодѣйствій должна имѣть на примѣръ: *мро, вино, хлѣбы или просфоры, елей, свѣчи, ладанъ и проч.* и проч... И сверхъ того она должна содержаться, безъ сомнѣнія, въ благолѣпії, приличномъ мѣсту особеннаго присутствія Божія и Божіей благодати... Кто же долженъ содержать церковь и доставлять ей все необходимое? Само собою — мы же, которые нуждаемся въ этой церкви, а никакъ не люди посторонніе: жертвуя въ церковь, очевидное дѣло, мы будемъ жертвовать собственно на себя самихъ и для себя, чтобы намъ *нищимъ и бѣднымъ*, чрезъ святую церковь, по слову Божію, *обогатиться* (Апок. 3, 18), разумѣется *духовно*.

Я знаю, что церковный староста нашъ ежегодно ѣздитъ по деревнямъ вашимъ и собираетъ отъ васъ жертвы »на церковь Божію«... Но, во первыхъ, многіе и зажиточные изъ васъ не особенно то усердно дѣлятся тогда съ церковію, а другіе и со всѣмъ *уклоняются отъ жертвъ*...; во вторыхъ, эти жертвы ваши, вслѣдствіе самаго *наизда* старосты въ деревни ваши и его просьбъ къ вамъ о пожертвованіи, суть жертвы какъ бы вынужденныя, а *добродотнаго* лишь *дателя Богъ любитъ*, по слову Божію... Я не хочу, однакожъ, сказать, чтобы жертвы эти не имѣли уже никакой цѣны предъ Богомъ: у Бога никакое добро наше не пропадетъ, и за всякое добро Онъ заплатитъ намъ..., какъ вы слышали уже и знаете изъ житій святыхъ... А потому эти ваши жертвы пріѣзжающему къ вамъ за ними церковному старостѣ пускай остаются у васъ *по старому*..., а добродотныя жертвы хлѣ-

бомъ въ церковь Божію, по собраніи плодовъ вашихъ, пусть введутся у васъ *вновь*, какъ выраженіе личной, свободной, осмысленной, сердечной благодарности вашей къ Богу и Его св. церкви за великія милости и благодѣянія, отъ Него на насъ изливаемые...

При этомъ случаѣ, не могу умолчать, чтобы не похвалить усердія тѣхъ изъ васъ, которые, случится-ли лишній у нихъ грошъ,—несутъ его въ церковь *Богу на свѣчку*, благословить-ли ихъ Богъ обиліемъ домашнихъ животныхъ, или наградить хорошимъ льномъ, напимѣръ, и т. п., часть отъ этого обилія своего и этихъ наградъ сейчасъ же несутъ *въ матушку церковь Божію*... Примѣры, достойные того, чтобы подражать имъ каждому православному, особенно болѣе или менѣе зажиточному, но при томъ »не въ мѣру« бережливому, расчетливому—скупому, или-же такому, который лучше въ кабакъ снесетъ »лишнее«, но не пожертвуетъ на дѣло доброе, или вообще такому, который безучастно, невнимательно, даже съ гордымъ пренебреженіемъ относится къ церкви Божіей, ея потребностямъ и къ дѣлу своего спасенія!!! Изъ этихъ примѣровъ видно, что простыя души, если не умомъ, то сердцемъ своимъ понимаютъ, что церковь дѣйствительно есть мать наша, и что ей они обязаны всѣмъ, что только поистинѣ дорого для насъ, и свято, и спасительно...

Но, православные, вѣдь церковь, если разумѣть подъ нею видимый храмъ, не сама собою доставляетъ намъ дорогія, святыя и спасительныя для насъ духовныя блага, а доставляетъ ихъ намъ черезъ тѣхъ, кто поставленъ самимъ Богомъ служить въ этой церкви... Кто васъ, явившихся на свѣтъ, принималъ на свои руки и вводилъ »въ крещеную вѣру«, облачалъ въ бѣлую одежду и запечатлѣвалъ дарами Духа святаго? Кто васъ исповѣдуетъ, приобщаетъ, сочетаваетъ бракомъ, »соборуетъ масломъ«?

Кто »учить васъ вѣрѣ, благочестію и добрымъ дѣламъ«? Кто совершаетъ для васъ »службы Божіа«, кто молится за васъ, о вашемъ здравіи и спасеніи, о вашемъ благоденствіи и счастіи, о *благораствореніи воздуховъ и объ изобиліи плодовъ земныхъ*? Кто освящаетъ ваши дома, поля и луга? Кто принимаетъ вашъ предсмертный вздохъ, умершихъ молитвенно провожаетъ въ вѣчность и затѣмъ молится объ упокоеніи душъ вашихъ? Сами вы знаете, что все это дѣлаетъ священникъ, — священно церковно-служители .. И если все это они дѣлаютъ для васъ: стало быть, они для васъ нужны, необходимы и должны быть дороги для васъ, дороги настолько, насколько дорога душа ваша, насколько дорого вамъ вѣчное спасеніе ваше... А если они служатъ собственно для васъ, если вы въ нихъ нуждаетесь, если для васъ они необходимы: стало быть, отъ васъ же они должны получать и содержаніе, вы должны доставлять имъ, въ нужномъ для нихъ количествѣ, все потребное для временной ихъ жизни. Не думайте, что это слово мое къ вамъ не имѣетъ для себя иного основанія, кромѣ моихъ собственныхъ разсужденій. Вотъ вамъ, для примѣра, прямое и ясное ученіе Самого слова Божія, обязывающее васъ питать и содержать своихъ священно-церковно-служителей: *служащіе алтарю отъ алтаря должны питаться; Господь повелѣлъ проповѣдующимъ благовѣстіе жить отъ благовѣстія; если мы стѣмъ для васъ духовное, велико-ли-важно-ли, когда будемъ пожинать —получать отъ васъ тѣлесное* (1 Кор. 9, 13—14—11)? Такъ говорить и учить насъ св. апостолъ Павелъ. Вотъ вамъ, для примѣра, ученіе относительно того-же предмета и св. отцевъ церкви: *питай учителя, питай діакона и священный ликъ!* такъ говорить св. Іоаннъ Златоустъ (въ бесѣд. 18 на Дѣян.).

Вы скажете: «мы вамъ платимъ за труды и конѣйками, и хлѣбомъ: неужели вамъ все мало»?!. Отвѣчаю вамъ.

Поистинѣ трудная, весьма трудная задача заводить съ вами разговоры *духовному пастырю* вашему о *тѣлесныхъ нуждахъ* своихъ, о надлежащемъ своемъ собственномъ (матеріальномъ) обезпеченіи и объ обезпеченіи другихъ членовъ причта, при немъ для васъ служащихъ!!.. Онъ рискуетъ унизить предъ вами свое пастырское достоинство; о немъ пойдетъ *въ міру вашему* недобрая молва; его обвинять въ алчности, корыстолюбіи, а пожалуй и въ другихъ порокахъ; онъ можетъ нажить себѣ этимъ даже враговъ, и притомъ непримиримыхъ... Что же? Ужели молчать ему въ виду всего этого?!. Да если и самъ первоверховный св. апостолъ Павелъ, какъ видѣли вы сейчасъ, не стыдился и не боялся указывать вѣрующимъ на тѣлесныя нужды ихъ духовныхъ служителей, считая удовлетвореніе ихъ вѣрующими слишкомъ даже маловажнымъ въ сравненіи съ тою духовною пользою, какую эти вѣрующіе получаютъ отъ духовныхъ служителей, если св. отцы церкви дѣлали и говорили тоже самое: намъ-ли грѣхъ говорить объ этомъ?!. Не обязанность-ли еще наша выяснить предъ вами наше положеніе и ваши обязанности въ отношеніи къ намъ, чтобы, зная свои обязанности и исполняя ихъ, какъ должно, вы могли получить себѣ душевную пользу?!. Отъ нашего молчанія въ этомъ случаѣ, кажется, больше зла можетъ произойти и происходить, чѣмъ отъ глаголанія... И ужели служитель *Истины* долженъ мѣнять истину на ваши несправедные людскіе толки?!. Вѣрьте мнѣ, православные, какъ пастырю вашему и служителю *Истины*, что не чувство корыстолюбія, не жажда земныхъ пріобрѣтеній, но правда, хотя и тяжелая, и истина, хотя и горькая, говорятъ и будутъ говорить языкомъ моимъ...

Дѣйствительно, того, что получаемъ мы отъ васъ за нашу службу, мало, слишкомъ даже мало для нашего существованія... 60—80 лѣтъ назадъ, можно-бы еще, пожалуй, жить намъ тѣми средствами, какія мы получаемъ отъ васъ нынѣ, но съ тѣхъ поръ много воды утекло, люди »перемѣнились«, жизнь и нравы измѣнились; »все перемѣнилось«, только ваши подачки духовенству за службу почти не измѣнились за это время.. Чтобы яснѣе видѣть вамъ недостаточность нашихъ матеріальныхъ средствъ, я приведу примѣръ: я, на примѣръ, на свою долю всевозможныхъ доходовъ и денежныхъ, и хлѣбныхъ, и притомъ въ самый счастливый годъ, получу отъ васъ всего на 120 рублей. Если присовокупить сюда мое годовое жалованье 88 рублей: то всѣ мои годовыя средства составлять 208 рублей. У меня сынъ обучается въ духовномъ училищѣ: на него, за одну квартиру съ содержаніемъ »на хлѣбахъ«, я плачу въ годъ 60 рублей; да на обувь, на одежду, на книги и проч. и проч. долженъ издержать въ годъ по крайней мѣрѣ рублей 20—25... У меня дочь еще поступила нынѣ на ученіе въ Ярославское училище, куда за содержаніе и обученіе воспитанницы платится въ годъ 60 рублей: итого выходитъ 140—145 рублей въ годъ я долженъ издерживать на одно воспитаніе дѣтей!.. Отъ годовыхъ средствъ моихъ, стало быть, у меня остается на мое собственное годовое существованіе 60 съ небольшимъ рублей!.. Скажите: какъ-же тутъ жить священнику, при нынѣшней дороговизнѣ на все: на пищу, обувь, одежду, жилище, отопленіе, освѣщеніе и проч. и проч?!.. А чѣмъ и какъ я долженъ пристраивать, выдавать въ замужество вышедшую нынѣ-же изъ Ярославскаго училища старшую мою дочь?!.. Могъ-ли я накопить средствъ для этой цѣли?!... Но если такъ печально матеріальное положеніе вашего священника: что-же сказать

объ этомъ положеніи остальныхъ членовъ причта, получающихъ дохода почти вчетверо менѣе противъ своего священника?!.. Не удивляйтесь-же, если вы встрѣчаете у насъ бѣдность поразительную; не удивляйтесь, что мы начинаемъ отдавать дѣтей своихъ на ваши промыслы крестьянскіе въ сапожники, портные, столяры, маляры и т. п: мы—*нищіе* у васъ, нищіе по скудости и ничтожности получаемыхъ нами средствъ, нимаю несоотвѣтственныхъ занимаемому нами положенію, цѣли нашего служенія и *современнымъ* требованіямъ отъ насъ...

Но мы нищіе у васъ и въ самомъ прямомъ буквальномъ смыслѣ. . Вы знаете, что большую часть доходовъ мы получаемъ отъ васъ *натурой*... Какъ получаемъ? Съ мѣшкомъ за плечами, иногда съ корзиной въ рукахъ, когда съ ведромъ и т. д. и т. п. мы ходимъ по домамъ вашимъ, по подоконьямъ, по амбарамъ..., испрашивая подачекъ отъ васъ, какъ дѣйствительные нищіе, и притомъ тогда лишь ходимъ, когда получимъ отъ васъ право на это нищенство, предварительно угостивши васъ по мѣрѣ чего вы опредѣляете для насъ и мѣру вашихъ даяній?!.. Какая злая насмѣшка надъ нашимъ высокимъ служеніемъ въ этомъ способѣ нашего пропитанія!!!. Гдѣ еще, въ какой странѣ, въ какой вѣрѣ такъ унижено вѣрующими духовенство, какъ унижено оно у насъ православныхъ?!.. И сами вы всѣ, развѣ за нѣкоторыми лишь исключеніями, всегда съ насмѣшкою смотрите на своихъ церковныхъ служителей, путешествующихъ по деревнямъ вашимъ, по образу и подобию нищихъ!.. А что сказать о людяхъ »чиновныхъ« между вами, кидающихъ въ насъ—нищихъ, побирухъ, взоры своего пренебреженія и презрѣнія?!.. Но если способы нашего содержанія въ васъ самихъ возбуждаютъ насмѣшку и иногда пренебрежительныя отношенія къ духовенству, если многіе изъ васъ открыто говорятъ:

»Я-бы, дескать, на мѣстѣ поновъ, ни за что не пошелъ-бы собирать, какъ нищій«: думаете ли, что выполненіе этихъ способовъ легко для насъ, священно церковно-служителей, которые во всякомъ случаѣ *развитіе* васъ, и слѣдовательно лучше даже васъ понимаютъ и чувствуютъ, *что хорошо и что худо*, и если *сознательно идутъ на худо*, то потому только, что вынуждаются къ тому крайнею необходимостію, подобною той, какою вынуждается оборванный нищій идти подъ окно ваше за милостынею »ради Христа«?! О, нищество наше, вынужденное, необходимое, это одинъ изъ самыхъ великихъ и тяжелыхъ крестовъ, какіе несутъ только служители церкви Божіей, это такой крестъ, подъ тяжестью котораго, естественно, не удивительно упасть слабому человѣку,... Это такой крестъ, который иные, по безсилію своему, даже совсѣмъ отказались нести...

Пожалѣйте-же, православные, насъ, вашихъ пастырей!.. Жалѣя насъ, вы будете жалѣть самихъ себя: мы съ радостію-бы, а не съ воздыханіемъ, стали творить то св. дѣло, къ которому мы призваны: это было-бы для васъ полезнѣе«... (Евр. 13, 17).

»Что-же дѣлать намъ«? вы спросите.

Я чувствую, понимаю, вижу, знаю, что попусту разбросалъ-бы, разметалъ-бы! предъ вами свои слова..., если-бы сталъ говорить вамъ объ увеличеніи вашихъ вознагражденій за нашу службу: до пониманія нужды въ этомъ большая часть изъ васъ, къ сожалѣнію, подлинно еще не доросла; притомъ же есть между вами такіе люди, на которыхъ никакія слова, никакія убѣжденія подѣйствовать не могутъ, и на которыхъ дѣйствовать можетъ развѣ только сила сверхъ-естественная... По всему этому объ увеличеніи вознагражденій за нашу службу и предоставляю судить вамъ самимъ.

Я обращаю теперь ваше вниманіе на другое дѣло, для васъ нимаю необременительное. Если не возможно для васъ средства содержанія нашего увеличить, то совершенно, конечно, возможно измѣнить способы полученія отъ васъ тѣхъ же самыхъ средствъ, какими мы пользовались отъ васъ доселѣ ..

Прошу и молю васъ, православные: избавьте насъ отъ нищенскаго бродяжничества нашего по приходу за подаваніемъ, бродяжничества, которое васъ самихъ же соблазняетъ и надъ которымъ сами-же вы смѣтаетесь... Положите себѣ за правило: послѣ принесенія отъ плодовъ земныхъ жертвы вашей въ церковь Божию, жертву вашего усердія нести и духовнымъ служителямъ вашимъ, въ которыхъ нуждается вы, и которые, въ свою очередь, нуждаются въ васъ, въ вашей помощи... Ваша жертва для насъ, въ этомъ случаѣ, получить видъ и значеніе добровольнаго, свободнаго, осмысленнаго и разумнаго исполненія вами вашей обязанности въ отношеніи къ намъ, и, безъ сомнѣнія, будетъ несравненно выше и цѣннѣе предъ Богомъ, чѣмъ ваши, какъ бы вынужденныя, подаванія намъ у оковъ, у амбаровъ вашихъ и т. п. Найдете неудобство въ доставленіи намъ вашихъ жертвъ отъ каждаго лица порознь? Можете доставлять жертвы и отъ цѣлой деревни чрезъ одно какое либо лицо, по вашему выбору... Было-бы у васъ только желаніе принять и выполнить мой совѣтъ и просьбу, а средства для выполненія просьбы, безъ сомнѣнія, уже найдутся...

Что еще какія добрыя и душеполезныя дѣла вы можете сдѣлать, »въ знакъ благодарности« къ Богу, за Его милости къ вамъ? .

Хорошее, доброе и полезное для души своей и для ближнихъ своихъ дѣло сдѣлаете вы, православные, если, при большемъ изобиліи вашихъ вещественныхъ средствъ,

обратите большее вниманіе и на положеніе вашей семьи, лицъ самыхъ къ намъ ближайшихъ... За бѣдностію и скудостію средствъ, быть можетъ, многіе изъ васъ не обучали грамотѣ своихъ дѣтей?.. Нынѣ вы можете обути, одѣть дѣтей, можете купить для нихъ хоть азбуку, напимѣръ, часовникъ, псалтирь, евангеліе, молитвенникъ, бумаги, перьевъ, чернилъ и т. п. и затѣмъ отправить ихъ въ школу, за невозможностію же отправить въ школу, — по дальности-ли разстоянія школы отъ жилищъ вашихъ, или по другой уважительной причинѣ, — можете отдать ихъ въ наученіе и какому либо домашнему доброму грамотѣю... Остальную семью свою вы тоже можете нынѣ лучше, противъ прежняго, одѣть, обути, накормить, чтобы не терпѣла она отъ холода и голода... А то, вѣдь, есть между вами такіе отцы, которые не только своихъ собственныхъ средствъ не употребляютъ для блага дѣтей своихъ и для блага остальной семьи, но не употребляютъ для этой цѣли и тѣхъ средствъ, которыя малыя дѣти приобрѣтаютъ сами, своимъ собственнымъ трудомъ... Жалкіе эти отцы, какъ мнѣ извѣстно, безжалостно мучатъ своихъ дѣтей, заставляя ихъ полуголодныхъ, а иногда и совсѣмъ голодныхъ, съ глубокаго утра до поздняго вечера, бродить по лѣсамъ за отыскиваніемъ грибовъ, ягодъ и т. п., за тѣмъ лишь заставляя, что-бы въ недалекомъ будущемъ плоды трудовъ ихъ пропить, а дѣтей, въ награду за труды, приболотить!.. Великій и тяжкій предъ Богомъ грѣхъ принимаютъ на свою душу такіе отцы!.. И да будетъ имъ стыдъ и срамъ предъ всѣми добрыми людьми!.. Гнѣвъ Божій еще здѣсь на землѣ можетъ придти на голову ихъ, и кто знаетъ, кого и что Всевышній изберетъ орудіемъ Своего гнѣва?!.. Голодные и холодные ихъ дѣти »испускаютъ« теперь »стоны«, хотъ и напрасные, но не совсѣмъ »безплодные«: дурное сѣмя, посеянное на сердцахъ ихъ, укоренится, взойдетъ и принесетъ плодъ по роду своему...

А сѣмья это есть сѣмья ненависти и вражды къ отцу... Нельзя безъ глубокой горести и смущенія выслушивать разсказовъ о проявленіяхъ въ дѣтяхъ этой вражды и этой ненависти къ своему жестокому отцу: «мы», говорятъ они о такомъ отцѣ своемъ, «выростемъ: такъ удавимъ его»!. Не дай Богъ, что-бы когда нибудь случилось что-либо подобное!!.. Предупреждайте же, отцы, всякія дурныя послѣдствія, какія происходятъ отъ вашего небреженія о дѣтяхъ и вашего дурнаго и жестокаго съ ними обращенія!.. Учите ихъ, пока время не ушло, пока у васъ есть сила и средства, учите добру, уму-разуму, учите словомъ и дѣломъ, учите и книжною наукою, а паче всего примѣромъ своей собственной жизни, учите, чтобы они поминали васъ впослѣдствіи добромъ, а не «лихомъ»...

Хорошее и душеполезное дѣло, въ знакъ благодарности къ Богу, вы сдѣлаете, если отъ избытковъ своихъ поможете и своимъ дальнимъ, но бѣднымъ родственникамъ. Хорошее дѣло сдѣлаете, если вообще будете помогать людямъ бѣднымъ и несчастнымъ. Хорошее дѣло сдѣлаете, если станете странниковъ и путешественниковъ принимать къ себѣ въ домъ и покоемъ и т. д. и т. п. Я знаю, что между вами есть люди добрые, которые всѣ эти и имъ подобныя добрыя дѣла благотворенія и милосердія христіанскаго совершаютъ, но знаю и то, что у васъ есть не только отдѣльныя личности, но и цѣлыя деревни, которыя, какъ-бы сговорившись, не принимаютъ въ свои дома странниковъ и путешественниковъ, не взирая ни на какое время года, ни на какое время дня и ночи, ни на какую погоду... Имъ предлагаютъ деньги за «покой» и за пищу: но и за деньги они не пускаютъ къ себѣ «ни пѣшихъ, ни конныхъ», не пускаютъ, хоть умирай тутъ, у оконъ ихъ, съ холода и голода!.. Если еще, на

бѣду, случится у путешественниковъ, въ деревнѣ или около деревни этой, какое-либо несчастіе — колесо-ли, ось-ли поломается, или «завертка лопнетъ» и т. п.: что дѣлать тогда въ такой деревнѣ бѣдному страннику?!.. И что-же наживаетъ себѣ такая деревня своимъ жестокосердіемъ? Сколько проклятій ей шлютъ разные люди изъ разныхъ концовъ и угловъ Русской земли!.. Жестоко, друзья, безчеловѣчно такъ поступать!.. Поставьте сами себя на мѣстѣ тѣхъ путешественниковъ; что-бы сказали вы тогда объ этихъ немилосердыхъ и жестокихъ деревенскихъ жителяхъ?!.. Не то-же-ли-бы сказали, что и объ васъ говорятъ путешественники?!.. Подумайте: для того ли Богъ награждаетъ васъ земными благами, для того-ли благословляетъ труды ваши обиліемъ плодовъ земныхъ, для того-ли одѣваетъ луга ваши травами тучными; чтобы *затворяли вы утробы свои для немущихъ и требующихъ отъ васъ помощи?!..* Нѣтъ! это дѣло нехристіанское, это дѣло варварское, это дѣло хуже языческаго... Знаете-ли?.. Не принимая къ себѣ странниковъ, вы не принимаете къ себѣ Самого Христа!. *Странникъ бѣхъ: и не введосте Мене* (Мѣ. 25, 43)! скажетъ Спаситель на послѣднемъ страшномъ судѣ Своемъ людямъ жестокосердымъ: *идите-же отъ Мене проклятіи въ огонь вѣчный* (ст. 41)!..

Православные! *Дѣлайте добро, пока день есть, ибо придетъ ночь*—ночь смерти, когда никто не можетъ уже *дѣлать!*.. Изъ посылаемыхъ на васъ даровъ Божіихъ дѣлайте надлежащее христіанское употребленіе. Этимъ вы засвидѣтельствуете, что умѣете цѣнить Божіи благодѣянія, низведете на себя новыя благословенія Божіи — земныя и

небесныя, и приготовите себѣ *за гробомъ*, который всѣмъ
намъ *предлежитъ*, мѣсто *свѣтлое*, мѣсто *злачное*,
мѣсто *покойное*...

Священ. *Аркадій Леващевъ.*

Троица Чудца.

Вопросы пастырства.

Могутъ ли священники воспрещать прихожанамъ вносить дѣтей, одержимыхъ заразительными болѣзнями, въ церковь для приобщенія св. таинъ? Извѣстно, что между дѣтьми часто распространяются то тѣ, то другія заразительныя болѣзни, каковы: корь, оспа, скарлатина и проч. Въ послѣднее время стала быстро распространяться по Россіи новая дѣтская заразительная болѣзнь, извѣстная подъ названіемъ дифтерита, который проникъ и въ предѣлы нашей пензенской губернии. Въ мѣстностяхъ, гдѣ появляются эти болѣзни, свѣтскія власти иногда обращаются къ священникамъ съ требованіемъ, чтобы они запрещали прихожанамъ приносить въ церковь дѣтей, зараженныхъ эпидеміей. Такъ, недавно начальникъ харьковской губерніи и врачебное отдѣленіе харьковскаго губернскаго правленія обратились къ мѣстному епар. начальству съ просьбою сдѣлать распоряженіе, чтобы священники харьковской епархіи запрещали своимъ прихожанамъ приносить въ церковь дѣтей, страдающихъ заразительными болѣзнями ¹⁾.

По ученію слова Божія и православной церкви, въ т. евхаристіи вѣрующіе причащаются истиннаго тѣла и истинной крови Христа Спасителя,—во исцѣленіе не только души, но и тѣла. Потому, если пастыри церкви будутъ запрещать прихожанамъ приносить зараженныхъ эпидеміей дѣтей въ церковь для приобщенія св. Таинъ, они поставятъ себя въ ложное положеніе, сдѣлають то, что прямо про-

¹⁾ Хар. Епарх. Вѣд. 1879 г. № 10.

творѣчить ученію, которое они должны сообщать своимъ пасомымъ. Говоря о плодахъ таинства причащенія, пастыри необходимо должны привести слушателей къ убѣжденію, что приступающіе къ этому таинству или приносящіе къ нему дѣтей своихъ съ вѣрою не только должны быть далеки отъ мысли о зараженіи отъ другихъ посредствомъ приобщенія, но приступать къ евхаристіи и приносить къ нему дѣтей своихъ должны съ полною увѣренностію, что какъ здоровыя дѣти не заразятся чрезъ причащеніе св. таинъ одновременно съ больными дѣтьми, такъ и больныя дѣти, по вѣрѣ родителей и близкихъ, могутъ получить отъ св. приобщенія исцѣленіе не только души, но и тѣла.

И такъ священникамъ крайне неудобно воспрещать прихожанамъ приносить больныхъ дѣтей въ церковь. Впрочемъ священники, и не прибѣгая къ такой неблаговидной мѣрѣ, могутъ до извѣстной степени исполнить требованіе свѣтской власти относительно разобщенія больныхъ дѣтей отъ здоровыхъ. Во время распространенія заразительной болѣзни священникамъ надобно совершать литургіи не только въ воскресные и праздничные, но и въ будничные дни, и затѣмъ они могутъ требовать отъ прихожанъ, чтобы больныя дѣти были приносимы въ церковь для причащенія св. Таинъ не въ воскресные или прадничные дни, когда большое стеченіе богомольцевъ, духота и тѣснота въ храмѣ могутъ ускорить въ дѣтяхъ развитіе болѣзни, но во дни будничные, въ которое больныя дѣти будутъ причащаться свободно и скоро.

Если же почему либо свѣтскія власти находятъ положительно невозможнымъ допускать въ церковь дѣтей съ заразительными болѣзнями; то они могли бы воспретить это сами, не прибѣгая къ посредству священника и не ставя послѣдняго въ фальшивое положеніе.

(*Пенз. Еп. Вѣд.*).

РУКОВОДСТВО

Д Л Я

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
четыре руб., съ пересылкою пять **№ 35.**
рублей сереб.

Подписка принимается въ редак
ціи сего журнала, при кіевской
семинаріи.

1879 года. Августа 26-го.

Содержаніе. Виды церковныхъ наказаній.—О предосторожностяхъ противъ мнимо-
й смерти.—Замѣтка о народной медицинѣ.—Средство отъ порчи зу-
бовъ.—Средство противъ лихорадки.—*Въ приложеніи:* Поученіе къ про-
стому народу, по поводу распространенія въ средѣ сельскаго населенія
ложныхъ слуховъ о земельномъ переходѣ и въ виду объявленія отъ Ми-
нистра В. Д. отъ 16 Іюня 1879 г.

Виды церковныхъ наказаній.

Выборъ или назначеніе наказаній въ древней церкви
объусловливалось съ одной стороны *званіемъ* или внѣшнимъ
положеніемъ въ церкви подсудимаго, съ другой тяжестью
совершеннаго имъ проступка, т. е. прежде всего обращено
было вниманіе на то, къ клиру или разряду мірянъ при-
надлежалъ виновный. Если это былъ клирикъ, то его
подвергали такому наказанію, которое состояло въ лишеніи
какихъ либо клировыхъ правъ и преимуществъ; если
подлежащее наказанію лицо принадлежало къ разряду мі-
рянъ, то оно подвергалось наказанію, состоявшему въ
лишеніи благъ и правъ, присвоенныхъ мірянамъ. Обычнымъ,
болѣе всего употребительнымъ, наказаніемъ *для мірянъ*
было, такъ называемое.—

Малое отлученіе.

Подъ именемъ »малаго отлученія« (*ἀφορισμός, separatio, excommunicatio minor*) разумѣется такое церковное наказаніе, по которому грѣшникъ мірянинъ удаляемъ былъ на извѣстное время отъ причащенія св. Таинъ и участія въ нѣкоторыхъ молитвахъ церковныхъ, былъ кромѣ того осуждаемъ на понесеніе покаянныхъ подвиговъ и поставляемъ въ разрядъ кающихся. Такимъ образомъ »малое отлученіе« слагалось изъ двухъ элементовъ: I, церковнаго покаянія и II, удаленія отъ св. Таинъ и молитвъ церковныхъ.

I. Церковное покаяніе, какъ подвигъ сердечнаго сокрушенія о грѣхахъ, какъ выраженіе искренняго раскаянія и свидетельство объ исправленіи жизни, существовало въ самыя раннія времена христіанства. Въ писаніяхъ отцевъ и учителей церкви, жившихъ во 2 вѣкѣ, мы встрѣчаемъ уже указаніе на употребленіе его въ то время. Такъ Иринеи, упомянувъ о женѣ одного діакона, совращенной въ ересь, замѣчаетъ, что, обратившись снова къ церкви, она все время жизни своей провела въ покаяніи (*exhomologes*) ¹⁾. О Кердонѣ, тайно распространявшемъ въ Римѣ свое лжеученіе, тотъ же св. Иринеи говоритъ, что онъ часто приходилъ въ церковь и творилъ исповѣдь (*exhomologesin*) ²⁾. Употребляемое здѣсь Иринеємъ слово »*exhomologesis*« взято съ греческаго языка, и употреблено имъ, очевидно, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ оно употреблялось греками, т. е. въ смыслѣ не только исповѣди грѣховъ, но и оплакиванія ихъ, самоосужденія и несенія покаянныхъ подвиговъ ³⁾. Тертулліанъ, жившій въ концѣ II и въ началѣ III вѣка, также упоминаетъ объ употре-

¹⁾ Contra haeres. L. 1, с. 13, п. 5.

²⁾ Contra haeres. L. III, с. 4.

³⁾ Albaspin., observat. Eccl. Lib. II, с. 26.

бленіи въ его время ehomologesis-а, и даже подробно объясняетъ, въ чемъ онъ состоялъ и чего требовалъ отъ кающагося. »Покаяніе, говоритъ онъ, должно быть соединено *съ внѣшними подвигами*. Обрядъ сей именуется у насъ обыкновенно исповѣдію (ehomologesis). Исповѣь сокрушаетъ и уничтожаетъ человѣка.. повелѣваетъ ему пребывать въ пеплѣ и вретищѣ и погружать душу свою въ горестъ, дабы очистить ее чрезъ страданіе... Она за-прещаетъ ему всякое услажденіе въ пищѣ и питіи; требуетъ, чтобы грѣшникъ питалъ и укрѣплялъ душу свою молитвою, постомъ, воздыханіями и слезами, чтобы день и ночь вопіялъ къ Богу своему, чтобъ преклонялъ колѣна предъ священниками, повергался ницъ предъ престоломъ Божиимъ и просилъ братій своихъ молиться за него¹⁾.

Церковное покаяніе уже въ первыя времена христіанства представляло собою два вида, различные по своему характеру. Одни изъ грѣшниковъ несли подвиги покаянія гласно, въ виду всей церкви, отъ чего и самое покаяніе ихъ называется *публичнымъ*; другіе раскаявались тайно, незамѣтно для другихъ; покаяніе такихъ людей было извѣстно подъ именемъ сокровеннаго или тайнаго. Что касается публичнаго покаянія, то оно по самому характеру своему не могло быть опредѣляемо всѣмъ и во всѣхъ случаяхъ нарушенія церковныхъ узаконеній. Церковный судья долженъ былъ взвѣсить всѣ обстоятельства дѣла и напередъ опредѣлить, принесетъ-ли такое крайне строгое наказаніе пользу виновному и не будетъ ли оно для него болѣе вредно, чѣмъ полезно. Отсюда при назначеніи такого наказанія обращалось вниманіе прежде всего на *лицо согрѣшившее*, на его возрастъ, полъ и общественное положеніе. Правда, письменные памятники

¹⁾ О „покаяніи“, гл. 9.

христіанской церкви представляют намъ не мало примѣровъ и свидѣтельствъ, изъ которыхъ ясно видно, что полъ, состояніе и внѣшнее положеніе извѣстнаго лица не всегда могли служить для церковнаго судьи препятствіемъ къ опредѣленію публичнаго покаянія, и что въ древней церкви въ ряду публично кающихся можно было видѣть лицъ обоого пола, многоразличныхъ общественныхъ положеній и состояній. Такъ мы знаемъ, что въ антиохійской церкви при епископѣ Вавилѣ въ ряду публично кающихся находился нѣкоторое время правитель Филиппъ ¹⁾. Историкъ Сократъ упоминаетъ о софистѣ Экивомѣ, приносившемъ покаяніе публично ²⁾; во время Іеронима въ латеранской церкви публично каялась знаменитая женщина, по имени Фабіола ³⁾. Эти примѣры ясно, повидимому, доказываютъ безразличное отношеніе церковнаго суда къ полу, возрасту и общественному положенію согрѣшившаго лица. Но съ другой стороны, тѣже памятники древней христіанской церкви представляютъ намъ примѣры противоположныя, ясно говорящіе въ пользу той мысли, что церковь не всегда и не во всѣхъ случаяхъ игнорировала личное, семейное и общественное положеніе грѣшника. Такъ отъ публичнаго понесенія покаянныхъ подвиговъ освобождались въ древности такіа лица, преступленія которыхъ могли служить соблазномъ въ обществѣ и навлекать на нихъ несчастія. Сюда принадлежали, напр., замужнія женщины, уличенныя или добровольно сознавшіяся въ нарушеніи супружеской вѣрности. »Женъ прелюбодѣйствовавшихъ, говоритъ св. Василій Великій, и исповѣдовавшихся въ томъ или какимъ бы то ни было образомъ обличившихся, отцы наши запретили *явными творити*, да не подадимъ причины къ

¹⁾ Евсевія Ц. Ист. кн. IV, гл. 34.

²⁾ Евсевія Ц. Ист. кн. III гл. 13.

³⁾ Пис. 72.

смерти обличенныхъ» (34 пр.), т. е. чтобы не убить душу ихъ отчаяніемъ и не сдѣлать для нихъ несносною самую жизнь. Точно также христіане молодые, и лица, занимавшія въ обществѣ высокое положеніе, рѣдко подвергаемы были публичному покаянію. Первые потому, что въ нихъ не достигается достаточной степени развитія смиреніе, покорность, терпѣніе и постоянство—качества столь необходимыя для надлежащаго и усиѣннаго понесенія покаянныхъ подвиговъ; вторые потому, что гласное покаяніе могло быть причиною паденія ихъ личнаго авторитета, потери довѣрія и уваженія къ нимъ со стороны лицъ подчиненныхъ и т. п. Публичное покаяніе всегда имѣло въ виду исправленіе грѣшника, но никакъ не униженіе его предъ прочими членами церкви. Далѣе, церковный судья при опредѣленіи того или другаго вида церковнаго покаянія обращалъ вниманіе *на свойство грѣха*. Нѣкоторые грѣхи не наказывались публичнымъ покаяніемъ потому, что чрезъ это они могли сдѣлаться извѣстными всему обществу и служить заразительнымъ примѣромъ для сего послѣдняго (напр. нѣкоторые изъ плотскихъ грѣховъ); другія изъ тяжкихъ преступленій, сдѣлавшись извѣстными чрезъ открытое покаяніе, могли повлечь за собою преслѣдованіе и наказаніе со стороны гражданской власти, и потому не были обнаруживаемы. Св. Левъ, папа римскій, строго воспретилъ епископамъ подвергать таковыхъ грѣшниковъ публичному покаянію, дабы они не уклонились отъ вращенствъ покаянія, боясь открыть свои преступленія ¹⁾). Обращалось наконецъ вниманіе на собственное расположеніе грѣшника, на свойство его душевныхъ силъ, принималась также въ соображеніе его готовность къ понесенію публичныхъ покаянныхъ подвиговъ. Готовность къ такому

---

1) Epist. CCXVIII.

подвигу служила нѣкоторымъ ручательствомъ за возможность исправленія; нежеланіе обѣщало противоположныя послѣдствія. Точно также слабость душевныхъ силъ грѣшника, могущая повергнуть его въ отчаяніе, уныніе, не могла остаться безъ вліянія на дѣло исправленія, и потому не могла быть игнорируема предусмотрительными пастырями церкви, направлявшими свои карательныя дѣйствія къ одной цѣли—уврачеванію нравственно больныхъ.

Когда церковный судъ находилъ возможнымъ, нужнымъ и полезнымъ подвергнуть грѣшника публичному покаянію и изрекалъ свой грозный приговоръ, преступникъ нравственнаго закона долженъ былъ съ этого времени начать новую жизнь, исполненную разныхъ подвиговъ и лишеній. Вступленіе въ эту покаянную жизнь, причисленіе къ разряду кающихся сопровождалось разнаго рода обрядами и церемоніями, носившими на себѣ скорбный отпечатокъ и прямо подготавливавшими грѣшника къ новому положенію въ обществѣ христіанъ. Онъ обыкновенно являлся въ церкви и становился у дверей. Здѣсь онъ былъ принимаемъ епископомъ, который вводилъ его въ церковь и давалъ ему пепель и вретище. Пепломъ кающійся долженъ былъ посыпать свою голову, а во вретище облещись. Потомъ грѣшникъ падалъ ницъ, и въ такомъ положеніи находился до тѣхъ поръ, пока епископъ приближался къ нему; воздвигалъ его и возлагалъ на него свои руки. Затѣмъ епископъ, сдѣлавши приличное наставленіе грѣшнику, повелѣвалъ вывести его изъ церкви. Обрядъ этотъ сопровождался пѣніемъ разныхъ покаянныхъ псалмовъ и молитвою за грѣшника.

Съ этого собственно времени и начиналась для согрѣшившаго члена церкви новая жизнь; отсюда онъ долженъ былъ занять въ средѣ вѣрующихъ новое положеніе. Какъ нравственно больной, онъ уже не могъ болѣе оставаться

среди здоровыхъ и отдѣлялся въ подобнымъ же себѣ грѣшникамъ. Какъ лице, обреченное на новую жизнь, онъ долженъ былъ видоизмѣниться и внѣшне, и внутренно. Соотвѣтственно своему положенію, онъ долженъ былъ сообразоваться въ своей жизни и дѣятельности уже не съ тѣми общими правилами христіанскаго благоповеденія, которыя предлагаются всѣмъ членамъ церкви, а съ тѣми частными наставленіями, которыя давались мудрыми врачами духовными, примѣнительно къ особенному душевному состоянію кающихся. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ наставленій и правилъ: »кающійся, говоритъ Тертуліанъ, долженъ покрываться вѣтищемъ и пепломъ и оставить всѣ тѣлесныя украшенія; долженъ духъ смирить скорбію, пищу и питіе употреблять простыя, укрѣпляться молитвою и постомъ, воздыхать, плакать, стенать день и ночь предъ Господомъ Богомъ, долженъ преклонять колѣна предъ священниками, повергаться ницъ предъ престоломъ Божиимъ и просить братьевъ своихъ молиться за него«¹⁾. Тоже самое говоритъ и Кипріанъ, епископъ карфагенскій, въ слѣдующихъ словахъ: »сколь много мы согрѣшили, столь тяжко должны и плакать. Глубокую изву надобно врачевать прилежно и долго. Покаяніе не должно быть менѣ преступленія. Надобно молиться усерднѣе и просить; надобно проводить день въ рыданіи, ночи въ бдѣніи и слезахъ, все время наполнить плачевнымъ сѣтованіемъ,—повергшись, прикинуть къ землѣ, валяться въ пеплѣ, во вѣтищи и въ грязи, послѣ утраченной одежды Христовой не желать уже никакого убранства, послѣ пищи діавольской возлюбить постъ, прилежать къ добрымъ дѣламъ, которыми очищаются грѣхи, подавать часто милостыню, которою души освобождаются отъ смерти«²⁾.

¹⁾ О „Покаяніи“ гл. 9.

²⁾ О падшихъ, стр. 167—168 (р. пер.).

Такихъ и подобныхъ имъ наставленій мы встрѣчаемъ довольно много въ писаніяхъ отцевъ и учителей церкви первыхъ вѣковъ христіанства, хотя мы и не можемъ сказать ничего опредѣленнаго относительно происхожденія ихъ, т. е. мы не знаемъ, были ли эти наставленія непосредственно предложены самими отцами церкви или же они заимствованы ими изъ дѣйствительности и представляютъ собою только напоминаніе того, что дѣлалось на самомъ дѣлѣ истинно раскаявающимися. Во всякомъ случаѣ жизнь и дѣятельность публично кающихся были таковы именно, какими онѣ изображены у Тертуліана и Кипріана. Такъ мы видимъ, что публично кающійся совлекалъ съ себя прежде всего обычныя одежды и облакался во вретище, которое болѣе соответствовало его новому положенію въ обществѣ христіанъ, и болѣе приличествовало его внутреннему душевному состоянію и настроенію. Нищій добрыми дѣлами долженъ былъ и одѣваться въ обычную одежду людей немущихъ. Въ такой одеждѣ, напр., публично раскаявался въ своихъ согрѣшеніяхъ исповѣдникъ Наталисъ, склонившійся въ ересь и потомъ обратившійся опять къ церкви¹⁾; во вретище же одѣвалась во время покаянія и Фабіюла, знатная римская женщина, оставившая своего перваго мужа и вышедшая за другаго²⁾. Въ такомъ одѣяніи кающіеся ходили обыкновенно все время, назначенное для покаянія, и снимали его только тогда, когда получали формальное разрѣшеніе и снова были принимаемы въ общеніе. Кромѣ того, въ знакъ великаго сокрушенія о грѣхахъ своихъ, они посылали голову свою пепломъ, какъ это мы видимъ изъ примѣра тогоже исповѣдника Наталиса³⁾. Иногда публично кающіеся остригали

¹⁾ Евсевій, Ц. Ист. кн. V. гл. 28.

²⁾ Пис. о смерти Фабіюлы 72, т. 2 (р. пер.).

³⁾ Тамже у Евсевія.

волосы на головѣ, какъ видно это изъ письма Амвросія Медиоланскаго, въ которомъ онъ говоритъ о паденіи дѣвы, посвятившей себя Богу. Если же женщины оставляли свои волосы цѣлыми, то не должны были уже заботиться объ ихъ убранствѣ, а обязаны были оставлять ихъ въ беспорядкѣ и распускать по плечамъ. Въ такомъ видѣ, по свидѣтельству Іеронима, стояла среди кающихся Фабіола. Кромѣ того, женщины надѣвали иногда на голову свою покаянный покрывала (*velamen poenitentiae*).

Что касается *домашней* жизни публично кающихся, то она получала совершенно иной характеръ вслѣдствіе примѣненія ея къ тѣмъ правиламъ или наставленіямъ, какія встрѣчаемъ мы въ писаніяхъ богомудрыхъ настырей церковныхъ. Прежде всего кающіеся строго соблюдали заповѣдь о постѣ, какъ одномъ изъ главныхъ средствъ къ ослабленію грѣховныхъ порывовъ плоти, укрощенію бурнаго движенія страстей, пріобрѣтенію удобства сосредоточиться и замкнуться въ самихъ себѣ, что такъ важно въ дѣлѣ самоисправленія человѣка. Обычною пищею кающихся былъ простой хлѣбъ, единственнымъ питьемъ служила вода. То и другое употреблялось ими въ количествѣ весьма ограниченномъ, потребномъ для необходимаго поддержанія жизни¹⁾. И только съ усиленіемъ ревности въ дѣлѣ прохожденія публичнаго покаянія и по мѣрѣ успѣшности въ дѣлѣ нравственнаго усовершенствованія постъ нѣсколько ослаблялся. Если кающійся имѣлъ жену, то обязывался на все время покаянія превращать свои супружескія связи съ нею; неженатые не имѣли права вступать въ бракъ до окончанія покаяннаго времени. »Можно ли, говоритъ Амвросій Медиоланскій, считать истинно кающимся того, кто по честолюбію помога-

¹⁾ Созоменъ Ц. Ист. кн. VII, гл. 16.

ется достоинствъ, упивается виномъ и не прекращаетъ своихъ супружескихъ связей?.. Надобно отказаться отъ міра, надобно самому сну предаваться менѣе, чѣмъ сколько требуетъ природа, прерывать его рыданіями и воздыханіями; надобно жить такъ, чтобы умереть для этой жизни«¹⁾).

Кромѣ пощенія и удаленія отъ разнаго рода пиршествъ и увеселеній, кающіеся грѣшники должны были укрѣплять себя въ трудныхъ покаянныхъ подвигахъ *ревностною* и продолжительною *молитвою*. Какъ средство, очищающее душу и привлекающее къ человѣку благоволеніе Божіе, молитва поставлялась пастырями церкви на ряду съ пощеніемъ и вмѣнялась публично кающимся въ непремѣнную обязанность. И мы дѣйствительно видимъ, что они неопустительно посѣщали богослуженіе во всѣ воскресные и праздничные дни, строго соблюдали всѣ праздниства и торжества церковныя. Хотя посѣщеніе богослуженія составляло непремѣнную обязанность всѣхъ вообще членовъ церкви, но для кающихся оно особенно было необходимо и, такъ сказать, обязательнѣе, чѣмъ для всѣхъ прочихъ. И поелику каждый день долженствовалъ быть для нихъ днемъ самоуниженія и смиренія, то они свои молитвы къ Богу должны были соединять съ *колѣнопреклоненіемъ* и другими покаянными знаками. Это обязательно было для нихъ даже въ такіе богослужебные дни, когда прочіе христіане должны были молиться стоя, какъ напр. во все время Пятидесятницы (Вас. Вел. пр. 91).

Далѣе, публично кающіеся должны были по мѣрѣ возможности украшаться дѣлами *христіанской благотворительности*, какъ лучшимъ проявленіемъ любви къ ближнимъ. »Можно ли, писалъ Кипріанъ, почитать сѣтующимъ отъ всего сердца, умоляющимъ Господа постомъ,

---

¹⁾ О покаяніи кн. II, гл. 19.

плачемъ и рыданіемъ того, кто, пресыщаясь обильными пиршествами, утучняя себя жирными блюдами, *не раздѣляетъ своихъ яствъ и питія съ нуждающимися нищими* ¹⁾). Такое выраженіе христіанской любви было особенно прилично кающимся, которые искали милости у Господа, обѣщавшаго быть милостивымъ только къ тому, кто милостиво и съ любовью будетъ относиться къ его меньшимъ братьямъ. Памятники первыхъ вѣковъ христіанства представляютъ намъ поразительные примѣры щедрости и благотворительности публично кающихся. По свидѣтельству Іеронима, богатая и знатная римлянка, Фабіола не только внимательно относилась къ бѣднымъ и немущимъ во время совершенія покаянныхъ подвиговъ, но даже и послѣ, по принятіи ея въ общеніе, не оставила своей благотворительности. Она продала свое огромное имѣніе и деньги употребила на нужды бѣднымъ. Первая изъ всѣхъ устроила, по словамъ Іеронима, больницу, чтобы собирать сюда бѣдныхъ съ улицъ и укрѣплять изможденныхъ голодомъ и холодомъ нищихъ. »Сколько разъ, говоритъ Іеронимъ, Фабіола сама на своихъ плечахъ носила смрадныхъ больныхъ, пораженныхъ желтухою! Сколько разъ омывала гнойную кровь изъ ранъ, на которую иной не могъ бы и взглянуть! Она собственно-ручно давала пищу больнымъ, и лекарственнымъ питьемъ поддерживала живой трупъ.... Какой монастырь не получилъ поддержки отъ ея богатствъ! Какого больного и обнаженного не прикрыли ея одежды? На чью нищету не излилась неожиданная и скорая ея помощь? Для милосердія былъ тѣсенъ Римъ, и она путешествовала по разнымъ островамъ и областямъ съ цѣлію благотворенія» ²⁾). .. Вотъ

¹⁾ О падшихъ.

²⁾ Пис. (72) къ Оксану о смерти Фабіолы.

въ какой сильной степени проявляли иногда свою любовь къ страждущему человѣчеству публично кающіеся, принадлежащіе къ классу лицъ богатыхъ, не только во время самаго покаянія, но и послѣ формальнаго разрѣшенія грѣховъ и вторичнаго допущенія къ общенію. Требованіе отъ кающихся любви и состраданія къ ближнимъ научало ихъ любить ближняго и усиливало эту любовь до громадныхъ размѣровъ. Въ нѣкоторыхъ церквахъ (преимущественно африканскихъ) кающимся—людямъ неимущимъ вмѣнялось въ обязанность погребать умершихъ ¹⁾), что также было дѣломъ милосердія христіанскаго и способствовало развитію въ нихъ христіанской любви.

II. Постъ, молитва и благотворительность, требовавшіеся отъ публично кающихся и составлявшіе непремѣнныя принадлежности *»Малаго отлученія«* »носили на себѣ характеръ не столько карательный, сколько исправительный. Въ чемъ же, спрашивается, заключалась собственно карательная сторона этого наказанія? *»Сущность всѣхъ вообще церковныхъ наказаній состояла въ лишеніи какихъ либо правъ и преимуществъ, свойственныхъ членамъ церкви Христовой. Какихъ же, спрашивается, преимуществъ и духовныхъ благъ лишало *»Малое отлученіе?«*—Чтобы отвѣтить на этотъ, важный для насъ въ настоящемъ случаѣ, вопросъ, намъ необходимо коснуться положенія публично кающихся въ богослужебныхъ собраніяхъ христіанъ, обозначить мѣру участія ихъ въ молитвахъ церковныхъ и таинствахъ. Въ одномъ изъ памятниковъ первобытнаго христіанства, извѣстномъ подъ именемъ апостольскихъ постановленій, мы встрѣчаемъ такое опредѣленіе: если кто тяжко согрѣшитъ и откажется отъ понесенія подвиговъ покаянія, тотъ долженъ быть почи-*

---

¹⁾ 4 Карѣ. соб. пр. 81.

таемъ, какъ язычникъ и мытарь. Но если онъ изъяснить готовность покаяться, то должно принимать его такъ же, какъ язычниковъ, желающихъ обратиться къ церкви,—дозволять ему присутствовать при чтеніи слова Божія и проповѣди, *но не имѣть съ нимъ никакого общенія до тѣхъ поръ*, пока онъ по исполненіи времени покаяннаго не будетъ опять принять въ церковь. Послѣ чтенія слова Божія онъ долженъ оставлять богослужебныя собранія, дабы это отдѣленіе отъ вѣрующихъ сильнѣе побудило ихъ къ исправленію жизни ¹⁾. Просматривая богослужебный чинъ первыхъ вѣковъ христіанства, мы находимъ, что это дѣйствительно такъ и было на дѣлѣ. Послѣ чтенія слова Божія и проповѣди, діаконъ выходилъ на амвонъ и возглашалъ: »да никто отъ послушающихъ (кающихся), да никто отъ невѣрныхъ«, и сими словами повелѣвалъ удалиться имъ изъ храма ²⁾. Такимъ образомъ карательная сторона »*Малаго отлученія*« заключалась собственно въ отлученіи грѣшниковъ отъ участія въ молитвахъ съ прочими вѣрными въ таинствѣ Евхаристіи.

III. Что касается *продолжительности времени*, назначаемаго для отлученія и покаянія, то въ раннія времена христіанства, т. е. въ первые два вѣка и въ первой половинѣ третьяго, мы не встрѣчаемъ никакихъ положительныхъ узаконеній относительно этого. Во времена, близкія къ апостольскимъ, церковь руководилась въ своихъ карательныхъ дѣйствіяхъ примѣрами самихъ апостоловъ

---

¹⁾ Кн. II гл. 39.—Подъ *общеніемъ* здѣсь нужно разумѣть общеніе въ молитвахъ и таинствѣ Евхаристіи, но никакъ не внѣшнія сношенія, ибо послѣднія не только не воспрещались, но даже рекомендовались, какъ самое надежное средство къ укрѣпленію грѣшниковъ въ подвигахъ покаянія чрезъ христіанскія увѣщанія (Ап. Пост. кн. II, гл. 40).

²⁾ Ап. Пост. кн. VIII, гл. 6.

и не имѣла надобности заходить далѣе и приступать къ какимъ либо законоположеніямъ по этому предмету. Апостолы же, какъ извѣстно, отлучая грѣшниковъ отъ общенія, не означали періода времени, на который назначается наказаніе, относились безразлично къ продолжительности времени покаянія, и допускали къ общенію грѣшника непосредственно послѣ исправленія. Такъ ап. Павелъ, предавъ сатанѣ коринѣскаго грѣшника, не назначилъ при этомъ никакого опредѣленнаго времени для отлученія, и повелѣлъ снова принять его въ церковь, когда тотъ обнаружилъ исправленіе. Слишкомъ продолжительное отлученіе апостолъ почиталъ даже вреднымъ для грѣшника и способнымъ принести вмѣсто пользы вредъ. Довольно таковому (грѣшнику), писалъ онъ коринѣянамъ, запрещеніе сіе... тѣмъ же сопротивное паче вы да даруете, да не каво многою скорбію пожертъ будетъ таковъ ¹⁾. Точно также поступилъ Іоаннъ Богословъ по отношенію къ юношѣ, проводившему порочную жизнь между разбойниками. Послѣ искренняго и глубокаго раскаянія со стороны падшаго юноши онъ принялъ его съ любовію и возвратилъ въ церковь ²⁾.

Имѣя въ виду такіа дѣйствія апостоловъ по отношенію къ грѣшникамъ, первенствующая церковь обращала болѣе вниманія на степень раскаянія, чѣмъ на продолжительность покаянія. Мы не встрѣчаемъ никакихъ опредѣленій относительно времени покаянія, но оно предоставлялось благоразумію церковнаго судіи, произносившаго грѣшнику карательный приговоръ. Тертулліанъ, какъ извѣстно, написалъ цѣлую книгу о «покаяніи», и въ ней онъ нигдѣ не упоминаетъ о существованіи въ его время какихъ

¹⁾ 2 Корин. II. 6--8.

²⁾ Евсевій, Ц. Ист. кн. III, гл. 23.

либо узаконеній относительно этого предмета. Далѣе въ его сочиненіи «о цѣломудріи», въ которомъ проводятся строгія монтанистическія воззрѣнія, мы не встрѣчаемъ ни малѣйшаго указанія на то, на какой періодъ времени назначалось наказаніе за то или другое преступленіе. Прекрасный примѣръ покаянія представляетъ въ эту эпоху исповѣдникъ Наталисъ, склонившійся къ ереси Артемона и потомъ возвратившійся съ раскаяніемъ въ церковь. Каково же было его покаяніе? Вторичное допущеніе его въ общенію было ли отложено до извѣстнаго времени?—Евсевій рассказываетъ, что Наталисъ надѣлъ вретиче, посыпалъ голову пепломъ, со слезами палъ въ ногамъ папы Зефирина, валялся у ногъ не только влира, но и мірянь. И послѣ нѣсколькихъ усиленныхъ просьбъ онъ опять принять былъ въ общеніе ¹⁾. Только при Кипріанѣ, вслѣдствіе отпаденія множества христіанъ отъ вѣры въ жестокое гоненіе Декія, соборы епископовъ начали составлять покаянные каноны или иначе правила, какими должно руководствоваться при допущеніи грѣшниковъ къ общенію. Кипріанъ въ своемъ письмѣ къ Антоніану замѣчаетъ: «разсужденіе о томъ, что надлежало-бы постановить касательно дѣла падшихъ, я отложилъ до другаго времени съ тѣмъ, чтобы, по наступленіи спокойствія и тишины, когда соберутся вмѣстѣ епископы, опредѣлить чему быть должно» ²⁾. Нѣсколько ниже въ томъ же самомъ письмѣ онъ говоритъ: «когда открылась возможность собраться вмѣстѣ, собрались въ большемъ числѣ мы епископы и, разсудивъ по божественнымъ писаніямъ, постановили» и т. д. ³⁾. Такимъ образомъ въ раннія времена

¹⁾ Евсевій, Ц. Ист. кн. V, гл. 28.

²⁾ Пис. къ Антон. (43).

³⁾ Тамъ же.

христіанства не существовало никакихъ покаянныхъ степеней, никакихъ опредѣленныхъ правилъ относительно времени покаянія и отлученія; *срокъ продолжительности его зависѣлъ единственно отъ воли епископа*. Этимъ же между прочимъ объясняется то явленіе, что въ правилахъ апостольскихъ, изображающихъ состояніе древнѣйшей практики церковной, и ясно говорящихъ о *маломъ отлученіи* мірянъ, не находится никакихъ опредѣленій о продолжительности его. Карательный приговоръ изрекается просто въ словахъ »да будетъ отлученъ« или »да отлучится«.

IV. Если грѣшникъ, наказанный малымъ отлученіемъ, исправлялся, то онъ былъ разрѣшаемъ отъ грѣховъ своихъ и опять принималъ въ общеніе съ церковію, снова получалъ право на пользованіе тѣми духовными благами, отъ которыхъ онъ былъ устраненъ на время въ наказаніе за преступленіе. Это вторичное принятіе въ общеніе совершалось уже послѣ того, *какъ грѣшникъ исправлялся и съ покорностію исполнялъ подвиги покаянія*, тѣсно связывавшіеся съ симъ послѣднимъ. Епископъ, безразсудно шадившій христіанина, подлежаваго церковному наказанію, и разрѣшавшій его прежде удовлетворенія за грѣхъ, »почитался обыкновенно осквернявшимъ и собственное достоинство, и ввѣренную ему церковь Божию«; посему, говорятъ далѣе апост. постановленія, неправеденъ онъ и передъ Богомъ, и предъ людьми праведными, какъ виновникъ соблазна для многихъ ¹⁾. Кипріанъ во многихъ письмахъ жалуется на крайнюю и неблагоприятную снисходительность нѣкоторыхъ епископовъ и пресвитеровъ, допускаявшихъ падшихъ къ общенію слишкомъ поспѣшно, прежде понесенія ими наказанія и удовлетворенія за грѣхъ.

¹⁾ Кн. II, гл. 10.

Такъ въ письмѣ къ мученикамъ онъ говоритъ между прочимъ: »нѣкоторые пресвитеры, не имѣя страха Божія, вопреки закону Евангельскому, прежде *принесенія покаянія падшими*, прежде возложенія на нихъ руки епископомъ, дерзають приносить за нихъ жертву и преподавать имъ Евхаристію... Долгъ предстоятелей вразумлять какъ поспѣвающихъ, такъ и невѣдущихъ; иначе должныя быть пастырями овецъ сдѣлаются хищниками«¹⁾. Въ другомъ своемъ письмѣ къ клиру Кипріанъ сильно порицаетъ нѣкоторыхъ пресвитеровъ по поводу допущенія ими падшихъ къ общенію прежде окончанія гоненія и безъ согласія епископовъ, и порицаетъ ихъ не столько за то, что они сдѣлали это безъ согласія епископовъ, сколько за то, что приняли падшихъ къ общенію преждевременно, до понесенія ими наказанія и до формальнаго разрѣшенія ихъ чрезъ возложеніе рукъ и чтеніе молитвъ²⁾. Подобнаго рода практика существовала и до Кипріана, что ясно видно изъ тѣхъ упрековъ, которые дѣлаетъ Тертуліанъ папѣ Зефирину за то, что онъ давалъ *разрѣшеніе* лицамъ виновнымъ въ нарушеніи цѣломудрія послѣ того, какъ они *выполняли* подвиги покаянія³⁾. Самъ Тертуліанъ почиталъ столь необходимымъ для примиренія съ церковью полное понесеніе церковнаго покаянія, что не хотѣлъ почитать дѣйствительными и придавать значеніе ходатайству мучениковъ и тѣмъ свидѣтельствамъ, которыми они выдавали⁴⁾. Онъ почиталъ неразумными тѣхъ, кои домогаются разрѣшенія прежде раскаянія, и сравнивалъ ихъ съ людьми, простирающими свои руки за товаромъ

¹⁾ Пис. 10.

²⁾ Пис. 9.

³⁾ Терт. »о цѣломудріи«.

⁴⁾ Посланіе къ мученикамъ.

и не желающими въ то же время огдать за него должной платы ¹⁾ Если мы переступимъ границы разсматриваемаго нами періода времени, и обратимся къ твореніямъ отцевъ и учителей церкви, жившихъ въ IV и V вѣкахъ, то встрѣтимъ много новыхъ доказательствъ раскрываемой мысли. Можно думать, что изображенная нами практика церкви находилась въ тѣсной связи, полнѣйшемъ согласіи и гармоніи съ древнѣйшимъ обычаемъ допускать тяжкихъ грѣшниковъ къ публичному покаянію только однажды ²⁾. Публичное покаяніе почиталось рѣшительною мѣрою для исправленія грѣшника, и слѣдовательно, кто послѣ такого покаянія снова впадалъ въ тяжкій грѣхъ, тотъ этимъ самымъ обнаруживалъ свою неспособность къ совершенному исправленію. Если такимъ образомъ тяжкіе преступники допускались къ публичному понесенію подвиговъ покаянія только однажды, то могли ли быть они разрѣшаемы и освобождаемы отъ наказанія прежде понесенія ими наказанія? Поступать такъ не значитъ ли разрушать одною рукою то, что создала другая?...

¹⁾ О покаяніи гл. 17.

²⁾ Справедливость этой мысли подтверждается письменными памятниками первыхъ вѣковъ христіанства. Такъ въ сочиненіи Ермы „Пастырь“ говорится, что покаяніе для рабовъ Божіихъ есть едино (Lib. II, mandat IV, п. 1). Ту же мысль выражаетъ и Тертуллианъ слѣдующими словами: „Богъ назначилъ второе покаяніе (послѣ крещенія, которое Тертуллианъ именуетъ первымъ покаяніемъ), которое отверзаетъ двери толкушимъ, но только *однажды*; ибо уже отверзаетъ во второй (послѣ крещенія) разъ; частое покаяніе бываетъ уже безплодно“ (О покаяніи, глава 7). Амвросій Мεδіоланскій о неповторяемости публичнаго покаянія говоритъ слѣдующее: „неразумно поступаютъ тѣ, кои допускаютъ частое покаяніе, потому что они роскошествуютъ во Христѣ. Если бы такіе люди раскаявались искренно, то они не думали бы о повтореніи покаянія; ибо какъ крещеніе едино, такъ *едино* и покаяніе, публично совершаемое“ (О покаяніи кн. 11 гл. 10).

V. Когда предстоятель церкви почиталъ нужнымъ положить конецъ подвигамъ покаянія и отлученію, которому подвергался тотъ или другой грѣшникъ за то или другое преступленіе, то онъ поступалъ обыкновенно такимъ образомъ: прежде всего давалъ знать о своемъ намѣреніи самимъ кающимся. Эти послѣдніе являлись къ церкви въ своей покаянной одеждѣ и становились у дверей. Настоятель, прочитавъ молитвы за кающихся, повелѣвалъ имъ войти въ самый храмъ. Тутъ онъ дѣлалъ приличное случаю наставленіе, именно говорилъ имъ о безконечности милосердія Божія, прощающаго величайшихъ грѣшниковъ, напоминалъ о той перемѣнѣ, которая съ этого времени должна произойти въ ихъ жизни и дѣятельности, и затѣмъ возлагалъ на нихъ свои руки и читалъ разрѣшительную молитву¹⁾. Чтеніемъ молитвы и заканчивался обрядъ допущенія грѣшниковъ къ церковному общенію. Обряды эти совершались по большей части въ четвертокъ или пятокъ страстной седмицы. Время это почиталось самымъ приличнымъ для прощенія кающихся потому, что дни страстной седмицы посвящены воспоминанію страданій Христа, чрезъ которыхъ и за которыхъ оказано помилованіе и прощеніе грѣшному человѣческому роду.

И. Миловановъ.

---

¹⁾ Апост. Постан., кн. II, гл. 18 и 41.

О предосторожностяхъ противъ мнимой смерти.

Что человѣку должно умереть, въ этой истинѣ каждый увѣренъ, и какъ она не страшна—долженъ съ нею помириться. Но тяжелымъ гнетомъ ложится на душу предста-

вленіе о положеніи людей, заживо погребенныхъ, которые преданы въ лоно земли потому только, что исполнители этого послѣдняго надъ ними долга не могли отличить мнимой смерти отъ дѣйствительной. Многимъ приходилось слышать изъ устныхъ разсказовъ, или же читать газетныя извѣстія о томъ, какъ нѣкоторыя лица, уже совершенно приготовленныя къ погребенію, вдругъ, къ удивленію и даже ужасу всѣхъ присутствующихъ, поднимались изъ своихъ гробовъ и еще нѣкоторое время продолжали жить. Когда-то въ газетахъ былъ разсказанъ такой случай, что при самомъ опусканіи въ могилу умершій поднялся, вслѣдствіе чего испуганный народъ и священникъ убѣжали съ мѣста погребенія. Оставленный безъ помощи мнимоумершій едва доползъ до своего жилья. Но испуганный народъ и тогда еще не хотѣлъ признать его за живаго человѣка, и думалъ, что этотъ трупъ совершаетъ свое движеніе при содѣйствіи нечистой силы. Никто не осмѣлился оказать помощи больному; всѣ сторонились; наконецъ потребовали отъ больного перекреститься и тогда только увѣрились, что здѣсь дѣйствуетъ не злая сила, но что это былъ больной человѣкъ, котораго приготовили къ погребенію, когда онъ былъ въ состояніи обморока. Хотя больному была подана помощь, но такъ какъ ему пришлось прійти домой ползкомъ, въ легкой погребальной одеждѣ, въ зимнее время, то болѣзнь его усилилась, и онъ скоро умеръ дѣйствительною смертію. Вотъ и еще подобный же фактъ; въ одномъ селѣ была похоронена мнимоумершая женщина. Дѣти священника, гуляя на кладбищѣ, услышали стонъ изъ не глубокой свѣжей могилы и сообщили о томъ своему отцу; священникъ велѣлъ отрыть могилу и тамъ нашли женщину, измѣнившую обыкновенное гробовое положеніе, и возлѣ нея живаго младенца. Была подана своевременная помощь младенцу, и онъ возвращенъ былъ въ

общество живыхъ, хотя пробудившаяся мать его задохлась во гробѣ. Много можно было-бы представить фактовъ пробужденія мнимо умершихъ, если-бы собрать объ этомъ всюду свѣдѣнія

Многіе факты мнимой смерти подали поводъ призадуматься надъ этимъ обстоятельствомъ и указать дѣйствительное средство для избѣжанія его. Къ этому между прочимъ направлено распоряженіе начальства погребать покойниковъ не раньше трехъ сутокъ послѣ смерти. Но такъ какъ, по миѣнію медицины, мнимая смерть можетъ продолжаться и долѣе трехъ дней, такъ на примѣръ, столбнакъ кровеносныхъ и дыхательныхъ органовъ можетъ заглушить жизнь не только на восемь дней, но и на нѣсколько недѣль, то это распоряженіе начальства не можетъ предотвратить всѣхъ случаевъ погребенія мнимо-умершихъ. Въ другихъ странахъ, какъ, на примѣръ, въ Англіи, для предотвращения подобныхъ случаевъ, существуютъ на кладбищахъ смертные дома, въ которыхъ помѣщаютъ покойниковъ на нѣсколько сутокъ, при чемъ надѣваютъ на указательный палецъ кольцо, отъ котораго проведена проволока къ колокольчику въ отдѣленіе сторожа. Пробудившійся отъ мнимой смерти обыкновенно совершаетъ первое движеніе указательнымъ пальцемъ, вслѣдствіе чего звонитъ колокольчикъ въ комнатѣ сторожа, и послѣдній спѣшитъ подать помощь пробудившемуся.

Въ настоящее время медицина старается найти популярное средство для отличія мнимой смерти отъ дѣйствительной. Для этого доселѣ были опубликованы слѣдующія средства.

Накапываютъ на тѣло сургучъ или же прижигаютъ его, мертвое тѣло при сильномъ прижогѣ можетъ только почернѣть, а на тѣлѣ, въ которомъ еще таятся искры жизни, дѣлается воспаленіе на мѣстѣ прижога.

Совѣтуютъ воткнуть глубоко въ мертвое тѣло стальную иглку и чрезъ нѣсколько времени выпнуть; если тѣло мертвое, то иглка сохранить свой блескъ: но если въ тѣлѣ таится жизнь, то иглка темнѣетъ въ той ея части, которая находилась въ тѣлѣ. Это объясняется присутствіемъ въ тѣлѣ живой крови, вслѣдствіе чего поверхность иглки окисляется.

Еще для опредѣленія дѣйствительной смерти совѣтуютъ смотрѣть противъ свѣта на ладонь руки умершаго: если сквозь пальцы просвѣчивается румяный цвѣтъ, то это признакъ присутствія жизненнаго процесса; у дѣйствительнаго умершаго цвѣтъ руки противъ свѣта мраморный безъ всякаго румянаго отлива.

Важность вопроса о способахъ отличить мнимую смерть отъ дѣйствительной побудила парижскую академію наукъ учредить особую премію за указаніе вѣрной пробы, посредствомъ которой можно было бы всякому съ точностію узнать наступленіе смерти во всякое время и безъ помощи какихъ нибудь инструментовъ. Въ послѣднее время докторъ Магнусъ, изъ Бреславля, для отысканія такого средства предварительно поставилъ себѣ вопросъ о томъ, въ какихъ отправленияхъ живаго организма надобно искать признаковъ истинной смерти. По его мнѣнію, этихъ признаковъ слѣдуетъ искать въ сферѣ растительной жизни, въ отправленияхъ дыханія и кровообращенія. Такая важность кровообращенія заставила Магнуса сдѣлать опыты надъ органами этой группы. Перевязывая, напримѣръ, нитвой палецъ на живомъ человѣкѣ, мы видимъ, что чрезъ очень недолгое время палецъ начинаетъ краснѣть, нѣсколько набухать, и потомъ дѣлается багровымъ и синебагровымъ; это окрашиваніе происходитъ равномерно по всему пальцу, кромѣ мѣста перевязки, гдѣ цвѣтъ бѣловатый. На загрубѣлыхъ мозолистыхъ рукахъ это явленіе замѣчается не такъ отчетливо. Въ такомъ слу-

чѣ для этой же цѣли можетъ служить другая часть тѣла, на примѣръ, ушная сережка. На трупѣ никогда такого окрашиванія не бываетъ, такъ что большое число или цѣлый рядъ опытовъ надъ умершими отъ различныхъ причинъ дали рѣшительно отрицательные результаты. Пока организмъ живетъ, перевязка пальца должна вызывать равномерно окрашиваніе его, начиная отъ перетяжки до конца члена, потому что крѣпкая перевязка пальца представляетъ механическое препятствіе движенію венозной крови, которая застаивается въ волосныхъ сосудахъ. Какъ бы ни было слабо теченіе крови, наложенная нитка должна нарушать его и производить застой венозной крови, а вмѣстѣ съ тѣмъ и окрашиваніе въ синеваго красный цвѣтъ члена. Такимъ образомъ этимъ простымъ опытомъ можно доказать, что въ перетянутомъ членѣ кровь находилась въ обращеніи, которое было нарушено перевязкой; слѣдовательно, перевязка, на примѣръ, пальца или ушной сережки можетъ произвести такіа измѣненія, которыя постоянны на живыхъ людяхъ и не мыслимы на трупахъ. Окрашиваніе перевязаннаго члена говоритъ за сохраняющуюся еще жизнь, и противоположное тому явленіе можно назвать вѣрнымъ и общедоступнымъ признакомъ смерти.

Желательно, чтобы эти популярныя средства для опредѣленія дѣйствительной смерти были распространены въ простомъ народѣ; быть можетъ это избавитъ многихъ отъ несчастія быть заживо погребенными.

(Подольск. Епар. Вѣд.)

Замѣтка о народной медицинѣ.

Народная медицина — это пока еще темная сторона жизни нашего народа. Жизнь народа, поскольку она проявляется въ народной медицинѣ, мало намъ извѣстна. Мы

знаемъ о народной медицинѣ только то, что существуетъ въ нашемъ народѣ вѣра въ знахарей, заговоры противъ укушенія змѣею, бѣшеннымъ звѣремъ, противъ зубной боли, теченія крови, вѣра въ нашептываніе кореньевъ, воды ›гущи‹, вѣра въ ›симпатическія средства‹. Кто жилъ среди народа, тотъ не могъ не слышать также про ›порчу‹, про ›присуху‹, про ›дурной глазъ‹, и т. п. Всѣ эти вѣрованія такъ или иначе живутъ среди народа, вліяютъ болѣе или менѣе на его жизнь. Но имѣютъ ли эти вѣрованія, обыкновенно называемыя суевѣріемъ, какую нибудь правдивую подкладку? Можно ли объяснять ихъ невѣжествомъ и легкомысліемъ народа?

Народъ нашъ, какъ извѣстно, только недавно началъ обращаться ко врачамъ, да и теперь еще предпочитаетъ имъ своихъ знахарей и знахарокъ. Общее мнѣніе объ этихъ знахаряхъ и знахаркахъ обыкновенно таково, что они морятъ русскій людъ. Но намъ кажется, что нельзя имъ отказать въ томъ, чтобы они не лечили иногда правильно и съ пользою. Если бы не было выздоровленій, происходящихъ дѣйствительно отъ народнаго леченія, то не было бы возможности знахарству удержаться такъ долго въ народѣ. Народъ бы по своему здравому смыслу постигъ ложь знахарства и оставилъ бы его. Но онъ держится за него упорно и до сей поры, когда у него существуетъ школа, когда онъ болѣе или менѣе умнѣетъ и развивается.

Значитъ, есть что нибудь истинное и въ народной медицинѣ. Вотъ фактъ, свидѣтельствующій о томъ, что народная медицина имѣетъ иногда и вѣрныя средства для излеченія. Издавна существовалъ въ народѣ способъ леченія водянки русскими тараканами. Лекарство изъ таракановъ народъ приготовляетъ такъ: ›Въ горшокъ наливаютъ бутылки полторы воды и насыпаютъ въ него нѣсколько горстей таракановъ и горсти двѣ малины, замазываютъ горлышко горшка тѣстомъ или глиной и ставятъ

париться въ печь. По прошествіи примѣрно 8—10 часовъ массу, образовавшуюся въ горшкѣ, выжимаютъ, жидкость процѣживаютъ и пьютъ въ день стакана по два—по три«. Въ газетѣ »Современность« (№ 33-й 1879 г.) мы читаемъ извѣстіе о тараканахъ, записанное, вѣроятно, однимъ изъ слушателей извѣстнаго профессора Боткина. »Профессоръ Боткинъ, сообщая студентамъ о средствахъ противъ водянки, указалъ на русскихъ таракановъ, какъ на *блнстательное* противоводяночное средство«. »Въ тараканахъ, говоритъ газета, содержится, по всей вѣроятности, какое то особенное вещество, называющееся въ медицинѣ янта гидротинъ подобно тому, какъ въ шпанскихъ мухахъ содержится кантаридинъ. Но тараканы, скоро освобождая больного отъ водянки, не излечиваютъ тѣхъ основныхъ причинъ и поврежденій организма, которыя вызываютъ водянку, и потому къ несчастію леченіе тараканами не можетъ быть признано радикальнымъ«. Боткинъ находитъ даже простонародный способъ приготовленія таракановъ болѣе рациональнымъ, чѣмъ тотъ, который предлагается докторами, занимавшимися изученіемъ дѣйствія таракановъ на организмъ. Доктора эти совѣтуютъ сушить таракановъ, толочь и готовить изъ нихъ порошокъ или пилюлю. »Но зачѣмъ намъ, прибавляетъ газета, сушеные и толченые тараканы, когда мы можемъ достать ихъ сколько угодно свѣжими«. Въ народной медицинѣ, вѣроятно, много подобныхъ средствъ, но жалъ, что все это такъ и остается среди народа, гложнетъ у него и предается забвенію.

Наше сельское духовенство, живя среди народа, слѣдовательно болѣе или менѣе зная хорошо его бытъ, условія его жизни, зная тѣ пріемы его бытовыхъ отношеній ко всему и ко всѣмъ, изъ которыхъ слагается народная жизнь, могло бы принести несомнѣнную пользу медицинѣ и изученію народнаго быта вообще, если бы

оно обратило вниманіе на эти секреты знахарей и знахаронъ, познакомились бы съ этими секретами и обнародовало бы ихъ печатно, или сообщивъ о нихъ своимъ земскимъ врачамъ. Священникъ, по обязанностямъ своего служенія, поставленный въ близкія отношенія къ народу, къ больнымъ, легко и безъ труда могъ бы заняться знакомствомъ и изученіемъ этой стороны народной жизни. Изучая и обнародывая эти средства, духовенство естественно могло-бы привести пользу изученію нашего народного быта. Въдь были же у насъ лица, которыя своею спеціальною цѣлью поставляли изученіе народной жизни: собирали народныя заклинанія (Майковъ), апокрифическіе духовные стихи (Варенцовъ), заплачки и причитанія (Безсоновъ), народныя сказки (Афанасьевъ) и проч. Почему же сельскому священнику между дѣломъ не заняться изученіемъ и собираніемъ секретовъ знахарей? Для свѣтскихъ лицъ изученіе народного быта было не совсѣмъ удобно, потому что народъ имъ не могъ довѣриться вполне, къ священнику же онъ стоитъ ближе и довѣрчивѣе, нежели къ свѣтскимъ лицамъ. Въ этомъ отношеніи выгода за священникомъ. Пусть извѣстное средство нелѣпо, объявите его, пусть имъ займуться специалисты, и они, можетъ быть, найдутъ въ немъ такое средство, какое они нашли въ тараканахъ, съ которыми нашъ русскій народъ ведетъ постоянную войну и въ которыхъ народный инстинктъ подсказалъ ему найти средство противъ являющейся въ средѣ его болѣзни. Конечно, мы далеки отъ того, что бы ставить сельскимъ пастырямъ знакомство съ знахарскими секретами въ непремѣнную обязанность; мы хотимъ только сказать, что не мѣшаетъ обратить вниманіе и на эту сторону народной жизни; въ ней есть, вѣроятно, нѣчто истинное и полезное.

Кромѣ указанной пользы отъ изслѣдованія народной

медицины, сельскій пастырь можетъ принести народу пользу и тогда, когда онъ будетъ убѣждать его не слѣдовать знахарскому леченію. Хотя мы и не отрицаемъ существованія въ народной медицинѣ средствъ противъ нѣкоторыхъ болѣзней, однако не можемъ не пожелать того, чтобы народъ оставилъ эти средства, потому что онъ обращается съ ними, не понимая ихъ силы и значенія (они иногда яды). Польза для народа будетъ очевидна, когда пастырь церкви откроетъ ему глаза на опасности леченія у знахарей. Но это еще не значитъ, что съ чѣмъ невѣжественный знахарь обращается, какъ съ опаснымъ орудіемъ, вредно во всѣхъ отношеніяхъ и при всякихъ условіяхъ и поэтому должно быть оставлено. Стоитъ только посмотрѣть повнимательнѣе на дѣло спеціалисту, и вредное средство въ рукахъ народа окажется хорошимъ и полезнымъ средствомъ противъ извѣстной болѣзни въ рукахъ людей опытныхъ.

Н. А.

Средство отъ порчи зубовъ.

Всѣ кислоты портятъ болѣе или менѣе зубную эмаль, и потому онѣ должны быть исключаемы изъ зубныхъ составовъ такъ-же, какъ кремортартаръ, сахаръ и проч. Напротивъ того, химическія соли, не вредя нисколько эмали зубовъ, имѣютъ то преимущество, что съѣдаютъ винный камень. Самый лучший составъ есть слѣдующій: берутъ березоваго угля, въ порошокъ, 1 унц. и хлорной извести $\frac{1}{2}$ грана; затѣмъ мятной воды такое количество, чтобы составилось тѣсто. Хлорную известь толкутъ въ стеклянной ступкѣ, подливаютъ мятной воды и растерши, прибавляютъ по немногу угля. Наблюдаютъ, чтобы тѣсто было нѣсколько жидко, чтобы оно находилось въ плотно за-

крытомъ сосудѣ. Этимъ составомъ чистятъ зубы, самой мягкой щеткой. Это дѣлаютъ ложась спать. Довольно выплюнуть слюну, но не надобно полоскать рта, а напротивъ, нужно оставить составъ дѣйствовать въ продолженіи ночи. Утромъ чистятъ зубы другой щеткой и другой смѣсью, состоящей 4 унц. водки, 4 унц. мятной воды и ложки раствора хлорной извести. Въ короткое время зубы сдѣлаются весьма бѣлы, и если-бы боторые изъ нихъ крошились, то составъ не позволить другимъ гнить; этимъ же составомъ уничтожается дурной запахъ во рту. Не должно прибавлять никакихъ благовоній къ мятной водѣ, ибо она теряетъ свою крѣпость, производящую во рту свѣжесть и отвращающую зубную боль.

Средство противъ лихорадки.

Максименко рекомендуетъ противъ лихорадки слѣдующее средство: выбравъ жирный мускатный орѣхъ (выбрать легко: нужно сдѣлать на поверхности орѣха наколъ иглою, и въ сѣважинѣ его покажется масло), воткнуть на вилку, или другое орудіе, держать на огнѣ, пока онъ не воспламенится; дать ему горѣть, пока будетъ синій огонь, а затѣмъ притупить тряпкой для того, чтобы не дать тлѣть орѣху, иначе онъ будетъ имѣть вкусъ и запахъ гари. Приготовленный такимъ образомъ орѣхъ стереть въ порошокъ и давать больному до начала пароксизма выпить въ рюмѣ водки, или просто въ рюмѣ воды. На одинъ пріемъ нужно брать одинъ орѣхъ. Лекарство это тѣмъ удобно, что не имѣя ни горечи ни кислоты и обладая пріятнымъ запахомъ, можетъ быть даваемо даже дѣтямъ. 10 лѣтній опытъ убѣдилъ въ дѣйствительности этого средства, случайно рекомендованнаго однимъ днѣстровскимъ охотникомъ, который часто получалъ лихорадку въ болотахъ и постоянно излечивался отъ нея мускатнымъ орѣхомъ.

(Под. Еп. Вѣд.).
